человек загадка

Лариса ЧЕРКАШИНА

ЛЮБОВЬ ИЛИ КОВАРСТВО?

НАТАЛИЯ ГОНЧАРОВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Судьба замечательной красавицы XIX века Наталии Гончаровой и поныне окутана мифами, таит в себе множество неразгаданных тайн. Как ни странно, но описать ее жизнь, вместив во временные рамки детства, юности, зрелости, — невозможно. И все потому, что у Наталии Гончаровой поэтическая биография! И чтобы осмыслить, понять дар Наталии Гончаровой, её миссию, — должно было пройти не одно десятилетие! Время — величайший судия. Отстоялось, отсеялось все пустое, наносное. Образ избранницы поэта пробился сквозь напластования времён. И как же медленно и трудно очищается ее образ от обывательского злословия, чтобы вновь предстать в своей первозданной чистоте! Поклоняться Пушкину и чернить его Мадонну — «две вещи несовместные». Ведь вся жизнь его и поэзия после декабря 1828-го — первой встречи с Натали Гончаровой — осенена ее светлым именем.

- Лариса Черкашина
  - Предисловие
  - «ПОД ГУЛ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ»
    - Натальин день
    - «Крестили 8 сентября»
    - Знаменское-Кариан и его владельцы
    - Беды и радости Знаменки
  - МИНИАТЮРЫ ИЗ ДВОРЦА ГОНЧАРОВЫХ
    - Наследница
    - «Портреты дедов на стенах»
    - Афанасий Николаевич Гончаров
    - Надежда Платоновна Гончарова, урожденная Мусина-Пушкина
    - Николай Афанасьевич Гончаров
    - Наталия Ивановна Гончарова, урожденная Загряжская
  - «КТО ХОЧЕТ ПИСАТЬ РУССКИЕ СТИХИ»
    -
    - Полотняно-Заводский лицей
    - «Любезный Соловей»
    - «Что от небес одарена»
    - «Являться муза стала мне»
    - Тетрадь за тетрадкой
    - Аннибал в Наташиной тетрадке
    - Наставления

- «Парнасса тайные цветы»
- ЛЮБОВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ЗАГРЯЖСКОГО
  -
  - «Запорожский рыцарь» и «Свойственник царя Ордынского»
  - «Удивительные заблуждения» дедушки Натали
  - Баронесса из Дерпта
  - Барышни Гончаровы
- «ЦЕЛУЮ КОНЧИКИ ВАШИХ КРЫЛЬЕВ»
  -
    - «И день настал»
    - Как сладок юности покой!
- «И СЕРДЦЕ ВНОВЬ ГОРИТ»
- «ОГОНЧАРОВАН»
  - Царские комплименты
  - Сват Толстой
  - «Нас благословили»
  - Воздыхатели и обожатели
  - Монаршее слово
- «ОЧАРОВАН СВОЕЙ НАТАШЕЙ»
  - Потерянный альбом
  - Приданое Натали
- ЧУДО БОЛДИНСКОЙ ОСЕНИ
  - «Что за проклятая штука счастье!»
  - «Чтоб сердцем возлетать»
  - Натальины сосны
- «ПУШКИН ЖЕНИТСЯ!»
  - Венчание
  - «МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ»
- «ПОЭЗИЯ В ВЫИГРЫШЕ
- «В ПЕТЕРБУРГ — К ТЕБЕ, ЖЕНКА МОЯ»
  -
  - «На Галерной, в доме Брискорн»
  - «На Фурштатской, в доме Алымова»
  - «В Морской в доме Жадимеровского»
  - «У Прачечного мосту на неве в доме Баташова»
  - «Петербургская Ривьера»
  - «На Мойке, близ Конюшенного мосту»
- «ПОРА, МОЙ ДРУГ, ПОРА!»
  - «За тысячи верст от тебя»
  - «Нахожусь в постоянной тревоге»
- «ПАМЯТНИК ЖЕНА ЕМУ ВОЗДВИГЛА»
- ТАЙНА СУПРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ
  - «В собственные руки»

        - «Друг мой женка»
        - «Чтоб не пропала ни строка…»
        - «Твое премилое письмо»
        - «Души доверчивой признанье»
        - «Письма моей жены»
        - «Отданы г-же Пушкиной»
        - «Будь осторожен с моими письмами»
        - «Жду… с нетерпением»
        - «Готовы к печати»
        - Единственное письмо
        - «Бельгийский след»
    - «ИСКРЕННЕ ПРЕДАННАЯ ВАМ»
        -
        - Профессор русской словесности
        - «Ради Христа не осудите»
    - ЛУННАЯ НОЧЬ ДЛЯ НАТАЛИ
        - «Знаменитый наш живописец»
        - «Пред созданьями искусств и вдохновенья»
        - «На память Наталии Ланской»
        - Странствия лунной Марины
    - ПРОГУЛКИ ПО РОДОСЛОВНЫМ АЛЛЕЯМ
        - Венчание в Лопасне
        - Прощальный привет
        - Три сестры
        - «Пушкинский дом»
        - Традиции и реликвии
    - «КАК ДВЕ КАПЛИ ВОДЫ»
        - «На образ нежный»
        - «Сия славная картина»
        - «Желал быть вечно зритель»
        - Судьба Мадонны
        - «Суровый Дант не презирал сонета»
        - «Рафаэлево» трио
        - «Созданье гения»
    - «ДУШИ МОЕЙ ЦАРИЦ»
        - «Двор от нее в восторге»
        - «Смотрите и восхищайтесь!»
        - Царственная подруга
    - ИНТРИГИ ДОМА НАССАУСКИХ
        - Хозяйка бала
        - «Покорилась… нетерпению Дубельта»
        - «Наталия Нассауская»
    - «ЦВЕТОК ЗАСОХШИЙ, БЕЗУХАННЫЙ»
        - В предгорьях Словацких Карпат

        - Замок барона фон Фризенгофа
        - Наталия, герцогиня Ольденбургская
        - Кореонсис из Михайловского
    - ПРОЩАЛЬНЫЙ БАЛ В НИЦЦЕ
        - «Лазурь чужих небес»
        - «Под небом полуденной Франции»
    - ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
    - «ХРИСТОС ВАС ХРАНИ»
        - «Твоя чистая молитва»
        - Христианка
        - Царский духовник
        - Небесная покровительница
    - «ПОТОМОК ПОЗДНИЙ МОЙ»
        - Легкие следы Натали
        - «Окно в Европу»
        - Древо жизни
        - Слово правнука
    - ПРИЛОЖЕНИЕ
        - «ПРОСОДИЯ»
        - «Летят за днями дни»
        - Церкви, храмы и монастыри, связанные с именем Наталии Николаевны
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13

Лариса Черкашина
Наталия Гончарова. Любовь или коварство?

Настеньке Черкашиной, чья биография ещё только начинается

Предисловие

В этом пушкинском сонете — ключ к биографии Наталии Гончаровой.

Каждая строка, словно нить ожерелья, нанизывает грядущие события ее жизни.

…В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Пушкин сумел предвидеть, предвосхитить суть своей избранницы, ее гений, тихий гений красоты и материнства. Мадонна. Слово было найдено, самое емкое и точное.

Нет, Пушкин не посягнул на святые для каждого христианина понятия: ни Богородицей, ни Пречистой Девой свою невесту он не назвал. Мадонна — образ поэтический. Но главное, что и самой Наталией Николаевной, глубоко верующей, эти строки, как и само сравнение, были приняты. Не отвергнуты ее чистой душой.

Чистейшая — Пречистая, образец — Образ. Слова почерпнуты из одного живоносного источника, имя которому — православная вера.

Но все же Пушкин назвал невесту Мадонной и этим будто предсказал ее будущие страдания. Только не за Сына-Спасителя — за него, за мужа. Страдания долгие, болезненные. Отравленные вечными укорами совести, сознанием своей вины. Хоть и вины-то ее в обычном нашем понимании не было. Была чиста перед мужем, откровенна с ним, любила его и была любима. Но… молодость, доверчивость, неосознанное чисто женское желание нравиться, соблазны света и какое-то роковое стечение событий — и она так жестоко наказана!

И что по сравнению с ее неизбывной болью значила людская молва? Та самая соль на вечно кровоточащую рану. Жизнь после

Пушкина была для нее, по-христиански, великим очищением.

Полтора столетия минули с кончины жены поэта — и полтора столетия кипят страсти: кто она в жизни Пушкина — ангел, роковая женщина или просто «пустое место»? И как же медленно и трудно очищается ее образ от обывательского злословия, чтобы вновь предстать в своей первозданной чистоте. Поклоняться Пушкину и чернить его Мадонну — «две вещи несовместные». Ведь вся жизнь его и поэзия после декабря 1828-го — первой встречи с Натали Гончаровой — осенена ее светлым именем.

Встреча та стала поистине судьбоносной для отечественной культуры. И ныне видится событием мирового порядка. Не случись она тогда в заснеженной декабрьской Москве, не легли бы на лист божественные строки сонета:

Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна…

Прекрасному творению Божьему Пушкин отныне готов поклоняться всю жизнь, в нем одном черпать и восторги, и утешения, и силы. Не множеством, а одной! Не другими, прежде любимыми и воспетыми, но ею, единственной!

Неиссякаемый источник любви и вдохновения поэта: его кумир, Ангел, сокровище, Мадонна! Счастливейшим из людей называл себя Пушкин в преддверии свадьбы…

Судьба замечательной красавицы XIX века Наталии Гончаровой и поныне окутана мифами, таит в себе множество неразгаданных тайн. Как ни странно, но описать ее жизнь, вместив во временные рамки детства, юности, зрелости, — невозможно. И все потому, что у Наталии Гончаровой… поэтическая биография, где события ее жизни, нарушая привычную хронологию, легко рифмуются с будущим и прошлым. И почти никогда — с настоящим. Она — Муза!

«Ты — первый поэт, Пушкин, а твоя жена — воплощенная поэзия!» — воскликнул восторженно один из друзей поэта, увидев впервые их вместе.

Наталия Гончарова удостоилась любви русского гения. Но и сама она умела любить…

И подтверждением тому, как ни парадоксально, — её жизнь без Пушкина! Второе замужество ничуть не умалило силу былых чувств. Её душа, укрепившись в страданиях, стремилась к покинувшему земной мир мужу, воспаряя в ту заоблачную высь каждодневно, в молитвах. Ни единого дня она не прожила без его имени.

И чтобы осмыслить, понять дар Наталии Гончаровой, её

миссию, — должно было пройти не одно десятилетие! Время — величайший судия. Отстоялось, отсеялось все пустое, наносное. Образ избранницы поэта пробился сквозь напластования времён.

«Я хотел бы представить женщину, которую любил Пушкин, во всей полноте счастья обладания таким человеком!» — признавался Александр Куприн.

Как хотели оказаться на ее месте, в веке золотом, поэтессы века серебряного — Марина Цветаева и Анна Ахматова, тонкие, эрудированные, независимые. Но так и не смогли свергнуть с поэтического пьедестала Наталию Гончарову, на который возвел ее сам Пушкин:

«Моя царица»!

«ПОД ГУЛ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ»

И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов…

Анна Ахматова

Натальин день

Шел 1812 год. В то грозное военное лето, когда на ратных полях решалась судьба России, произошло одно, неприметное тогда событие: в тамбовской глубинке, в имении Знаменское-Кариан родилась девочка Таша Гончарова. Она появилась на свет 27 августа, буквально на следующий день после Бородинской битвы.

В церковных святцах в этот день значилось лишь одно женское имя, не совсем благозвучное. Зато предыдущий, 26 августа, день святой мученицы Наталии, в народе издавна называли Натальиным. Это имя носила и мать новорожденной. Так в честь небесной покровительницы и матери земной девочку нарекли Наталией.

В тот знаменательный день, 26 августа, далеко от Тамбова, в Царском Селе, юный лицеист Александр Пушкин с друзьями репетировал пьесу «Роза без шипов», посвященную событиям Отечественной войны. И, конечно же, не мог тогда знать, сколь много в дальнейшем будет значить в его жизни благословенный Натальин день!

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья.
Ты взором, мирною душой,
Небесный ангел утешенья.

Да будут ясны дни твои,
Как милый взор твой ныне ясен.
Меж лучших жребиев земли
Да будет жребий твой прекрасен.

Крестили девочку в сельской Знаменской церкви, и будто бы тогда было дано ей некое знамение…

Ветви обширного родословного древа распростерлись над маленькой Ташей. Легендарный Ратша стал ее предком в 21-м колене по материнской линии (от Ратши берет начало и пушкинское родословие — поэт приходился ему потомком в 20-м колене). Совпадение почти невероятное — трижды! — родословие поэта пересекается с родом его избранницы, словно все было предопределено для их будущего союза. И даже основатель фамилии — небезызвестный Григорий Пушка стал одним из предков Натали Гончаровой.

Наталия Гончарова родилась «под доходивший гул Бородинской битвы». «Она всегда говорила, — вспоминала ее дочь Александра Арапова, — что исторический день лишает ее возможности забыть счет прожитых годов».

«Крестили 8 сентября»

Гончаровы, как и многие дворянские семьи, вынужденные покинуть свои родовые гнезда, искали спасения в тихой Тамбовской губернии. Тем более что здесь было старинное богатое имение Знаменское-Кариан, принадлежавшее родственникам Загряжским. Николай Афанасьевич Гончаров предусмотрительно вывез свое семейство в это безопасное место из Полотняного Завода, где расположилась тогда ставка фельдмаршала Кутузова, а неподалеку, под Малоярославцем, произошла одна из самых кровавых и жестоких битв Отечественной войны 1812 года.

«Сии надвинувшиеся громовые тучи на любезный край наш и предчувствия вящих нещастий, — сообщал в одном из писем Николай Афанасьевич, — решили меня, между страхом и надеждою за своих колеблющегося, спасти жену в то время на сносе беременную и невинных изнемогающих болезнию младенцов…»

«Назначил я дорогим сердцу моему мирным убежищем деревню шурина моего Загрязского, село Кареян, — пишет он далее, — …и теперь соединился я уже с семейством там же в Кареяне, где ожидаем гибель или спасение». И подробно описывает путь: «из Калуги на Тулу, на г. Богородицк, на г. Козлов, на г. Амбур и в Тамбов, откудова всякой рассказать может дорогу в Село Знаменское, Кареян тож».

Николай Гончаров привез свою жену и четверых малолетних детей в имение к шурину (Александр Иванович Загряжский приходился единокровным братом Наталии Ивановне) 19 августа, а вскоре появилась на свет Таша. Николай Афанасьевич прожил в Кариане около трех недель и поспешил в калужское имение спасать фамильное добро. К счастью для Гончаровых, французы до Полотняного Завода не дошли.

Афанасий Николаевич, глава гончаровского семейства, записал о столь достопамятном событии, рождении внучки, в своем дневнике:

> «1812-го года 27-го августа в Тамбовской губернии в селе Кареяне родилась 5-я дочь Наталья в 3 часа утра. Крестили 8 сентября. Восприемники Загряжской и матушка Ка. Ан. (Катерина Андреевна Новосильцова.[1]) Именины ее 26 августа».

С рождением Таши семья стала состоять из семи человек. Счастливое число! Гончаровы прожили в Знаменском-Кариане до лета 1813 года и затем вновь отправились по прежнему маршруту, но уже домой: Тамбов — Полотняный Завод.

Первый свой год жизни, из отпущенных ей судьбой пятидесяти одного, Наталия Гончарова провела на тамбовской земле. Никогда больше не суждено ей будет вернуться на свою родину в Знаменское.

Имение это прежде принадлежало деду Наташи гвардейскому генерал-поручику Ивану Александровичу Загряжскому (умершему еще до рождения Таши, в 1807 году) и его братьям Николаю и Борису, знатным вельможам екатерининских времен.

К тому времени, когда Гончаров привез свое семейство в Знаменское, самого хозяина имения, Александра Ивановича Загряжского, там не было — он участвовал в боях с французами. В 1813 году храбрый генерал-майор был смертельно ранен в Пруссии, прах его был доставлен с чужбины на родину и погребен в фамильной усыпальнице, в приделе Знаменской церкви. Там, где прежде обрели свое вечное пристанище родители боевого генерала — Иван Александрович и Александра Степановна Загряжские.

Знаменское-Кариан и его владельцы

Позднее, по разделу между наследниками, имение Знаменское-Кариан перешло к сестрам Екатерине Ивановне и Софье Ивановне Загряжским, а Наталии Ивановне было выделено другое фамильное имение — Ярополец, неподалеку от Волоколамска. Наталия Ивановна считала себя обделенной и обиженной (причиной тому была весьма непростая семейная ситуация), и отношения с сестрами у нее не сложились. Вероятней всего, именно по этой причине ни она, ни ее дети никогда в Знаменское-Кариан больше не приезжали.

Тетушка Екатерина Ивановна Загряжская стала поистине ангелом-хранителем семьи Пушкиных. Кавалерственная дама, фрейлина Двора Его Императорского Величества, она души не чаяла в своей любимице Ташеньке.

Екатерине Ивановне замужем быть не довелось, равно как и иметь собственных детей. Может быть, потому-то всю свою нерастраченную материнскую любовь перенесла она на племянницу.

Баловала тетушка не только Натали (оплачивала ее наряды, делала дорогие подарки ей и детям), но и самого Александра Сергеевича. Чему подтверждением его письмо к жене от 26 мая 1834 года: «Тетка меня все балует — для моего рождения прислала мне корзину с дынями, с земляникой, клубникой…»

А вот строки из других писем поэта:

> «Видишь ли ты Катерину Ивановну? сердечно ей кланяюсь…»;
>
> «Тетка заезжала вчера ко мне и беседовала со мною в карете: я ей жаловался на свое житье-бытье, а она меня утешала»;
>
> «Одна надежда на Бога да на тетку».

И даже когда Наталия Николаевна решилась принять у себя старших сестер в Петербурге, то во всех хлопотах, связанных с их переездом, представлением ко Двору, самое деятельное участие принимала опять-таки Екатерина Ивановна.

«Нельзя нам всем на тетку навалиться, из одной тетки двух не сделаешь», — полушутя предупреждал жену поэт.

Не оставила Екатерина Ивановна свою племянницу и в горькие дни зимы 1837-го — в феврале она сопровождала ее вместе с осиротевшими детьми в печальном путешествии из Петербурга в Полотняный Завод.

Часть доходов, которые получала тетушка со своего богатого тамбовского имения, так или иначе, шла на Пушкиных. Родная земля исподволь, незримо, помогала Наталии Николаевне и ее семье. И, умирая в августе 1842-го, Екатерина Ивановна Загряжская завещала сестре Софье выделить Наталии Пушкиной поместье в 500 душ (возможно, и часть Знаменского). Но Софья Ивановна волю сестры не исполнила (благо завещание было устным), и родовое имение уже после ее смерти и кончины супруга графа Ксавье де Местра в 1852 году перешло к ее двоюродному племяннику — графу Сергею Григорьевичу Строганову, известному любителю искусств. А позднее — к его сыну Павлу. Так что Наталии Николаевне владеть Знаменским так и не пришлось.

…Сколько раз по прихоти новых владельцев старинное село меняло свое название: Кариан-Покровское, Знаменское-Кариан, Загряжское, Кариан-Строганово, Кариан. А в советские времена с ним поступили и вовсе фамильярно, превратив в райцентр Знаменку.

Знаменка — небольшой поселок с пятью тысячами жителей. Неподалеку от его центральной улицы с необычным названием — «улица Красная площадь» — мемориал в честь погибших в годы Отечественной земляков. Но главная достопримечательность Знаменки — старинный особняк Загряжских-Строгановых, где ныне разместился музей Наталии Гончаровой-Пушкиной, единственный не только в России, но и в мире.

Беды и радости Знаменки

Есть несколько знамений, связующих место рождения жены поэта с ее дальнейшей судьбой. Имение Загряжских находилось ровно в 37 верстах от Тамбова, в том самом месте, где река Кариан впадает в Цну. Странное, явно нерусское название — Кариан. И действительно, на тюркском наречии «каре» означает черный; Кариан — это черная речка.

Черная речка под Тамбовом и Черная речка под Петебургом. Меж ними пролегла жизнь Наталии Гончаровой-Пушкиной: невеста — жена — вдова… И роковое число тридцать семь — столько лет было отмерено поэту.

На старых фотографиях дома, где родилась Наташа Гончарова, можно разглядеть две пушечки, стоявшие прежде по краям парадной лестницы. Стояли они здесь, видимо, и при Загряжских, такие же малые пушки были и в Михайловском. Пушки, Черная речка, число 37 — не есть ли это некие потаенные знаки судьбы?

Когда-то с открытой веранды особняка открывался величественный вид на храм Знамения Божьей Матери. Построен он был при Загряжских на средства крестьянской общины. Позднее, при графе Павле Сергеевиче Строганове, для росписи храма были приглашены лучшие петербургские живописцы, расписывавшие прежде Исаакиевский собор.

Знаменская церковь считалась одной из самых красивых и богатых на тамбовской земле. Так бы и стояла она до наших дней, если бы в послевоенном сорок шестом не решились разобрать ее на кирпичи. Первая попытка не удалась: кирпичи намертво сцеплены, строили-то храм старые мастера. Решили взорвать — церковь разрушили, а колокольня чудом устояла. И высится ныне она над притихшим поселком неким перстом, скорбно воздетым из-под земли…

Еще одна беда Знаменки — пропала церковная метрическая книга, та самая, где была сделана запись о крещении Наташи Гончаровой. Книга эта вместе с другими хранилась в не столь далекие времена в архиве райкома партии, не вызывая ни у кого особого интереса. Лет тридцать назад, когда Тамбовский областной архив смог наконец-таки принять исторические документы из Знаменки на хранение, именно этой метрической книги за 1812 год и не оказалось. Где она теперь, Бог весть. Быть может, пылится где-то на чердаке или надежно сокрыта от всех в частном собрании?

А вот старый знаменский парк еще живет: липовая аллея,

дубовая… Могучим дубам, живым свидетелям тех далеких дней, лет под триста. Немые великаны многое хранят в памяти. Помнят они и первые шаги маленькой Таши. И память о ней всегда, и в те долгие годы, когда честь ее была унижена, и ныне, когда восторжествовала справедливость, благоговейно хранилась здесь, на ее родине.

Уроженцы Знаменки, все от мала до велика, уверяют, что летом здесь — красота необыкновенная. А раздолье какое — лес, луга!

Молодой талантливый живописец Федор Васильев, гостивший в графском имении летом 1869 года, написал в Знаменском несколько лирических пейзажей. А знаменитый васильевский «Мокрый луг», ныне один из шедевров Третьяковки, создан по воспоминаниям о щемящей, неизъяснимой красоте здешней земли. «Выедешь в степь — чудо! — писал художник в письме к сестре. — Рожь без границ, гречиха и просо, пчелы с пасеки, журавли да цапли со всех сторон плавают в воздухе, а под ногами бежит ровная степная дорога с густыми полосами цветов по бокам».

Родина Наталии Гончаровой — красивая земля, щедрая! И люди здесь под стать ей.

…В Знаменку впервые я попала осенью 1997-го. Пригласили меня на праздник в честь своей славной землячки Мария Михайловна Шеховцова, директор музея Наталии Гончаровой, и его старейшая сотрудница, летописец здешних мест, Галина Николаевна Татаринцева.

Гордость Знаменки — фамильный особняк Загряжских-Строгановых, а в нем — парадный Круглый зал, обладающий необычайной акустикой. И некоей тайной. Старый граф, будучи на другом конце зала, благодаря его хитроумной конструкции мог услышать самые тихие разговоры (даже шепот!) приглашенных на бал гостей, — не мешал тому и гром бравурной мазурки…

А недавно из старинного русского села мне пришло письмо. Директор музея Мария Шеховцова делилась своей радостью: удалось наконец-таки установить мемориальную доску на старом особняке, где появилась на свет Наташа Гончарова. Мечтается Марии Михайловне восстановить разрушенную Знаменскую церковь, привести в порядок старинный дом.

И создать в нем музей, достойный памяти избранницы первого поэта России.

МИНИАТЮРЫ ИЗ ДВОРЦА ГОНЧАРОВЫХ

Пускай увенчанный любовью красоты
В заветном золоте хранит ее черты…

А.С. Пушкин

Наследница

Судьба подарила мне встречу с Натальей Гончаровой. Уточню — Натальей Глебовной. Тезкой своей далекой тетушки красавицы Натали, в первом замужестве принявшей светоносную фамилию — Пушкина.

Знакомство наше давнее, и встречались мы с Натальей Гончаровой много-много раз: и в дальних поездках, и на семейных застольях, и на пушкинских вечерах. И никогда не покидало меня чувство, что ее тихий, ровный характер, незлобивость, скромность и доброта, что не от мира сего, — достались ей по наследству вместе с именем и фамилией от Натали Гончаровой. Не такое уж и дальнее родство (если представить мысленно фамильное древо Гончаровых-Загряжских-Пушкиных) — быть правнучатой племянницей.

Не столь давно вместе с Натальей Гончаровой я была приглашена в усадьбу Полотняный Завод, где вначале сентября, по традиции праздновались именины избранницы поэта — Натальин день. Обычно в этот день в родовом имении собираются многие потомки Гончаровых.

Тогда Наталья Глебовна преподнесла в дар гончаровскому дворцу-музею редкостную фамильную реликвию — фарфоровый сервиз, привезенный в конце восемнадцатого века из Парижа, ее прапра… дедушкой Афанасием Николаевичем. И родным дедом Таши Гончаровой, обожавшим свою милую внучку.

Сервиз из расписного тончайшего фарфора: кофейник и чашечки на подносе, прежде стоял в гостиной их небольшой квартиры, вспоминает Наталья Глебовна, и детям, и ей в том числе, строжайше запрещалось не только прикасаться к хрупким чашечкам, но и близко подходить к фарфоровому чуду.

Через многие годы, став владелицей семейной реликвии, Наталья Глебовна по своему разумению распорядилась ее судьбой…

Гости ахали и охали, разглядывая диковинный сервиз, благодарили, восхищались. Наталья Глебовна спокойно стояла в стороне, будто вся эта суета ее вовсе и не касалась.

«Но ведь это подвиг подарить такую дорогую и памятную вещь!» — сказала я несколько запальчиво, восторгаясь и не понимая, как можно по доброй воле расстаться с семейным сокровищем. И запомнила ее тихий ответ: «Нет, не подвиг. Может быть, поступок».

Наталье Глебовне некогда принадлежали доставшиеся от отца Глеба Дмитриевича Гончарова, сына последнего владельца

Полотняного Завода, старинные миниатюры с портретами ее предков. Так получилась, что лет тридцать назад она отдала их на хранение старшему брату. Брат умер, а миниатюры так и остались в его семействе в Петербурге, и за давностью лет, либо по иным житейским причинам, возвращать их наследники — вдова и дочь брата — отказались. А Наталья Глебовна лелеяла свою давнюю мечту — вернуть фамильные реликвии в родовую усадьбу Полотняный Завод.

Полотняный Завод разделил горькую участь многих российских дворянских гнезд. Богатейшее в России имение, что некогда изволила посетить матушка-императрица Екатерина II, после октября семнадцатого года являло собой жалкое зрелище. Правда, какое-то время опустевший дворец не трогали.

Хозяйка дворца Вера Константиновна Гончарова после смерти мужа (Дмитрий Дмитриевич-младший, спасая рабочих во время сильнейшего наводнения 1908 года, простудился и умер от воспаления легких) вышла вторично замуж и перебралась на жительство в Москву. В опустевшем дворце оставались две дочери от первого брака, барышни Татьяна и Ольга. Накануне нянюшка Татьяна Егоровна сообщила им страшную весть, что по секрету шепнул ей сын-большевик — в дом нагрянут чекисты из Калуги и арестуют барышень. «Берите самое ценное из дома, — сказала им преданная нянюшка, — и тотчас уезжайте в Москву!». Сестры спустились в подвал, взяли по банке абрикосового варенья (именно его в силу своего юного возраста они сочли самым ценным в доме) и ночью, на подводе, добрались до станции. А утром, не обнаружив в усадьбе барышень Гончаровых, взбешенные чекисты (надо же было выполнять разнарядку!) расстреляли двух юношей, сыновей управляющего…

А в гончаровском дворце в подвальной комнате, обитой железом, хранились поистине бесценные письма Петра I, жалованные грамоты русских императриц Елизаветы и Екатерины II, фамильный герб. И письма Пушкина.

И не воспоминанием ли поэта о реликвиях гончаровского особняка навеяны строки из «Капитанской дочки»: «В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке»?

Гончаровы умели хранить, и сбереженный поколениями фамильный архив в Полотняном Заводе — царские грамоты и послания, школьные тетрадки и девичьи альбомы, семейная переписка и фабричные счета — лучшее тому подтверждение.

Но время властно диктует свои законы. Революционный семнадцатый стал гибельным и для родовых дворянских усадеб, и для их именитых владельцев. И все же Гончаровы — последние

владельцы Полотняного Завода — пытались всеми правдами и неправдами спасти фамильные реликвии. Так, бывшей кормилице, а затем — горничной Татьяне Егоровне Новиковой, преданной гончаровскому семейству, на хранение была отдана господская шкатулка. По воспоминаниям, в том заветном ларце таились настоящие сокровища: письма Пушкина на французском (не невесте ли?), билет, оповещавший о помолвке Натали (на дорогой бумаге, с золотым тиснением), неведомые записки. Со временем исчезнувшая шкатулка превратилась в одну из семейных легенд…

Татьяну Егоровну арестовали в 1930-м (со многими порядками при новой власти она не смирилась и говорила о том открыто, не таясь). Когда в деревенскую избу пришли незнакомцы в штатском, та сумела шепнуть кому-то из детей: «Сбереги шкатулку!» Дети же после того, как мать увели, испугавшись, побросали все «крамольные» бумаги из господского ларца в огонь, в печку. Только старинная шкатулка и осталась.

Хранились ли в ней письма самой Натали, ее первые послания к поэту — «язык девических мечтаний»? Кто может ныне ответить?..

…В 1922-м к парадному входу гончаровского дворца подогнали десяток подвод. По распоряжению Губмузея архив помещиков Гончаровых следовало передать в Калугу: бесценные документы навалом бросали в ящики, перевязывали бечевой, как снопы сена, без ярлыков, без описей. Некая гражданка Нечаева, сотрудница Губмузея, отобрала стопку пушкинских писем якобы с целью передать в Москву, да так и «запамятовала» их вернуть… По сему поводу на разбитой печатной машинке с «прыгающими» буквами составлен был даже некий акт, по иронии судьбы счастливо сохранившийся.

Часть семейной переписки ушла в Музей истории партии, часть — растащили. А потом, в тридцатые годы, передали в Москву, в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи. Но документов — грамот, книг, писем — пропало множество. Их просто списывали «как не имеющих научно-практического значения».

Убранство и барскую утварь — инкрустированные столики-«бобики», названные так из-за своей формы, напоминавшей половинки боба, горки, шкафы, сервизы — разграбили и растащили по избам, как то часто бывало, мужики из окрестных деревень.

И все же часть фамильных реликвий уцелела. И во многом благодаря Вере Константиновне Гончаровой, бабушке Натальи Глебовны. Именно она, задолго до революционных потрясений,

взяла с собой из усадьбы в московский дом портреты, гравюры, книги, памятные безделушки. И старинные миниатюры.

Затем по наследству они перешли к сыну Веры Константиновны и Дмитрия Дмитриевича Гончаровых — Глебу, от него — к дочери Наталье. Миниатюры — предтеча современных фотографий, словно предназначены для сбережения их потомками. И благодаря своим малым размерам оказались на редкость жизнестойкими.

«Портреты дедов на стенах»

Эти портреты раньше, действительно, висели на стенах фамильного дворца. И смотрели с них на своих далеких потомков те, для кого эти стены прежде были родными.

…Что наши бабушки и деды
Для назидательной беседы
С жезлами, с розами, в звездах,
В робронах, в латах, в париках
У нас не блещут в старых рамах
В простенках светлых галерей.

Родословная роспись в миниатюрах — портретная галерея Гончаровых, семейства, в которое, по словам Александра Сергеевича, он «имел счастье войти».

С одними, как дедушка Афанасий Николаевич или тёща Наталия Ивановна, Пушкину довелось довольно-таки тесно общаться. С другими, как бабушка Натали Надежда Платоновна Мусина-Пушкина, поэту встречаться не довелось.

Но, бесспорно, Александр Сергеевич наслышан был о ее чудачествах и видел в гончаровском дворце ее портрет.

Судьба оказалась благосклонной к гончаровским миниатюрам — ив том, что они сохранились в нашем неспокойном мире, и в том, что на них, как то часто бывает, нет печати забвения — той безнадежно-горькой строки: «Портрет неизвестного» или «неизвестной».

Если бы миниатюры заговорили, они могли бы поведать многие фамильные тайны — ведь у каждого из персонажей, запечатленных на портретах, — своя семейная легенда. Постараюсь за них изложить жизненные истории. Итак, по старшинству.

Афанасий Николаевич Гончаров

Родился в 1760-м. Наследовал от деда Афанасия Абрамовича, пожалованного императрицей Елизаветой Петровной «за размножение и заведение парусных и полотняных фабрик» чином коллежского асессора, и получившего право на потомственное дворянство, подтвержденное позднее указом Екатерины II, огромное наследство.

> «…Дарованной нам от Всемогущего Бога самодержавной властью… Гончарова в вечные времена в честь и достоинство нашей Империи Дворянства возводим…, чтоб ему и потомству его по нисходящей линии в вечные времена всеми теми вольностями, честию и преимуществом пользоваться…»

Старший Гончаров, дабы упрочить все нажитое им богатство, объявил все свои поместья, а также полотняные, бумажные и чугунолитейные заводы и фабрики майоратом — неделимым имением с правом его наследования старшим в роду. И во владение дедовскими вотчинами, после смерти отца, Афанасий Николаевич вступил будучи двадцати пяти лет от роду!

Что за праздная жизнь настала тогда в Полотняном! Роскошные пиры сменялись маскарадами, конные выездки — охотничьими забавами в окрестных рощах; пенились дорогие вина в тонких хрустальных кубках, изысканные наряды дам отражались в зеркальных анфиладах дворца, освещенных огнями люстр венецианского стекла. И лишь с парадного портрета в гостиной все так же величаво и бесстрастно взирал на безумства своего отпрыска Афанасий Абрамович, держа в руке драгоценное послание Петра, словно напоминание о своих великих трудах.

Художник Александр Средин, оставивший мастерски написанные акварели дворцовых интерьеров и воспоминания об истории Полотняного Завода (неслучайно его именовали «поэтом задумчивых залов и грустных гостиных»), весьма точно обрисовал характер Афанасия Николаевича, в коем «сосредоточивались как в фокусе все недостатки русского барства Екатерининской эпохи. Широко гостеприимный, нерасчетливый, не могший никому отказать в просьбе, «милостивый», как его называет народ, — влюбленный в блеск и роскошь, он постоянно окружен гостями, ведет жизнь шумную и праздную».

Молодой наследник особо рьяно заботился о великолепии дома, насыщая его бесчисленные гостиные, кабинеты и спальни

предметами искусства. «Жизнь его проходит среди шума и блеска на Полотняных Заводах, а зимою — в Москве. Женат он был на Надежде Платоновне Мусиной-Пушкиной», — сообщает художник-мемуарист.

Портрет хозяина усадьбы заказан был, вероятно, в преддверии свадьбы. В фигурной рамке красного дерева заключена старинная миниатюра, на коей «Афанасий Николаевич с подслеповатыми глазами и взбитым коком, в белоснежном галстуке и синем рединготе; он имеет вид только что пробудившегося ото сна…»

Таким и остался на века его образ, запечатленный на миниатюрном портрете.

Но при всей взбалмошности своего характера, Афанасий Николаевич был человеком добрым, чадолюбивым. Из всех внуков более всех обожал младшую: души не чаял в своей Ташеньке. Неимоверно баловал любимую внучку, наряжал ее в собольи шубки, дарил дорогие куклы. И уже будучи в зрелых летах Наталия Николаевна любила вспоминать те светлые дни раннего детства, столь отрадные ее сердцу.

«Самые затейливые, дорогие игрушки выписывались на смену не успевших еще надоесть; глаза разбегались, и аппетит пропадал от множества разнообразных лакомств; от нарядов ломились сундуки, и все только вращалось около единой мысли: какую бы придумать новую лучшую забаву для общей любимицы. Она росла, словно сказочная принцесса в волшебном царстве», — так, вспоминая рассказы матери, писала ее дочь.

Афанасий Николаевич, в отличие от своего достойного деда, обладал «особенным талантом»: сумел промотать состояние, оцененное в три с половиной миллиона, да еще оставить огромный долг. Много позже он доставил немало хлопот и беспокойств Пушкину: и во время сватовства поэта, и в первые годы семейной жизни.

…Афанасий Николаевич скончался уже после свадьбы своей любимицы-внучки. В июне 1832 года он крестил свою правнучку Машу Пушкину. Через три месяца, там же, в Петербурге, Афанасий Гончаров умер… Ясным сентябрьским днем сотни окрестных крестьян пришли проститься со своим «милостивым» барином. И последний путь владельца Полотняного Завода, столь блистательно его разорившего, был обставлен с той же помпезной роскошью, что сопровождала его всю жизнь: многочисленные слуги в траурных кафтанах и в широкополых, с флером, шляпах величаво, с зажженными факелами шествовали за гробом…

Надежда Платоновна Гончарова, урожденная Мусина-Пушкина

Дочь майора Платона Ивановича, полного тезки и дальнего родственника всесильного графа в царствование Анны Иоанновны, родилась в 1765-м. Принадлежала к одной из обедневших ветвей аристократической русской фамилии, не раз упоминаемой Александром Сергеевичем:

Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец…

Кстати, Пушкины и Мусины-Пушкины возводили свои родословия от общего предка Ратши, «мужа честна», по свидетельству летописца, и, как принято было считать, прибывшего на Русь в княжение Святого князя Александра Невского.

Любопытно одно обстоятельство: Надежда Платоновна приходилась шестиюродной сестрой (в восемнадцатом веке родство считалось не столь уж и далеким!) графу Алексею Семеновичу Мусину-Пушкину. Женат он был вторым браком на немке Шарлотте Амалии Вартенслебен, в крещении нареченной Елизаветой Федоровной. И доводилась та немецкая графиня бабушкой (правда, двоюродной)…Жоржу Дантесу!

Видимо, молодой Дантес, отправляясь на поиски счастья в северной стране, надеялся, помимо рекомендательного письма принца Вильгельма, и на покровительство родственницы графини Мусиной-Пушкиной…

Исторический парадокс: бабушка будущего убийцы Пушкина и бабушка избранницы поэта носили одну, весьма звучную русскую аристократическую фамилию!

Вероятно, в юности барышню Мусину-Пушкину звали Надинькой или, на французский манер, — Надин. Как и при каких обстоятельствах встретилась она (вовсе не красавица, но миловидная скромница) с Афанасием Гончаровым, наследником дедовских капиталов, вотчин, чугунолитейных заводов и бумажных фабрик?

Верно, не одна из бойких калужских красавиц, да и московских невест, мечтала стать госпожой Гончаровой! Но выбор пал на нее. Ведь пленила она чем-то сердце завидного жениха, и уж точно, не красотой и богатством.

«В народе еще сохранилась память о Надежде Платоновне; молва говорит, что она была царского рода (?), а крестница она была самого митрополита Платона», — разговоры о необычной барышне долго еще не стихали в окрестностях Полотняного…

Возможно, помимо незнаемых ныне достоинств невесты, молодому Гончарову лестно было породниться с древнейшим родом Мусиных-Пушкиных, давшим России много славных и достойных имен.

Вот она, первая супружеская пара, словно в зеркальном отражении:

Гончаров — Пушкина!

Портрет Надежды Мусиной-Пушкиной создавался как парный миниатюре ее жениха либо уже молодого супруга.

Изображал он, по описанию Средина, «бледную женщину с довольно красивым, надменным и своенравным лицом, со жгучими, немного тоскливыми, темными глазами. Прихотливо разметались кудри, чуть тронутые пудрой. Шея тонет в складках тончайшего батистового воротника; ее облегает красивое платье «пюсоваго» цвета, а фоном служат растрепанные кущи деревьев с беспокойным небом. Миниатюра тонко написана и красива по фону».

Как странно, портрет Надежды Мусиной-Пушкиной вновь явлен миру более чем через два столетия «семейного заточения». Какой она была? И какою силою «воскресла» из восемнадцатого века — в двадцать первом?

Причем она — единственная бабушка, которую знала маленькая Таша. Ведь другая бабушка, Эуфрозина Ульрика фон Поссе, умерла совсем молодой, задолго до рождения внучки. «Бедная моя бабушка!» — как-то воскликнула Наталия Николаевна, зная о горькой участи красавицы баронессы, что была обманом привезена ее дедом Загряжским из Лифляндии и оставлена им в Яропольце.

При всей несхожести судеб, и у Ульрики фон Поссе, и у Надежды Мусиной-Пушкиной общий удел — обе они были обмануты и покинуты мужьями.

…Молодая жена родила сына Николая. Единственного наследника. Николенька Гончаров рос в роскоши и богатстве. Но воспитание получил прекрасное. Его матушка Надежда Платоновна если и обучалась, то у домашних учителей, образование ее можно назвать весьма скромным: в грамоте была не сильна. Может, это обстоятельство и стало побудительной силой — дать любимому Николеньке все то, чем была обделена сама?

Ей довелось стать хозяйкой огромного гончаровского имения,

и с этой своей ролью, судя по сохранившимся воспоминаниям, она справлялась отменно:

> «Характера она была твердого и держала в руках своего ветреного и расточительного супруга. Пока она не покинула мужа, — в десятых годах прошлого (девятнадцатого. — Л. Ч.) столетия, — всё в имении дышало порядком: хотя деньги щедро лились, но огромных доходов хватало на жизнь».

Сколько длилось ее супружеское счастье? Судя по разрушительным страстям, что бушевали в сердце ее любвеобильного мужа, недолго.

Обстановка в семействе Гончаровых складывалась далеко не лучшим образом. Глава фамилии дед Афанасий Николаевич по-прежнему жил бесшабашной и расточительной жизнью. Супруга Надежда Платоновна, устав от мужниных сумасбродств, разъехалась с ним. Она покинула Полотняный Завод и поселилась в Москве, в собственном доме. Полученный от мужа капитал в двести тысяч рублей предоставил ей полную независимость. Да и ветреный супруг Надежды Платоновны, обретя желанную свободу, не преминул ею воспользоваться: тут же уехал в Австрию, затем во Францию.

Случилось это в 1808 году. Годом ранее ее Николай женился на фрейлине императрицы Елизаветы Алексеевны, красавице Наталии Загряжской.

А в том же, несчастливом для нее 1808-м, родился ее первый внук Дмитрий, ангелоподобный кудрявый мальчик. (Его младенческий образ запечатлен на старинной миниатюре.)

Еще двоих внуков и трех внучек подарил ей сын. Но семейные неурядицы, в числе коих были и любовные похождения ее бывшего супруга (в Полотняном жила тогда и некая француженка, вывезенная Афанасием Николаевичем из Парижа, которую за глаза домочадцы называли «парижской прачкой»), не позволяли видеться Надежде Платоновне с семьей сына.

Семейные невзгоды отозвались душевным нездоровьем бабушки Натали. Одна встреча с бабушкой глубоко врезалась в память девочки, и много позже она рассказала о ней дочери Азиньке, записавшей воспоминания матери:

«В чудный ясный день выехали они в четырехместном экипаже цугом, с гайдуками на запятках, как вдруг завидели ехавший навстречу рыдван бабушки Надежды Платоновны… Старуха Гончарова зычным голосом приказала остановиться и принялась ее (невестку Наталию Ивановну) во всеуслышание отчитывать, заодно с мужем… взводя на обоих всевозможные

обиды и напраслины, которые ей подсказывал ее больной мозг.

Одно из самых тяжелых оскорблений было, что по злобе на нее ее негодный сын собрал в коробку тараканов со всей Москвы и скрытно напустил их на ее дом! Толпа прохожих и зевак густым кольцом окружили экипажи, громким смехом отвечая на болезненный бред старухи; барышни растерянно прижимались друг к другу…»

Видимо, Наталия Николаевна поведала о той памятной встрече с бабушкой и мужу-поэту. Отзвуки тех ее детских впечатлений обратились несколькими строками в рукописи незавершенного пушкинского романа «Пелам»:

> «Третий (гувернер)… был сумасшедший, и в доме только тогда догадались о том, когда пришел он жаловаться… на меня и на Мишеньку за то, что мы подговорили клопов со всего дому не давать ему покою…»

И все же, судя по одному из писем Надежды Гончаровой, адресованном в Петербург ее внучкам Екатерине и Александре и найденном в пушкинских бумагах, разум ее был вполне здравым. Письмо, названное пушкинистом Щеголевым «безграмотнейшим», тем не менее передает обстановку в семействе Гончаровых образнее и ярче, чем многостраничные труды исследователей и всевозможных толкователей. Вот оно, это единственное сохранившееся послание Надежды Платоновны, обратившееся в столетиях историческим документом:

> *«Катерина Николавна и Александра Николавна.*
>
> *Не стыдно ли вам что вы кинули атца и мать больных и брат также ваш Дмитрей живет на фабрики и панятия не имеет аб атце и на маю голову кинули ево а я человек слабай где мне об ем печса мне и самой тяжело жить в нужде и большия часть я не здорова так вы побоитесь Бога и неоставтя, вы знаете чем нездоров а мне тяжело выносить я не в силах это терпеть…*
>
> *Всякого блага ваша пребуду навсегда.*
>
> *17 декабря 1834 года Я. Г.».*

Бабушка пеняет старшим внучкам, что, уехав в Петербург, те забыли об оставшемся дома, в Москве, больном отце. Но обращается она лишь к Екатерине и Александре, — упреки не относятся к Наташе. Ведь младшая внучка, по ее разумению, мать семейства, о котором и должны быть все ее заботы.

Любопытно, что письмо, запечатанное сургучной именной печатью, адресовано в Санкт-Петербург Екатерине Загряжской с просьбой «покорнейше доставить Катерине Николаевне Гончаровой».

Неизвестно, удостоили ли внучки ответом бабушку, но однажды они все-таки ее вспомнили.

Екатерина Гончарова — брату Дмитрию в Полотняный Завод (конец апреля — начало мая 1835):

> «Мы узнали вчера от Пушкина, который услышал это от своей матери, о смерти Бабушки, однако это не мешает нам поехать сегодня вечером на «Фенеллу». Царство ей небесное, но я полагаю, было бы странно с нашей стороны делать вид, что мы опечалены, и надевать траур, когда мы ее почти не знаем».

Значит, печальную весть принес в дом на Дворцовой набережной «близ Прачешного моста», где в большой квартире, снятой поэтом для своей разросшейся семьи, жили и свояченицы Александра и Екатерина, сам Пушкин! Внучкам Надежды Платоновны кончина ее вовсе не помешала в тот скорбный день отменить посещение оперы.

Верно, искренне горевал о смерти «любезной Матушки», лишь один ее страдалец-сын Николай Гончаров, некому было ему писать тех горьких слов, прежде обращенных к ней и жаждавшему советов и материнских утешений…

Стали ли семейные несчастия причиной душевного расстройства Надежды Платоновны? Во всяком случае, в семье Гончаровых считалось, что в первых грозных признаках болезни ее сына Николая «наследственность заявила свое зловещее право».

Николай Афанасьевич Гончаров

Родился в 1787 году. Получил превосходное образование, да и сам имел, видимо, недюжинные способности: Николай Гончаров владел несколькими европейскими языками, играл на скрипке и виолончели, да так, что, по воспоминаниям, останавливались «экипажи под окнами Гончаровых, когда молодой виртуоз играл». Прекрасно разбирался в литературе и даже увлекался стихотворчеством. В круг чтения молодого наследника входили сочинения Сумарокова, Карамзина, Ломоносова.

Русский студент Турбин давал юному воспитаннику уроки математики, географии и словесности. В Полотняный Завод приглашались лучшие гувернеры и учителя из Франции и Германии. Один из них — швейцарец Давид Иванович де Будри. Он же и лицейский воспитатель Пушкина!

«Будри, профессор французской словесности при Царскосельском Лицее, был родной брат Марату, — отмечал поэт в своих записках, — Екатерина II переменила ему фамилию по просьбе его, придав ему аристократическую частицу de, которую Будри тщательно сохранял…»

Известен и отзыв Будри об успехах своего воспитанника Александра Пушкина: «Он понятлив и даже умен. Крайне прилежен, и его очень заметные успехи столь же плод его суждений сколь и прекрасной памяти…»

Верно, не случайно, в черновых вариантах «Евгения Онегина» «мосье Швейцарец» (именно он, а не «француз убогой», по изначальному замыслу, водил гулять в Летний сад юного героя) именован как «очень умный», «очень строгой», «очень важный» и даже «благородный».

Но прежде чем профессор Будри, брат пламенного якобинца Жана-Поля Марата, начал обучать азам французской словесности в Царском Селе своего славного ученика, он был гувернером Николеньки Гончарова, Николая Афанасьевича, в будущем тестя поэта. И водил гулять своего воспитанника не по аллеям знаменитого петербургского сада, а по парку и рощам великолепной гончаровской усадьбы Полотняный Завод.

И как знать, не благодаря ли стараниям «мосье Швейцарца» Николай Афанасьевич Гончаров получил прекрасное домашнее образование: в совершенстве владел французским, немецким и английским языками, играл на скрипке и виолончели, отдал дань стихотворчеству. Любовь к поэзии, литературе, искусству, языкам, заложенная с ранних лет, передана была впоследствии

Гончаровым-отцом и собственным детям. И, конечно же, любимице Таше, которой в будущем доведется побывать и в Германии, и во Франции, и в Швейцарии…

Николай Гончаров был записан пажом (по протекции графа Салтыкова) и отправлен в северную столицу. В Петербурге, в годы службы в Коллегии иностранных дел, и состоялось его знакомство с будущей женой — красавицей фрейлиной Наталией Загряжской, блиставшей при Дворе.

Миниатюрный портрет «изображает красивого молодого человека с тонким, выразительным лицом с голубыми мечтательными глазами. Девически нежное лицо обрамляют темнокаштановые волосы. Белоснежный батистовый галстук строго подпирает розовые щеки, фоном служит синее небо с тучами».

В 1807-м Николай Гончаров женился на Наталии Загряжской, и в дневнике его отца появилась памятная запись: «Генваря 27 дня в С.-Петербурге венчанье во дворце Зимнем в Придворной церкви».

(Именно в этот день — 27 января, ровно через тридцать лет, на Черной речке под Петербургом прогремит роковой для Пушкина выстрел!)

В следующем после свадьбы году коллежский асессор Николай Гончаров с молодой супругой переехал в Москву, где и вступил в должность секретаря при московском губернаторе. Вскоре Николаю Афанасьевичу пришлось заменить уехавшего за границу отца и принять на себя управление огромным хозяйством. Дела у молодого Гончарова пошли успешно, и в 1811 году «за приведение к должному устройству и усовершенствованию состоящие в Калужской губернии фабрики полотняной и писчей бумаги» был представлен к ордену Св. Владимира IV степени.

Вернувшийся из заграничного вояжа Афанасий Николаевич вновь взял власть в свои руки, и жизнь в Полотняном потекла, как и прежде, с былой пышностью и размахом.

Отстраненный отцом от дел, глубоко им обиженный, стал впадать в меланхолию, искать забвения в вине. Неудачное падение с лошади в 1814-м (Николай Афанасьевич сильно расшибся) послужило одной из причин его душевного нездоровья.

«Николай Афанасьевич, кажется, стал лучше, заходит в детскую, на Ташины проказы иногда улыбается», — сообщает Наталия Ивановна свекру в феврале 1818-го. Видимо, в то время она еще питала надежду на выздоровление мужа.

Его болезнь, сопровождаемая буйными припадками, стала великим несчастьем для всей семьи. И однажды

двенадцатилетняя Наташа Гончарова чуть было не стала жертвой обезумевшего отца, — события того страшного дня, когда «жизнь ее висела на волоске», до мельчайших подробностей впечатались в память.

Из воспоминаний Александры Араповой:

«Когда у него являлось желание, Николай Афанасьевич выходил из своей половины в назначенный час и обедал за столом с семьёй и домочадцами. Тогда поспешно убиралась водка и вино, потому что незначительной доли алкоголя было достаточно, чтобы вызвать возбуждение… В тот зловещий день мать, смолоду еще немного близорукая, не заметила надвигавшейся бури и очнулась от своей задумчивости только тогда, когда последний из обедавших уже подходил к двери, оставив ее одну с разъяренным отцом. Она кинулась за ними, но всеобщее бегство только ускорило взрыв. С налитыми кровью глазами и с ножом в замахнувшейся руке Николай Афанасьевич в свою очередь бросился нагонять ее. Опасность была очевидна.

Голова кружилась, сердце учащенно билось, ноги подкашивались, а инстинкт самосохранения внушал, что достаточно оступиться, чтобы погибнуть безвозвратно. Лестница казалась нескончаемой; с каждой ступенью отец настигал ее ближе; огненное дыхание обдавало волосы, и холодное лезвие ножа точно уж касалось открытой шеи. Наверху, в щель притворенной двери, с замиранием духа следили за перипетиями захватывающей сцены.

Но вот и цель! Ее впустили, захлопнули надежный щит. «Спасена!» — блаженным сознанием промелькнуло в мозгу, и эти ощущения годы были бессильны изгладить».

Жизнь под одной крышей стала невозможной: Наталия Ивановна перебралась в Ярополец, а Николай Афанасьевич остался в московском доме на Никитской.

Вспышки безумия главы семейства чередовались с периодами затишья. «Отец меня не принял, — сообщает в августе 1833-го из Москвы Пушкин жене. — Говорят, он довольно тих».

И не потрясением ли от прежних встреч с больным тестем навеяны пушкинские строки, написанные осенью того же года?

Не дай мне Бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад…

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут…

Предводитель московского дворянства граф А. И. Гудович — генерал-губернатору Москвы князю Д. В. Голицыну (декабрь 1834):

> «Дошло до моего сведения, что г. Гончаров, живущий в собственном доме на Никитской, находясь в совершенном расстройстве умственных способностей, ходит по домам незваный и весьма неприличным образом беспокоит людей, не желающих его видеть. Долгом поставляя донести о сем до сведения Вашего Сиятельства, я полагаю для чести его фамилии необходимым иметь за ним… строгий домашний надзор, потому что в случае какого-либо со стороны его безумного поступка он должен быть заперт в Дом Умалишенных…»

В архиве мне довелось читать письма Николая Афанасьевича, писанные прекрасным старинным слогом, и содержащие немало философских сентенций и сетований на свою горькую судьбу.

Он был на венчании дочери с Пушкиным в храме Большого Вознесения.

Но еще до свадьбы, в июле 1830-го, язвительный князь Вяземский спрашивает жену: «Не отец ли Гончаровой присоветовал Гончаровой идти замуж за Пушкина?» И просит ее передать эту шутку поэту…

Николай Афанасьевич благословил свою Наташу и на второй брак.

Н.А. Гончаров — сыну Дмитрию в Полотняный Завод (1844):

> «Поздравляю Вас и любезную Вашу Лизавету Егоровну (жена Д. Н. Гончарова. — Л. Ч.) с новым зятем генералом Петром Петровичем Ланским, по какому случаю в исполнение требования письменного самой сестрицы Вашей Натальи Николаевны, дал я ей мое архипастырское (иноческое) благословение».

Николай Афанасьевич Гончаров дожил до преклонных лет и

умер в сентябре 1861 года.

Дочь Наталия не смогла проводить его в последний путь: ту осень она проводила на берегу Женевского озера. Но была ли Наталия Николаевна счастлива, оказавшись в красивейшем уголке земли? Там, в Женеве, в сентябре, застала ее горькая весть из России о кончине отца.

Тогда же она надела траурное платье, и черный цвет стал с тех пор единственным для всех ее нарядов. Наталия Николаевна и позже, «по окончании траура сохранила привычку ходить в черном, давно отбросив всякие претензии на молодость…»

Наталия Ивановна Гончарова, урожденная Загряжская

Родилась в 1785 году. Ее отец, гвардейский генерал-поручик Иван Александрович Загряжский, представитель старинной дворянской фамилии, скончался в год свадьбы дочери, в декабре 1807 года. Мать, лифляндская баронесса Эуфрозина Ульрика фон Поссе, о которой в семье ходили легенды.

Из воспоминаний княгини Е. А. Долгоруковой:

> «В молодости Наталья Ивановна являлась при Дворе и по красоте своей была замешана в какую-то историю: в нее влюбился некто Охотников, в которого была влюблена императрица Елизавета Алексеевна, так что тут была ревность».

Кавалергард Алексей Охотников погиб при таинственных обстоятельствах: неизвестный нанес ему смертельную рану кинжалом, когда юноша выходил из театра. В той тёмной и злосчастной истории упоминалось имя петербургской красавицы Наталии Гончаровой, в будущем тёщи поэта. По одной из версий, Алексей Охотников влюбился во фрейлину императрицы Гончарову и хотел связать с ней свою судьбу.

Ходили слухи: Охотников был заколот по наущению великого князя Константина Павловича. Мотивы убийства объяснились двояко: будто бы сам Константин, влюбленный в Елизавету Алексеевну, пожелал убрать соперника, либо же он, столь жестоким образом, хотел спасти честь венценосного брата Александра I и предотвратить назревавший скандал в августейшем семействе.

…Известно, что императрица тайно посетила умиравшего юношу, и прощание то было весьма горьким и трогательным. Она же с разрешения семьи покойного воздвигла на Лазаревском кладбище у стен Александро-Невской лавры памятник: к подножию скалы со сломанным бурей молодым дубком в великой скорби прислонилась женщина с погребальной урной… В беломраморном изваянии, в прекрасных чертах и женской фигуре, легко угадывался облик императрицы Елизаветы.

Эпитафия на памятнике гласит: «Здесь погребено тело Кавалергардского полку Штабс-ротмистра Алексея Яковлевича Охотникова, скончавшегося генваря 30 дня 1807 года, на 26 году от своего рождения».

…В какой из январских дней прощалась Елизавета

Алексеевна со своим возлюбленным, неизвестно, но за три дня до его кончины ей предстояло принять участие в светском торжестве: двадцатилетняя фрейлина петербургского Двора Наталия Загряжская стояла под венцом с женихом Николаем Гончаровым, блестяще образованным, одаренным ярким умом и подающим большие надежды на избранном им поприще.

Венчание молодой четы состоялось в Петербурге 27 января 1807 года в присутствии высочайших особ: императора Александра I, его венценосной супруги Елизаветы Алексеевны, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, великих князей Николая и Михаила, великих княжон Екатерины и Анны. Невеста удостоилась высочайшей милости: «…препровождена во внутренние покои к Государыне Императрице Марии Федоровне, где от Ея Величества и убираема была бриллиантовыми к венцу наколками».

…Минет пять лет, и в семействе Гончаровых явится на свет дочь Наталия, коей суждено будет стать избранницей поэта. И, свершив свой жизненный круг, она упокоится в Петербурге, на старом Лазаревском кладбище.

Тайные знамения: погребена Наталия Гончарова-Пушкина-Ланская неподалеку от могилы кавалергарда Алексея Охотникова, куда не единожды приходила плакать и молиться безутешная императрица Елизавета…

Молодой кавалергард вполне мог пленниться красавицей фрейлиной Гончаровой.

> «Наталия Ивановна спорит красотой и изяществом со своим мужем. Жеманно склонив кокетливую голову, она слегка улыбается…; ее выхоленное нежное личико грешит немного деланным выражением; усиливает его и предумышленно небрежно распустившийся локон. Как стебель, выходит нежная длинная шея из газового высокого ворота, а на плечо накинута опалового цвета «дымка», расшитая разноцветными шелками».

Такой она и предстает на миниатюре, сохранившей милый образ юной супруги.

Не дано было знать Наталии Ивановне Гончаровой, сколь много невзгод выпадет в будущем на ее долю: болезнь мужа, заботы о воспитании шести взрослеющих детей, собственная неустроенная судьба…

Как знать, не случись в 1908-м, столетие назад, в Полотняном Заводе наводнения, ставшего причиной гибели владельца усадьбы Дмитрия Гончарова, быть может, и не уцелели бы в водовороте

грядущих революционных событий старинные миниатюры? Во всяком случае, судьба их была бы иной.

Еще одно чудо, явленное миру, — миниатюры в частном собрании Гончаровых. История этих старинных крохотных портретов — весьма любопытна и поучительна. Каждая миниатюра хранит образ (порой единственный!) одного из тех, кто дал свою кровь избраннице поэта. И каждый из ее предков — это, по сути, приближение к ней.

Как легко представить миниатюры листьями на раскидистом фамильном древе! Все они звенья одной, самой таинственной в мире, родословной цепи, и без любого из них не свершилось бы чуда рождения красавицы Натали. А значит, — детей, внуков и далеких-далеких потомков Александра Пушкина!

«КТО ХОЧЕТ ПИСАТЬ РУССКИЕ СТИХИ»

Я жду обещанной тетради…

А.С. Пушкин

Детство Наталии Гончаровой. Что мы знаем о нем? Будто белое пятно в ее биографии, пустые страницы в книге ее бытия. Словно и не было его. А без них, этих самых благодатных лет человеческой жизни, невозможно постичь сущность избранницы поэта, ее характер, пристрастия, душевные порывы…

Полотняно-Заводский лицей

Все началось с удивительной выставки — посвящалась она миру детства ушедшей эпохи и проходила в начале девяностых в Москве, в Доме художника на Крымском валу.

Чего там только не было! Деревянные лошадки и глиняные свистульки, фарфоровые куклы и картонные лото, потешные шахматы и полки оловянных солдатиков — все эти старые игрушки, столь любимые некогда и безымянными крестьянскими ребятишками, и будущими российскими венценосцами, буквально заполонили огромное выставочное пространство. Старинные буквари, портреты, книжки, рисунки… Поистине, утерянный мир детства иной, неведомой цивилизации каким-то чудом материализовался вдруг в центре Москвы…

Пробродив по залам несколько часов кряду и собравшись было уходить, в самом низу большой стеклянной витрины я увидела раскрытую детскую тетрадку. И, скорее всего, прошла бы мимо, если бы не табличка. Она по музейному скупо уведомляла: «Ученическая тетрадь Натали Гончаровой. 1822 г. Орешковые чернила». Встав почти на колени, попыталась разобрать записи:

Дни юности! быстро вы, быстро промчались!
Исчезло блаженство, как призрак во мне,
А прежние скорби на сердце остались,
Зачем же и сердце оставлено мне?

Почему десятилетняя девочка запомнила и переписала эти совсем не детские стихи в свою тетрадку? Дальше шли и вовсе поразительные строки: «Стихи столько же свойственны нашему языку и столько же приятны для слуха, сколько ямбические и хореические…»

Неужели это написано будущей избранницей поэта, первой московской красавицей Натали Гончаровой?! Девочка, почти ребенок, она различает уже стихотворные размеры… Это случайное открытие тогда просто ошеломило меня. Но в выставочной суете я почему-то не удосужилась узнать — где хранится и кому принадлежит эта всплывшая из таинственных глубин детская тетрадь…

Незаметно пролетел год. Наслоились новые заботы, дела, впечатления. Но мысль о той старой тетрадке занозой сидела в моей памяти. И вот он, благословенный случай! Как всегда нежданно, позвонил мой добрый знакомый Игорь Глебович

Гончаров, прямой потомок Дмитрия Гончарова, старшего брата Натали. Он собирался в Полотняный Завод на встречу с рабочими местной бумажной фабрики (кстати, Полотняно-Заводская фабрика работает уже три столетия!), пригласил и меня.

…Стоял яркий мартовский день. Старый гончаровский парк, разбуженный весной, потихоньку оживал. Оживал и старинный родовой дом. Реставрационные работы в нем недавно завершились, и в комнатах остро пахло свежей побелкой и краской. Игорь Глебович, старший из Гончаровых, любезно согласился стать моим гидом.

Мы проходили анфилады комнат возрожденного дворца, каждая из которых хранила былое название.

— Это «мраморная» комната, она была подготовлена к приезду в Полотняный императрицы Екатерины II в бытность еще Афанасия Абрамовича, патриарха нашего рода, владельца многих ткацких и бумажных фабрик.

Эта комната называлась «китайской», стены ее были затянуты тканью с гирляндами цветов и экзотическими птицами, а вдоль овальной стены стоял длинный диван, тоже овальный, с мягкими подушками… Здесь, при входе в кабинет, слева от этой двери висел портрет Дантеса, а справа — портрет Пушкина. И поэт, и его убийца приходились зятьями Дмитрию Гончарову…

А тут, — Игорь Глебович указал на небольшую угловую комнату, — по рассказам, был классный кабинет, и дети-Гончаровы брали уроки…

Я поинтересовалась, откуда он так хорошо знает дом, жить в котором ему не довелось.

— От отца. Отец Глеб Дмитриевич Гончаров, сын последнего владельца майората, прекрасно помнил расположение и названия всех комнат. Его даже просили работники архива сделать подписи к фотографиям 1913 года, единственным, где запечатлены интерьеры гончаровского дома. Старые снимки и сейчас там хранятся.

— Где? В каком архиве?

— В архиве древних актов, в Москве. Там же, где и весь семейный фонд Гончаровых.

Первый же день работы в Российском Государственном архиве древних актов, старинном особняке, что вот уже более ста лет смотрит окнами на Большую Пироговскую, бывшую Царицынскую (в пушкинское время — Девичье поле, где однажды поэт был на гулянии по случаю коронации Николая I), принес удачу — в фонде Гончаровых значились тетради Натали. И спустя несколько дней томительного ожидания три увесистых тома сброшюрованных детских тетрадок легли на мой читательский

стол…

История — дама с причудами: ныне в особняке на Большой Пироговке хранится и перешедший туда архив Коллегии иностранных дел, документы которого Пушкин тщательно изучал во время работы над «Историей Петра» и где даже на одном из дел вроде бы сохранилась его пометка.

«В Архивах я был, и принужден буду опять в них зарыться месяцев на 6; что тогда с тобою будет? — писал поэт жене из Москвы в мае 1836-го. — А я тебя с собою, как тебе угодно, уж возьму».

Теперь, быть может, на соседних стеллажах рядом с древнейшими манускриптами хранятся и ученические тетради Наталии Гончаровой. На их последних страницах, исписанных круглым детским почерком, синеют маленькие прямоугольники штампов: «Государственный архив древних актов». Детские Наташины тетрадки тоже стали достоянием истории, документами государственной важности. И доподлинно свидетельствуют, что у Натали Гончаровой, избранницы поэта, тоже был свой лицей, — Полотняно-Заводский. Никому, правда, не ведомый.

Так долго о невесте поэта говорили лишь как о «малообразованной шестнадцатилетней девочке»! В одной из чудом уцелевших тетрадок Наталии Гончаровой есть и ее сочинение о просодии — искусстве стихосложения, поражающее глубиной литературных познаний десятилетней девочки. В свои столь юные годы она могла не только отличить «ямб от хорея», но и достаточно свободно ориентироваться в русской поэзии.

Ученические записи хранят немало размышлений, любопытных заметок, поэтических описаний и наблюдений. В архивном собрании собраны тетради по всемирной истории, синтаксису, географии, античной мифологии. Все это — своеобразная лаборатория становления ее личности, духовного мира. Это ее шаги навстречу к Пушкину.

Да, случись все иначе, учили бы ее лишь рукоделию, танцам, правилам этикета, как то и принято было в дворянских семьях начала девятнадцатого века. И превратилась бы Натали Гончарова в милую уездную барышню, воспитанную на «чувствительных романах»…

Большинство ее записей на французском языке — и требуют особо бережного перевода. Это поистине бесценные сокровища — непознанная духовная Атлантида, — с помощью которых можно реконструировать мир детства ушедшей эпохи. И не дай Бог, если старые тетрадки исчезнут навсегда, истлеют, превратятся в прах. Ведь многие страницы рукописного наследия Наталии

Гончаровой уже не читаются…

Когда я показала известному поэту и профессору Литературного института Владимиру Кострову сочинение юной Таши об искусстве стихосложения, он воскликнул: «Да этим премудростям я учу первокурсников, для девочки же — познания удивительные!»

Будто бы к ней обращены пушкинские строки:

Оставь, оставь порой
Привычные затеи,
И дактил, и хореи…

Жаль, что поэту не довелось видеть сочинение будущей избранницы.

«Любезный Соловей»

«Просодия учит стопосложению и механическому составу стихов…» — так начинает свое сочинение Наташа Гончарова и далее размышляет о том, чем различаются между собой ямб и хорей, дактиль и анапест, и в чем особенность пиррихия.

Пишет «о стихе дактило-хореическом» и «анапестоямбическом», о рифмах, кои «разделяются на мужские и женские, на богатые и полубогатые», и о том, как «сочетание мужских стихов с женскими производит красоту в стихотворстве».

Приводит в пример неровные стихи, которыми «по большей части пишутся басни и сказки»:

> …Хор галок и ворон. Они и день и ночь
> Кричат, усталости не знают,
> И слух людей (увы!) безжалостно терзают.
> Что ж делать Соловью? лететь подале прочь. —
> Жестокие врали и прозой и стихами!
> Какому Соловью петь можно вместе с вами!

И как неожиданно сбылись те строки, что когда-то Натали девочкой записала в ученическую тетрадку:

Теперь, в этих безыскусных строках старой басни чудится некое предчувствие беды…

Суть ее проста и гениальна: никогда истинному певцу не ужиться с крикливым вороньим хором.

> Какому Соловью петь можно вместе с вами!

Это последняя строка. Перевернута страница, тетрадь закончилась. А чуть ранее, вот оно, двустишие:

> …звезду златую
> Смерть сорвала.

В тетрадке по русской грамматике — тоже неожиданная строка: «На тебе рука моя!»

Будто бы Наташе Гончаровой все было ведомо уже тогда!

Нет, поистине, в двадцать первом столетии, когда о судьбе Наталии Гончаровой столь много известно, эти ее детские записи несут некий сокровенный, провидческий смысл. «Бывают

странные сближения», — некогда заметил поэт.

Но кто же автор басни? Известно лишь, что была она напечатана в первом русском альманахе «Аониды» за 1796 год. Ни литературоведы, ни знатоки поэзии, ни пушкинисты не могут с точностью назвать автора трагической басни, которая запала в душу будущей жене великого поэта.

Возможно, кто-либо из баснописцев, популярных в то время в читающем обществе, — Иван Хемницер, Иван Дмитриев, Александр Измайлов.

Кто осмелится продолжить поиск и с достоверностью назвать поэта-баснописца? Это было бы важным, чтобы полнее постичь духовный мир избранницы Пушкина.

«Что от небес одарена»

В тиши затерянной в калужских лесах усадьбы и в московском доме на Большой Никитской свершалось неприметное чудо: маленькая Таша Гончарова день за днем прилежно исписывала тетрадь за тетрадкой, благо бумаги было вдосталь, и бумага была своя, «гончаровская», лучшая в России.

И заполнялись чистые страницы, и в детскую головку ложились знания о далеких странах и загадочных морских архипелагах, о мифах Древней Греции и основах российского синтаксиса, о походах персидского царя Дария I и правилах французской грамматики.

Таша Гончарова не по-детски рассудительна: «Говорить и писать значит сравнивать и судить; а потому слова должны быть в таком порядке, в каком понятия рождаются одному от другого…» Она имеет свое мнение, и ей не может нравиться, что «Плутарх, описывая поход греков под предводительством Александра, говорит неправильно, удаляет от главного предмета введением многих вставочных речей…». Она уже знает, что «связь понятий зависит от состояния души», и разбирает, как избежать сбивчивости «в живописной ораторской речи».

Мелькают дни и месяцы 1821 года. Таша Гончарова только-только начинает постигать школьные премудрости, а ее будущий избранник — уже признанный автор «Руслана и Людмилы». В этом году о нем, как о подающем надежды русском поэте, появляется первый хвалебный отзыв в парижском литературном журнале. И тогда же, весной 1821-го, он приступает к своей поэме «Бахчисарайский фонтан», принесшей ему новую громкую славу.

За плечами Александра Пушкина — Царскосельский лицей, первое путешествие на Кавказ и к «брегам Тавриды», служба в Бессарабии, увлечения, разочарования и загадочная «утаенная любовь»…

Что это — мистика, перст судьбы? Десятилетняя (девятилетняя ли?) Таша записывает в своей аккуратно разлинованной тетрадке: «Кто хочет писать Русские стихи, тот должен иметь предварительное понятие о стопе, о рифме, о строфе или куплете…»

Она пишет о шестистопных и пятистопных стихах дактило-хореических, которыми «писали старинные наши стихотворцы» и где «последняя стопа в стихе была всегда хорей, а предпоследняя дактиль». Приводит в пример написанные «шестистопными стихами ямбическими» поэму Хераскова «Россияда», философское послание Ломоносова к графу Шувалову «Письмо о пользе

стекла», трагедии Княжнина.

По удивительному совпадению в 1822 году Пушкин приступает к первой песне своей так и неоконченной поэмы «Вадим» — защитнике славянской свободы, восставшем против варяга Рюрика. Поэта вдохновила известная тогда трагедия Княжнина «Вадим Новгородский». Ее, верно, читала и Наташа.

Таша Гончарова отличает особенности пиррихия и анапеста, знает, сочетания каких стихов «производят красоту в стихотворстве». Переписывает отрывок из богатырской сказки, в коей Илья Муромец не советует витязям «стихо-рифмодетелям» взбираться на Парнас.

Нет! Парнасе гора высокая,
И дорога к ней не гладкая…

Она знает, что пятистопные ямбические стихи «не очень употребительны, их можно найти только в баснях», и что «цезура бывает в них после двух первых, а иногда и после трех стоп».

Познания девочки в области стихотворчества скромными отнюдь не назовешь — ямб от хорея она без труда отличала с детства. Словно ее готовили как будущую избранницу поэта.

«Являться муза стала мне»

Еще одна ученическая тетрадь вложена в большой синий конверт. На обложке Наташа прописью выводит название нового предмета «Курс мифологии» и ставит дату — 23 мая 1822 года. Все записи девочка ведет на французском языке. Древние мифы проштудированы ею досконально — имена прославленных богов, богинь, героев Греции и Рима мелькают на тетрадных страницах.

«Музы обитают на Парнасе и на Геликоне, где бьет источник Гиппокрена и где обычно пасется конь Пегас, который имеет крылья и летает посредством их. Музы являются дочерьми Юпитера и Мнемозины, что означает Память, которая приходится дочерью <Урана> и […]. Музы вместе с Аполлоном покровительствуют искусствам и наукам; их девять, почему их и называют девятью сестрами или дочерьми <Мнемозины>; у каждой из них есть особое предназначение…» (Перев. с фр.)

В числе девяти мифических сестер Наташа называет Эрато — музу лирической поэзии и Каллиопу — музу поэзии эпической. Вероятно, не была ею забыта и Полигимния — муза торжественных песнопений, но край страницы уже не читается…

Не могла ведать тогда девятилетняя девочка, что вечно юные Парнасские девы уже покровительствуют ее будущему суженому, а сам он давно припал к Гиппокрене — источнику, дарующему вдохновение поэтам, что выбил копытом крылатый Пегас.

И светлой Иппокреной
С издетства напоенный…

…В мае 1822-го Пушкин в Кишиневе, по словам Вяземского, «написал кучу прелестей».

Играй, Адель,
Не знай печали;
Хариты, Лель
Тебя венчали…

— пишет Александр Пушкин все в том же году, будто напутствуя неведомую ему, чудную девочку. Да и Наташе не дано было пока знать, что всего через несколько лет ей самой доведется предстать в облике Музы.

И в шуме света

Люби, Аделъ,
Мою свирель.
Она любила.

Тетрадь за тетрадкой

Надо отдать должное родителям Таши — Николаю Афанасьевичу и Наталии Ивановне Гончаровым — всем своим шестерым детям: Дмитрию, Екатерине, Ивану, Александре, Наталии и Сергею, несмотря на семейный разлад, связанный с болезнью отца, и житейские невзгоды, они сумели дать превосходное образование.

Детей в семье Гончаровых старались воспитать достойно, не нарушая фамильной традиции: на эти цели дедушка Афанасий Николаевич выделял из своих доходов по 40 тысяч рублей ежегодно — «для профессоров и наук» он не скупился. В1825 году, когда старший сын Дмитрий готовился к выпускным университетским экзаменам, на дом к Гончаровым приглашали профессоров…

И если братьям Гончаровым претензий по поводу их образования никто и никогда не предъявлял, то в отношении сестер — их было более чем предостаточно.

«Воспитание сестер Гончаровых (их было три) было предоставлено их матери, и оно, по понятиям последней, было безукоризненно, так как основами такового положены были основательное изучение танцев и знание французского языка лучше своего родного», — писал П. П. Каратыгин в журнале «Русская старина» еще в 1883 году.

«Об образовании Натальи Николаевны не стоит и говорить, — категорично заявлял пушкинист П. Е. Щеголев, — … Обстановка детства и девичьих лет Н.Н. Пушкиной отнюдь не содействовала пополнению образовательных пробелов. Знакомства и интересы — затхлого, провинциального разбора». Резче, пожалуй, некуда…

И здесь же Щеголев авторитетно делает ссылку на собственную статью «Пушкин и московские студенты в 1831 году». Но именно студенты лучшего в России Московского университета и давали некогда уроки сестрам Гончаровым: Екатерине, Александре и Наталии.

Прославленный Московский университет окончил старший брат Натали Дмитрий. Средний брат Иван воспитывался в частном учебном заведении, младший Сергей — получил домашнее образование.

И Наташа, и Сергей (он родился в 1815 году) — младшие дети в семье Гончаровых. Почти погодки, они были очень дружны в детстве, и эта дружеская привязанность сохранилась на всю жизнь.

Посмею высказать собственную гипотезу: в детстве, видимо, брат и сестра брали одни и те же уроки, к ним приглашали одних и тех же учителей. Ведь домашнее воспитание младшего Гончарова должно было быть на должном уровне, — во всяком случае, не хуже, чем у братьев. Вместе с ним, по «мужской» программе, быть может, чуть скорректированной, занималась и Наташа. Кстати, мое предположение не опровергли и некоторые специалисты по дореволюционному детскому образованию.

Ученье делалось на время твой кумир…

Думаю, что первые ученические опыты Наташи, да и старших детей, сохранила мать, Наталия Ивановна. И могла ли она предполагать, что эти простые домашние тетрадки сослужат в будущем такую добрую службу — снимут с младшей дочери обвинения в ее никчемности, необразованности, пустоте. Сколько их было — в земной и посмертной судьбе Натали!

«Наталья Гончарова просто роковая женщина, то пустое место, к которому стягиваются, вокруг которого сталкиваются все силы и страсти. Смертоносное место», — уверяла Марина Цветаева. И далее: «Были же рядом с Пушкиным другие, недаром же взял эту! (Знал, что брал.) Он хотел нуль, ибо сам был — все». Ей вторил Вересаев: «Пушкин любил жену. Но никакого духовного общения у них не было и не могло быть… В напряженной творческой и умственной жизни мужа она неспособна была принимать никакого участия».

«Люди с неудовольствием смотрят на совершенства других, думая, что их слова помрачают их, что их добрые качества унижают их», — запишет в своей тетрадке мудрая девочка Таша Гончарова.

Сохранился ее детский портрет. На нем — серьезная, неулыбающаяся девочка, в облике которой ничто еще не предвещало будущую красавицу. Наверное, нелепо было бы представить Наташу в детстве этакой маленькой отшельницей, которая только и делала, что прилежно училась. Нет, она (впрочем, как и юный Пушкин) любила шалости, и Наталия Ивановна упоминает о «Ташиных проказах».

Любила Таша сажать цветы, и дедушка, присылая ей разные семена, радовался, что внучка — «охотница до цветов»: «Хоть тем веселюсь, хоть будет кому за временем и за моими цветниками присмотреть».

С детских лет вместе с сестрами брала уроки верховой езды и слыла отличной наездницей. Играла в шахматы. И много позже, уже женой поэта, совершенствовала свое искусство.

«Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе: докажу

после», — поощрял ее супруг. Кстати, как уверяли ее друзья, Наталия Николаевна считалась лучшей шахматисткой Петербурга. Да и сам Пушкин говорил, что играла жена изрядно.

Любила музыку. Вместе с Пушкиным слушала оперы в лучших театрах Москвы и Петербурга, бывала на концертах музыкантов-виртуозов. Не раз упоминает она о «прекрасной музыке», «о превосходном оркестре Гунгля, который всегда слушаешь с удовольствием».

Свидетелями тех былых увлечений стали скупые строчки из писем, воспоминания подруг Натали и еще — ученические тетрадки…

От них просто невозможно оторваться. Большинство записей — на французском. Корю себя за то, что почти не знаю этого языка. Приходится довольствоваться тем, что в исписанных бисерным почерком страницах (Натали повзрослела — изменился и почерк) могу разобрать лишь самые простые фразы.

Перелистываю ее тетрадку по русской истории — Наташа пишет о Куликовской битве, о царствовании Ивана III, о покорении Сибири Ермаком, о великой смуте семнадцатого столетия, начавшейся с убийства царевича Дмитрия. Борис Годунов, князь Пожарский, Минин, польский королевич Владислав, сын Сигизмунда III. Призвание первого самодержца из Дома Романовых Михаила Федоровича…

Когда она это писала? Точной даты нет, — тетрадная обложка не сохранилась. Но скорее всего, судя по почерку, — в 1824–1825-х годах. Да ведь в те же годы Пушкин работал над «Борисом Годуновым»! (Сама трагедия увидела свет лишь в декабре 1830-го, после того как поэт, в связи с его предстоящей женитьбой, обратился с просьбой к графу Бенкендорфу.)

Вот тетрадь по географии за 1827 год. В ровные столбцы вписаны наименования островов и архипелагов: Мальдивы, Цейлон, Мальта, Родос, Формоза, Японские, Никобарские, Парасельские острова… Ловлю себя на мысли, что современный четырнадцатилетний подросток вряд ли сможет показать на глобусе и половину географических названий, упомянутых Натали. Да и не только подросток…

Далее следует подробнейшее описание российских губерний. А вот она приступает к изучению Китая, точнее, всех его многочисленных провинций. Государственное устройство, географическое положение, климат, особенности… Да ведь это просто энциклопедические познания!

Мелькают на страницах названия государств, морей, рек. Некоторые страны, что когда-то изучала Наташа, уже не встретишь на политических картах мира…

Аннибал в Наташиной тетрадке

Открываю следующую тетрадь по всемирной истории. Рим, Карфаген… Наташа описывает древние Пунические войны — долгую кровавую вражду между Римом и Карфагеном в третьем столетии до нашей эры. Ту самую, что предсказала некогда вещая Дидона!

Перелистываю сто тридцатую страницу. Аннибал… Так и есть! Натали описывает военные походы и сражения знаменитого полководца Ганнибала. А ведь так иногда называл эту фамилию и Пушкин. Пришли на память его строки: «До глубокой старости Аннибал помнил еще Африку, роскошную жизнь отца…» И дальше: «В России, где память замечательных лиц скоро исчезает, по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям».

Но поэт писал о своем темнокожем прадеде, крестнике и любимце Петра I, Абраме Петровиче Ганнибале.

> …черный дед мой Ганнибал…
>
> «Он был родом африканский арап из Абиссинии; сын одного из тамошних могущественных и богатых влиятельных князей», как повествует «Немецкая биография» прадеда поэта, «горделиво возводящего свое происхождение по прямой линии к роду знаменитого Ганнибала, грозы Рима».

В фамильном гербе, разрешение на который Абрам Петрович испросил у государыни, было изображение африканского слона под короной. Не хотел ли таким образом прадед поэта напомнить о своем историческом роде? Ведь именно на боевых слонах и начал свой поход на Рим карфагенский полководец Ганнибал.

И будущая свекровь Натали — Надежда Осиповна, внучка «царского арапа», в девичестве носила эту славную и чрезвычайно редкую в России фамилию.

Невероятно! Но происходят необъяснимые, «странные сближения» — первая глава «Арапа Петра Великого» помечена Пушкиным июлем 1827 года, и Натали почти в то же самое время пишет о Ганнибале.

Сколь много мистических предзнаменований! Их великий потаенный смысл в том, что увидеть и распознать скрытые знаки судьбы можно лишь через столетия. И сколько еще тайн и загадок таят в себе ученические Наташины тетрадки!

Наставления

Чем больше я вчитываюсь в страницы, исписанные ее рукой, перелистывая пухлые, почти академические фолианты сброшюрованных школьных тетрадей, тем более убеждаюсь, что не будь в ней этой заложенной в детстве привычки к постоянному труду, вряд ли воздушная красавица, госпожа Пушкина, могла бы справиться со своими будущими обязанностями — светскими и семейными, и справиться достойно.

«Ежели трудишься в молодости, то будешь иметь покой в старости»;

«Хотя учение трудно, однако плоды его сладки»;

«Избегайте праздности, ибо она есть источник всех пороков»;

«Человек питается плодами трудов своих»;

«Праздный всегда бывает скучен».

Эти столь часто слышанные Ташей наставления остались не только на тетрадных листах…

Как хорошо! вот сладкий плод ученья!

Края страниц, тронутых желтизной, истрепались, строки кое-где стерлись, стали расплывчаты. И под флером тончайшей, бережно подклеенной архивистами папиросной бумаги проглядывают, словно сквозь дымку столетий. Но старые орешковые чернила стойко сохранили свой цвет, да и кляксы, несмотря на весьма почтенный возраст, казалось, вот-вот сорвались с кончика гусиного пера. И, быть может, на ту же страницу следом капнули горькие детские слезы…

Теперь стало понятным, почему красавица Натали, в отличие от своих сестер и братьев, была близорука. Недостаток этот, явно не наследственный, а благоприобретенный…

Привычка заниматься глубоко и вдумчиво осталась у Наташи Гончаровой на всю жизнь. И эту свою основательность она передала детям: сыновья Пушкина — Александр и Григорий — с отличием учились в гимназии и Пажеском корпусе. К дочерям же — Марии и Наталии — на дом приглашались учителя. Девочек учили общеобразовательным предметам, а также иностранным языкам, музыке, рисованию.

…Наташа завершала учебу в своем домашнем лицее. Семнадцатилетняя барышня Гончарова, уже увидевшая свет и

познавшая неотразимость и силу своей красоты, она, как и прежде, исписывает своим летящим девичьим почерком новые тетрадки по немецкой грамматике. Последние ее конспекты помечены 1829 годом. Она — невеста поэта.

В небесном лике юной девы поэт сумел разглядеть не менее прекрасную и нежную душу, и сколько раз в жизни порадовался, что не ошибся в своем выборе.

«Госпожа Пушкина, жена поэта, здесь впервые явилась в свет, — записала в своем дневнике графиня Долли Фикельмон, — она очень красива, и во всем ее облике есть что-то поэтическое — ее стан великолепен, черты лица правильны, рот изящен, и взгляд, хотя и неопределенный, красив; в ее лице есть что-то кроткое и утонченное; я еще не знаю, как она разговаривает, ведь среди 150 человек вовсе не разговаривают, — но муж говорит, что она умна».

Замечание графини более чем просто любопытно, ведь современники в уме Натали обычно отказывали, — все затмевала ее редкостная божественная красота. Что ж, поверим Пушкину.

«Парнасса тайные цветы»

В чем только не обвиняли Наталию Николаевну многочисленные биографы поэта! Не было, дескать, у нее интересов ни к музыке, ни к живописи, ни к поэзии, и «неоткуда было возникнуть». Эта предвзятость проявлялась буквально во всем — даже вполне безобидные строчки из пушкинских писем толковались ей во вред.

«Наталья Николаевна была так чужда всей умственной жизни Пушкина, что даже не знала названий книг, которые он читал, — упрекал ее Валерий Брюсов. — Прося привезти ему из его библиотеки Гизо, Пушкин объяснял ей: «4 синих книги на длинных моих полках»».

Ведь это так естественно подсказать жене, где стоят нужные книги в огромной домашней библиотеке. «Отыщи», — просит он. Сам Брюсов допустил ошибку в названии книг — Пушкин просил жену прислать ему «Опыты» М. Монтеня. Вот уж, истинно, — не судите, да не судимы будете.

«Наталья же Николаевна, по некоторым сообщениям, — уверял Вересаев, — в то время совсем еще даже не читала Пушкина, вообще же всю жизнь была к поэзии совершенно равнодушна».

Так ли это? Читала ли юная Натали стихи Пушкина, будучи его невестой? Вопрос не праздный. Хорошо известно, что ее старшая сестра Александрит слыла страстной поклонницей пушкинской поэзии и знала наизусть многие его поэмы. А Натали? Она, как и ее сестры, выросла в родовом имении Полотняный Завод, где имелась богатейшая библиотека.

И вновь — открываю ученические тетрадки Наташи.

> «Чтение полезных книг служит к изощрению разума»;
>
> «Желающий чести человек, читая полезные книги, просвещает свой разум…»

Девяти лет от роду (!) Наташа знала уже о пользе книг.

Правда, не все книги в дедушкиной библиотеке предназначались для молодых барышень. От чтения некоторых из них, фривольного содержания, предостерегал свою молодую жену Александр Сергеевич, «…не марай себе воображения, женка», — советовал он.

Те две недели, что провел Пушкин в Полотняном в августе — сентябре 1834 года, он буквально зачитывался книгами из

гончаровского собрания. Его частенько видели несущим кипы старинных фолиантов. Тогда же поэт отобрал для себя и своих детей нужные ему сочинения. Сохранился реестр взятых им книг, из коего видно, что в фамильной библиотеке имелись довольно редкие книги по российской и всемирной истории, географии, философии: «Журналы Петра Великого», «Летописец царя Ивана Васильевича», «О градах китайских», «Семейная и дружеская переписка Фридриха II, Прусского короля», «Очерки Теодигэ о Доброте Бога, Свободе человека и происхождении Зла».

Числились в реестре многие учебники, очевидно, те самые, по которым в детстве занималась Наташа Гончарова: «Уроки арифметики» и «Древняя история», «Астрономическая география» и «Риторика», «Курс мифологии» и «Французская грамматика». Отложены были Пушкиным томики поэтических сборников, в их числе книги собственных стихов и поэм.

Пушкинские стихи читали, заучивали наизусть сестры Гончаровы. И конечно же, их не могла не знать и Наташа, ведь она сама писала стихи.

…Перелистывая страницы ученических тетрадок Наташи, на обложке одной из них, загнутой вовнутрь и в таком потаенном уголке, куда прежде никто не удосужился заглянуть, я нашла четверостишие, написанное ее рукой. Говорилось в нем о страхе и трепете душевном, что испытывает творец, посылая свои стихи в журнал. Уж не отправляла ли их и Наташа? Ей шел в ту пору пятнадцатый год…

И все же одно детское стихотворение Наташи известно. Свое поэтическое напутствие брату Ивану она записала в его альбом, хранящийся ныне в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки.

Единственно обретенное стихотворение юной Таши, написанное по-французски (перевод Владимира Кострова) и адресованное брату Ивану:

> «Пусть пройдет без невзгод твой жизненный путь.
> Светом дружбы украсятся дни.
> О сердечности нашей, мой друг, не забудь,
> Навсегда ее сохрани.
>
> *На память от искренне тебе преданной сестры Натали Гончаровой. 23 февраля 1822 года».*

Ах, как жаль, что об этих ученических опытах Натали не дано было знать ее строгим критикессам Марине Цветаевой и Анне

Ахматовой. Тогда, как знать, резкость суждений их о жене поэта смягчилась бы. Ведь она была одной с ними поэтической крови…

«Нет в природе величественнее, очаровательнее зрелища, как зрелище неба при восхождении и захождении солнца, которого вид составлен из много различных отливов света, разливающихся по облакам…» — давным-давно записала в своей тетрадке девочка-поэтесса Таша Гончарова.

«Я женат — и счастлив», — признавался после свадьбы Пушкин. Но счастье было недолгим…

«Ежели мы под счастием будем разуметь такое состояние души, в котором бы она могла наслаждаться в сей жизни новыми удовольствиями; то оно невозможно по образованию души нашей и по множеству неприятностей, с которыми часто невольным образом встречаемся в сей юдоли печалей». Эти откровения безымянного философа восемнадцатого столетия Наташа в детстве переписала в свою ученическую тетрадь. И как точно соотнеслись они в будущем с ее счастливой и трагической судьбой.

ЛЮБОВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ЗАГРЯЖСКОГО

Где муки, где любовь?

А.С. Пушкин

Вблизи Москвы есть словно затерянный мир. И далекое восемнадцатое столетие здесь предстает особенно зримым, почти осязаемым.

Ярополец… Кажется, — время остановило в этих местах свой нескончаемый бег. В тиши старинной усадьбы, сохранившей отблеск былого великолепия, легко представить образы ее прежних владельцев, тех, чьим велением возводились эти башни, дворец — они жили, любили, страдали, молились и обрели, наконец, вечное пристанище.

Ярополец… Почти таким же впервые увидела родовое имение десятилетняя Наташа Гончарова. И старые слуги сказывали ей удивительные истории о былых временах, и о господах, ее дедах и прадедах, что жили здесь прежде. И рассказы эти походили на легенды… Видела девочка на берегу Ламы огромный надгробный камень, заросший крапивой и иван-чаем. И на нем можно было еще различить воинственный герб — меч и крест под луною, и даже разобрать старинную вязь: «Лета 7206, ноября в 9 день преставился раб Божий, гетман Войска Запорожскаго Петр Дорофеев, сын Дорошенко; а поживе от рождества своего 71 год, а положен бысть на сем месте». И трудно было представить маленькой Таше, что грозный воин, похороненный на исходе семнадцатого века под гранитной глыбой, и будто бы вместе со своей золотой гетманской булавой, приходился ей далеким прапра… дедушкой.

«Запорожский рыцарь» и «Свойственник царя Ордынского»

Ерополчь, Ярополче, Ярополицы — как только не называлось в столетиях старинное славное село, а ныне небольшой поселок Ярополец, что близ Волоколамска. Впервые русская летопись упоминает о Яропольце в 1135 году. Какое еще село может поспорить своим возрастом с Москвой! А вот старинный Ярополец может. Старожилы уверяют, что само название пошло от князя Ярополка, сына Владимира Мономаха, чьи боевые дружины стояли некогда ратным лагерем на берегу неторопливой Ламы. В веках меняло село владельцев, числилось то за древним Иосифо-Волоцким монастырем, то становилось царской вотчиной — Иван Грозный выкупил эти земли у монастыря и любил здесь позабавиться знатной охотой.

Дни расцвета исконно русского села, как ни странно, связаны с именем гетмана Правобережной Украины Петром Дорошенко.

Петр Дорофеевич Дорошенко, «один из героев древней Малороссии, непримиримый враг русского владычества» (как писал о нем в примечаниях к «Полтаве» Пушкин), был личностью исторической. Начав службу в войске Богдана Хмельницкого (в 1657-м ездил с посланием гетмана к шведскому королю), он стал генеральным есаулом при гетмане Павле Тетере, затем полковником, и на Чигиринской раде ему были вручены заветные символы гетманской власти — бунчук и булава.

Зачем дрожащею рукою
Еще он носит булаву?
Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко…

Честолюбивый Дорошенко то вступал в сговор с поляками против Москвы, мечтая о единой Малороссии и желая объединить её под польским протекторатом, то уповал на помощь крымского хана, то заключал договор с Турцией о войне против России и Польши. Но турки, равно как и татары, в союзники гетману не годились — тысячами угоняли они несчастных украинцев в неволю, рушили и оскверняли христианские святыни.

И, наконец, осенью 1676 года, лишенный помощи турецкого султана и окруженный под Чигириным войсками Ромодановского и Самойловича, мятежный гетман принужден был сдаться на

милость русского царя. Хитросплетения тогдашней политики, козни и измены привели низложенного гетмана Дорошенко в Москву, а позднее и в Ярополец.

Как оказался недруг «москалей» в самом сердце Московии? История эта необычная и поучительная: он был взят в плен русскими стрельцами, служил затем воеводой в Вятке и за верную службу жалован был царем Федором Алексеевичем землями — подмосковным поместьем в тысячу дворов, селом «Ерополчь с приселками и деревнями». Но во владение Яропольцем опальный гетман вступил уже при царевне Софье.

Московские государи не только казнями и ссылками избавлялись от своих опасных врагов…

Жизнь шла своим чередом. «Запорожский рыцарь», так поэтически окрестили старого гетмана, благополучно женился на Агафье Еропкиной. Двое из его сыновей наследовали отцовские земли: младший сын Петр отошедшие к нему владения продал графу Григорию Чернышеву в 1717 году, старший же, Александр, свою часть Яропольца оставил за собой.

Александр Петрович, сын гетмана, взял в жены Прасковью Пушкину, — так «старый Дорошенко» породнился с родом «Пушкиных мятежных»: отец и дед Прасковьи сложили свои головы на плахе.

В рядах заговорщиков, покушавшихся на жизнь Петра I и казненных его волею в 1697 году, были прямые предки Наталии Николаевны: молодой стольник Федор Пушкин, сын боярина Матвея, и тесть Федора — Алексей Прокопьевич Соковнин.

В семействе Александра Петровича и Прасковьи Федоровны появилась на свет единственная дочь Екатерина, в замужестве ставшая Загряжской.

Загряжские — фамилия известная в отечественной истории. Ее основоположник Исахар, «во св. крещении Гавриил, свойственник царя Ордынского», «муж честен», выехал из Орды к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому, был у него «ближний человек» и жалован вотчинами. «И дал за него, Исахара, великий князь Дмитрий Иванович сестру свою…»

Сын Исахара (Гавриила) Антон Гаврилович, наместник можайский, стал первым писаться Загряжским. Среди Загряжских были послы в Литве и в Крыму, наместники, полковые воеводы, генералы. Эта фамилия дала интереснейшую ветвь в родословии Наталии Гончаровой.

Еще в пору своего жениховства, знаменитой Болдинской осенью Пушкин писал в набросках, почти автобиографических, «что никогда не женится или возьмет за себя княжну рюриковой крови». Видно, судьбой было определено Натали стать невестой, а

затем и женой великого поэта.

Прапрадед Натали генерал-аншеф Артемий Григорьевич Загряжский, кавалер ордена Св. Александра Невского, был женат на княжне Анастасии Борисовне Барятинской, ведущей свой род от первого славянского князя Рюрика. Так что Наталия Гончарова — потомок князей Барятинских по женской линии, — «рюриковой крови»!

С родной внучкой гетмана Екатериной Дорошенко и связал свою жизнь генерал-поручик Александр Артемьевич Загряжский. Прадед Наталии Гончаровой.

«Удивительные заблуждения» дедушки Натали

Он же и приступил к строительству фамильного дворца в Яропольце, задуманном в модном тогда готическом стиле. Вернее, к созданию грандиозного архитектурного ансамбля, включавшего сам дворец из красного кирпича с белыми коринфскими колоннами вместе с церковью, пристройками, оградой и въездными воротами с башнями, похожими на гигантские шахматные ладьи. Возводил это архитектурное чудо конца восемнадцатого столетия кто-то из учеников великого Баженова, имя его осталось неизвестным, а потому полагают, что, возможно, и сам славный мастер к сему творению руку приложил. Начинание генерала-отца было счастливо завершено его сыном Борисом Александровичем: родовое гнездо казалось и неприступной крепостью, и романтичным замком одновременно.

Младший брат Бориса — Иван Александрович Загряжский, в будущем — родной дед Наталии Гончаровой, снискал себе сомнительную славу тем, что однажды вызвал на дуэль самого Гавриила Романовича Державина, в то время тамбовского губернатора. И проявил, как писал поэт-губернатор, «сумасбродное донкишотство».

Гавриил Романович Державин вступил в должность тамбовского воеводы в декабре 1785 года. Чуть ранее в Тамбовской губернии стоял расквартированный там Каргопольский карабинерный полк, командовал коим Иван Загряжский. Затем полк перевели на Кавказ, а его командир, генерал-майор Загряжский, исхлопотав себе отпуск в Тамбовскую губернию, с особым рвением принялся за дела сугубо домашние — обустраивать родовое имение Знаменское-Кариан. То самое, в котором много позже и появится на свет его внучка Таша Гончарова!

Правда, порой генерал не особо разбирал, откуда брать деньги на строительство, — из казны ли, либо из собственного кармана? Губернатор Державин исходил из государственной пользы, а она в действиях Загряжского, увы, не усматривалась. Тогда вверенной ему властью он попытался пресечь незаконные деяния генерала, чем и вызвал гнев последнего.

Из письма Г. Р. Державина генерал-майору И. М. Синельникову:

«Генерал-майор Иван Александрович Загряжский, будучи полковником и бригадиром, стоял здесь со своим Каргопольским

полком в губернии…Делал он чрезвычайные разорения государственным крестьянам и однодворцам, так… забирал провиант и фураж, нужный для полка, безденежно».

Далее Гавриил Романович, подробно описывая предпринятые им меры против бесчинств генерал-майора Загряжского, продолжает:

«Сие принял он за крайнюю себе обиду: приехал в бешенстве в Тамбов, делал разные непристойные чину своему поступки, т. е. скакал с заряженными пистолетами и с большою саблею по улицам, дожидался по ночам моего выезду, ругал и стращал меня разными угрозами по домам. Но как сие все чудесил он заочно, то я смеялся и презирал такое сумасбродное донкишотство. Наконец, прислал ко мне капитана и потом полку своего майора барона Сакена и требовал, чтоб я назначил ему место, кроме моего дома, для некоторого с ним объяснения…»

Как знать, случись та самая дуэль, и «старик Державин» не смог бы благословить юного поэта на великое поприще! А Пушкин не оставил бы восторженных воспоминаний о встрече с патриархом родной поэзии на экзамене в Царскосельском лицее, когда великий старец, восхищенный его стихами, бросился обнимать кудрявого лицеиста. И скольких пушкинских (да и державинских!) стихов не досчиталась бы тогда российская литература.

И славный старец наш, царей певец избранный,
Крылатым гением и грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой,
И счастье мне предрек, незнаемое мной.

Дуэль между Державиным и Загряжским, по счастью, не случилась. В том давнем споре, как ни странно, бескровную победу одержал генерал, — благодаря вмешательству своего весьма могущественного приятеля — светлейшего князя Потемкина-Таврического! И от губернаторской должности Гавриил Романович был-таки отстранен…

Трудно судить объективно об обстоятельствах той далекой тяжбы. Иван Александрович имел немало заслуг по службе, — недаром его связывала дружба с фельдмаршалом Григорием Потемкиным-Таврическим, видным государственным деятелем эпохи Екатерины Великой. Как свидетельствовал один из современников Ивана Александровича: «Он по-прежнему окружен пышностью и не изменяет своим привычкам, приобретенным в штабе князя Потемкина, которого был он из первых любимцев и ежедневных собеседников».

Светлейший князь «испрашивал орден» для храбреца-генерала у самой матушки-государыни: «Во время сделанной из Очакова в 27 день июля вылазки генерал-майор Иван Александрович Загряжский поступал с отличною неустрашимостью…»

За ту «Очаковскую баталью» Иван Александрович в 1789 году получил свою первую награду — орден Св. Анны. А вскоре на парадном мундире уже генерал-поручика Загряжского засияли и другие ордена: Св. Георгия 3-й степени, Св. Владимира 2-й степени и Св. Александра Невского!

Но особо «отличился» генерал Загряжский на семейном поприще. Судьба ввергла его в «удивительные заблуждения». Будучи по делам службы в Аифляндии, он, женатый человек и отец семейства, повстречал в Дерпте изумительной красоты женщину — баронессу Эуфрозину Ульрику фон Поссе — и так был очарован, что предложил красавице руку и сердце. Ульрика была замужем и имела дочь Иоганну (Жаннет). Ее баронесса принуждена была оставить в Аифляндии, когда, разведясь с мужем и тайно обвенчавшись с русским генералом, навсегда покинула родину.

Проще говоря, она бежала из дома. На лихой тройке поджидал красавицу влюбленный Иван Загряжский. Обманутый муж, хоть и бывший, снарядил погоню, но генерал все предусмотрел — на каждой почтовой станции их уже ждали новые экипажи. Догнать беглецов так и не смогли. Тогда муж и отец баронессы стали писать жалобы на русского генерала, похитившего их жену и дочь, сановным лицам Российской империи, требуя признать новый брак Ульрики фон Поссе недействительным и содействовать возвращению беглянки в лоно семьи.

Зачем бежала своенравно
Она семейственных оков…

А тем временем Иван Александрович, счастливо ускользнувший от преследователей, подъезжал вместе с похищенной красавицей к родовому Яропольцу, где ждала своего легкомысленного мужа… его законная супруга Александра Степановна.

«В один злополучный день покинутая жена, томившаяся неведением в течение долгих месяцев, была радостно встревожена заливающимся звоном колокольчиков. Целый поезд огибал цветочную лужайку перед домом, и из первой дорожной берлины выпрыгнул ее нежданный муж, и стал высаживать

сидевшую рядом с ним молодую красавицу. […] С легким сердцем и насмешливой улыбкой на устах произвел Загряжский еще невиданную coup de theatre (неожиданную развязку), представив обманутую жену законной супруге…Молодая женщина не могла прийти в себя…она, как подкошенный цветок, упала к ногам своей невольной и почти столь же несчастной соперницы». Сам Загряжский, не любивший душераздирающих сцен, почел для себя за выход оставить обеих жен и перебраться на жительство в Москву.

«Бабье дело — сами разберутся», — решил он. Приказав перепрячь лошадей, даже не взглянув на хозяйство, а только допустив приближенную дворню к руке, поцеловав рассеянно детей, он простился с женой, поручив ее христианскому сердцу и доброму уходу все еще бесчувственную чужестранку, — и укатил в обратный путь».

Так передавалась эта необычная история в поколениях Загряжских и Гончаровых, такой ее услышала и записала Александра Арапова.

Ну а сам генерал и не думал изменять своим привычкам, жил себе в Москве весело, на широкую ногу, не утруждая себя заботами об оставленных им несчастных женах.

Баронесса из Дерпта

Прошло несколько месяцев, и в том же 1785 году, у баронессы родилась дочь. Девочку окрестили и нарекли Наталией.

Но век красавицы чужеземки был недолог. Словно вырванный с корнем цветок, она зачахла на чужбине. Ульрика умерла молодой, тридцати лет от роду, оставив на попечение своей благодетельницы дочь Наталию. Всю свою жизнь Наталия Ивановна молилась каждодневно о душе родной матушки. Может быть, потому так был дорог ей и Ярополец, где была похоронена ее мать, бедная Ульрика…

Необычная история любви и жизни баронессы Ульрики и особенно ее печальный конец волновала воображение юной Натали. Уже много позже она писала мужу о своих титулованных родственниках.

Из письма Наталии Николаевны П. П. Ланскому в Ригу (июнь 1849):

> «Если встретишь где-либо по дороге фамилию Левис, напиши мне об этом, потому что это отпрыски сестры моей матери. В общем, ты и шагу не можешь сделать в Аифляндии, не встретив моих благородных родичей, которые не хотят нас признавать из-за бесчестья, какое им принесла моя бедная бабушка. Я все же хотела бы знать, жива ли тетушка Жаннет Левис, я знаю, что у нее была большая семья. Может быть, случай представит тебе возможность с ними познакомиться».

Наталии Николаевне так и не довелось свидеться со своими благородными родственниками. К тому времени, когда писались эти строки, Жаннет уже не было на свете. Тетушка умерла в тот самый год, когда незнаемая ею племянница Натали Гончарова стала женой первого поэта России.

…Семнадцатилетняя Эуфрозина Ульрика, урожденная Липхарт, венчалась с бароном Морисом фон Поссе в Дерпте (нынешний Тарту) в мае 1778 года. В сентябре следующего года в молодом семействе родилась дочь Иоганна Вильгельмина — та самая «тетушка Жаннет». Спустя пять лет красавица баронесса бежала из отчего дома, оставив отцу (матери Ульрика лишилась рано, в детстве), отставному ротмистру Карлу Липхарту, маленькую дочь.

Она забыла стыд и честь,
Она в объятиях злодея!
Какой позор!

Весть о смерти в далекой России дочери-беглянки долетела и до бедного отца: в следующем, 1792 году, несчастный Карл Липхарт скончался, поручив любимицу-внучку Иоганну заботам сына Рейнгольда и его невестки.

Пройдет время, и юная баронесса выйдет замуж за Федора Левиза оф Менара, участника войны с Наполеоном. Портрет боевого генерала кисти английского живописца Джорджа Дау и поныне украшает знаменитую галерею героев 1812 года в Зимнем дворце.

Славный генерал-лейтенант Федор Левиз оф Менар, шотландец по происхождению, приходился дядей Наталии Николаевне. В супружестве с баронессой Иоганной Вильгельминой на свет появились двенадцать детей! И, как писала Наталия Николаевна, у «тетушки Жаннет», действительно, была большая семья.

В письме к Ланскому есть и такие строчки: «Ты говоришь о некоем Любхарде и не подозревая, что это мой дядя. Его отец должен быть братом моей бабки — баронессы Поссе, урожденной Любхард».

Речь идет о младшем сыне Рейнгольда Липхарта (так правильно звучит фамилия!) Карле Готтхарде Липхарте, владельце многих имений. Да и его отец, воспитавший маленькую племянницу Иоганну, был человеком весьма состоятельным: в замке Ратсхоф, близ Дерпта, хранились богатейшие коллекции фарфора и скульптуры; библиотека насчитывала тридцать тысяч томов; картинная галерея поражала воображение заезжих путешественников и гостей дома полотнами кисти знаменитых художников Европы. Все эти богатства впоследствии и перешли к Карлу Готтхарду, еще более украсившему свое фамильное гнездо лучшими образцами искусства: не зря усадьбу Ратсхоф окрестили «маленьким Версалем».

Так что лифляндские родичи Наталии Николаевны отличались и богатством, и знатностью, и любовью к прекрасному.

Необыкновенная красота баронессы Эуфрозины Ульрики, о которой в семье ходили легенды, словно по наследству, передалась ее дочери, а затем — в полной мере и внучке Наталии Гончаровой.

…Когда в 1837-м в Зимнем дворце случился пожар, то страже был отдан приказ: спасать из огня лишь самые ценные вещи.

Один из офицеров, оказавшись в апартаментах фрейлины Екатерины Ивановны Загряжской и увидев в незатейливой черепаховой рамке миниатюру, с изображенной на ней очаровательной женской головкой, не раздумывая, схватил безделушку. И позже на вопрос чиновника, ведущего реестр спасенному имуществу, — что побудило его взять столь незначительный предмет, безымянный спаситель воскликнул: «Я не мог оставить изображение такой редкой красавицы в добычу огню!»

После смерти Екатерины Загряжской семейная реликвия досталась ее племяннице Наталии Пушкиной. О дальнейшей судьбе единственного портрета красавицы баронессы неизвестно — стал ли он и впрямь «добычей огня», когда после октября семнадцатого полыхали по всей России дворянские усадьбы?

…Добрейшая Александра Степановна, сочувствуя печальной участи молодой женщины, проявила редкое великодушие: приняла чужестранку, а чуть позже и ее новорожденную дочь Наталию, в будущем Наталию Ивановну Гончарову, в свое семейство. Наталия осиротела рано, в шесть лет, и Александра Степановна заменила ей мать, уравняв в правах с родными детьми. Всю свою жизнь Наталия Ивановна вспоминала о приемной матери с чувством дочерней признательности.

Много позже именно Наталии Ивановне Гончаровой, урожденной Загряжской, и достанется по разделу между сестрами Екатериной и Софьей родовая яропольецкая усадьба.

В ней она проживет свои последние годы и будет похоронена в августе 1848 года, — неподалеку от имения, на кладбище Иосифо-Волоцкого монастыря.

В этот монастырь Наталия Ивановна каждый год пешком ходила на богомолье и проводила в молитвах и посте до двух недель. Щедрая прихожанка, она делала в монастырь богатые пожертвования. Набожной Наталии Ивановне и суждено было умереть здесь, в древних стенах, во время одного из паломничеств. Могила ее утрачена в тридцатые годы прошлого века — самые безбожные времена, в разгар борьбы с верой и церковью, когда по старым монастырским надгробиям в одночасье прошелся бульдозерный каток…

Безмолвны надгробные камни, и теперь уж никогда не узнать, где, на каком месте оплакивала свою потерю Наталия Николаевна…

Барышни Гончаровы

В фамильной гончаровской летописи упоминается об одном необычном, почти мистическом случае — в спальне, куда вошла Наталия Ивановна, вернувшись из Москвы со свадьбы дочери, вдруг со стены сорвалось зеркало и разлетелось на мелкие осколки. «Не пройдет это даром!» — охнула Наталия Ивановна. Того печального предзнаменования она никогда не забывала, особенно уверовала в его силу, когда донеслась до нее горькая весть о гибели на дуэли поэта, ее зятя, которого она успела полюбить и привязаться к нему всей душой. Надев тогда черное траурное одеяние, она уж больше его не снимала…

В рукописном отделе Российской государственной библиотеки хранится альбом Наталии Ивановны, где на страницах ею собственноручно вписаны пушкинские стихи.

Любопытный исторический факт. Перед свадьбой Наталия Ивановна обещала выделить своей Таше в приданое двести яропольцких крестьян. Но потом, видимо, передумала. Благой материнский порыв так и не был исполнен.

…Некогда во дворце висел портрет трех юных сестер Гончаровых: Екатерины, Александры и Натали. Оставался он там и после революции, когда в доме разместилась сельская школа.

В этой школе до войны училась уроженка здешних мест Антонина Павловна Кожемяко, известная во всей округе благодаря созданному ей в Яропольце народному краеведческому музею. И как ни удивительно, но только в ее памяти и живут образы юных барышень, что приезжали сюда, в позапрошлом столетии, погостить к маменьке:

«На всю жизнь запомнила я общий портрет сестер Гончаровых. В овальной рамке, небольшого размера. На одной из сестриц было розовое кружевное платье, на другой — нежнозеленое, на третьей же — голубое.

Наряды так тонко были выписаны художником — складочки, рюшечки, кружева, — что мне хотелось распахнуть окно: казалось, что от ветра разноцветные шелка вдруг заструятся…»

Свидетельство более чем важное — ведь не сохранилось ни одного девичьего изображения Натали Гончаровой. Известен лишь ее детский портрет, заказанный дедом Афанасием Николаевичем, где безымянный художник запечатлел девочку в возрасте пяти-шести лет. Да еще — акварель кисти Александра Брюллова, где она — уже Наталия Пушкина, юная жена поэта. Временной разрыв в целых тринадцать лет!

Осенью 1941-го портрет сестер Гончаровых таинственным

образом исчез. И по времени это печальное событие совпало с оккупацией Яропольца гитлеровскими войсками и разорением дворца. Что случилось с той акварелью: погибла ли она в пламени войны, или какой-нибудь немецкий солдат сорвал со стены красивую картинку и сунул в вещмешок? Как некогда была спасена из горящего Зимнего дворца миниатюра баронессы Ульрики… Быть может, в тихом немецком городке, в чьем-то доме висит на стене портрет трех безымянных сестер или положен в семейный архив вместе с наградами и солдатскими письмами как память о России и войне? Призрачная надежда. Но все же она есть…

Ведь та утраченная бесценная акварель хранила образ Натали Гончаровой, — той юной барышни, какой ее впервые увидел поэт.

«ЦЕЛУЮ КОНЧИКИ ВАШИХ КРЫЛЬЕВ»

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали!
И легковерные мечты…
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.
А.С. Пушкин

«И день настал»

День встречи поэта и его избранницы, — какими странными, непредсказуемыми путями вела к нему судьба! Если заглянуть в историю рода Пушкиных-Гончаровых, то представится величественно-трагическая картина.

День этот предопределен всем ходом истории — не только русской, но и общемировой. Не притязания бы Османской империи к землям Черного континента, так и остался маленький Ибрагим в Абиссинии, в отчем доме, а не стал бы заложником турецкого султана. А значит — не привезен бы в Россию, в подарок русскому царю Петру I!

Должен был прибыть в Киев ко двору великого князя Всеволода II Ольговича далекий предок поэта серб Ратша, граф Савва Рагузинский доставить из Константинополя в Москву арапчонка, засидевшаяся в девках Мария Пушкина выйти замуж за сына царского арапа, гетман Петр Дорошенко потерпеть поражение и попасть в плен к московскому царю, генерал Иван Загряжский похитить лифляндскую баронессу, калужский купец Афанасий Гончаров построить полотняные заводы, его правнук Николай встретить в Петербурге красавицу Наталию Загряжскую, а подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Сергей Пушкин увлечься «прекрасной креолкой»… И будто бы все эти разновеликие события — интриги, похождения, злодейства, царствования, войны — имели собой одну-единственную цель: привести Александра Пушкина и юную Наташу Гончарову на Тверской бульвар в дом Кологривовых.

Из двадцать первого столетия, как из космической выси,

легко созерцать и оценивать чьи-то далекие чужие жизни, их причудливую вязь во времени и пространстве.

Каким необычным был для Пушкина год 1828-й от Рождества Христова! Сколь много вместил он в себя любви и творческих озарений, отчаяния и призрачных надежд на счастье. А начинался год под знаком любви к Аннет Олениной. В честь её слагались будущие шедевры пушкинской лирики, на рукописных страницах мелькали то ее головка с ниспадавшими локонами, то перевитые лентами маленькие ножки в бальных туфельках… Нет, не судьба… Гостеприимное оленинское Приютино не стало родным для поэта. Крушение надежд, мечтаний… «Я пустился в свет, потому что бесприютен». И вновь мучительные подспудные поиски своего Дома, желание жить и «познать счастье».

Итак, декабрь 1828 года. Предновогодняя Москва полнится слухами — Пушкин приехал! Приехал так нежданно, что никого из друзей не успел (или не захотел?) оповестить.

«Декабрь. 6… Приехал в Москву Пушкин», — записывает в дневник знакомец поэта историк Михаил Погодин.

А следом — еще одна временная зарубка: 12 декабря. Князь Петр Вяземский сообщает жене: «Здесь Александр Пушкин; я его совсем не ожидал. Он привез славную поэму «Мазепа», но не Байроновского, а своего. Приехал он недели на три, как сказывает, еще ни в кого не влюбился, а старые любви его немного отшатнулись…»

Пушкин прибыл в Первопрестольную из Тверской губернии, из Малинников, столь милых его сердцу «Вульфовых поместий». Ему так не терпится показать друзьям новую поэму. Написана она была еще осенью, написана на едином дыхании, в те счастливейшие мгновения, когда под напором поэтических строк рушатся незримые плотины, и стихи текут мощно и вольно. «Сильные характеры и глубокая трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, — вот что увлекло меня, — признавался сам поэт, — «Полтаву» написал я в несколько дней; далее не мог бы ею заниматься и бросил бы все».

«В первый раз Пушкин читал нам «Полтаву» у Сергея Киселева при Американце Толстом и сыне Башилова…» — вновь свидетельствует князь Вяземский. А поблизости от шереметевского особняка на Поварской, где жил тогда полковник в отставке Сергей Дмитриевич Киселев, буквально в пяти минутах ходьбы — стоило лишь по Скарятинскому переулку выйти на Большую Никитскую — стоял ничем не примечательный, весьма прозаического вида деревянный одноэтажный дом с антресолями, и три его окна с распахнутыми ставнями безучастно смотрели на улицу.

Узнал ли ты приют укромный,
Где мирный ангел обитал…

И жила в том доме со своими сестрами и братьями, строгой матушкой и отцом, страдавшим тяжким душевным недугом, шестнадцатилетняя Таша Гончарова, соединенная кровным родством с одним из героев пушкинской «Полтавы» — украинским гетманом Дорошенко. Жила обычной жизнью московской барышни: мечтала о первых балах и поверяла свои девичьи секреты сестрам Катеньке и Азе, исправно посещала службу в приходском храме, как то было заведено в семье, и прилежно училась, исписывая своим легким летящим почерком одну за другой тетрадки по всемирной истории и мифологии, немецкому синтаксису и географии.

И не могла знать тогда юная Натали, что судьба уже готовит ей встречу с НИМ, ее суженым, ее супругом! И что в те декабрьские дни Александр Пушкин уже в Москве, и чтобы видеть его, не надо даже закладывать экипаж — ОН совсем рядом, в доме на соседней улице! Читает друзьям свою новую поэму…

Как сладок юности покой!

Преддверие встречи. Тайное сближение судеб. Время начало свой незримый отсчет…

Тайнопись «Полтавы»

Пройдет не более двух недель, и на исходе декабря поэт увидит ее на балу у танцмейстера Йогеля в доме Кологривовых, что на Тверском бульваре. Кончился Рождественский пост, и по всей предновогодней Москве нескончаемой чередой шли балы.

Петр Андреевич Йогель был известен нескольким поколениям москвичей, и слава о его балах, что давал он в особняках московской знати, гремела по всей столице. Лев Толстой оставил их описание на страницах романа «Война и мир»: «У Йогеля были самые веселые балы в Москве. Это говорили матушки, глядя на своих «подросточков», выделывающих свои только что выученные па; это говорили и сами подростки, танцевавшие до упаду; это говорили взрослые девицы и молодые люди, приезжавшие на эти балы с мыслию снизойти до них и находя в них самое лучшее веселье… Особенного на этих балах было то, что не было хозяина и хозяйки: был, как пух летающий, по правилам искусства

расшаркивающийся добродушный Йогель… было то, что на эти балы еще езжали те, кто хотел танцевать и веселиться, как хотят этого тринадцати- и четырнадцатилетние девочки, в первый раз надевающие длинные платья».

Вот на таком веселом рождественском балу и свела судьба Пушкина и Натали.

«В белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической, царственной красотой. Александр Сергеевич не мог оторвать от нее глаз… Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врожденная скромность, столь редкая спутница торжествующей красоты, только возвысила ее в глазах влюбленного поэта».[2]

Натали Гончарова в тот знаменательный вечер будет прекрасна, как юная богиня.

Вокруг высокого чела,
Как тучи, локоны чернеют.
Звездой блестят ее глаза…

Он подойдет к ней, завороженный и покоренный юной царственной красотой. А она, увидев подле себя знаменитого поэта, словно сошедшего к ней небожителя, в ореоле славы и всеобщей любви, смущенная его комплиментами, опустит прекрасные глаза. И это естественное движение чистой души скажет ему главное. Она будет узнана!

А влюбленный поэт будет вспоминать: «Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась…» И на странице рукописи меж стихотворных строк легкое перо поэта впервые набросает ее милый образ.

С этого благословенного дня в жизнь Пушкина, в его мечтания и надежды полновластно войдет робкая красавица Натали Гончарова. Войдет, чтобы остаться в ней навсегда.

«Пушкин познакомился с семейством Н.Н. Гончаровой в 1828 году, когда будущей супруге его едва наступила шестнадцатая весна. Он был представлен ей на бале и тогда же сказал, что участь его будет навеки связана с молодой особой, обращавшей на себя общее внимание», — так писал П. В. Анненков. Вероятней всего, о первой встрече с Пушкиным рассказала ему сама Наталия Николаевна! Неслучайно биограф поэта однажды заметил: «По стечению обстоятельств никто так не поставлен к близким сведениям о человеке, как она».

И как точно это необычное свидетельство соотносится с

признанием Пушкина невесте: «…Заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь». И, надо полагать, слово свое сдержал, — ведь сказано то не пылким юношей, но зрелым мужем, знающим цену и словам, и поступкам.

…Черновая рукопись «Полтавы» — потаенный дневник Пушкина. Эти драгоценные листы запечатлели великое таинство — рождение поэмы. Не удивительно ли найти средь них и эти первые строки?

И подлинно: в Украйне нет
Красавицы Натальи равной…

Позже поэт наречет дочь страдальца Кочубея иным именем, но имя Натальи (ее имя!) будет названо.

Он горд Натальей молодой,
Своею дочерью меньшой

Шестнадцатилетняя Натали — Таша, Наталия, младшая из сестер Гончаровых… И эти пушкинские строки, поистине пророческие!

И жертвой пламенных страстей
Судьба Наталью назначала
Судьба!

Все-то знает о своем приятеле, и все-то предвидит князь Петр Андреевич: «Он… еще ни в кого не влюбился, а старые любви его немного отшатнулись…»

«Отшатнулись»! Словно деревья под порывом ветра. Или чтобы яснее указать дорогу к ней. Единственной.

И Аннет Оленина, и Софья Пушкина, и графиня Елизавета Воронцова, и Екатерина Ушакова — все они — прежние «любви», былые увлечения.

Светский сплетник Вяземский. Спасибо ему! Он запечатлел в своих письмах незримое: поток любовной энергетики Пушкина, стремительное его развитие. Будто разыгрывается некая музыкальная пьеса с бесконечно меняющимися темпами: аджеволе — «еще ни в кого не влюбился»; адажио — «вероятно, он влюбится»; анданте — «он опять привлюбляется»; аллегро — «влюбляется на старые дрожжи». И в завершение — мощные мажорные аккорды! — признание самого Пушкина: «голова у

меня закружилась».

…А в первых числах января 1829 года Пушкин вновь отправился «по прежню следу» в тверские края, в Старицу, где его ждал приятель Алексей Вульф. В уездном городке тоже царило веселье — давали святочные балы. И Александр Сергеевич, по воспоминаниям, принимал в них самое живое участие: много танцевал, не скупился на комплименты провинциальным барышням, и даже усердно ухаживал за синеглазой Катенькой Вельяшевой. Но в глубине души хранил образ девочки, встреченной в Москве и так поразившей воображение своей небесной ангельской красотой…

Та девочка… иль *это* сон?..

«И СЕРДЦЕ ВНОВЬ ГОРИТ»

Кто может В душе моей читать?

А.С. Пушкин

В мае 1829-го, в предгорьях Северного Кавказа, в Георгиевске, всего за несколько дней до своего тридцатилетия, Александр Пушкин написал строки, которым в грядущем, как и их творцу, суждено будет обрести бессмертие.

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой… Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

Кому посвящена эта божественная элегия, музыкой льющиеся стихи?

«Тобой, одной тобой». Каким бесспорным кажется ответ! Конечно же, юной невесте поэта, оставленной в Москве.

Натали… Невеста ли? Как мучительна неопределенность! Горькое и сладостное чувство одновременно. Отказано в ее руке под благовидным предлогом — слишком молода — и одновременно подарена слабая надежда. Неудавшееся сватовство. Душевное потрясение поэта так велико, что ни на день, ни на час он уже не может оставаться в Москве! Все решилось будто само собой первого мая. Получив от свата Толстого ответ, Пушкин не медлил: в ту же ночь дорожная коляска выехала за городскую заставу, и московские купола и колокольни растаяли в предрассветной мгле.

Путь Пушкина лежал на Кавказ, куда он не мог попасть, как верный подданный, посылая письма генералу Бенкендорфу и испрашивая разрешения у своего венценосного цензора стать «свидетелем войны». А тут, словно свыше, пришло решение: Кавказ, как спасение от душевной муки, Кавказ, как самое горячее место империи, где в схватках с воинственными горцами вершилась на глазах история России.

Можно ослушаться царя, можно самовольно умчаться из Москвы и даже из России. Но не уехать и не убежать от нее — образ юной Натали, такой далекой и недоступной, невозможно изгнать из памяти. Он уже властно вторгся в его жизнь. И противиться тому невозможно.

…Строки, родившиеся в предгорьях Северного Кавказа, увидели свет в Петербурге в 1830 году. И друзья Пушкина, читая «На холмах Грузии» в альманахе «Северные цветы», полагали, что сей драгоценный поэтический подарок предназначен его невесте. Верно, и Натали, повторяя вслух, словно признание, эти чудные строки, втайне испытывала минуты великого душевного торжества. И не в эти ли счастливейшие мгновения ее жизни в сердце робкой красавицы, почти еще девочки, просыпалась любовь?..

Неслучайно ведь острая на язычок Александра Россет, не питавшая особых чувств к юной супруге поэта, насмешливо замечала, что та любит лишь стихи мужа, посвященные ей. И в том, что среди этих неназванных поэтических посвящений, ведомых лишь одной Натали, были и «На холмах Грузии», тайной не считалось.

Итак, вне сомнений — стихи, написанные Пушкиным на Кавказе, адресованы невесте. Княгиня Вера Вяземская посылает их летом 1830-го Марии Волконской в далекую сибирскую ссылку. Вместе с номерами «Литературной газеты». Княгиня, добрый друг Пушкина и поверенная многих его сердечных тайн (ведь стихи он переписал для нее и, видимо, по ее же просьбе, когда в начале июня гостил у Вяземских в Остафьеве), считает нужным пояснить, что новое творение автор посвятил своей невесте Натали Гончаровой.

Имя московской красавицы тогда, как и все перипетии сватовства и женитьбы Пушкина, у всех на устах и вызывают живейший интерес как в солнечном Риме, так и в Петровском Заводе, в промерзлой Сибири.

Мария Николаевна не замедлила откликнуться: она, конечно же, благодарна приятельнице за дружескую память и за присланные ей стихи «На холмах Грузии», которые она уже сообщила друзьям, и, подобно строгой критикессе, проводит их литературный анализ.

«В двух первых стихах поэт пробует голос; звуки, извлекаемые им, весьма гармоничны, нет сомнения, но в них нет ни связи, ни соответствия с дальнейшими мыслями нашего великого поэта, и, судя по тому, что вы мне сообщаете о той, кто вдохновляет его, мысли и свежи и привлекательны, — пишет княгиня Волконская. — Но конец…это конец старого

французского мадригала, это любовная болтовня, которая так приятна нам потому, что доказывает нам, насколько поэт увлечен своей невестой, а это для нас залог ожидающего его счастливого будущего».

И добавляет: «Поручаю Вам передать ему наши самые искренние, самые подлинные поздравления».

Но что-то в тоне ее послании слегка настораживает. Подсознательное скрытое раздражение сквозит в строках, быть может, еле уловимая ревность. Ведь для нее все это не более чем «любовная болтовня», и чувства и слова первого русского поэта явно обветшали. Так ли полагала она на самом деле? Прежней богине, музе, поистине прекрасной и героической женщине, не очень то легко уступать пьедестал. Пусть даже и не в реальной жизни — ведь судьба давно уже развела их пути. Да и разделяет ее и Пушкина огромное пространство — чуть ли не вся Российская империя пролегла между ними…

Знать бы ей, что минет столетие, и ученые мужи, разбирая рабочие тетради поэта, вдруг объявят ее, черноокую красавицу Марию Волконскую, «утаенной любовью», вдохновившей поэта на создание именно этого поэтического шедевра. И в качестве самого весомого аргумента напомнят о другой, самой первой поездке Пушкина на Кавказ, когда Мария, тогда еще Раевская, дочь славного боевого генерала, была юным очаровательным созданием. И Александр Пушкин долгие годы не мог забыть и ее милую кудрявую головку, и прелестные ножки…

Я снова юн и твой

Я твой по прежнему — тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний
Как пламень жертвенный чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний…
Как было некогда, я вновь тебя люблю

Бесспорно, эти строчки из черновых автографов того же стихотворения к юной Натали не имеют никакого отношения.

Прошли за днями дни — сокрылось много лет
Где вы, бесценные созданья Иные далеко, иных
уж в мире нет Со мной одни воспоминанья

Но тогда и это признание не имеет прямого обращения к Марии Волконской. И так ли уж печалилось сердце поэта о той

давней юношеской страсти?

Но, пожалуй, самую оригинальную версию выдвинул Юрий Тынянов: пушкинская элегия посвящена почтенной Екатерине Карамзиной, вдове великого историка, любовь к которой поэт, оказывается, утаивал всю свою жизнь.

Где вы, бесценные созданья.

Верное слово далось не сразу. Поэт подбирал ему замену: «любимые, знакомые»…

Какой ареал поиска! Это куда обширнее знаменитого «донжуанского списка» поэта! Ведь к «бесценным и любимым», а тем более к «знакомым» Александра Сергеевича, можно отнести всех особ женского рода, встречавшихся на его жизненном пути!

…Душа моя
Их образ тайный сохранила…

Всем достанет места в волшебной стране воспоминаний — былые музы и соперницы мирно уживаются в ней: утонченная графиня Воронцова и крепостная Ольга Калашникова, малютка Оленина и покинувшая земную обитель экстравагантная Амалия Ризнич…

Не прощание ли это с прежними богинями и с той из них, чье имя утаено и чей образ все еще горит в сердце поэта? Но в нем, словно на пепелище былых страстей, уже властно пробивается новый росток. Всходит светлое имя — Натали. Да, все они, «бесценные созданья», были, но она одна есть.

Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла
Восходят звезды надо мною
Мне грустно и легко…

Пушкин — самый строгий и беспощадный собственный цензор. Первоначальные наброски, эти вулканические выбросы чувств и эмоций, словно убираются им в глубины памяти. И прекрасные стихи, составившие бы честь любому поэту, так и останутся в черновых рукописях, доступных одним дотошным исследователям. Отныне бесценное право на жизнь даровано только восьми строфам. И в каждой — Ее незримый образ.

Восемь оставленных строк. Но и они — всего лишь приближение к авторскому замыслу, последняя ступень к

совершенству. Еще несколько штрихов мастера.

…Тобой, одной тобой — мечтанья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце живо вновь — и любит оттого,
Что не любить оно не может.

На том же листке поэт вдруг ставит отточие и, словно задумавшись, рисует ангела. Но ангел вполне земной — он не витает в облаках, а ступает по тверди.

Спустился ли он с небес на грешную землю? Небесное ли то создание или юная дева с трогательными карнавальными крылышками, стройная, с модной, вполне светской прической, «глаза и кудри опустив», в бальных туфельках со скрещенными тесемками робко делает шаг? Куда? Что влечет ее? На одном уровне с ее башмачками, с той условной «землей», размашисто выведена надпись на французском «Pouchkine». Пушкина… Как неожиданно… Кто она?

Ну да, конечно же, совсем недавно, всего год назад, Пушкин чертил на рукописях анаграммы другого имени — Аннет Олениной, и даже, позволив себе замечтаться, однажды вывел на листе «Annette Pouchkine».

Но Анне Олениной так и не суждено было носить эту магическую фамилию — Пушкина. А в мае 1829 года лишь одна юная особа имела все права в недалеком будущем именоваться именно так.

Странно, но никто из исследователей не связал нарисованного Пушкиным ангела с подписью самого поэта. И не логично ли тогда предположить, что и пушкинский рисунок вовсе не абстрактен. Стоит лишь пристальней вглядеться в него — и увидеть милый знакомый профиль, чуть заостренный характерный «гончаровский» подбородок, грациозно наклоненную головку, довольно высокую фигуру, и даже разглядеть очерченную, отнюдь не маленькую, не «оленинскую» ножку. И вспомнить строки из письма поэта, отправленного матери невесты, — его признание в том, что, уезжая на Кавказ, он увозит «в глубине своей души» «образ небесного существа», обязанного ей жизнью, вспомнить, что поэт любил называть свою Наташу ангелом и целовать в письмах к невесте кончики ее воображаемых крыльев. И, как знать, не имел ли ангел, «запечатленный» поэтом на рукописной странице, земного имени — Наталия?

Пушкин обычно не подписывал своих рисунков — они рождались, как и стихи, безудержно и вдохновенно. Графические наброски и строки в рабочих тетрадях поэта — неделимое

действо, великое таинство творчества. Сколько еще осталось неразгаданных пушкинских рисунков — почти столько же предположений и версий, кто из бесчисленных знакомцев поэта удостоился высокой чести быть запечатленным его быстрым пером!

Как разгадать сокровенные мысли русского гения, движения его души?

Кого твой стих боготворил?

Но на этой рукописной странице есть подпись. И поэтические строки, и зримый образ избранницы, и мечты, и потаенные надежды — все словно вобрал в себя старинный лист.

…Натали еще только делает шаг навстречу судьбе. Первый, жертвенный. Пушкин его уже сделал.

«ОГОНЧАРОВАН»

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве…

А.С. Пушкин

Царские комплименты

В жизни избранницы поэта, сколь удивительно счастливой, столь и трагичной, было немало таинственных знамений и пророчеств, что ждут еще своей разгадки. И вот одно из них, по времени совпадающее с первым знакомством юной красавицы и поэта.

Небесная покровительница была необычайно щедра к Наталии Гончаровой, одарив ее сполна и божественной красотой, и чуткой душой, и предобрым сердцем. Шестнадцатилетняя Натали, только что увидевшая свет, и, быть может, сама того не желая, затмила редкостной красой всех своих сверстниц — московских дев.

«Веселое и беззаботное было время, — вспоминала современница. — Много было тогда красавиц в Москве: княжна Софья Урусова, княжны Щербатовы, Софи Пушкина, Полина Боборыкина, Гончарова».

Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза…

Натали Гончарова, как одна из самых очаровательных московских барышень, приглашалась для участия в живых картинах — весьма модном тогда светском развлечении.

Удивительно, но благодаря воспоминаниям и письмам современников можно узнать ныне, какими картинами восхищались именитые гости в тот предновогодний вечер в генерал-губернаторском особняке на Тверской.

Завсегдатай светских салонов, Александр Булгаков, в будущем московский почт-директор, полагал, что великолепнее всех была живая картина, «изображавшая Дидону»: «Лазарева была восхитительна, хотя ее бесконечно длинные ниспадавшие волосы придавали ей скорее вид прелестной Магдалины. Но кто была очаровательна, — это маленькая Алябьева — красавица; маленькая Гончарова, в роли сестры Дидоны, была восхитительна».

Публика в восторге требовала вновь и вновь повторения изящной сценки…

«А что за картина была в картинах Гончарова!» — восторгается князь Вяземский. В его памяти так свежи впечатления от живых картин, виденных им на святочном балу у московского генерал-губернатора. И пишет он Пушкину в

Петербург, словно поддразнивая приятеля, безнадежно влюбленного в первую московскую красавицу.

Натали Гончарова и Александра Алябьева — две восходящие звезды на московском небосклоне, словно вступили меж собой в негласное состязание. Да и Вяземский в письме в Пушкину, сравнивая юных красавиц, отмечал у Алябьевой классическую красоту, а у Гончаровой — романтическую, и заключал: «Тебе, первому нашему романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице нынешнего поколения».

И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.

Той далекой ныне весной балы в Первопрестольной шли беспрестанной чередой. Вот что сообщал биограф поэта П. В. Анненков о московских событиях, что предшествовали сватовству Пушкина:

«В 1830 году прибытие части Высочайшего Двора в Москву оживило столицу и сделало ее средоточием веселий и празднеств. Наталия Николаевна принадлежала к тому созвездию красоты, которое в это время обращало внимание и, смеем сказать, удивление общества. Она участвовала во всех удовольствиях, которыми встретила древняя столица августейших своих посетителей, и между прочим — в великолепных живых картинах, данных Московским генерал-губернатором князем Дмитрием Владимировичем Голицыным. Молва об ее красоте и успехах достигла Петербурга, где жил тогда Пушкин. По обыкновению своему он стремительно уехал в Москву, не объяснив никому своих намерений, и возобновил прежние свои искания».

В марте того же года произошло еще одно знаменательное событие — император Николай I, обратив впервые внимание на юную Натали, отметил ее любезность и красоту в беседе с Наталией Кирилловной Загряжской, родственницей Гончаровых.

Знал о царских комплиментах и Пушкин. Чему есть подтверждение — его письмо к невесте, где, описывая свой визит к старой кавалерственной даме, фрейлине двух императриц, Пушкин отмечает, что она «повторила мне комплименты государя на ваш счет — и мы расстались очень добрыми друзьями».

Романтический облик Натали Гончаровой, усиленный образами ее героинь в живых картинах, оставил яркий след в душе и памяти поэта.

И вновь его письмо к невесте. Пушкин только что покинул Москву и уже спешит поделиться дорожными впечатлениями с милой Натали: «…За несколько верст до Новгорода я нагнал вашего Всеволожского… Мы закончили путь вместе, подробно

обсуждая картины князя Голицына».

Журнал «Московский телеграф» вышел в свет с литографией картины Пьера Нарцисса Герена, где Эней, спасшийся из горящей Трои и волею судеб оказавшийся в Карфагене, повествует царице о своих странствиях. Там же для читателей модного журнала прилагалось «изъяснение картинки»:

«Московские любители изящных искусств припомнят, что в числе живых картин, представленных нынешнею зимою у князя Д. В. Голицына, была и Геренова Дидона. Карфагенскую царицу представляла М. А. Ушакова; Энея и Аскания — князь А.С. Долгорукий и А.С. Ланской; сестру Дидоны — Н.Н. Гончарова».

В живой картине вместе с юной Наташей участвовал молодой человек Александр Сергеевич Ланской — ему досталась роль сына Энея Аскания. Не правда ли, какое роковое сочетание имени первого мужа Наталии Гончаровой с фамилией ее второго супруга?! Самого же Энея играл князь Долгоруков — тоже Александр Сергеевич!

Будущее подчас, словно позабавясь над смертными, слегка приоткрывает свою завесу, но им не дано распознать тайных знамений.

Ну а живые картины и участие в них первой московской красавицы были тогда поистине у всех на устах.

Сват Толстой

«Итак, я в Москве, — такой печальной и скучной, когда вас там нет. У меня не хватило духу проехать по Никитской», — признавался невесте поэт.

Сколь много значила в жизни Пушкина эта старинная московская улица, названная так по имени находившегося в самом ее начале Никитского женского монастыря.

«Ее высокоблагородию милостивой государыне Наталье Николаевне Гончаровой. В Москве, на Никитской в собственном доме» — так будет адресовать свои послания к невесте Александр Пушкин.

То ли дело быть на месте
По Никитской разъезжать,
Об отставке, о невесте,
О деревне помышлять.

(Из черновых набросков)

Впервые в дом юной красавицы ввел поэта граф Федор Иванович Толстой в апреле 1829 года. Граф Толстой — личность колоритнейшая. Имел необычное по тем временам прозвище — «Американец». Когда-то за свои дерзости во время первого кругосветного плавания он был ссажен Крузенштерном на один из Алеутских островов, сдружился там с аборигенами (и даже обучил их карточной игре, а себе «на память» сделал многоцветную татуировку!), потом по льдам пешком дошел-таки до русского берега и через всю Россию добрался до Петербурга.

Известный дуэлянт (на его счету одиннадцать загубленных жизней!), он чуть было не стрелялся и с самим Пушкиным. Слава Богу, общие приятели примирили их. Заядлый картежник, авантюрист. Прославился многими чудачествами. Но снискал славу и отчаянного храбреца: отличился в русско-шведской войне, сражался при Бородино, был ранен и представлен к ордену Святого Георгия. Не единожды был разжалован в рядовые за участие в поединках и всякий раз беспримерной храбростью «возвращал» офицерские эполеты.

И как знать, многие из его подвигов, порой преступных, давным-давно бы канули в Лету, если бы не одно (не самое ли важное деяние в его жизни?) — он был сватом Пушкина. Именно через графа Федора Толстого поэт передал предложение руки и

сердца Натали Гончаровой.

Ну а сам Александр Сергеевич еще долго будет вспоминать дорогую услугу графа. «Видел я свата нашего Толстого», — сообщит он жене из Москвы, в одном из последних к ней писем.

…Семейства Толстых и Гончаровых связывали давние приятельские отношения. Родная сестра Федора Ивановича графиня Вера Толстая была замужем за Семеном Хлюстиным, богатым помещиком села Троицкого Медынского уезда Калужской губернии — соседа Гончаровых по имению Полотняный Завод.

А весной 1829 года Пушкин будет писать матери невесты Наталии Ивановне Гончаровой:

> «…Граф Толстой передал мне ваш ответ: этот ответ не отказ, вы позволяете мне надеяться. Не обвиняйте меня в неблагодарности, если я все еще ропщу, если к чувству счастья примешиваются еще печаль и горечь; мне понятна осторожность и нежная заботливость матери! — Но извините нетерпение сердца больного и опьяненного счастьем. Я сейчас уезжаю и в глубине своей души увожу образ небесного существа, обязанного вам жизнью».

Но той весной в руке Натали поэту было отказано — Наталия Ивановна сослалась на молодость дочери. Правда, отказ был не окончательным — оставалась надежда…

Пушкин уезжает на Кавказ в действующую армию, подвергается смертельному риску, участвует в сражении, совершает полные опасностей путешествия. Целых пять месяцев он разлучен с Натали. И после долгих странствий, в первый же день по возвращении Пушкин спешит на Никитскую, в дом Гончаровых.

Было утро, дети пили чай в столовой, а мать, Наталия Ивановна, еще почивала в постели. Вдруг раздается на крыльце стук, и вслед за ним в столовую, из прихожей, где торопливо раздевается Пушкин, влетает калоша. Первый его вопрос — о Наталии Николаевне, за нею тотчас посылают, но она не смеет выйти без разрешения своей строгой маменьки. А маменька еще не проснулась. Таким остался этот сентябрьский день в памяти Сергея Гончарова — младшего брата Натали.

Осенью того же года Пушкин часто, чуть ли не ежедневно бывает на Пресне, в доме сестер Ушаковых, старшая из которых, Екатерина, ему далеко не безразлична.

Позже приятель поэта Николай Смирнов оставит свои воспоминания о тех днях, и многое станет ясным: «В 1831 году он

женился на Гончаровой. Все думали, что Пушкин влюблен в Ушакову; но он ездил, как после сам говорил, всякий день к сей последней, чтоб два раза в день проезжать мимо окон первой».

Сколько же раз приходилось Пушкину проезжать по Никитской и возвращаться мимо гончаровского дома в слабой надежде увидеть мелькнувший в окне тонкий силуэт красавицы!

«Нас благословили»

В день своего приезда в Москву, в марте 1830 года, Пушкин спешит на концерт в Благородное собрание, и первой, кого он встречает — Натали!

События тех дней, предшествовавших помолвке поэта, легко воссоздать, — ведь сохранилось столько писем очевидцев.

Из письма Екатерины брату И. Н. Ушакову (28 апреля 1830):

> «В Москве новостям и сплетням нет конца, она только этим и существует, не знаю, куда бы я бежала из нее и верно бы не полюбопытничала, как Лотова жена. Скажу тебе про нашего самодержавного поэта, что он влюблен (наверное, притворяется по привычке) без памяти в Гончарову меньшую. Здесь говорят, что он женится, другие даже, что женат. Но он сегодня обедал у нас, и кажется, что не имеет сего благого намерения, mais on ne peut гйропёге de rien (но нельзя отвечать ни за что. — фр.)

Его брат Лев приехал с Кавказа и был у нас, он очень мил и любезен и кампанию сделал отлично, весь в крестах. Вот его bon mot (острота. — фр.) про А. Серг., когда он его увидел бегущего на гулянье под Новинским за коляской Карсов:

> Он прикован,
> Очарован,
> Он совсем огончарован…»

Подпись: *«Барышня с Пресни».*

В скорую свадьбу поэта не верила, пожалуй, лишь одна Екатерина Ушакова. Не хотела верить. И как все изменилось для нее за один, казалось бы, месяц. Ведь она была почти невестой поэта.

Из письма князя П. А. Вяземского — жене в Москву (20 марта 1830):

> «Из Москвы уже сюда пишут, что он женится на старшей Ушаковой. Почему же нет? А шутки в сторону, из несбыточных дел это еще самое сбыточное».

Из письма М. П. Погодина — С. П. Шевыреву в Рим (23 марта 1830):

> «Говорят, что он (Пушкин) женится на Ушаковой старшей и заметно степенничает».

Из письма Екатерины брату И. И. Ушакову (январь — март 1830):

> «Карс день со дня хорошеет, равномерно как и окружающие ее крепости, жаль только, что до сих пор никто не берет штурмом —…недостаток пушек и пороху».

Слово «пушек» в письме жирно подчеркнуто, и, верно, не случайно. Похоже, тогда для Екатерины забрезжила слабая надежда, что «штурм» крепости отменяется — Пушкин почти отказался от бесплодных попыток взять «Карс», ведь с «маминькой Карса» он явно не ладил…

Пушкин так шутливо называл Натали Гончарову, представлявшейся ему столь же неприступной, как и турецкая крепость Карс. Но в этом прозвище заключалась и надежда — ведь крепость несколько раз бралась русскими войсками, и в последний раз незадолго до описываемых событий — в 1828 году.

И как быстро наметился перелом — светская молва словно точнейший барометр.

Из письма князя П. А. Вяземского — жене в Москву (27 марта 1830):

> «Все у меня спрашивают: правда ли, что Пушкин женится? В кого же он теперь влюблен, между прочим? Насчитай мне главнейших…»

Считать долго не пришлось. Ровно через месяц из Петербурга летит новое письмо.

Из письма князя П. А. Вяземского — жене (26 апреля 1830):

> «Нет, ты меня не обманывала. Мы вчера на обеде у Сергея Львовича выпили две бутылки шампанского, у кого попусту пить двух бутылок не будут. Мы пили здоровье жениха».

Из письма князя П. А. Вяземского — Пушкину (26 апреля 1830):

«Гряди, жених, в мои объятья!.. Поздравляю тебя от всей души. Дай Бог тебе счастия и засияй отныне в жизни твоей новая эра».

Из письма В. Л. Пушкина — князю П. А. Вяземскому (27 апреля 1830):

«Александр женится. Он околдован, очарован, огончарован. Невеста его, сказывают, милая и прекрасная. Эта свадьба меня радует и должна утешить брата моего и невестку».

…И не дано было знать пресненской барышне Катеньке Ушаковой, что тем же числом, что и ее письмо к брату, было помечено и жизненно важное для Пушкина послание.

Из письма графа А. Х. Бенкендорфа — Пушкину (28 апреля 1830):

«Его Императорское Величество с благосклонным удовлетворением принял известие о предстоящей вашей женитьбе и при этом изволил выразить надежду, что вы хорошо испытали себя перед тем как предпринять этот шаг и в своем сердце и характере нашли качества, необходимые для того, чтобы составить счастье женщины, особенно женщины столь достойной и привлекательной, как м-ль Гончарова… Что же касается вашего личного положения… в нем не может быть ничего ложного и сомнительного… никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь за вами надзор».

Письмо шефа корпуса жандармов и начальника III отделения Его Императорского Величества канцелярии Александра Христофоровича Бенкендорфа прежде всего предназначалось будущей теще, «маминьке Карса», опасавшейся за политическую благонадежность жениха своей Ташеньки. И надо полагать, было незамедлительно ей представлено.

Преград для свадьбы больше не существовало. Словно прорвалась некая плотина, и события понеслись стремительным потоком.

В начале апреля 1830 года поэт вновь делает предложение, и оно принято!

«Я был счастлив, счастлив совершенно, а много ли

таковых минут в бедной жизни человеческой?»

(Из романа «Капитанская дочка»).

Пушкин — родителям С. А. и Н. О. Пушкиным (6–11 апреля 1830):

> «Мои горячо любимые родители, обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю остальную жизнь.
>
> Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год — м-ль Натали Гончаровой…
>
> Я получил ее согласие, а также и согласие ее матери. Прошу вашего благословения не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия — и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость».

С. Л. Пушкин — сыну (16 апреля 1830):

> «Тысячу, тысячу раз да будет благословен вчерашний день, дорогой Александр, когда мы получили от тебя письмо. Оно преисполнило меня чувством радости и благодарности… Да благословит небо тебя и твою милую подругу, которая составит тебе счастье».

Н. О. Пушкина — сыну (16 апреля 1830):

> «Да будут услышаны молитвы, которые я воссылаю к Нему, моля о твоем счастье… Будь уверен, что если все закончится согласно твоим желаниям, м-ль Гончарова станет мне так же дорога, как вы все, мои родные дети».

Пушкин — князю П. А. Вяземскому (2 мая 1830):

> «Дядя Василий Львович также плакал, узнав о моей помолвке. Он собирается на свадьбу подарить нам стихи».

Дядюшка благословил своего племянника самым поэтическим образом. Кстати, он, в отличие от многих, не отказывал в любви к жениху красавицы невесты, верил в их обоюдную любовь.

…Благодаря судьбу, ты любишь и любим.

Венчанный розами ты грации рукою,
Вселенную забыл, к ней прилепясь душою.
Прелестный взор ее тебя животворит
И счастье прочное, и радости сулит.
Блаженствуй, но в часы свободы, вдохновенья
Беседуй с музами, пиши стихотворенья,
Словесность русскую, язык обогащай
И вечно с миртами ты лавры съединяй.
Племянник-поэт дядюшкиному совету внял.

Пушкин — родителям (3 мая 1830):

«Могу вам сказать лишь то, что вы уже знаете: что все улажено, что я счастливейший из людей и что я всей душой люблю вас».

«Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей…

Я женюсь, т. е. я жертвую независимостию, моею беспечной, прихотливой независимостию, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством.

Я готов удвоить жизнь и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастии — я мог обойтиться без него. Теперь мне нужно на двоих — а где мне взять его…

Отец невесты моей ласково звал меня к себе… Нет сомнения, предложение мое принято. Наденька, мой ангел, — она моя!..

Отец и мать сидели в гостиной. Первый встретил меня с отверстыми объятиями… У матери глаза были красны. Позвали Надиньку — она вошла бледная, неловкая. Отец вышел и вынес образа Николая чудотворца и Казанской богоматери. Нас благословили. Надинька подала мне холодную, безответную руку. Мать заговорила о приданом, отец о саратовской деревне — и я жених.

Итак, уж это не тайна двух сердец».

(Именно Наталия Николаевна сохранила этот пушкинский набросок, признанный автобиографическим, и много позже передала рукопись издателю собрания пушкинских сочинений П. В. Анненкову).

> «Нас благословили… Что чувствовал я, того не стану описывать. Кто бывал в моем положении, тот и без того меня поймет, — кто не бывал, о том только могу пожалеть и советовать, пока еще время не ушло, влюбиться и получить от родителей благословение».

(Из романа «Капитанская дочка»).

Близкие и друзья семьи получили от родителей невесты Николая Афанасьевича и Натальи Ивановны Гончаровых пригласительный билет на торжество по случаю помолвки их дочери «Натальи Николаевны с Александром Сергеевичем Пушкиным, сего Майя 6 дня 1830 года».

Не нужно иметь большого воображения, чтобы представить, каким потрясением стала эта весть для Катеньки Ушаковой, дошедшей до нее в тот же день! Ее соперница, эта «неприступная крепость» Карс, с тихой радостью «сдалась» на милость победителя.

Из «Путешествия в Арзрум», глава вторая:

«Участь моя должна была решиться в Карсе. Здесь должен был я узнать, где находится наш лагерь…»

Из черновых тетрадей Пушкина (автобиографический отрывок):

«Участь моя решена. Я женюсь… Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством — боже мой — она… почти моя».

Пушкин — княгине В. Ф. Вяземской (конец апреля 1830):

«Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто-тринадцатая любовь) решена».

Воздыхатели и обожатели

Не секрет — у первой московской красавицы Натали до замужества было немало воздыхателей. В их числе — и студенты Московского университета, целый кружок ее поклонников. Ими даже выпускался рукописный журнал «Момус» (в греческой мифологии — бог насмешки и порицания), и на его страницах появлялись стихи и сценки, живописующие страдания безнадежно влюбленного в барышню Гончарову студента Давыдова.

Вот «Элегия», что увидела свет на страницах студенческого журнала:

Мне предпочла она другого!
Другой прижмет ее к груди!..
Былое возвратися снова
И сердцу счастье возврати!
Нет! невозвратно… Боже! боже!
Не мне судьба ее хранит:
Другой ей пояс в брачном ложе
От груди полной отрешит;
Она другого в час желанья
Рукой лилейной обовьет
И с стоном, с пламенным лобзаньем
Души любимцем назовет!..

Уже потом, после свадьбы, Пушкин беззлобно посмеивался над своим молодым и неудачливым соперником, он же лирический герой «Элегии», а тогда страсть студента Давыдова (в искренности его чувств к Натали сомнений нет!) заставила поэта-жениха изрядно поволноваться. Как знать — все могло обернуться и по-другому. А вдруг неискушенная в сердечных делах Натали не смогла бы противиться столь пылким ухаживаниям и предпочла бы себе в мужья не именитого поэта, а человека молодого, преданного ей, подающего надежды — будущего ученого! И верно обладавшим неведомыми ныне достоинствами.

Неспроста же приятель поэта и сам поэт Николай Языков в октябре 1830-го сообщал брату как свершившийся факт, что свадьба Пушкина расстроилась и его Мадонна выходит замуж за князя (!) Давыдова. Отголоски московских сплетен долетели тогда и до Пушкина.

Первое упоминание о сопернике-студенте — в письме к невесте из Болдина в ноябре того же года: «Прощайте, мой ангел,

будьте здоровы, не выходите замуж за г-на Давыдова и извините мое скверное настроение».

Не забывает о нем Пушкин и после свадьбы: в письмах к жене он не единожды напоминает ей о былом обожателе: «…у Вяземской… увидел я твоего Давыдова — не женатого (утешься)»;

«Сегодня еду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник»;

«Твой Давыдов, говорят, женится на дурнушке. Вчера рассказали мне анекдот, который тебе сообщаю. В 1831 году, февраля 18 была свадьба на Никитской в приходе Вознесения. Во время церемонии двое молодых людей разговаривали между собою. Один из них нежно утешал другого, несчастного любовника венчаемой девицы. А несчастный любовник, с воздыханием и слезами, надеялся со временем забыть безумную страсть etc. etc. etc. Княжны Вяземские слышали весь разговор и думают, что несчастный любовник был Давыдов. А я так думаю, Петушков или Буянов или паче Сорохтин. Ты как? не правда ли, интересный анекдот?»

Последнее письмо отправлено жене в сентябре 1832-го — в Москве все еще судачат о свадьбе поэта, наделавшей столько шума. Конечно, Пушкин называет «супиранта» Давыдова любовником своей Натали с изрядной долей иронии, сравнивая его с «героями» собственного романа «Евгений Онегин» и поэмой дядюшки «Опасный сосед». Да и в пушкинскую эпоху любовниками нередко называли влюбленных.

Пушкин видел поклонника своей невесты в декабре 1831 года в доме Вяземских, что в Большом Чернышевском переулке. Вряд ли в аристократическое семейство на званый вечер («вечер у Вяземского» — упоминает Пушкин в предыдущем письме к жене) был приглашен бедный неродовитый студент.

Поэт Николай Языков в письме к брату назвал Давыдова князем. Но в истории русского дворянства князей Давыдовых не было. Сам же дворянский род Давыдовых — старинный, берущий начало в XV веке и породнившийся со многими историческими русскими фамилиями. Возможно, В. Давыдов был связан дальним кровным родством с Верой Федоровной Вяземской, урожденной княжной Гагариной, либо его родители поддерживали дружеские отношения с княгиней.

Да и княжны Вяземские, о коих упоминает в письме поэт, барышни Мария Петровна и Прасковья (Полина) Петровна, прекрасно знали студента Давыдова, вхожего в их дом. И то, что сам студент присутствовал на торжестве венчания в храме, куда посторонние не допускались, не свидетельствует ли о близком

его знакомстве с Вяземскими?

Соперник самого Пушкина пылкий «супирант» Давыдов! Слово ныне забытое и означавшее — «поклонник», «обожатель».

Среди студенческой братии сохранилось имя еще одного воздыхателя Натали: Федора Фоминского, заслужившего весьма нелицеприятный отзыв Александра Сергеевича.

«…Вечер провел дома, где нашел студента дурака, твоего обожателя, — сообщал Пушкин жене из Москвы в декабре 1831-го. — Он поднес мне роман Теодор и Розалия, в котором он описывает нашу историю. Умора».

Автор сего творения (полное его название: «Неведомые Теодор и Розалия, или Высочайшее наслаждение в браке. Нравоучительный роман, взятый из истинного происшествия») воспевал радости и нравственные ценности супружеского союза: «Сколь трогательно зрелище, когда две разного пола особы, которые без наималейшей корысти, единственно по собственной доброй воле и сердечному влечению друг друга избрали, предстоя пред троном Всевышнего… соединяют руки вместе и сердца свои… Кто знает изящнее и приятнее на земле удовольствие?»

И верно, эти сентенции молодого сочинителя немало позабавили Александра Сергеевича.

Были в романе Фоминского и строки, обращенные к самому поэту: «Бесподобный автор Онегина! Ты превосходно изобразил Истомину, но живописующая кисть твоя должна упасть к ногам твоей богини».

Расточал свои комплименты юной Натали и князь Платон Мещерский. Он состоял на службе при московском архиве Коллегии иностранных дел, оттого-то Пушкин именует его «Архивным». (Впоследствии «архивный юноша» Платон Алексеевич стал чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел, статским советником).

Пушкин не раз встречался с князем Мещерским в московских литературных салонах: у Зинаиды Волконской, «царицы муз и красоты», и Александра Булгакова. Князь был богат, остроумен, «джентльмен с ног до головы», и при желании мог легко вскружить голову молоденькой барышне — неслучайно его называли «тогдашним Московским львом». Сохранился и его словесный портрет: «Молодой человек замечательно умный, образованный и хотя не красавец в прямом смысле этого слова, но обладавший весьма приятной наружностью. Он был среднего роста, брюнет, с матовой белизной лица и выразительными черными глазами».

Уже в Петербурге до Пушкина доходят слухи о светских

успехах Натали Гончаровой. Поэта тревожат известия из Москвы, и в ответном письме Вяземскому он как бы невзначай спрашивает приятеля: «Правда ли, что моя Гончарова выходит за Архивного Мещерского?» И полушутя, чтобы скрыть свои опасения, добавляет: «Что делает Ушакова, моя же?» Так что волнения Пушкина были отнюдь не напрасными.

Монаршее слово

Нет, за князя Мещерского Наталия Гончарова замуж не вышла. Не захотела. Не только Пушкин, как принято считать, но и она сама сделала свой выбор.

И сделала его, робкая и покорная, казалось бы, Наташа вопреки желанию своей матушки. Ведь Пушкин в глазах Гончаровой-матери не считался выгодной партией для ее дочери. Не благонадежен, не красив и, главное, не богат. А калужское имение Полотняный Завод, давно уже переставшее приносить баснословные доходы, как в былые времена при патриархе гончаровского рода Афанасии Абрамовиче, — на грани разорения. Поправить дела мог разве что удачный брак Натали… Да и выдать замуж младшую дочь первой, когда две старшие — девицы «на выданье», — значило нарушить веками заведенный порядок.

Сколько копий было сломано в словесных баталиях — вышла замуж Наталия Гончарова по любви или без оной? И как-то повелось, что в любви к поэту ей традиционно отказывают. Предлоги выдвигаются самые разные: не понимала, кто просит ее руки, потому как не читала Пушкина; хотела скорей вырваться из-под тяжелой родительской опеки, не знала… не желала…

И, как самый важный аргумент в пользу того, что Натали никогда не любила своего жениха и мужа, приводится письмо поэта к матери невесты.

Пушкин — Н. И. Гончаровой (5 апреля 1830):

> «Сколько мук ожидало меня по возвращении! Ваше молчание, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с какими приняла меня м-ль Натали… У меня не хватило мужества объясниться, — я уехал в Петербург в полном отчаянии. Я чувствовал, что сыграл очень смешную роль, первый раз в жизни я был робок, а робость в человеке моих лет никак не может понравиться молодой девушке в возрасте вашей дочери. Один из моих друзей едет в Москву, привозит мне оттуда одно благосклонное слово, которое возвращает меня к жизни…»

«Благосклонное слово», столь живительное для поэта, получено было благодаря дружескому участию Петра Вяземского. На балу у князя Дмитрия Голицына, увидев Натали Гончарову и

зная, что с ней должен танцевать Иван Лужин, штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, князь попросил приятеля как бы невзначай заговорить с молодой красавицей и ее матушкой о Пушкине. Иван Дмитриевич просьбу исполнил: мать и дочь отозвались о поэте весьма благоприятно и велели ему кланяться. В Петербурге Лужин передал Пушкину добрые слова и поклон от Гончаровых.

В том же письме Наталии Ивановне, удивительно искреннем, почти исповедальном, Пушкин делится с будущей тещей и своими страхами:

«Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить со временем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца. Но будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие? Ей станут говорить, что лишь несчастная судьба помешала ей заключить другой, более равный, более блестящий, более достойный ее союз; — может быть, эти мнения и будут искренни, но уж ей они безусловно покажутся таковыми. Не возникнут ли у нее сожаления? Не будет ли она тогда смотреть на меня как на помеху, как на коварного похитителя? Не почувствует ли она ко мне отвращения?»

Но чего стоит хотя бы это малоизвестное свидетельство! Одна светская дама делится с приятельницей впечатлениями о спектакле в зале Благородного собрания и неожиданной встрече там с Пушкиным и его невестой.

Н. П. Озерова — С. А. Энгельгардт (4 мая 1830): «Утверждают, что Гончарова-мать сильно противилась браку своей дочери, но что молодая девушка ее склонила. Уверяют, что они уже помолвлены, но никто не знает, от кого это известно… Она кажется очень увлеченной своим женихом, а он с виду так же холоден, как и прежде…»

А письмо самой Натали к дедушке Афанасию Николаевичу — главе семейства, где она заверяет его, что благословение маменьки дано согласно с ее «чувствами и желаниями»!

Зачем Арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?

Противились будущему замужеству Наташи не только ее

матушка, но и родственники, — очень уж неблагонадежным казался жених. В истории сватовства и женитьбы Пушкина весьма важным, а, быть может, и решающим, стало еще одно «благосклонное слово». Чтобы получить его, пришлось прибегнуть к ходатайству всесильного Бенкендорфа:

> «Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у Государя… Счастье мое зависит от одного благосклонного слова Того, к кому я и так уже питаю искреннюю и безграничную преданность и благодарность».

Монаршее слово было дано.

Но кто знает, какое сопротивление пришлось преодолеть юной Натали! Она отстаивала свое право на любовь.

Одни жалели ее:

«Бедная! Она так молода, так невинна, а он такой ветреный, такой безнравственный…»

Другие — завидовали, третьи — пророчили несчастья…

«ОЧАРОВАН СВОЕЙ НАТАШЕЙ»

И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
А.С. Пушкин

Потерянный альбом

Май 1830 года. Как ждала и как боялась тогда приезда своего жениха Натали! Вот через Спасские ворота, что вели в усадебный двор, въехала дорожная коляска, и кони как вкопанные стали у подъезда…

И вот уже Александр Пушкин, легко спрыгнув на землю, с восхищением оглядывал великолепный гончаровский дворец. По парадной лестнице поднялся на второй этаж, в гостиную, где встречал поэта глава семейства — Афанасий Николаевич — и где ждала его красавица невеста…

А может быть, Натали, заслышав звон дорожных колокольцев, выбежала на открытый балкон, чтобы издали увидеть жениха?

Александр Пушкин жил тогда в Красном доме, выходившем своим фасадом к прудам. Вокруг разбиты прекрасные цветники, в оранжереях — диковинные заморские растения. «Земным раем» называли этот чудесный уголок… Дед, Афанасий Николаевич, с гордостью показывал будущему родственнику свое богатейшее имение. По преданию, именно в те дни он выпустил в пруд щуку с золотым кольцом — «золотую рыбку» — со словами: «На счастье молодых!»

В гончаровском дворце, в парадной столовой, торжественно отпраздновали день рождения поэта — ему исполнился 31 год. И надо думать, дед не поскупился отметить этот, уже семейный праздник, и были откупорены бутылки дорогого шампанского, а на стол из собственных оранжерей поданы персики и ананасы… Редкие минуты счастья в жизни поэта. Но ведь то был счастливый день и в жизни его избранницы.

Вместе с Натали Пушкин подолгу гулял по аллеям старинного парка. Наконец, они наедине, — и старые рощи надежно укрывали влюбленных от сторонних любопытных взоров. Как замирало тогда сердце у семнадцатилетней Натали, как жадно и недоверчиво слушала она признания жениха!

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю,
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкой,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой…

У нее, как и у всякой барышни, был свой заветный девичий альбом. И она, конечно же, просила поэта написать ей на память стихи. Разве мог отказать ей в том Пушкин, который так не любил делать стихотворные подношения светским красавицам!

Стихотворные строчки легко ложатся на альбомные страницы. Натали читает их — и отвечает ему стихами же. Он вновь пишет ей, и она, не боясь выглядеть смешной в глазах знаменитого поэта, отвечает ему: в стихах признается в любви!

Альбом этот, поистине бесценный, ныне не сохранился. И никогда уже не услышать и тех канувших в небытие стихов Пушкина, и поэтических опытов его невесты. Но остались воспоминания счастливцев, кому довелось некогда перелистывать альбомные страницы…

«Я читал в альбоме стихи Пушкина к своей невесте и ее ответ — также в стихах, — сообщает В. П. Безобразов весной 1880 года Я. К. Гроту, — По содержанию весь этот разговор в альбоме имеет характер взаимного объяснения в любви».

…Тогда Пушкина это забавляло. Возможно, он даже хвалил невесту за удачные рифмы. Но пройдет не так много времени, она станет его женой, и отношение к поэтическому творчеству молодой супруги изменится.

Приданое Натали

Внучки Афанасия Николаевича, в их числе и любимица Наташа, росли бесприданницами. И когда впервые Александр Пушкин, еще женихом, приехал в Полотняный Завод, «бронзовая бабушка», статуя Екатерины II, заказанная прадедом Натали в память посещения императрицы гончаровской усадьбы, по-прежнему пылилась в подвалах дома. Ей была уготована незавидная участь — пойти на переплавку, чтобы хоть как-то поправить финансовые дела семейства. Наташина свадьба была уже не за горами. Статуя была назначена в качестве приданого Натали. Весила она сотни пудов и стоила, по расчетам, сорок тысяч рублей. Именно от ее успешной продажи во многом зависело, когда же наступит долгожданная свадьба.

Пушкин — невесте:

> «Я раскаиваюсь в том, что покинул Завод — все мои страхи возобновляются, еще более сильные и мрачные».

Отныне от статуи, «заводской Бабушки», как называл ее поэт, зависело все — душевное спокойствие, счастье, сама его жизнь! Она, «бронзовая гостья», таинственным образом вторглась в судьбу поэта и, словно живая властная государыня, противилась его близкому счастью.

Вначале поэт словно подсмеивался над столь нелепым препятствием.

Пушкин — невесте:

> «Что поделывает заводская Бабушка — бронзовая, разумеется? Не заставит ли вас хоть этот вопрос написать мне?»;
>
> «Что дедушка с его медной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда ли?»;
>
> «Афанасию Николаевичу следовало бы выменять… негодную Бабушку, раз до сих пор ему не удалось ее перелить. Серьезно, я опасаюсь, что это задержит нашу свадьбу…»

Потом Бабушка начинает ему досаждать — он не выдерживает и гневается.

Пушкин — невесте:

> «За Бабушку… дают лишь 7000 рублей, и нечего из-за этого тревожить ее уединение. Стоило подымать

столько шума!

Не смейтесь надо мной, я в бешенстве. Наша свадьба точно бежит от меня…»

Поэт, обращаясь с просьбой о высочайшем позволении на переплавку памятника, его не видел и знал о нем, верно, только со слов Афанасия Николаевича.

Много позже Александр Сергеевич отнесся великодушно к замечательному памятнику, который, по его словам, «был отлит в Пруссии берлинским скульптором».

…Статуя Екатерины II являла собой величественное бронзовое изваяние высотой более трех метров. Сохранилось ее описание: императрица была представлена «в малой короне на голове, в римском военном панцире поверх длинного широкого платья, опоясанного поясом для меча, в длинной тоге, падающей с левого плеча. Левая рука приподнята, правая же опущена с указывающим перстом на развернутую книгу законов, ею писанных…»

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу (8 июня 1832):

> «Два или три года тому назад господин Гончаров, дед моей жены, сильно нуждаясь в деньгах, собирался расплавить колоссальную статую Екатерины II, и именно к Вашему превосходительству я обращался по этому поводу за разрешением. Предполагая, что речь идет просто об уродливой бронзовой глыбе, я ни о чем другом и не просил. Но статуя оказалась прекрасным произведением искусства, и я посовестился и пожалел уничтожить ее ради нескольких тысяч рублей…»

Занимала судьба «заводской Бабушки» и двадцатилетнюю Натали. В годовщину своей свадьбы — 18 февраля 1833 года — она обратилась к «Его Сиятельству милостивому государю» князю Петру Михайловичу Волконскому, министру двора:

> *«Князь.*
>
> *Я намеревалась продать императорскому двору бронзовую статую, которая, как мне говорили, обошлась моему деду в сто тысяч рублей и за которую я хотела получить 25 000. Академики, которые были посланы осмотреть ее, сказали, что она стоит этой суммы. Но не получая более никаких об том известий, я беру на себя смелость, князь, прибегнуть к Вашей снисходительности. Хотят ли еще приобрести эту статую или сумма, которую назначил за нее мой муж, кажется слишком*

большой. В этом последнем случае нельзя ли по крайней мере оплатить нам материальную стоимость статуи, т. е. стоимость бронзы, и заплатить остальное, когда и сколько Вам будет угодно. Благоволите принять, князь, уверение в лучших чувствах преданной Вам Натальи Пушкиной».

Комиссия Академии художеств, состоящая из ректора Академии скульптора Мартоса, профессоров Орловского и Гальберга, упомянув в заключении «о достоинстве сего произведения», сделала и любопытное замечание: статуя «вовсе не может почесться слабейшею из произведенных в то время в Берлине».

Князь Волконский ответил вежливым отказом, сославшись на «очень стесненное положение, в котором находится в настоящее время императорский Двор».

Известно, что Пушкин предлагал купить статую Екатерины II поэту и камергеру Ивану Петровичу Мятлеву. Тот был хорошим знакомым Гончаровых и их соседом по калужскому имению. И что существенно — весьма богатым помещиком. Сделка так и не состоялась…

По поводу «бронзовой бабушки» было еще немало хлопот и беспокойств, — продать ее удалось лишь осенью 1836-го «коммерции советнику» заводчику Францу Берду. Выручил за нее поэт не так уж много — всего три тысячи ассигнациями.

Еще несколько лет пролежал заброшенный памятник (кстати, переплавленная статуя должна была пойти на барельефы Исаакиевского собора!) на дворе литейного завода, пока случайно не попался на глаза братьям Глебу и Любиму Коростовцевым, уроженцам Екатеринослава. Именно они способствовали тому, что статуя императрицы была выкуплена на пожертвования именитых горожан (за семь тысяч рублей серебром) и затем торжественно воздвигнута в центре губернской столицы, — на площади перед кафедральным собором, который когда-то заложила сама Екатерина. На пьедестале выбили слова: «Императрице Екатерине II от благодарного дворянства Екатеринославской губернии в 1846 году».

Верно, Наталии Николаевне довелось о том знать…

На Соборной площади памятник простоял почти семь десятилетий: в 1914-м, когда Россия объявила войну Германии, городские власти в патриотическом порыве решили перенести статую и установить ее перед зданием Екатеринославского исторического музея.

Затем грянул революционный семнадцатый — «императрицу»

свергли с пьедестала. И все же благодаря заступничеству директора исторического музея Д. И. Яворницкого бронзовая Екатерина была спасена: под покровом ночи ученый и его помощники закопали статую в землю. Лишь через два года памятник извлекли из тайника и установили в тихом музейном дворике. А в 1941-м в город Днепропетровск (бывший Екатеринослав) вошли фашистские войска, и вскоре, в ноябре, немецкая трофейная команда вывезла августейшую «бабушку» в Германию. И следы ее затерялись…

Странствия бронзовой императрицы по Российской империи завершились столь же внезапно, как некогда и ее царствование: Берлин — Калуга — Полотняный Завод — Петербург — Екатеринослав и, возможно, — вновь Берлин. Круг мистическим образом сомкнулся. Есть в том некое таинство: немецкая принцесса София-Фредерика-Августа и самодержица Российской империи Екатерина II будто соизволила покинуть страну, где память о ее великих трудах и заслугах была предана забвению на долгие-долгие годы, и вернулась на родину, в Германию.

Но вся эта необычная история дарит и надежду — весьма сомнительно, что прекрасное произведение немецкого искусства разделило участь простой глыбы металла и пошло на переплавку. Стоило ли ради того отправлять на ее поиски специальную команду! Если уж рукописи не горят, как утверждал классик, то и статуи не плавятся…

А тогда, весной 1830-го, от решения Афанасия Николаевича зависело — быть ли свадьбе, выделит ли он внучке приданое?

Гончаров-старший расщедрился и выделил своей любимице часть одного из своих поволжских сел в Нижегородской губернии. Сделал даже «Рядную запись», но дорогой подарок остался лишь… на бумаге.

«Дедушка свинья, — гневался Александр Сергеевич, — он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000 — и ничего своей внучке не дает».

И как необычно соотносятся с этим резким, но справедливым отзывом поэта строки из письма самого Афанасия Николаевича, отправленным Пушкину из Полотняного Завода уже после замужества внучки:

«Милостивый государь Александр Сергеевич!

…Как я сказал, что нижегородское имение отдаю трем моим внукам, Катерине, Александре и Наталье, так и ныне подтверждаю тоже… Аще обстоятельства мои поправятся и дела примут лучший оборот, не откажусь сделать всем им трем прибавку и пособие. — Прося вас продолжения добрых ваших о

мне мыслей и родственной любви, с почтением моим пребыть честь имею ваш, милостивый государь, покорный слуга Афанасий Гончаров».

Но сколько было препятствий прежде, до свадьбы поэта. И не материального характера, а совсем иного рода! Афанасию Николаевичу «доброжелатели» нашептывали о Пушкине самые гнусные сплетни. И первой, кто встала на защиту чести своего жениха, была его Наташа!

Наталия Гончарова — А. Н. Гончарову (5 мая 1830):

> «Любезный дедушка! Узнав через Золотарева сомнения ваши, спешу опровергнуть оные и уверить вас, что все, что сделала Маминька, было согласно с моими чувствами и желаниями. Я с прискорбием узнала те худые мнения, которые Вам о нем внушают, и умоляю Вас по любви Вашей ко мне не верить оным, потому что они суть не что иное, как лишь низкая клевета. В надежде, любезный дедушка, что все ваши сомнения исчезнут при получении сего письма, и что вы согласитесь составить мое счастие, целую ручки ваши и остаюсь навсегда покорная внучка ваша
>
> *Наталья Гончарова».*

Писал деду своей невесты и Александр Пушкин:

> «Позвольте мне, милостивый государь Афанасий Николаевич, еще раз сердечно Вас благодарить за отеческие милости, оказанные вами Наталии Николаевне и мне. Смею надеяться, что со временем заслужу ваше благорасположение. По крайней мере, жизнь моя будет отныне посвящена счастию той, которая удостоила меня своего выбора и которая так близка Вашему сердцу».

…А о той, первой поездке Пушкина в Полотняный Завод, сохранилось поистине бесценное свидетельство.

Надежда Осиповна Пушкина, мать поэта, — дочери Ольге (июль 1830):

> «Он очарован своей Наташей, говорит о ней как о божестве, он собирается в октябре приехать с ней в Петербург… Он мне рассказывал о великолепном имении старого Гончарова, он дает за Наташей 300 крестьян в Нижнем… Малиновские говорят много

хорошего о всей семье Гончаровых, а Наташу считают ангелом».

ЧУДО БОЛДИНСКОЙ ОСЕНИ

Мир вам, тревоги прошлых лет!
А.С. Пушкин

«Что за проклятая штука счастье!»

Август 1830-го выдался для поэта беспокойным. Накануне отъезда в свою нижегородскую вотчину Пушкину предстояло неприятное объяснение с Наталией Ивановной Гончаровой, переросшее в открытую ссору.

Размолвка с будущей тещей произошла на Никитской, в доме Гончаровых, где 27 августа 1830 года праздновались именины обеих Наталий — невесты и ее матери. Через несколько дней Пушкин уезжает в свое сельцо Болдино.

Пушкин — княгине Вере Вяземской:

> «Я уезжаю, рассорившись с г-жой Гончаровой. На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно себе представить. Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть. Не знаю ещё, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настежь… Ах, что за проклятая штука счастье!»

Пушкин — Натали Гончаровой:

> «Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей, — я подпишусь под всеми предлогами, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать.
>
> Быть может, она права, а не прав был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае, вы совершенно свободны…»

Свадьба поэта будто висит на волоске: то умирает дядюшка Василий Львович (и Пушкин жалуется, что ни один дядя не умирал так не вовремя), то происходит нелепая ссора с будущей тещей, то разразившаяся в России эпидемия холеры на долгие месяцы разлучает его с невестой.

В Москву, на Большую Никитскую мадмуазель Натали Гончаровой исправно доставляются письма из Болдина:

> «Наша свадьба точно бежит от меня…»;
> «Как вам не стыдно было оставаться на Никитской во

время эпидемии?»;

«9-го вы еще были в Москве! Об этом пишет мне отец; он пишет мне также, что моя свадьба расстроилась. Не достаточно ли этого, чтобы повеситься?»;

«Отец продолжает писать мне, что свадьба моя расстроилась. На днях он мне, может быть, сообщит, что вы вышли замуж… Есть от чего потерять голову».

Надежда на близкую свадьбу сменяется мучительной неизвестностью.

Пушкин — П. А. Плетневу:

«Милый мой, расскажу тебе все, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска… Свадьба моя отлагается день ото дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери — отселе размолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения — словом, если я и не несчастлив, по крайней мере не счастлив. Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе, которую сыграем Бог весть когда… Черт меня догадал бредить о счастии, как будто я для него создан».

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне…

Тайна Болдинской осени. Кто только не пытался разгадать ее?! Но она так же неразрешима, как и рецепт эликсира вечной молодости или философского камня. Как будто неудачи, преследовавшие поэта в том, 1830 году — и злобные булгаринские выпады, и полная неясность относительно свадьбы, и хозяйственные хлопоты, и надоевшее безденежье, и разлука с невестой, и беспокойство за нее — переплавились в незримом горниле в таинство, нареченное потом Болдинской осенью.

«Чтоб сердцем возлетать»

Но одна из разгадок этого необычного поэтического феномена все же есть. В том далеком ныне 1830-м, всего в нескольких десятках верст от барского особняка в Болдине, в Саровской обители молился великий исповедник земли российской старец Серафим. Здесь было дано Серафиму Саровскому видение Пресвятой Богородицы, явившейся к нему в день Благовещения. (И ныне в православном мире эти места почитаются как четвертый, последний земной удел Богородицы). И в это же самое время сестры из Дивеевской обители, следуя советам старца, копали Святую Канавку там, где ступала по земле Царица Небесная. Святая Канавка была проложена к началу 1833 года, и тогда же, в январе, старец тихо почил.

«Как не встретились два солнца России? — восклицал русский мыслитель Сергей Булгаков. — Пушкин прошел мимо преподобного Серафима, его не приметя… Ему был свойственен свой личный путь и особый удел — предстояние перед Богом в служении поэта».

Всего единожды, лишь осенью 1830-го удивительно близко по земным меркам сошлись пути святого старца и великого поэта. И это сближение во времени и в пространстве не стало ли предтечей Болдинской осени?

Как знать, не разгорелся ли святой пламень пушкинского вдохновения благодаря молитвам Серафима Саровского? Прямая эта связь или нет, судить не нам. Но более такой плодородной осени в жизни поэта не было — такой божественной озаренности, такого взлета творческого гения. Не было и ни у кого из поэтов, когда-либо живших на Земле.

Вот даты, которыми любил помечать Пушкин свои рукописи, воссоздающие этот мощный поэтический поток: 7 сентября 1830-го — написаны «Бесы», 8 сентября — «Элегия», 9-го — «Гробовщик», 13-го — «Сказка о попе и о работнике его Балде», 14-го — «Станционный смотритель», 20-го — «Барышня-крестьянка»… Завершены «Маленькие трагедии», «Повести Белкина», «Домик в Коломне», последние главы «Евгения Онегина», написано более тридцати лирических стихотворений.

«Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал», — позже признавался Пушкин своему приятелю Петру Плетневу.

Да, в жизни поэта были еще две осени, проведенные им в сельце Болдине. Но словно гаснет вдохновение, будто кто-то незримый медленно задувает свечу…

Осенью 1833-го были созданы поэмы «Медный всадник» и «Анджело», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о рыбаке и рыбке», стихотворение «Осень». А в последнюю осень, проведенную в Болдине, написана лишь «Сказка о золотом петушке»…

Конечно, досужие пушкинисты объясняют это причинами чисто житейскими: необходимостью уладить дела в имении, недостатком свободного времени. И забывают одну, казалось бы, столь далекую и не связанную с жизнью и судьбой поэта — в январе 1833 года не стало батюшки Серафима…

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв…

На рукописи этого стихотворения — по сути, поэтическом переложении великопостной молитвы Ефрема Сирина — Пушкин нарисовал молящегося в келье монаха. Исследователи пушкинской графики сходны в суждении: поэт изобразил преподобного Серафима Саровского! Да и первые строки пушкинской молитвы, не говорят ли они о подвижниках из Саровской пустыни и монахинях Дивеевской обители?

Знал ли Пушкин о деяниях святого старца? Думается, да. Ведь весть о молитвенном подвиге, когда отшельник, приняв монашеский постриг с именем Серафим, тысячу дней и ночей молился, стоя коленопреклоненно на камне, уже летела по России.

Великое чудо веры и любви обратилось чудом «детородной» Болдинской осени. Самой поэтической в мире.

Натальины сосны

Наталия Николаевна никогда не бывала в Болдине — ни невестой поэта, ни его женой, ни вдовой… Но ее именем словно освящена вся неброская здешняя земля. Ее присутствие незримо, незаметно, но оно во всем — словно отражен прекрасный лик и в зеркальной глади прудов, и в старинных зеркалах пушкинского дома, где так и не суждено было ей стать хозяйкой…

Ее «небесные черты» хранят рисунки, набросанные Пушкиным на рукописных листах, что, как и прежде, в изобилии лежат на рабочем столе поэта, на конторке. Любовью к Ней слагались пушкинские шедевры.

…Пушкин живет в Болдине, словно на острове, огражденный от всего мира холерными карантинами. Из этого нижегородского сельца летят в Москву послания, адресованные невесте. И верно, она не раз перечитывала эти страстные и такие необычные любовные признания:

> «Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, я у ваших ног, чтобы поблагодарить вас и просить прощения за причиненное вам беспокойство… еще раз простите меня и верьте, что я счастлив, только будучи с вами вместе»;
>
> «Мой ангел, ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка (где, замечу в скобках, мой дед повесил француза-учителя аббата Николя, которым был недоволен)»;
>
> «Будь проклят час, когда я решился расстаться с вами, чтобы ехать в эту чудную страну грязи, чумы и пожаров…»

И уже, будучи ее мужем, он всегда тосковал в разлуке и писал ей из Болдина нежные письма:

> «Мне здесь хорошо, да скучно, а когда мне скучно, меня так и тянет к тебе, как ты жмешься ко мне, когда тебе страшно»;
>
> «Ты говоришь о Болдине. Хорошо бы туда засесть, да мудрено. Об этом успеем еще поговорить».

Нет, не успели…

> «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с

твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, — а душу твою люблю я еще более твоего лица».

Письмо послано Наталии Николаевне из Тверской губернии накануне ее дня рождения, в августе 1833 года. По сути, это и есть поздравление жены с Натальиным днем. Ведь предваряет его Пушкин словами: «Письмо это застанет тебя после твоих именин».

Пройдет чуть более двух месяцев, и в Болдине, в начале ноября Пушкин завершит «Сказку о мертвой царевне…»

Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи…

«Гляделась ли ты в зеркало…» Возможно, именно эти строчки, обращенные к Натали, возродили к жизни давнишний замысел — и сказка, слышанная Пушкиным еще в Михайловском, появилась на свет Болдинской осенью 1833 года.

Привиделась ли тогда поэту знакомая картина: красавица жена, втайне любующаяся своим отражением? И как причудливо отразился в сказочном мире, в волшебном зеркале, иной лик — гордой и злой царицы, красавицы без души и сердца. Полного антипода милой Наташи.

«Дай Бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином!» — мечталось когда-то Пушкину.

Наталия Николаевна, Натали, Таша… Даже деревья хранят ее имя: есть в Большом Болдине сосны — Натальины. Посажены они сыном Александром у барского особняка во Аьвовке по просьбе самой Наталии Николаевны — по четыре сосны с каждого угла дома в память о детях: Марии, Александре, Григории и Наталии Пушкиных. И верно, давая наказ старшему сыну, вспоминались ей тогда и сосны в Михайловском, воспетые ее великим мужем:

…Они все те же,
Все тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья, кусты теснятся
Под сенью их как дети…

Тех знаменитых пушкинских сосен уже давным-давно нет. А

Натальины красавицы сосны во Аьвовке вошли в «могучий поздний возраст» — высоко в небе покачивают своими вечнозелеными вершинами…

«ПУШКИН ЖЕНИТСЯ!»

О, будь мне спутницей младой
До самых врат могилы!

А.С. Пушкин

Венчание

И вот в декабре 1830-го Пушкин, вырвавшись из своего «болдинского заточения», вновь в Москве. Первый визит на Никитскую принес разочарование: Наталия Ивановна устроила поэту-жениху далеко не любезный прием. Но примирение все же состоялось, и Гончарова-мать вместе с будущим зятем и дочерью совершает паломничество по московским монастырям и соборам, возит их на поклонение к чудотворной Иверской иконе.

А по Москве — только и разговоров, что о предстоящей свадьбе Пушкина!

Еще летом князь Вяземский тревожился, «чтобы в Петербурге Пушкин не разгончаровался: не то что влюбится в другую, а зашалится, замотается». И весьма прозаически объяснял причину влюбленности приятеля: «В Москве скука и привычка питают любовь его».

Как занимала друзей и недругов поэта будущая его женитьба, перераставшая в их письмах в событие чуть ли не вселенского масштаба!

Князь П. А. Вяземский — жене в Остафьево:

«Правда ли, что мать Гончарова не очень жалует Пушкина и что у жениха с невестой были уже ссоры?»

М. П. Розберг из Москвы — В. Г. Теплякову:

«Все женятся, даже Пушкин, который так искренне ненавидел… глупое супружеское счастие… Пушкин женится на Гончаровой и написал ей стихи, где, между прочим, есть: «…Я очарован/ Я совсем огончарован»».

Князь П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу в Париж:

«Пушкин женится».

С. П. Шевырев из Рима — С. А. Соболевскому:

«О будущей женитьбе Пушкина на Гончаровой ты уже слышал».

Княгиня З. А. Волконская из Рима — князю П. А. Вяземскому:

«Пушкин очень хорошо делает, что женится».

Анжелика Каталани, итальянская певица — подруге в Италию:

«Говорят, что он (Пушкин) очень увлечен Гончаровой и

женится на ней».

А. П. Керн:

«Пушкин… серьезен, важен, как следовало человеку с душою, принимавшему на себя обязанность осчастливить другое существо».

С. Д. Киселев — Н. С. Алексееву в Бухарест:

«Пушкин женится на Ганчеровой (sik!); между нами сказать, на бездушной красавице…»

В. А. Муханов из Москвы — брату Н.А. Муханову:

«Пожалей о первой красавице здешней, Гончаровой… Она идет за Пушкина».

А. Я. Булгаков — брату К. Я. Булгакову в Петербург:

«Нечего ждать хорошего, кажется; я думаю, что не для нее (Гончаровой), но и для него (Пушкина) лучше бы было, кабы свадьба разошлась».

Первоначально поэт собирался венчаться в домовой церкви князя Сергея Михайловича Голицына на Волхонке, но митрополит московский Филарет не дал на то своего разрешения. И тогда выбор пал на храм Большого Вознесения у Никитских ворот, считавшийся приходским храмом невесты.

Потянутся томительные дни ожидания. И вот, наконец, решено — свадьба назначена на среду, 18 февраля 1831 года, последний день перед Великим Постом, когда по церковным канонам можно венчать. А накануне, во вторник, Пушкин проводит в снятом им доме на Арбате свой знаменитый «мальчишник».

Пушкин! Завтра ты женат!
Холостая жизнь прощай-ка!
Обземь холостая шайка…

Шуточные куплеты князя Вяземского Пушкин, как память о прощании с холостой жизнью, сохранил. Сам же поэт, по воспоминаниям, был необычайно грустен. Возможно, его одолевали те же мысли, что и ранее:

«Женат — или почти. Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, всё уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих

пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было… Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди, и вероятно не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностию».

Тем же вечером, после дружеской пирушки Пушкин спешит к невесте, на Большую Никитскую. По заведенному тогда свадебному этикету невеста также прощалась со своей девичьей жизнью, собирая подруг на «девичник»…

А на следующий день, февральским утром, Пушкина ждало неприятное известие: Наталия Ивановна послала сказать будущему зятю, что свадьбу придется отложить, поскольку «у нее нет денег на карету».

Но этот досадный случай никоим образом не мог считаться серьезным препятствием: Пушкин деньги послал, и к парадному крыльцу гончаровского дома, «тещину терему», был подан свадебный экипаж! Отсюда, из дома на Никитской, свершила свой путь к храму Большого Вознесения Наталия Гончарова, чтобы предстать перед алтарем со своим женихом Александром Пушкиным.

Невеста была очень хороша под венцом, «совершенством красоты» называли ее те, кому посчастливилось быть на свадебном торжестве.

Венчанию предшествовал так называемый «Брачный обыск» — жениха и невесту троекратно «обыскивали», проверяли, не дали ли они ложных показаний. И подтвердилось, что:

> «1-е — они православную веру исповедуют…; 2-е — между ими плотского, кровного и духовного родства, т. е. кумовства, сватовства… не имеется…; 3-е — состоят они в целом уме и к сочетанию браком согласие имеют вольное и от родителей дозволенное, жених и невеста первым браком; 4-е — лета их правильны, — жених имеет от роду 31 год, а невеста 18 лет. И в том сказали самую сущую правду…
>
> К сему обыску… Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил.
>
> К сему обыску Наталия Николаевна дочь Гончарова руку приложила».

Храм еще строился, и венчали молодых в одном из действовавших его приделов, в трапезной. И в церковной метрической книге появилась обычная по тем временам запись:

«Февраля восьмого на десять числа в доме коллежского Асессора Николая Афанасьевича Гончарова женился 10 класса Александр Сергеич Пушкин 1-м браком. Понял за себя Коллежского Асессора Николая Афанасьевича Гончарова дочь девицу Наталию Николаевну Гончарову».

По воспоминаниям друзей, венчание поэта было омрачено странными явлениями: «упали с аналоя крест и Евангелие, когда молодые шли кругом», в руках у жениха погасла свеча. При обмене колец одно из них упало на пол. И поэт посчитал их за дурные приметы.

«Tous les mauvais augures» (все плохие предзнаменования. — фр.)», — сказал тогда побледневший Пушкин.

«Самая свадьба поэта была ознаменована многими дурными приметами, которые, по народному поверью, не предвещают счастья и благоденствия молодым. Посещая дом невесты, Пушкин обратил внимание на вывеску гробовщика, жившего насупротив окон квартиры Гончаровых. Это неприятное memento mori заронило в ум Пушкина первую мысль написать «Гробовщика» — одну из повестей Белкина… Заметим еще, что в феврале 1831 года над Москвою тяготело всеобщее уныние, следствие недавней холеры…»

Ровно через шесть лет все те роковые приметы, о коих упоминали знакомцы Пушкина и сам поэт, сбылись…

«Итак, свершилась эта свадьба, которая так долго тянулась, — сообщал брату Александр Булгаков. — Ну да как будет хороший муж! То-то всех удивит, никто этого не ожидает, и все сожалеют о ней. Я сказал Грише Корсакову быть ей milady Byron (миледи Байрон). Он пересказал Пушкину, который смеялся только».

Все недобрые пророчества померкли перед таким долгожданным и выстраданным счастьем.

«Я женат — и счастлив, — писал Пушкин вскоре после женитьбы, — одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что кажется я переродился».

Летит письмо и к «Милостивому государю дедушке Афанасию Николаевичу» в Полотняный Завод:

«Спешу известить Вас о счастии моем и препоручить себя Вашему отеческому благорасположению, как мужа бесценной внучки Вашей Натальи Николаевны…» Несколько строк оставит и Натали:

«Любезный дедушка! Имею счастие известить Вас наконец о свадьбе моей…»

Видимо, «перерождение» поэта было столь явным, что один

из приятелей не преминул заметить, что Пушкин «пьян своею женою».

«МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ»

Дом Хитрово на Арбате, в приходе церкви Живоначальной Троицы, — первый семейный дом Пушкина. Поэт нанял второй этаж арбатского особняка загодя до свадьбы — в январе 1831 года. Владельцы особняка — губернский секретарь Никанор Никанорович Хитрово и его супруга Екатерина Николаевна той зимой, испугавшись холеры, уехали из Москвы в свое имение в Орловской губернии.

После венчания в арбатской квартире был дан праздничный свадебный ужин, — торжеством распоряжался брат поэта Левушка. Князь Петр Вяземский, его десятилетний сын Павлуша и Павел Воинович Нащокин приехали на Арбат до новобрачных и на пороге дома благословили их святым образом.

Посаженными родителями со стороны жениха стали князь Петр Вяземский и графиня Елизавета Потемкина, со стороны невесты — ее двоюродный дядя Иван Нарышкин, сенатор и тайный советник, и Анна Малиновская, жена начальника Московского архива Министерства иностранных дел и мать близкой подруги Натали Катеньки Долгоруковой.

В доме на Арбате молодым супругам предстояло прожить счастливейшие дни в их жизни. Но его стены помнят и слезы юной Натали.

Княгиня Вера Вяземская (со слов Наталии Пушкиной):

«…Муж ее в первый же день брака, как встал с постели, так и не видал ее. К нему пришли приятели, с которыми он до того заговорился, что забыл про жену и пришел к ней только к обеду. Она очутилась одна в чужом доме и заливалась слезами».

Так ли оно было на самом деле? Свидетельств тому нет, да и быть не может. Вспомнить хотя бы пушкинский наказ жене: «Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни».

Бытует, правда, некая легенда: поэт, в слезах от восторга, якобы простоял всю ночь на коленях у брачной постели! Но эта пастораль слабо согласуется с живым пушкинским темпераментом!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склонялся на долгие моленья,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему

Едва ответствуешь…

Живо и еще одно предание, также документально не подтвержденное, — будто бы во время свадебного ужина Пушкин увлекся с друзьями беседой о литературе, и бедная невеста от обиды не смогла сдержать слез…

А 20 февраля — день памятный для Натали. Впервые она получила приглашение на бал как госпожа Пушкина! Бал был дан в особняке Анастасии Щербининой, дочери знаменитой россиянки — княгини Екатерины Дашковой, сподвижницы Екатерины II.

Один из гостей почтенной Анастасии Михайловны Александр Кошелев, чиновник Министерства иностранных дел, в будущем издатель, оставил памятную запись: «Вчера на бале у Щербининой встретил Пушкина. Он очень мне обрадовался. Свадьба его была 18-го, т. е. в прошедшую среду. Он познакомил меня со своею женою, и я от нее без ума. Прелесть как хороша».

А через два дня снова праздник — благотворительный маскарад (в пользу пострадавших от холеры) в Большом театре!

Александр Булгаков как всегда добросовестно сообщает брату все московские сплетни и новости: «Был изрядный ужин… За одним столом сидели мы и Пушкин-поэт; беспрестанно подходили любопытные смотреть на двух прекрасных молодых. Хороша Гончарова бывшая…

На Пушкина всклепали уже какие-то стишки на женитьбу; полагаю, что не мог он их написать, неделю после венца; не помню их твердо, но вот а реи ргиэ (приблизительно. — фр.) смысл:

Хочешь быть учтив — поклонись,
Хочешь поднять — нагнись,
Хочешь быть в раю — молись,
Хочешь быть в аду — женись!

…Он, кажется, очень ухаживает за молодою женою и напоминает при ней Вулкана с Венерою».

В завистниках и злопыхателях у молодой четы недостатка не было.

Некий Протасьев, передавая светскую болтовню некой мадмуазель Софи, приписывает эти вирши уже самому поэту:

«Скажу тебе новость — Пушкин, наконец, с неделю тому назад женился на Гончаровой и на другой день, как говорят, отпустил ей следующий экспромт:

Кто хочет быть учен,
Учись
Кто хочет быть спасен,
Молись
Кто хочет быть в аду,
Женись.
Счастливое супружество!»

Пушкин о том «экспромте», сочиненном якобы им, знал и, разумеется, восторга по этому поводу не испытывал…

На девятый день после свадьбы Натали впервые пришлось выступить в роли хозяйки — Пушкины приглашали к себе гостей на Арбат.

Александр Булгаков (28 февраля 1831):

«Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как два голубка. Дай Бог, чтобы всегда так продолжалось…Ужин был славный; всем казалось странным, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство…»

В числе приглашенных к Пушкиным был и старый князь Юсупов.

А первого марта пришелся на последний день Масленицы. Катанье в санях (в них участвовал и несостоявшийся жених Натали князь Платон Мещерский), блины у Пашковых. Москва, как говорили, тряхнула стариной. Праздникам и веселью, казалось, не будет конца…

Как и поздравлениям поэту с женитьбой.

Екатерина Карамзина:

«Я повторяю свои пожелания, вернее сказать надежду, чтобы ваша жизнь стала столь же радостной и спокойной, насколько до сих пор она была бурной и мрачной, чтобы нежный и прекрасный друг, которого вы себе избрали, оказался вашим ангелом-хранителем, чтобы ваше сердце, всегда такое доброе, очистилось под влиянием вашей молодой супруги…»

Петр Плетнев:

«Поздравляю тебя, милый друг, с окончанием кочевой жизни… Полно в пустыне жизни бродить без цели. Все, что на земле суждено человеку прекрасного, оно уже для тебя утвердилось. Передай искреннее поздравление мое и Наталье Николаевне: целую ручку ее».

А в ответ на несохранившееся письмо своей обожательницы Елизаветы Хитрово, вероятно также с поздравлениями, Пушкин холодно замечает:

«Суматоха и хлопоты этого месяца (марта. — Л. Ч.), который отнюдь не мог бы быть назван у нас медовым, до сих пор мешали мне вам написать».

В марте же знакомец поэта литератор Я. И. Сабуров пишет в Петербург брату: «Здесь не опомнятся от женитьбы Пушкина; склонится ли он под супружеское ярмо… Как справится он с тем, чтобы нарушить привычный ритм своей жизни?.. Во всяком случае, на худой конец, больше будет прекрасных строф; итог писателя — это его книга, а как он к ней приходит — его дело. Пусть брак, семья станут лишним томом в его библиотеке материалов — я согласен: она будет лишь богаче и плодотворнее…»

Одно из редких и, пожалуй, самых образных замечаний о Пушкине тех дней: «Пьян своею женою»! Именно так из Рима (!) утверждал знакомец поэта, писатель и критик Степан Петрович Шевырев.

Но были и те, кого якобы беспокоила судьба Наталии Пушкиной. Вот Егор Антонович Энгельгардт, в прошлом директор Царскосельского лицея, пишет лицейскому приятелю поэта Федору Матюшкину: «Знаешь ли, что Пушкин женился? Жена его москвичка, как говорят, очень любезная, образованная и с деньгами. Жаль ее: она верно будет несчастлива. В нем только и было хорошего, что его стихотворческий дар, да и тот, кажется, исчезает…»

В Москве только и разговоров, как изменился после женитьбы поэт, — стал спокойнее, рассудительней, а его молодую жену считали достойной «такой метаморфозы». Так, по крайней мере, полагала Екатерина Кашкина, родственница Прасковьи Александровны Осиповой, тригорской приятельницы поэта. Но здравые суждения «приправлены» изрядной долей сарказма:

«…Она (жена Пушкина) столь же умна, как и красива, — осанка богини, с прелестным лицом; и когда я его встречаю рядом с его прекрасной супругой, он мне невольно напоминает портрет того маленького очень умного и смышленого животного, которое ты угадаешь и без того, чтобы я тебе назвала его» (подлинник по-французски).

Вот уж, поистине: ложка дегтя в бочке меда!

Молодых супругов видели вдвоем, прогуливавшихся по Тверскому бульвару. «Я заметил много красивых женщин на прогулке; среди прочих заметно блистала жена поэта

Пушкина», — сделал в дневнике запись англичанин Кольвиль Фрэнкленд, повстречавший Пушкиных в начале мая, незадолго до их отъезда в Петербург.

И хотя арбатская квартира была нанята ровно на полгода — до двадцатых чисел июля, уже в марте поэт просит друга Петра Плетнева подыскать ему дачу в Царском Селе: «… Мочи нет, хотелось бы… остановиться в Царском Селе. Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провел бы я в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний… А дома, вероятно, ныне там недороги: гусаров нет, Двора нет…»;

Просьбы Пушкина все настойчивее:

«…Ради Бога найми мне фатерку — нас будет: мы двое, 3 или 4 человека да 3 бабы. Фатерка чем дешевле, тем разумеется лучше… Садика нам не будет нужно, ибо под боком будет у нас садище… Ради Бога, скорее же!»

Еще до женитьбы, в январе 1831-го, поэт словно предчувствовал будущие осложнения: «Я не люблю московской жизни. Здесь живи, не как хочешь — как тетки хотят. Теща моя та же тетка».

Супружеская жизнь Пушкина впервые подверглась столь серьезным испытаниям. Он, муж, глава семейства, принимает волевое и единственно верное решение: «Я был вынужден уехать из Москвы во избежание неприятностей, которые под конец могли лишить меня не только покоя; меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного, как презренного ростовщика, ей говорили: ты глупа, позволяя мужу и т. д. Согласитесь, что это значило проповедовать развод… Не восемнадцатилетней женщине управлять мужчиной, которому 32 года.

Я проявил большое терпение и мягкость, но, по-видимому, и то и другое было напрасно. Я ценю свой покой и сумею его себе обеспечить».

Ах, как неприятно было читать эти строки теще, Наталии Ивановне!

…Дорожный экипаж, увозивший молодую чету из Москвы, догоняла депеша, адресованная петербургскому обер-полицмейстеру:

«Находящийся в сей столице под секретным надзором полиции известный поэт, отставной чиновник 10-го класса Александр Пушкин, выехал из Москвы в Санкт-Петербург вместе с женою своею, за коим во время пребывания здесь в поведении ничего предосудительного не замечено».

Свадебное путешествие только начиналось…

«ПОЭЗИЯ В ВЫИГРЫШЕ

Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает…

А.С. Пушкин

Свадебное путешествие в мае 1831-го — и куда? В Царское Село! Пушкину хотелось поскорее увезти юную жену от московских тетушек и кумушек, от их советов и наставлений, мечталось очутиться вдруг «в кругу милых воспоминаний».

Супруги сняли небольшую дачу с мезонином и верандой, принадлежавшей вдове придворного камердинера Анне Китаевой. Дача — всего в нескольких минутах ходьбы от Лицея и Екатерининского парка. Здесь Пушкины прожили с мая по октябрь. И доставили немало удовольствия всем любопытствующим, наблюдавшим, как Пушкин под руку гулял возле озера с женою, одетой в белое платье и наброшенной на плечи, свитой по тогдашней моде, красной шалью.

Став женой русского гения, Натали приняла как венец магическое имя Пушкина и с той самой минуты перестала принадлежать лишь себе. Теперь и на нее, как и на знаменитого супруга, были направлены взоры тысяч людей — испытующие, восхищенные, завистливые, ревнивые. Отныне она рядом с Пушкиным, и ей даже «дарован» своеобразный титул — «поэтша».

Безоблачные месяцы жизни молодой четы! Поистине, те летние месяцы были озарены поэтическим вдохновением: написаны «Сказка о царе Салтане…», письмо Онегина к Татьяне, «Бородинская годовщина», «Клеветникам России», готовились к изданию «Повести Белкина». Молодая супруга помогала поэту — переписывала набело его рукописи. Была и первой слушательницей новых стихов.

«Я… поднималась вместе с его женой в его кабинет… Когда мы входили, он тотчас начинал читать, а мы делали свои замечания», — вспоминала фрейлина Россет. Не все так благостно, — есть в мемуарах Александры Осиповны и язвительные строки:

«Так как литература, которою угощает меня Пушкин, наводит смертную скуку на его жену, то после чтения я катаю ее в коляске, чтобы привести ее в хорошее положение духа»;

«Ужасно жаль, что она так необразованна; из всех его

стихотворений она ценит только те, которые посвящены ей: впрочем, он прочел ей повести Белкина, и она не зевала».

Достойный образчик светского злословия. Можно сказать, классического.

«Раз, когда он (Пушкин) читал моей матери стихотворение, которое она должна была в тот вечер передать Государю, жена Пушкина воскликнула: «Господи, до чего ты мне надоел со своими стихами, Пушкин!» Он сделал вид, что не понял, и отвечал: «Извини, этих ты еще не знаешь, я не читал их при тебе». Ее ответ был характерен: «Эти ли, другие ли, все равно. Ты вообще надоел мне своими стихами»».

Пушкин будто бы ответил: «Натали еще совсем ребенок. У нее невозможная откровенность малых ребят».

Примечание это сделано дочерью Александры Осиповны Ольгой Смирновой. Пушкинисты до сих пор спорят о том, фальсифицированы ли «Записки А. О. Смирновой, урожденной Россет» ее дочерью или нет. Но даже если Ольга Николаевна и добросовестно передала воспоминания матушки, то не кроется ли в них ревность Натали, ее способ самозащиты, такой по-детски наивный? И дело вовсе не в том, что будто бы она не любила и не понимала поэзию, — ей просто хотелось, чтобы Александра Россет, красивая и умная женщина, которой вполне мог увлечься ее знаменитый супруг, поскорее покинула бы их дом…

Поверим Жуковскому, на правах соседа и старинного приятеля часто бывавшего в гостях у поэта, — он не ошибся: «А женка Пушкина очень милое творение… И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше».

И вот стечение обстоятельств — Двор переезжает из Петербурга в Царское Село из-за вспыхнувшей эпидемии холеры. И здесь, прогуливаясь с мужем по живописным аллеям парка, юная красавица Пушкина встретится с российским самодержцем и его августейшей супругой — Александрой Федоровной. Но и для поэта та встреча с императрицей станет первой, и весьма значимой для него в будущем.

Как ни странно, но Александра Федоровна тогда проявила больший интерес не к Пушкину, — ее поразила необычайная одухотворенность молодой супруги поэта.

Фрейлина Александра Россет запишет в своем дневнике:

«Императрица сказала о Natalie: «Она похожа на героиню романа, она красива и у нее детское лицо»».

Мать поэта, Надежда Осиповна, сообщит последние новости

дочери Ольге:

«…Император и императрица встретили Наташу с Александром, они остановились поговорить с ними, и императрица сказала Наташе, что она очень рада с нею познакомиться, и тысячу других милых и любезных вещей. И вот она теперь принуждена, совсем этого не желая, появиться при Дворе».

Сколько юных красавиц были бы в восторге от столь оглушительного успеха — Наташа готова лишь подчиниться монаршей воле…

Дедушке, Афанасию Николаевичу, в Полотняный Завод летит ее трогательное письмо:

«Я не могу спокойно прогуливаться по саду, так как узнала от одной из фрейлин, что Их Величества желали узнать час, в который я гуляю, чтобы меня встретить. Поэтому я и выбираю самые уединенные места».

На даче в Царском Селе поэт поздравил свою Наташу с днем рождения — ей исполнилось девятнадцать.

Время в России неспокойное — кругом холера, и до Москвы долетают злые слухи, что Пушкин якобы стал ее очередной жертвой, а бедная беременная жена — молодой вдовой.

…Закончилось Царскосельское лето, наполненное волнениями и яркими впечатлениями: дворцовыми праздниками, знакомствами, встречами с друзьями. Наступила благодатная осень, близился и заветный лицейский день. Но встретить его поэту в Царском Селе не довелось, — незадолго до славной годовщины Пушкины переехали в Петербург.

«В ПЕТЕРБУРГ — К ТЕБЕ, ЖЕНКА МОЯ»

В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва…

А.С. Пушкин

Ах, как говорливы камни! Они впитали в себя голоса, звук шагов, шелест платьев, смех, ночные всхлипывания… И готовы говорить, говорить без умолку. Им надо столько успеть рассказать, пока они есть, пока безудержное всесильное время не источило их и не лишило памяти.

«На Галерной, в доме Брискорн»

Вот он, адрес первой семейной квартиры поэта в Петербурге. Во всяком случае, так принято считать, — всего несколько дней прожили Пушкины на Вознесенском проспекте у Измайловского моста в доме Берникова по возвращении из Царского Села, где на даче Китаевой провели они счастливые месяцы. В середине октября 1831-го поэт привозит свою Натали в дом на Галерной. Понравилась ли ей квартира на унылой петербургской улице, где сплошь дома да камень, после роскоши царскосельских садов? Да и задавалась ли таким вопросом Натали, — ведь рядом был Он, знаменитейший в России поэт, ее муж, и она уже носила под сердцем его дитя…

Вероятней всего, переехать на Галерную посоветовал Пушкиным Дмитрий Гончаров, временно поселившийся на ней, а затем навестивший сестру и ее мужа в Царском Селе. Свои петербургские новости отписывает он «Любезнейшему Дедушке» в Полотняный Завод:

«Прибывши сюда благополучно… переехал в Галерную улицу в дом Киреева… Я видел также Александра Сергеевича, между ими царствует большая дружба и согласие; Таша обожает своего мужа, который также ее любит; дай Бог, чтоб их блаженство и впредь не нарушалось. — Они думают переехать в Петербург в октябре, а между тем ищут квартиры».

Квартиры, что сдавала внаем вдова тайного советника Ольга Константиновна Брискорн, были: «в бельэтаже одна о девяти, а другая о семи чистых комнатах с балконами, сухим подвалом, чердаком… на хозяйских дровах по 2500 рублей в год». На одну из них (какую именно, уже не узнать) и пал выбор Александра Сергеевича.

Прежде таких дорогих квартир в Петербурге снимать Пушкину не приходилось. «Женясь, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро», — пенял он на дороговизну петербургской жизни другу Нащокину.

Когда-то в Москве, устав от нравоучений тещи, поэт мечтал о вольной жизни в столице: «То ли дело в Петербурге! заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексеевна».

На новой квартире Пушкиным предстояло прожить осень, — первую в их совместной жизни, встретить новый, 1832 год и его весну. Сюда на Галерную из мастерской Александра Брюллова, брата великого Карла, возвращалась с портретных сеансов Натали, — художник работал тогда над акварельным портретом

красавицы Пушкиной. Супруг жаждал поскорее увидеть творение мастера: «Брюллов пишет ли твой портрет?»

Несколько недель, пока Пушкин уезжал по делам в Москву и жил у Нащокина, Натали пришлось быть одной. На Галерную, в дом Брискорн, «милостивой государыне Наталии Николаевне Пушкиной» доставлялись из Москвы его письма.

Исполненные любовных признаний и беспокойства:

> «…Тоска без тебя; к тому же с тех пор, как я тебя оставил, мне все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поедешь во дворец, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лестницы».

Первые месяцы супружеского счастья, или, по Пушкину, — покоя и воли. А ведь еще недавно друзей Пушкина так занимала его будущая свадьба: не погасит ли проза семейной жизни святой огонь поэзии?

Опасения напрасны: увидели свет восьмая глава «Евгения Онегина», третья часть «Стихотворений Александра Пушкина», подготовлен альманах «Северные цветы», изданный в пользу осиротевшего семейства друга Дельвига.

Мудрец Василий Жуковский, пристально наблюдая за душевным состоянием женатого Пушкина, нашел, что его семейная жизнь пошла на пользу и поэзии.

В этом доме Натали и сама дерзнула писать стихи, или, точнее, послать их на отзыв мужу. «Стихов твоих не читаю. Черт ли в них; и свои надоели. Пиши мне лучше о себе, о своем здоровьи», — ее робкие поэтические опыты Пушкин безжалостно пресек. Почти как Онегин, резко одернувший милую Татьяну. Продолжала ли она втайне заниматься стихотворчеством? — Кто может сейчас ответить…

Супружеская жизнь потребовала от нее вскоре иных забот, и дом на Галерной стал для Натали своего рода «школой молодой хозяйки», а муж — первым наставником в житейских делах. Пушкин недоволен слугами: Василием и Алешкой, их дурным поведением. И выговаривает жене, не проявившей должной твердости с ними, да еще принявшей без его ведома книгопродавца:

> «Вперед, как приступят к тебе, скажи, что тебе до меня дела нет; а чтоб твои приказания были святы».

Жизнь в доме вдовы тайного советника по какой-то причине Пушкиных не устроила. Возможно, дело было в самой Галерной: в веке девятнадцатом, как и ныне, ни единое деревце на ней на не

радовало глаз — сплошная каменная «першпектива». Рискну предположить, что, думая о будущем младенце, Наталия Николаевна хотела подыскать квартиру где-нибудь в зеленом уголке Петербурга. Видимо, дом Алымова на Фурштатской улице вблизи Таврического сада (да и окна самой квартиры выходили на бульвар) удовлетворял ее пожеланиям. Как-никак, а место это считалось аристократическим кварталом Литейной части Петербурга.

…Много позже, во второй половине девятнадцатого века, на Галерной рядом с домом Брискорн поселится знаменитый русский этнограф, человек-легенда Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Две мемориальные доски на двух соседних домах: поэту и путешественнику, знатоку коренных народов Океании и Австралии. Удивительное вневременное соседство!

«На Фурштатской, в доме Алымова»

В начале мая 1832-го чета Пушкиных перебирается на Фурштатскую: слуги перетаскивают в экипаж вещи, Александр Сергеевич бережно усаживает в карету отяжелевшую супругу. Наталия Николаевна на сносях…

Уже из новой квартиры Пушкин поздравляет свою тригорскую соседку Прасковью Александровну с рождением и крестинами внука:

«Кстати о крестинах: они будут скоро у меня на Фурштатской в доме Алымова. Не забудьте этого адреса, если захотите написать мне письмецо».

Квартира на втором этаже состояла уже из четырнадцати комнат с паркетными полами, кухней, людской и прачечной.

В доме Алымова в семействе поэта случилось радостное прибавление: родилась дочь Маша. Здесь Пушкин пережил все волнения, свойственные молодому отцу, и, как признавался друзьям, плакал при первых родах, и говорил, что обязательно убежит от вторых. С оттенком иронии и явного самодовольства сообщает он о счастливом событии княгине Вере Вяземской: «… Представьте себе, что жена моя имела неловкость разрешиться маленькой литографией с моей особы. Я в отчаянии, несмотря на все свое самомнение».

Сергей Львович, не раз бывавший в гостях у сына и невестки, — иного мнения. Отец поэта в умилении от маленькой Маши и своими восторгами спешит поделиться с дочерью:

«Она хороша как ангелок. Хотел бы я, дорогая Оленька, чтоб ты ее увидела, ты почувствуешь соблазн нарисовать ее портрет, ибо ничто, как она, не напоминает ангелов, писанных Рафаэлем».

Появление на свет Маши Пушкиной дало повод и для… злословия. «Пушкин нажил себе дочь, — замечает Энгельгардт, — Но стихотворство его что-то идет на попятную».

В доме на Фурштатской бывал и патриарх гончаровского рода дедушка Афанасий Николаевич. Будучи по делам в Петербурге, он ходатайствовал о получении субсидий для имения либо же о разрешении на продажу майоратных владений. И, конечно же, не преминул навестить свою любимицу Ташу. Поздравил внучку с новорожденной, положил той «на зубок» пятьсот рублей и крестил правнучку Машу.

Вслед за дедушкой еще одна «гостья» из Полотняного Завода «пожаловала» на Фурштатскую — «медная бабушка». Бронзовая статуя Екатерины Великой, назначенная Наташе в качестве приданого и потребовавшая в дальнейшем многих хлопот и

Пушкина, и Наталии Николаевны, царственно «возлежала» во дворе дома Алымова (дом ещё именовался и по имени владелицы).

«Я хотел бы получить за нее 25 000 р., что составляет четвертую часть того, что она стоила… — обращается Пушкин к Бенкендорфу. — В настоящее время статуя находится у меня (Фурштатская улица, дом Алымова)».

Видимо, этот петербургский адрес помнился Натали необычным подарком — поэтическим подношением от графа Дмитрия Ивановича Хвостова, стихотворные опусы коего не раз вызывали усмешку ее мужа. Стихотворение «Соловей в Таврическом саду» сопровождалось любезным посланием графа:

«Свидетельствуя почтение приятелю-современнику, знаменитому поэту Александру Сергеевичу Пушкину, посылаю ему песенку моего сочинения на музыку положенную, и прошу в знак дружбы ко мне доставить оную вашей Наталье Николаевне».

…Любитель муз, с зарею майской,
Спеши к источникам ключей,
Ступай послушать на Фурштатской,
Поет где Пушкин-соловей.

«Жена моя искренно благодарит Вас за прелестный и неожиданный подарок», — спешит с ответом Пушкин и обещает на днях «явиться с женою на поклонение к нашему славному и любезному патриарху».

Напевала ли Наталия Николаевна подаренную ей «песенку»? Впрочем, почему бы и нет? Ведь однажды Пушкин в разговоре со старой уральской казачкой обмолвился: красавица жена будет петь ее старинную песню.

Ну, а граф Хвостов, польщенный благосклонным отзывом Александра Сергеевича, не преминул сделать запись, что «музыка на сей голос и со словами помещена в Музыкальном журнале г. Добри». Но разыскать ноты славной песенки, что когда-то порадовала Натали, пока так никому не удалось.

После рождения первенца Натали еще более похорошела, и князь Вяземский спешит сообщить о том супруге: «Наша поэтша Пушкина в большой славе и очень хороша».

О своем первом посещении дома Пушкиных (вероятно, на Фурштатской) оставил восторженный отзыв молодой граф Владимир Соллогуб:

«Самого хозяина не было дома, нас приняла его красавица жена. Много видел я на своем веку красивых женщин, много встречал женщин еще обаятельнее Пушкиной, но никогда не

видывал женщины, которая соединила бы в себе такую законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая, с баснословно тонкой тальей, при роскошно развитых плечах и груди, ее маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более… Да, это была настоящая красавица, и недаром все остальные даже из самых прелестных женщин меркли как-то при ее появлении. На вид она была сдержана до холодности и мало вообще говорила».

В записках графа есть и весьма тонкие наблюдения, объясняющие многое в грядущих событиях:

«В Петербурге, где она блистала, во-первых, своей красотой и в особенности тем видным положением, которое занимал ее муж, — она бывала постоянно и в большом свете, и при Дворе, но ее женщины находили несколько странной. Я с первого же раза без памяти в нее влюбился; надо сказать, что тогда не было почти ни одного юноши в Петербурге, который бы тайно не вздыхал по Пушкиной; ее лучезарная красота рядом с этим магическим именем всем кружила головы; я знал очень молодых людей, которые серьезно были уверены, что влюблены в Пушкину, не только вовсе с нею не знакомых, но чуть ли никогда собственно ее даже и не видевших».

…В сентябре Пушкин выехал в Москву «поспешным дилижансом». Дом на Фурштатской опустел: Наталии Николаевне вновь предстояла разлука с мужем… А ему — новые тревоги:

«Не можешь вообразить, какая тоска без тебя. Я же все беспокоюсь, на кого покинул я тебя! на Петра, сонного пьяницу, который спит, не проспится…; на Ирину Кузьминичну, которая с тобою воюет; на Ненилу Ануфриевну (прислуга Пушкиных. — Л. Ч.), которая тебя грабит. А Маша-то? что ее золотуха?.. Ах, женка душа! что с тобою будет?»

Но «женка душа» вполне освоилась с ролью не только супруги, матери, но и хозяйки. «Ты, мне кажешься, воюешь без меня дома, сменяешь людей, ломаешь кареты, сверяешь счеты, доишь кормилицу. Ай да хват-баба! что хорошо, то хорошо».

В этих стенах Натали довелось испытать и чувство, прежде ей почти неведомое. Верно, ревнивые строки молодой жены доставляли поэту особое, ни с чем не сравнимое удовольствие. Как радостно отшучивался Пушкин:

«Грех тебе меня подозревать в неверности к тебе и в разборчивости к женам друзей моих. Я только завидую тем из них, у коих супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc. etc.»

Дом Алымова, единственный из всех петербургских адресов

женатого Пушкина (за исключением снимаемых на лето дач), не сохранился: на его месте в 1876 году воздвигнут великолепный каменный особняк.

А вот ангелочки, с коими Сергей Львович сравнивал некогда маленькую внучку, и по сей день взирают на прохожих с фасада изысканной в стиле барокко лютеранской церкви-ротонды Святой Анны, что на другой стороне улицы. Как и в те достопамятные времена, когда по Фурштатской прогуливались супруги Пушкины…

Мемориальной доски на особняке, свидетельствующей, что прежде на этом месте стоял дом Алымова, один из пушкинских адресов Петербурга, нет. Но зато есть другая с выбитыми в мраморе строками: «Здесь на квартире Д. В. Стасова в 1917 году неоднократно бывал Владимир Ильич Ленин». И с профилем вождя в его знаменитой пролетарской кепке.

Какие только кульбиты не делает порой история! Фурштатская, дом 20: этот адрес вобрал в себя символическое скрещение путей «медной бабушки» Екатерины II и «дедушки русской революции» Владимира Ильича, свергнувшего с престола ее царственных потомков.

Все-таки удивительна старая петербургская улица, помнящая легкую походку Натали, быструю поступь Александра Сергеевича и торопливые шаги вождя мирового пролетариата.

Фурштатская стала счастливой и для внучки поэта Верочки Пушкиной. Став женой блестящего офицера, адъютанта великого князя Михаила Николаевича, а в будущем генерала Сергея Мезенцова, Вера Александровна в сентябре 1901-го поселилась с супругом на той же улице, где некогда жил ее великий дед.

«В Морской в доме Жадимеровского»

Возвращение из Москвы осенью 1832-го сопряжено было для Пушкина с большими беспокойствами.

«Приехав сюда, нашел я большие беспорядки в доме, — пишет он в начале декабря Нащокину, — принужден был выгонять людей, переменять поваров, наконец нанимать новую квартиру, и следственно употреблять суммы, которые в другом случае оставались бы неприкосновенными».

К хлопотам хозяйственным добавились и семейственные. В том же письме поэт доверительно сообщает другу:

«Наталья Николаевна брюхата опять, и носит довольно тяжело. Не приедешь ли крестить Гаврила Александровича?»

Именно так Пушкин хотел почтить память своего далекого предка, прославившегося в Смутное время. Но Наталия Николаевна с этим именем не согласилась, и сына нарекли Александром.

Грядущее событие не осталось незамеченным, и князь Вяземский в начале 1833 года спешит поделиться с Жуковским собственными «наблюдениями»: «Пушкин волнист, струист, и редко ухватишь его. Жена его процветает красотою и славою. Не знаю, что делает он с холостою музой своей, но с законною трудится он для потомства, и она опять с брюшком».

Итак, в декабре того же 1832 года Пушкины перебрались с Фурштатской на новую квартиру в дом Жадимеровского, что на углу Большой Морской и Гороховой. Иногда в адресе указывали: «У Красного моста».

С домовладельцем Петром Алексеевичем Жадимеровским, выходцем из богатой купеческой семьи, заключен контракт на аренду квартиры сроком на год: «…в собственном его каменном доме… отделение в 3-м этаже, на проспекте Гороховой улицы, состоящее из двенадцати комнат и принадлежащей кухни, и при оном службы… В трех комнатах стены оклеены французскими обоями, в пяти комнатах полы штучные, в прочих сосновые, находящиеся в комнатах печи с медными дверцами…в кухне английская плита, очаг с котлом и пирожная печь с машинкою». Стоили новые апартаменты недешево — три тысячи триста рублей банковскими ассигнациями в год.

Дом на Большой Морской памятен светскими успехами Натали, — от его подъезда экипаж доставлял первую красавицу Петербурга в Зимний и в Аничков, на Дворцовую и Английскую набережные к особнякам Аавалей, Фикельмонов и Салтыковых. Зима в тот год выдалась на редкость веселой: костюмированные

балы, рауты, музыкальные вечера и масленичные гуляния казались одним нескончаемым празднеством. В феврале 1833-го на маскараде жена поэта в облачении жрицы солнца имела особый успех — тогда сам Николай I провозгласил ее «царицей бала».

И в этой светской блестящей суете грустные раздумья одолевали Пушкина:

«…Нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде — все это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения».

Но муза не покидает поэта: появляются новые главы романа «Дубровский», ложатся на бумагу строфы поэмы «Езерский», переписывается набело баллада «Гусар», рождаются стихи. Пушкин приступает к «Истории Пугачева», днями пропадая в архиве…

В доме на Большой Морской кипит литературная жизнь: захаживает к Александру Сергеевичу молодой Гоголь, живущий поблизости — на Малой Морской. Бывает в гостях Владимир Даль, — декабрем 1832-го он помечает в записной книжке свой первый визит на Большую Морскую.

Отсюда Пушкины часто выезжают в театр (у них — своя ложа), к Карамзиным и Вильегорским, к Жуковскому. Александр Сергеевич становится членом Английского клуба и частенько туда захаживает, благо, клуб находится неподалеку от дома — на набережной Мойки, у Синего моста.

«Для развлечения вздумал было я в клобе играть, но принужден был остановиться. Игра волнует меня — а желчь не унимается», — сетовал как-то поэт.

От дома Жадимеровского рукой подать до Невского проспекта, а там — великолепный книжный магазин Беллизара и лавка Смирдина, где всегда можно приобрести литературные новинки, — такое соседство не могло не радовать Пушкина. В числе гостей книгопродавца и издателя А. Ф. Смирдина, когда тот, в феврале 1832-го переехав на Невский, задал там знатный обед для петербургских писателей, был и Александр Сергеевич.

Из газеты «Русский Инвалид»:

«На сей праздник приглашено было до 120 русских писателей… На одном конце стола сидели И. А. Крылов, В. А. Жуковский, А.С. Пушкин, князь П. А. Вяземский… Первый тост Николаю Павловичу (Николаю I. — Л.¥.)… Бокал за здоровье всех живущих ныне Поэтов, Прозаиков, Сочинителей, Переводчиков и Издателей — был последним».

В годовщину новоселья Смирдин вновь собрал гостей на

литературное застолье, и Пушкин, присутствовавший на нем, был необычайно оживлен, весел и остроумен.

В доме на Морской случались и семейные торжества: в феврале 1833 года здесь праздновали девятнадцатилетние Сергея Гончарова, младшего брата Натали, — по сему случаю у виноторговца Рауля было заказано шампанское «Мадам Клико»; в мае — Пушкины (в гости к сыну и невестке пожаловали родители поэта) снова собрались за праздничным столом — поднять бокалы с шампанским за здоровье годовалой Маши. В начале июня — здесь поздравляли именинника Александра Сергеевича.

Вскоре из-за небывалой жары в Петербурге Пушкины переехали на дачу на Черной речке.

«Дом очень большой: в нем 15 комнат вместе с верхом. Наташа здорова, она очень довольна своим новым помещением», — сообщает Надежда Осиповна дочери Ольге.

На даче Миллера в июле 1833 года поэт вновь испытал радость отцовства — на свет появился сын Александр, его любимец и отрада «Сашка рыжий».

«Дети Александра прелестны. Мальчик хорошеет с часу на час, — Надежда Осиповна делится с дочерью своими наблюдениями, — Маша не изменяется, но слаба; у нее нет до сих пор ни одного зуба и насилу ходит. Напоминает мою маленькую Сонечку, и не думаю, чтобы она долго прожила. Маленький Сашка большой любимец папаши и всех его приятелей, но мамаша, дедушка и я предпочитаем Машку».

И в другом ее письме снова о внуках:

«…Рыжим Сашей Александр очарован; говорит, что будет о нем всего более тосковать. Всегда присутствует, как маленького одевают, кладут в кроватку, убаюкивают, прислушивается к его дыханию; уходя, три раза его перекрестит, поцелует в лобик и долго стоит в детской, им любуясь. Впрочем, Александр и девочку ласкает исправно».

«У Цепного моста, против Пантелеймона в доме Оливье».

Квартиру в доме Оливье снимает сама Наталия Николаевна. Новая квартира большая (но и семейство увеличилось), стоит она немалых денег — 4800 рублей в год! Да место замечательное, — рядом великолепный Летний сад!

> «1833 года Сентября 1-го дня я, нижеподписавшаяся Супруга Титулярного Советника Пушкина Наталья Николаева, урожденная Гончарова, заключила сей договор с Капитаном Гвардии и Кавалером Александром Карловичем Оливеем…»

В контракте на наем квартиры, состоявшей из десяти комнат

в бельэтаже, а также: кухнею во флигеле «с двумя людскими комнатами, конюшнею на шесть стойло, одним каретным сараем, одним сеновалом, особым ледником, одним подвалом для вин», оговаривались хозяином особые условия: квартиру «содержать в целости, чистоте и опрятности и оной никому не передавать», смотреть, чтобы слуги вели себя «благопристойно, ссор, шуму и драк в доме и на дворе» меж собою не заводили, «иметь крайнюю осторожность от огня» и «по вечерам и в ночное время по двору… ходить имея свет не иначе как в фонарях», пользоваться чердаком «единственно для сушки белья».

Такова проза обыденной жизни девятнадцатого века, скрытая под романтическим флером грядущих столетий.

…Мучительно вечное безденежье. Единственная надежда на брата Дмитрия, — ему в Полотняный Завод адресовано письмо Наталии Пушкиной:

«Эти деньги мне как с неба свалились, не знаю, как выразить тебе за них мою признательность, еще немного, и я осталась бы без копейки, а оказаться в таком положении с маленькими детьми на руках было бы ужасно.

Денег, которые муж мне оставил, было бы более чем достаточно до его возвращения, если бы я не была вынуждена уплатить 1600 рублей за квартиру; он и не подозревает, что я испытываю недостаток в деньгах, и у меня нет возможности известить его…»

Сколько в этих незатейливых строчках такта, особой деликатности, нежелании бросить хоть малую тень на имя супруга!

…Пушкин, квартиру хоть и не видел — в ту пору его в Петербурге не было, с выбором жены согласился: «Если дом удобен, то нечего делать, бери его — но уж по крайней мере усиди в нем».

Судя по замечанию, похоже, что инициатива переездов часто принадлежала Наталии Николаевне: она обживала Петербург, или «вживалась» в него, становясь истинной петербурженкой. Патриархальная Москва с ее простодушными нравами, наивными барышнями-подругами, родным домом с деревянными антресолями на Большой Никитской остались в прошлом, в девичестве. Она впитывала в себя благородство памятников и дворцов северной столицы, прелесть ее садов и очарование набережных. И Петербург, будто в благодарность отплатил памятью, сохранив на столетия дома — свидетелей былой ее жизни.

…Дом гвардейского капитана Оливье располагался на редкость удачно: прямо против окон квартиры Пушкиных, на

другой стороне улицы — храм во имя Святого Пантелеймона. Храм — один из первых в столице, возведенный после смерти Петра I, но по его монаршему замыслу: свои главные победы в Северной войне — при Гангуте в 1714-м и при Гренгаме в 1720-м — русский флот одержал 27 июля, в день Святого Пантелеймона. (В морском бою близ полуострова Гангут у северного берега Финского залива, где все шведские корабли были захвачены и приведены в Санкт-Петербург, а командир эскадры адмирал Эреншельд пленен, сражался и юный прадед поэта Абрам Ганнибал!)

Стоило по Цепному мосту перейти через Фонтанку, и вот уже Летний сад! Вход не парадный, что со стороны Невы, а более скромный, простой. И само собой выходило, что Летний сад обретал контуры домашних владений Пушкиных. «…Летний сад мой огород. Я вставши от сна иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу», — признавался сам поэт.

Впервые после трехлетней совместной жизни Пушкин и Натали словно меняются ролями: поэт остается один в Петербурге, а жена с детьми уезжает в Ярополец повидаться с матерью, а после — на Полотняный Завод к сестрам и брату.

Летом 1834-го Пушкину пришлось изрядно поволноваться. Отсюда, из дома Оливье он отправил свое прошение императору об отставке, и будь она принята, в будущем это грозило бы поэту большими неприятностями. Но тогда с помощью Жуковского все удалось благополучно разрешить.

А вот с хозяином дома Пушкин побранился, и ссора произошла из-за чрезмерного усердия дворника, запиравшего на ночь двери, прежде чем поэт возвращался домой:

«На другой день узнаю, что Оливье на своем дворе декламировал противу меня и велел дворнику меня не слушаться и двери запирать с 10 часов… Я тотчас велел прибить к дверям объявление… о сдаче квартиры — а к Оливье написал письмо…»

По Пантелеймоновской последний раз Пушкин проезжал в злосчастный для него день — 27 января 1837 года. Константин Данзас, встретивший его в санях, полагал, что поэт заезжал первоначально к Клементию Россету и не застав того дома, отправился к нему. На улице Пушкин увидел лицейского товарища:

«Данзас, я ехал к тебе, садись со мной в сани и поедем во французское посольство, где ты будешь свидетелем одного разговора». В тот день Константин Данзас, секундант поэта в дуэльном поединке, сопровождал друга повсюду: от Пантелеймоновской улицы и до Черной речки.

…Нынешний адрес дома Оливье: улица Пестеля, 5. Во

дворике, петербургском каменном «колодце», словоохотливый жилец удивляет своими познаниями: рассказывает о судьбе старого дома, цитирует строки из письма поэта к жене и даже приглашает пройти по той самой лестнице в парадной, что поднимались к себе в бельэтаж Александр Сергеевич и его красавица-супруга. Удивительно, исторический дом продолжает жить своими обычными житейскими заботами, но уже двадцать первого века…

Но памятен петербургский дом, оказывается, вовсе не тем, что в нем почти год прожил поэт с семьей и что в его стенах явились на свет пушкинские шедевры… В начале прошлого столетия некий восточный принц почтил его своим пребыванием, — именно об этом «судьбоносном» для отечественной истории событии повествует мемориальная доска на фасаде.

Как прав был Соболевский, когда проезжая мимо московского дома на Собачьей площадке, где жил он вместе с Пушкиным, и увидев вывеску на двери «Продажа вина и прочее», воскликнул: «Sic transit gloria mundiü! (так проходит мирская слава. — лат.)» И посетовал: «В другой стране, у бусурманов, и на дверях сделали бы надпись: здесь жил Пушкин! — ив углу бы написали: здесь спал Пушкин!»

Право, Россия не изменилась.

«У Прачечного мосту на неве в доме Баташова»

На Дворцовую набережную в дом «господина Гвардии полковника и кавалера» Силы Андреевича Баташова Пушкин перебирается один:

«Наташа, мой Ангел, знаешь ли что я беру этаж, занимаемый теперь Вяземскими».

Прежний владелец квартиры князь Петр Вяземский с семейством отправился в Италию: в надежде, что теплый климат Средиземноморья, как заверяли медицинские светила, излечит его дочь, больную княжну Полину.

«С князем Вяземским я уже условился. Беру его квартиру. К 10 августу припасу ему 2500 рублей — и велю перетаскивать пожитки; а сам поскачу к тебе», — пишет Пушкин своей Наташе в Полотняный Завод.

И вновь его письмо жене:

«Я взял квартиру Вяземских. Надо будет мне переехать, перетащить мебель и книги…»

Квартира стоила недешево: шесть тысяч рублей ассигнациями в год. Но делать нечего: семья стремительно разрасталась — летом 1834-го Наталия Николаевна решила взять старших сестер Екатерину и Александру, изнывающих от одиночества и скуки в Полотняном Заводе, к себе, в Петербург.

Добрая Наташа вполне представляла всю тоску и безрадостность их деревенской жизни, да и сестры умоляли вызволить их из домашнего «заточения». Пушкин неодобрительно отнесся к решению жены:

«Но обеих ли ты сестер к себе берешь? эй, женка! смотри… Мое мнение: семья должна быть одна под одной кровлей: муж, жена, дети покамест малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не наберешься, и семейственного спокойствия не будет».

Беспокойство поэта оправдалось. Вольно или невольно беду в дом принесла старшая из сестер, Екатерина, став женой будущего убийцы поэта кавалергарда Жоржа Дантеса-Геккерна. Та самая, что восторженно писала брату Дмитрию о счастье, которое она впервые испытала, живя в семействе Пушкиных.

Писала брату и Александра. Ей было тепло в доме Пушкина, впервые о ней искренне заботились, ее любили и жалели:

«…Я не могу не быть благодарной за то, как за мной ухаживали сестры, и за заботы Пушкина. Мне, право, было совестно, я даже плакала от счастья, видя такое участие ко мне, я

тем более оценила его, что не привыкла к этому дома».

Прежде Пушкин предупреждал жену:

«Если ты в самом деле вздумала сестер своих сюда привезти, то у Оливье оставаться нам невозможно; места нет».

Вопрос о найме роскошной квартиры в бельэтаже (позже Пушкины снимут другую квартиру, подешевле, на третьем этаже,) был решен, и поэт тотчас сообщает свой новый адрес Нащокину: «Пиши мне, если можешь, почаще: на Дворцовой набережной в дом Баташова у Прачешного моста (где жил Вяземский)…»

В середине августа 1834-го Пушкин переезжает на Дворцовую набережную, и уже на новой квартире получает радостную весть — отпуск в Нижегородскую и Калужскую губернии сроком на три месяца ему всемилостивейше разрешен.

Из Петербурга Пушкин выехал 17 августа: путь его лежал в Москву и далее в Полотняный Завод. В гончаровском имении Пушкин прожил с семьей две недели, затем, забрав жену, детей и свояченицу, уехал в Москву. Там пути их разошлись: поэт отправился в Болдино, а Наталия Николаевна с детьми и сестрами — в Петербург, на новую квартиру, где предстояло им прожить почти два года.

…В баташовском доме бывали Петр Плетнев и Василий Жуковский, Владимир Одоевский и Петр Киреевский: кипели жаркие споры, рождались новые замыслы и литературные проекты. Здесь черновые наброски поэта чудодейственным образом превращались в рукописи «ИсторииПетра», «Египетскихночей», «Сцен из рыцарских времен», «Капитанской дочки»…

В мае 1835 года Наталия Николаевна вновь разрешилась от бремени: комнаты в доме на Дворцовой набережной огласились младенческим криком. На свет появился сын Григорий.

Сюда же было доставлено ей и письмо мужа, отосланного им в сентябре из Тригорского: «Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? Что дом наш, и как ты им управляешь?»

Беспокоился Пушкин не напрасно, жена сообщала ему о домашних неприятностях: «Пожар твой произошел, вероятно, от оплошности твоих фрейлин, которым без меня житьё! слава Богу, что дело ограничилось занавесками».

В дом «у Прачечного моста на набережной» адресовано и самое последнее письмо Пушкина к жене из Москвы в мае 1836 года…

Захожу в подъезд. Двери бывшей пушкинской квартиры распахнуты — полным ходом идет евроремонт. Прошу у рабочих разрешения войти, рассказываю, кто жил здесь в позапрошлом веке… Слушают, кто-то вспоминает, что когда срывали старые

обои, под ними обнаружили газеты с «новостями» из девятнадцатого столетия! Имени нынешнего владельца престижных апартаментов рабочие не знают, да и вряд ли оно войдет в историю…

В квартире все перестроено, единственное, что осталось неизменным — великолепный вид с балкона на Неву и Петропавловскую крепость. Жаль, что пушкинская квартира не обрела законного права — стать полнокровным музеем поэта, его семьи. А ведь она того вполне заслуживает.

…Прежний владелец дома на Дворцовой набережной Сила Андреевич Баташов похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, неподалеку от места, где обрела вечный покой Наталия Николаевна.

По соседству с домом Баташова (нынешний адрес: набережная Кутузова, 32) расположился еще один исторический особняк. На голубом фасаде — внушительных размеров старинная мраморная доска:

«В этомъ доме жилъ фельдмаршалъ Русской Армии Михаил Илларюновичъ Кутузовъ перед отправлением его в Армию действовавшую во время Отечественной войны противъ войскъ Наполеона».

Еще одно необычное сближение: как тут не вспомнить, что осенью 1812 года Кутузов останавливался в Полотняном Заводе, в гончаровском дворце, где была ставка главнокомандующего, и откуда направлялись боевые предписания полкам и дивизиям русской армии!

Знал ли поэт о былом славном соседстве? Свидетельств тому нет. Но память великого полководца и Пушкин, и Наталия Николаевна чтили свято.

…Летом Пушкины сняли дачу на Каменном острове.

«Петербургская Ривьера»

Дачи на Островах — Каменном, Елагином, Крестовском, где проводила душные летние месяцы петербургская знать, слыли дорогими. Особо славились своей роскошью дачи-дворцы Белосельских, Строгановых, Нарышкиных: вкруг них были разбиты парки в романтическом стиле, с гротами, беседками, фонтанами и водопадами, перекинутыми мостками.

На старинной акварели Каменный остров предстает во всей своей поэтической красе, — когда-то среди особняков, утопавших в зелени и выстроившихся вдоль берега Большой Невки, красовалась и дача Доливо-Добровольских.

«Мода или петербургский обычай повелевают каждому, кто только находится вне нищеты, жить летом на даче, чтобы по утрам и вечерам наслаждаться сыростью и болотными испарениями», — осмеивала тогдашние нравы «Северная пчела».

Пушкин светским обычаям следовал, а потому весной 1836-го нанял дачу в надежде «на будущие барыши», — ожидаемые доходы от «Современника». В Москве, куда Пушкин отправился по издательским делам, ему неспокойно, все мысли о жене, что вот-вот должна родить: «На даче ли ты? Как ты с хозяином управилась?»

Хозяин дачи, куда перебралась из петербургской квартиры Наталия Николаевна с детьми и сестрами, Флор Иосифович Доливо-Добровольский, числился одним из сановных чиновников Почтового департамента.

Поэт снял у него для своего разросшегося семейства два двухэтажных дома, с крытой галереей и флигелем. В одном доме разместилась чета Пушкиных, в другом — сестры Гончаровы, дети с нянюшками, а во флигеле останавливалась наездами из Петербурга тетушка Екатерина Ивановна Загряжская.

Кабинет Пушкина располагался на первом этаже, весь второй этаж предоставлен был Наталии Николаевне. Там, в мае 1836-го, и появилась на свет маленькая Таша.

«Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь, и на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда, она спала. На другой день я ее поздравил и отдал вместо червонца твое ожерелье, от которого она в восхищении. Дай Бог не сглазить, все идет хорошо», — сообщал Пушкин радостную весть другу Нащокину.

Ольга Сергеевна пеняла тогда брату, возвратившемуся из Москвы: «Всегда, Александр, на несколько часов опаздываешь! В прошлом мае прозевал Гришу, а в этом мае Наташу».

Крестили девочку месяц спустя, 27 июня, в церкви Рождества Св. Иоанна Предтечи, там же на Каменном острове, а ее крестными родителями стали граф Михаил Юрьевич Виельгорский и фрейлина Екатерина Ивановна Загряжская.

После родов Наталия Николаевна долго болела, и близкие, опасаясь за ее слабое здоровье, не позволяли ей спускаться вниз — первый этаж «славился» страшной сыростью. Поневоле пришлось ей стать затворницей.

Зато сестры Екатерина и Александра развлекались самозабвенно, словно в отместку за долгие скучные вечера в Полотняном. Позднее к их прогулкам верхом присоединилась и Наталия Пушкина.

Видевший однажды ее скачущую верхом на Островах немец-путешественник оставил памятную запись: «Это было как идеальное видение, как картина, выступавшая из пределов действительности и возможная разве в «Обероне» Виланда».

Верно, кавалькада представляла собой великолепное зрелище для дачной публики, и Екатерина не преминула сообщить о том брату Дмитрию: «Мы здесь слывем превосходными наездницами… когда мы проезжаем верхами, со всех сторон и на всех языках, все восторгаются прекрасными амазонками».

Светская жизнь на Островах тем летом изобиловала балами, маскарадами и концертами: ведь дворец на Елагином острове стал резиденцией для августейшей семьи. Да к тому же в Новую Деревню (близ Черной речки!) прибыл на летние учения Кавалергардский полк. Среди его офицеров был и белокурый красавец Жорж Дантес, не отказывавший себе в удовольствии наносить визиты барышням Гончаровым и мадам Пушкиной.

Дача на Каменном острове помнила многих именитых посетителей: Карла Брюллова, кавалерист-девицу Надежду Дурову, Василия Жуковского, князя Петра Вяземского. И французского литератора Леве Веймара, восхищавшегося живым разговором поэта и его образными суждениями об отечественной истории.

«Каменноостровское» лето сродни Болдинской осени по божественному озарению, снизошедшему на поэта. И мыслимо ли представить русскую словесность без стихов, что явились тогда: «Отцы пустынники и жены непорочны…», «Подражание итальянскому», «Из Пиндемонти», «Мирская власть»?!

На даче Доливо-Добровольского легли на бумажный лист строки, что много позже отольются в бронзе: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» На рукописи рукою Пушкина помечены место и день их создания — 21 августа 1836 года, Каменный остров.

Даче чиновника Почтового департамента суждено было войти в семейную хронику поэта: Наталия Пушкина появилась на свет всего за восемь месяцев до трагической гибели отца. Последнее дитя поэта, она, быть может, была и последней его земной радостью.

…Петербург — Висбаден; дача на Каменном острове — усыпальница на старом немецком кладбище Альтенфридхоф.

Так просто прочерчен жизненный путь Наталии Пушкиной: от его начала до завершения. Но в эту точную графику вторглись таинственные знаки судьбы. В русском некрополе на вершине холма Нероберг, откуда как на ладони весь Висбаден, есть неприметное надгробие с выбитой на нем редкой петербургской фамилией: Доливо-Добровольский, и покоится под ним сын владельца дачи на Каменном острове. Он родился в Петербурге в декабре 1824-го и умер в Висбадене в 1900-м, на пороге двадцатого века.

Вполне вероятно, — Доливо-Добровольский-младший мог видеть Ташу Пушкину в младенчестве, а также — встречаться с ней, уже графиней Меренберг, на висбаденском променаде либо в курзале.

Так неожиданно имя владельца дачи, где создавались пушкинские шедевры и где появилась на свет дочь поэта, запечатлелось в летописи немецкого Висбадена, в его «русской главе».

…Каменный остров давным-давно перестал быть петербургской Ривьерой, не осталось и следа от дачи, что всего лишь несколько месяцев числилась за Пушкиными и некогда смотрелась в воды Большой Невки.

«На Мойке, близ Конюшенного мосту»

В сентябре 1836-го Пушкины переехали на новую квартиру. Последнюю.

«Нанял я, Пушкин, в собственном ее светлости княгини Софьи Григорьевны Волконской доме… от одних ворот до других нижний этаж из одиннадцати комнат состоящий со службами… сроком впредь на два года…»

Но прожить там поэту предстояло лишь несколько месяцев…

От первой квартиры на Галерной до последней — на Мойке. Путь с остановками. Путь длиною в шесть лет.

…Семейство Пушкиных-Гончаровых разрослось до восьми человек! И ровно его половина — молодая поросль, дети. Столько прислуги Пушкины еще никогда не держали: четырех горничных, двух нянь, кормилицу, камердинера, трех лакеев, повара, прачку, полотера! И, конечно же, «дядьку» Никиту Козлова.

Именно дом княгини Софьи Волконской стал последним земным пристанищем поэта. Все события последних месяцев, дней и часов жизни Пушкина намертво впечатались в его старые стены: предсвадебные хлопоты — свояченица Катрин выходила замуж за красавца Дантеса, и Пушкина раздражало превращение его квартиры в «модную бельевую лавку»; тревожные раздумья перед дуэлью и последние слова поэта. Шепот умирающего Пушкина: «Бедная жена, бедная жена!» И раздирающий душу крик его Наташи: «Нет, нет! Это не может быть правдой!»

Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь:
Теперь, как в доме опустелом,
Все в нем и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.
А где, бог весть. Пропал и след.

«Г-жа Пушкина возвратилась в кабинет в самую минуту его смерти…У видя умирающего мужа, она бросилась к нему и упала перед ним на колени; густые темно-русые букли в беспорядке рассыпались у ней по плечам. С глубоким отчаянием она протянула руки к Пушкину, толкала его и, рыдая, вскрикивала:

— Пушкин, Пушкин, ты жив?!

Картина была разрывающая душу…» — вспоминал Константин Данзас.

Ему вторил другой очевидец, Александр Тургенев: «Она рыдает, рвется, но и плачет… Жена все не верит, что он умер; все не верит».

Но ровно в 14.45 пополудни 29 января 1837 года Наталия Пушкина стала вдовой. Именно с этого времени, с замерших на часах стрелок, начался отсчет ее вдовства.

Страдания бедной вдовы не поддаются описанию: у нее расшатались все зубы, долгое время не прекращались конвульсии такой силы, что ноги касались головы. А сама она была так близка к безумию…

И в том страшном горе нашла в себе силы: настояла, чтобы мужа похоронили во фраке, а не в придворном мундире — «шутовском наряде», который так раздражал его при жизни.

Поначалу горе и отчаяние вдовы поэта, «жаждущей говорить о нем, обвинять себя и плакать», вызывало глубокое сочувствие у всех, кто бывал в ее осиротевшем доме. И свидетельством тому — письма Софьи Карамзиной:

«В субботу вечером я видела несчастную Натали; не могу передать тебе, какое раздирающее душу впечатление она на меня произвела: настоящий призрак, и при этом взгляд ее блуждал, а выражение лица было столь невыразимо жалкое, что на нее невозможно было смотреть без сердечной боли.

Она тотчас же меня спросила: «Вы видели лицо моего мужа сразу после смерти? У него было такое безмятежное выражение, лоб его был так спокоен, а улыбка такая добрая! — не правда ли, это было выражение счастья, удовлетворенности? Он увидел, что там хорошо». Потом она стала судорожно рыдать, вся содрогаясь при этом. Бедное, жалкое творенье! И как она хороша даже в таком состоянии!..

Вчера мы еще раз видели Натали, она уже была спокойнее и много говорила о муже. Через неделю она уезжает в калужское имение своего брата, где намерена провести два года. «Мой муж, — сказала она, — велел мне носить траур по нем два года (какая тонкость чувств! он и тут заботился о том, чтобы охранить ее от осуждений света), и я думаю, что лучше всего исполню его волю, если проведу эти два года совсем одна, в деревне. Моя сестра едет вместе со мной, и для меня это большое утешение»»;

«К несчастью, она плохо спит и по ночам пронзительными криками зовет Пушкина».

В этом доме Наталия Николаевна прощалась с сестрой, госпожой Дантес, принявшей фамилию убийцы ее мужа. Это была

уже не та Катя, с которой связано столь много отрадных сердцу воспоминаний, не та Катя, которая умоляла некогда младшую сестру «вытащить из пропасти»: в тиши родовой усадьбы она старела, незаметно превращаясь в старую деву, и молодость ее была так грустна и печальна. Как мечталось ей тогда о светском Петербурге, как просила она Ташу помочь ей!

Натали настояла, уговорила мужа: ее жалость обернулась великой бедой… И как невыносимо больно было слышать ей слова Катрин, что та готова забыть прошлое и все простить Пушкину!

Тогда сестрам не дано было знать, что в жизни им более не доведется встретиться и что простились они навечно.

…В феврале 1837-го Наталия Николаевна с детьми и сестрой Александрой навсегда покинула стены дома на набережной Мойки и больше сюда никогда не возвращалась.

А младшей дочери поэта Наталии Пушкиной пришлось не раз переступать порог дома, отмеченного скорбной памятью: «Квартира, где умер отец, была матерью покинута, но в ней впоследствии жили мои знакомые… и я в ней часто бывала».

Менялись владельцы пушкинской квартиры, менялся ее облик. А в 1910-х годах инженер Гвоздецкий и вовсе превратил аристократический особняк в заурядный доходный дом, изменив облик и планировку квартиры поэта.

Историческая реконструкция началась лишь осенью 1924-го (владельцем мемориальной квартиры стало общество «Старый Петербург), и к февралю следующего года, к годовщине гибели Пушкина был восстановлен кабинет поэта. И много-много позже благодаря плану пушкинской квартиры, начертанному Жуковским, и воспоминаниям современников, столовая и буфетная, комнаты сестер Гончаровых и детская, спальня, помещения для прислуги, парадная лестница обрели свой первозданный вид.

Старые стены как магнитом притянули вещи, что составляли прежде обстановку пушкинской квартиры. Кресла, зеркала, диваны, туалетные и ломберные столики, сменив за столетия многих хозяев, вновь вернулись на прежние места. И даже отрезок старых штор, совершив долгий путь: Петербург — Михайловское — Маркучай — Париж, оказался там же, откуда и был некогда увезен.

Этой квартире в доме на набережной Мойки, «от одних ворот до других», суждено было остаться за Пушкиным не на годы — на вечные времена.

«ПОРА, МОЙ ДРУГ, ПОРА!»

…Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю по синему.

А.С. Пушкин

«За тысячи верст от тебя»

Но вернемся в год 1834-й, когда все еще живы. Тем летом поводов для волнений у Наталии Николаевны было предостаточно: она с детьми живет в калужской глуши, а муж — в Петербурге, где столько хорошеньких женщин! А он в свое оправдание приводит все новые доводы:

«Твоя Шишкова ошибается: я за ее дочкой Полиной не волочился»;

«Помилуй, за что в самом деле ты меня бранишь?.. Когда я представлялся великой княгине, дежурная была не Соллогуб, а моя прищипленная кузинка Чичерина, до которой я не охотник… Я даже и Пугачева намерен препоручить Яковлеву, да и дернуть к тебе, мой ангел, на Полотняный Завод.

Туда бы от жизни удрал, улизнул! Целую тебя и детей и благословляю вас от души. Ты, я думаю, так в деревне похорошела, что ни на что не похоже».

«С Соллогуб я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу…»

Ревновал и Пушкин. Очень уж ему не хотелось, чтобы красавица жена ездила в Калугу, где столько соблазнов для молоденькой женщины. И старинному губернскому городу досталось от него изрядно:

Пушкин — жене:

«Что за охота таскаться в скверный уездный городишко, чтоб видеть скверных актеров, скверно играющих старую скверную оперу?.. Просил я тебя по Калугам не разъезжать, да видно уж у тебя такая натура…»;

«Где ты? Что ты? В Калуге? В деревне? откликнись. Что так могло тебя занять и развлечь? Какие балы? Какие победы? Уж не больна ли ты… Или просто хочешь меня заставить скорее к тебе приехать. Пожалуйста, женка — брось эти военные хитрости, которые не в шутку мучат меня за тысячи верст от тебя… Для одной недели разницы не заставь меня все бросить и потом охать целый год, если не два и не три. Будь умна».

Наталия Николаевна торопила мужа с приездом. Да и он спешил к ней, чтобы попасть на ее именины — Натальин день, — о котором помнил всегда.

Пушкин — жене:

«Дай Бог приехать мне к твоим именинам, я и тем был бы счастлив».

В Полотняный Завод поэт приехал вечером 21 августа и

пробыл там вместе с семьей две недели. В семейном кругу отпраздновал именины и день рождения Наталии Николаевны, — ей исполнилось двадцать два года.

Калужское имение новых своих родственников и его живописные окрестности столь полюбились поэту, что он даже мечтал прикупить в здешних местах сельцо Никулино.

Пушкин — жене:

«Боже мой! кабы Заводы были мои, так меня бы в Петербург не заманили и московским калачом. Жил бы себе барином… Но вы, бабы, не понимаете счастия независимости…»

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Стихи, обращенные к ней, его Наташе. А в рукописи остались строки: «Блажен, кто находит подругу…»

Пушкин в тот приезд много читал, его не раз видели несущим целую кипу старинных фолиантов из Красного дома. Некоторые из книг гончаровской библиотеки поэт отобрал для себя.

Александр Сергеевич застал еще отблески былой славы рода Гончаровых. И сам дворец, возведенный волею и трудами удачливого Афанасия Абрамовича, не утратил прежнего своего великолепия. Но роскошь мало влекла поэта. Как живительны были для вдохновения заповедные рощи, берега извилистой речки Суходрев и благодатное уединение…

«Нахожусь в постоянной тревоге»

И кто бы мог тогда предсказать, что не пройдет и трех лет, и в Полотняный, где все еще дышало памятью поэта и где стихотворные строки, начертанные им на стенах беседки-«миловиды», не успели потускнеть, вновь приедет Наталия Николаевна? Но приедет — уже вдовой.

После блистательного Петербурга жизнь в усадьбе текла медленно и печально. Она будет жить не в фамильном дворце вместе с семьей брата Дмитрия, а отдельно, с сестрой Александрой и детьми, в Красном доме, — там, где раньше останавливался Пушкин.

Так уж случится, что у Натали с женой брата, Елизаветой Егоровной, сложатся непростые отношения. И виной тому — явное недоброжелательство последней к вдове поэта.

Наталия Пушкина — графу М. Ю. Виелъгорскому, одному из опекунов детей поэта (май 1838):

«Оставаясь полтора года с четырьмя детьми в имении брата моего среди многочисленного семейства… я нахожусь в положении, слишком стеснительном для меня, даже тягостном и неприятном… Мне необходим свой угол, мне необходимо быть одной, со своими детьми. Всего более желала бы я поселиться в той деревне, в которой жил несколько лет покойный муж мой, которую любил он особенно, близ которой погребен и прах его. Я говорю о селе Михайловском… Я надеюсь, что… дадут мне возможность водить моих сирот на могилу их отца и утверждать в юных сердцах их священную его память.

Меня спрашивают о доходах с этого имения, о цене его. Цены ему нет для меня и для детей моих. Оно для нас драгоценнее всего на свете».

Дмитрий Гончаров сообщает семейные новости в эльзасский городок Сульц, сестре Екатерине Дантес: «Живут (сестры) очень неподвижно… Натали чаще грустна, чем весела, нередко прихварывает, что заставляет ее иногда целыми неделями не выходить из своих комнат…»

Наталия Николаевна полностью посвящает себя детям, они — ее спасение. И она — самая нежная и заботливая мать на свете.

Свидетельствует о том и Софья Карамзина: «На днях я получила письмо от Натальи Пушкиной… Она кажется очень печальной и подавленной и говорит, что единственное утешение, которое ей осталось в жизни, это заниматься детьми…»

Не избежать Наталии Николаевне и новых тревог. В мае 1838 года серьезно заболел трехлетний Гриша, и она уезжает с ним в Москву. Из отчего дома на Большой Никитской пишет брату Дмитрию: «Я здесь уже несколько дней из-за здоровья Гриши… Я здесь только для того, чтобы посоветоваться с врачами, никого не вижу, кроме них, и нахожусь в постоянной тревоге…»

Сестры Александра и Наталия живут почти затворницами, не позволяя себе никаких, даже самых невинных развлечений. Грустным свидетельством тому их совместное письмо сестре Екатерине Дантес: «Мы точно очень, очень виноваты перед тобою, душа моя, давно к тебе не писали, разные обстоятельства были тому причиною… М-м Сиркур поблагодари за память…, услугами ее пользоваться не можем, ибо мы из черных шлафоров не выходим… Двери нашего красного замка крепко заперты…»

Кто знает, скольких душевных мук стоили младшей сестре эти строки! И сколь много в них кротости и такта! Ничем не посмела попрекнуть Катрин, повинную в том, что ныне все наряды приходится ей сменить на «черный шлафор».

Одно из немногих утешений Натали в те годы — чтение (благо в Красном доме — богатейшая фамильная библиотека). Но большинство книг читаны-перечитаны не единожды, и она просит Павла Нащокина выслать ей в имение все сочинения Бальзака.

Вот откровение, ставшее известным благодаря Софье Карамзиной, — она переписывает строки из письма, адресованного ей Натали: «Я выписала сюда все его (мужа) сочинения, я пыталась их читать, но у меня не хватает мужества: слишком сильно и мучительно они волнуют, читать его — все равно, что слышать его голос, а это так тяжело!»

Но ты забудь меня, мой друг
Забудь меня, как забывают
Томительный печальный сон…

Нет, она не забыла и никогда не сможет забыть мужа. И два года, проведенных ею на Полотняном Заводе два года горестных воспоминаний, молитв и раскаяний, ничего не смогли из менить. Утешало одно — то был предсмертный наказ Пушкина.

И она его исполнила.

…Сохранился удивительный документ письмо самой Наталии Николаевны. Написано оно в первые, самые горькие месяцы ее вдовства: из Полотняного Завода Наталия ико лаевна отправляет крестьянина с поручением управляющему имением Пеньковскому — привезти все рукописи и вещи по койного мужа.

Словно слышится ее живой голос, тихий, но твердый в том

своем великом горе. Вот оно, это письмо:

«Милостивый государь Осип Матвеевич.

В находящемся под управлением Вашим селе Бол ино ка кие только есть принадлежащие лично покойному мужу мое му Александру Сергеевичу Пушкину книги, бумаги, письма, и вещи, все без остатку, сделайте одолжение, выдайте ля о ставления ко мне подателю сего крестьянину Власу Абрамову Комарову без задержания.

С почтением, несть имею быть, милостивый государь,

Вам покорная… Наталья Пушкина

Полотняный Завод шюня 11 дня 1837».

…Будто услышанная ею давняя просьба мужа: «Пиши мне в Болдино».

«Бог правду видит, да не скоро скажет». Это о ней, жене поэта, столько претерпевшей во мнении людском (о чем и предрекал в свои последние часы Пушкин!) и при своей недолгой жизни, и многие годы уже после смерти.

Сколь много пушкинистов и причислявших себя к ним судили о жизни Наталии Николаевны слишком смело и слишком бесстрастно.

Не понимала, не знала цену гения?! А это забытое ее письмо в Болдино, как много говорит оно ныне!

«ПАМЯТНИК ЖЕНА ЕМУ ВОЗДВИГЛА»

Случай, Дона Анна, случай
Увлек меня — не то вы б никогда
Моей печальной тайны не узнали.

А.С. Пушкин

Пушкин есть пророчество и указание.

Ф. М. Достоевский

Вдохновенной Болдинской осенью 1830 года Пушкин в считаные дни завершил новую пьесу «Каменный гость» и на последней странице рукописи вывел дату — 4 ноября.

В тот же ноябрьский день он посылает из своего нижегородского имения невесте полное отчаяния письмо — поэта одолевают сомнения: не расстроится ли их свадьба? И далее рассказывает Натали об одной печальной истории, связанной с некоей дамой и ее альбомом. Альбом этот, которым дама чрезвычайно дорожила, не позволяя прикасаться к нему, и который раскрыли после ее внезапной кончины, оказался совершенно чист, и лишь на одном его листе были записаны пушкинские стихи:

Не долго женскую любовь
Печалит хладная разлука…

Почему поэт привел эти строки в письме к невесте? Находился ли он под впечатлением только что завершенной пьесы, или это просто случайное совпадение — но и «Каменный гость», и письмо к Натали помечены одним и тем же числом — 4 ноября.

Беспокойство поэта было тогда напрасным. Свадьба его, как известно, не расстроится, и уже в следующем году наступит благословенный день в жизни Пушкина — в храме Большого Вознесения он обвенчается с красавицей Натали. Потекут

счастливейшие месяцы супружеской жизни, будут творческие озарения, радость отцовства, встречи с друзьями, путешествия, хлопоты, разлука с семьей — все вместится в эти долгие шесть лет…

Но будет и еще один день — роковой! — 4 ноября 1836 года, когда поэт получит анонимное письмо, грязный пасквиль, с которого и начнется отсчет последних дней, отпущенных ему судьбой…

И наступит тот, январский, когда на Черной речке близ Комендантской дачи в пятом часу пополудни прогремит выстрел и петербургский снег обагрится кровью поэта. А вслед за ним придет и скорбный день — 29 января 1837 года. Последний в жизни Пушкина…

Но тогда, осенью 1830-го, о том ему не дано было знать.

«Не смею заглядывать в будущее», — обронил как-то в одном из писем поэт. И все же Будущее, незнаемое и туманное, являлось ему и приоткрывало свои сокровенные тайны. Отсюда и пушкинские пророчества: сбывшиеся и сбывающиеся.

Конечно, легко о том судить ныне, когда о жизни Пушкина известно почти все, до мелочей, а календарь отсчитывает дни и годы XXI столетия! И все-таки, не есть ли «Каменный гость» некоей попыткой поэта заглянуть в будущее? И не странно ли, что это творение, отнюдь не крамольное, так и не было напечатано при его жизни?

Известно, что Пушкин положил в основу пьесы старинную испанскую легенду о Дон Жуане, знаменитом искусителе женских сердец. Ее герой, молодой повеса гранд Дон Хуан ди Тенорио, жил в Севилье в середине XIV столетия. Однажды под покровом ночи он прокрался в дом командора Калатравы с умыслом обольстить его прелестную дочь. Вбежавший на крик дочери отец в поединке с Дон Хуаном был им заколот. На могиле убитого, погребенного во францисканском монастыре, воздвигли статую. Позднее Дон Хуана заманили в монастырь, убили, — и его внезапную смерть объяснили местью статуи командора.

Первым, кто взял на себя труд литературно обработать эту легенду, был испанский драматург эпохи Возрождения Тирсо де Молина (его настоящее имя — Габриэль Тельес). «Севильский озорник, или Каменный гость» — комедия в трех актах и восемнадцати картинах была завершена великим испанцем в 1630 году.

Магистр Тирсо де Молина стал поистине «крестным отцом» Дон Жуана — так имя героя зазвучало на французском. С легкой руки магистра образ рыцаря-сластолюбца вдохновлял поэтов и композиторов иных эпох: Мольера и Моцарта, Байрона и

Пушкина, Блока и Гумилева, Гофмана и А. К. Толстого.

Но сам поэт, по удивительному совпадению написавший «Каменного гостя» ровно через двести лет после Молина де Тирсо, вряд ли был знаком с его творением.

…В старой Севилье, среди многих красот и достопримечательностей, есть печальное место, связанное с памятью Дон Хуана, — его могила. Перед часовней госпиталя Милосердия, великолепного памятника севильского барокко, под тяжелой мраморной плитой покоится рыцарь ордена Калатравы Дон Мигель де Маньяра, — еще один прототип великого обольстителя. По крайней мере, в том убеждены все севильцы. К концу своей веселой и беспутной жизни Дон Мигель раскаялся, раздал все свое состояние беднякам, возвел обитель милосердия — городскую больницу, а сам завещал похоронить себя у порога часовни, чтобы верующие в наказание за грехи вечно попирали его прах… Удивительно, как реальность переплелась с поэтическим вымыслом.

Неслучайно сама легенда о Дон Жуане возникла в Андалузии, где чувственная культура арабского Востока причудливо переплетается с европейской. А в самой Андалузии существует множество мифов о знаменитом обольстителе из Севильи.

По одному из них некая цыганка предсказала Дон Хуану: «Ты будешь обладать всеми женщинами!»; другая добавила: «Ты победишь всех соперников!»; третья напророчила ему безбедную жизнь и вечно тугой кошелек, но напоследок сказала: «Остерегайся одного — приглашать в дом мертвецов!» Дон Хуан, как известно, не внял ее советам…

Через века и сам он предстал в виде статуи, что горделиво высится ныне в центре небольшой севильской площади в старинном квартале Санта-Круз: бронзовый герой, с перекинутым через руку испанским плащом альмавивой, другой сжимая эфес шпаги, — по-прежнему красив, смел, удачлив. И чуть насмешлив. Неслучайно севильцы именуют своего любимца «Дон Хуаном-Насмешником» — ведь тот позволял себе «шутить» и с собственной жизнью.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой…

На постаменте надпись, что так созвучна характеру величайшего в истории любовника: «Здесь стоит Дон Хуан Тенорио, и нет мужчины выше его». Единственный в мире

памятник Дон Жуану. И воздвигнут он на его родине, в Севилье.

…Странно, но при жизни поэта «Каменный гость» так и не был напечатан — пьеса увидела свет лишь спустя три года после гибели ее создателя. От поэтического замысла до его зримого воплощения прошло ровно тринадцать лет. И при Пушкине на театральных подмостках России игралась пьеса Мольера под названием «ДонЖуан, или Каменный гость». Весьма популярной в те времена была и опера Моцарта «Дон Жуан», строка из либретто которой послужила эпиграфом для пушкинской пьесы.

И все же, бесспорно, пушкинский «Каменный гость» — совершенно иное, оригинальное творение. Гениальное и пророческое.

Пушкин именует своего героя Дон Гуаном. Начальные буквы имени — те же, что и у его будущего убийцы — Дантеса-Геккерна. Но в 1830-м, по счастью, поэт еще не был с ним знаком. Первая запись о Дантесе, шуане, принятом в гвардию сразу офицером, появится в пушкинском дневнике лишь в январе 1834 года.

Еще одно действующее лицо пьесы — прекрасная Дона Анна дель Сольва, вдова командора. Ее вдовство — не предвидение ли это печальной участи Натали Гончаровой?

> …памятник жена ему воздвигла
> И приезжает каждый день сюда
> За упокой его молиться,
> И плакать.

Ведь именно вдова поэта Наталия Николаевна и воздвигла первый памятник Пушкину! Через четыре года после кончины поэта на его могиле был установлен мраморный монумент.

Ранее, в 1839 году, известному тогда петербургскому мастеру Пермагорову был заказан пушкинский памятник-надгробие. Вдова поэта приезжала в мастерскую скульптора осмотреть памятник и одобрила его работу. Во всех хлопотах, от прошения даровать высочайшее дозволение на сооружение памятника на могиле мужа до его установки, Наталия Николаевна принимала самое деятельное и горячее участие. Она выполнила свой святой долг, и помогли ей в том почитатели гения поэта, друзья семьи. Одному из них, Павлу Воиновичу Нащокину, Наталия Николаевна писала:

«Мое пребывание в Михайловском, которое вам уже известно, доставило мне утешение исполнить сердечный обет, давно мною предпринятый. Могила мужа моего находится на тихом уединенном месте, место расположения однако ж не так величаво, как рисовалось в моем воображении; сюда прилагаю

рисунок, подаренный мне в тех краях, — вам одним решаюсь им жертвовать…»

…счастлив, чей хладный мрамор
Согрет ее дыханием небесным
И окроплен любви ее слезами…

Александр Сергеевич был похоронен близ «милого предела», на монастырском кладбище в Святогорском монастыре, где не раз бывал и где незадолго до гибели внес вклад за место своего будущего упокоения. В черновых набросках пьесы есть строки:

…вот Антоньев монастырь —
А это монастырское кладбище…
О, помню все. Езжали вы сюда…

«Сейчас я еду в монастырь на могилу Пушкина», — пишет из Михайловского Наталия Николаевна. Она мечтает поселиться здесь, чтобы иметь возможность приводить «сирот на могилу их отца и утверждать в юных сердцах их священную его память».

«Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, — эта мысль для меня — ад», — признается Пушкин матери невесты Наталии Ивановне Гончаровой в письме незадолго до помолвки.

А уже будучи женатым просит жену не хлопотать «о помещении сестер во дворец», не быть просительницей и как бы полушутя замечает: «Погоди; овдовеешь, постареешь — тогда пожалуй будь салопницей и титулярной советницей».

Ангел Дона Анна!
Наташа, мой Ангел…

Как перекликаются эти пушкинские строки! Не слишком ли много совпадений, этих необъяснимых «странных сближений»?

И, наконец, главный герой рокового любовного «треугольника» — командор, вернее, его «преславная, прекрасная статуя».

Рискую вызвать гнев маститых пушкинистов — но не есть ли это некий образ посмертной судьбы поэта? Статуя, памятник, стела…

Тотчас после трагической смерти Пушкина, в марте 1837-го,

Карл Брюллов предложил оригинальный эскиз памятника: художник мыслил воплотить в аллегорической композиции идеальные представления о поэте. Гения поэзии являл собой Аполлон с лирой в руках, — рядом с ним, на вершине мифического Геликона, — крылатый Пегас; из скалы струился бы источник, символ вечного вдохновения…

То был самый первый в мире проект памятника Александру Сергеевичу Пушкину! Но замысел великого художника остался лишь в эскизах, по счастью, сохранившихся.

Ровно через двадцать лет, в 1857-м, в царствование Александра II, петербургские газеты стали писать о необходимости установить памятник Пушкину в сквере против Александринского театра. А в 1862-м — в год двадцатипятилетия со дня гибели поэта (замечу, Наталии Николаевне Пушкиной-Ланской в августе исполнилось ровно пятьдесят) — было решено объявить подписку на сооружение достойного имени поэта памятника. И тогда же на это доброе начинание стали стекаться пожертвования со всех уголков Российской империи.

Прошли три конкурса, и тайным голосованием получил одобрение опекушинский проект. А в июне 1880 года в Москве на Страстной площади при огромном стечении народа торжественно был открыт самый знаменитый памятник Пушкину, гениальное творение Опекушина. Наталии Николаевны, вдовы поэта, к тому времени давно уже не было на свете…

Но оставался в живых еще один персонаж кровавой драмы, барон Дантес-Геккерн, Дон Гуан. В молодости весьма схожий со своим историческим собратом — красавец, сердцеед, не отягощенный ни рвением к службе, ни угрызениями совести.

После рокового поединка был назначен суд. На основании бывшего тогда в силе Воинского устава Петра I убийцу следовало приговорить к смертной казни через повешение — такой приговор и должен был быть вынесен Дантесу. Однако еще до окончания суда стало известно, что столь строгая кара не будет к нему применена. Весть эта сильно повлияла на поведение подсудимого: оправившись от первого страха, он стал вновь развязным и самоуверенным. Дантесу было определено минимальное наказание: как не российский подданный, он высылался за пределы империи и лишался всего лишь своих «офицерских патентов».

Все кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан.

Жоржа Дантеса выслали из России 19 марта 1837 года. В своем донесении французский посол де Барант сообщал:

«Неожиданная высылка служащего г. Дантеса, противника Пушкина. В открытой телеге, по снегу, он отвезен, как бродяга, за границу, его семья не была об этом предупреждена. Это вызвано раздражением императора».

Статуя командора гневно взирает на Дон Гуана…

Правда, во Франции барон сумел сделать карьеру и быстро пошел вверх по служебной лестнице. При Наполеоне III он стал даже сенатором, мэром города Сульца. Когда в июле 1851-го Виктор Гюго произносил пламенную речь в парламенте, обличавшую амбиции будущего Наполеона III, его грубо перебивали правые депутаты. В их числе и Дантес-Геккерн. Вечером того же дня Гюго (он знал, что барон — убийца Пушкина!) написал гневные строки, в которых заклеймил противников свободы:

Эти люди, которые умрут мерзкой и грубой толпою.
Одна грязь перед тем, как стать пылью…
Это пока лишь слабое пожатие «каменной десницы»…

Судьба мстила убийце поэта. Покой его внешне респектабельной жизни был нарушен в собственной же семье. Леони Шарлотта, родная дочь, стала живым укором отцу; она буквально боготворила Пушкина, преклонялась перед его гением. В комнате Леони висел портрет поэта. Девочка выучила русский язык, чтобы читать в подлиннике стихи Пушкина. И столь же сильной, как любовь к поэту, была ее ненависть к отцу, придумавшему себе в утешение, что бедняжка душевно больна.

Свершенное злодеяние напоминает о себе Дантесу постоянно. Оно висит на его совести тяжелыми кровавыми веригами. И не оправдаться ему никогда, не вымолить прощения…

Сохранились любопытные воспоминания племянника поэта Льва Павлищева: «Летом 1880 года, возвращаясь из Москвы, куда ездил на открытие памятника моему дяде, я сидел в одном вагоне с сыном подруги моей матери, жены партизана Давыдова, Василием Денисовичем Давыдовым… За несколько лет перед тем Василий Денисович был в Париже. Приехав туда, он остановился в каком-то отеле, где всякий день ему встречался совершенно седой старик большого роста, замечательно красивый собою. Старик всюду следовал за приезжим, что и вынудило Василия Денисовича обратиться к нему с вопросом о причине такой назойливости. Незнакомец отвечал, что, узнав его фамилию, и что он сын поэта, знавшего Пушкина, долго искал случая заговорить с ним, причем […] объяснил Давыдову, будто бы он, Дантес, и в помышлении не имел погубить Пушкина… по чувству

самосохранения предупредил противника и выстрелил первым… будто бы целясь в ногу Александра Сергеевича… «Le diable s'en est mete» («черт вмешался в дело»), — закончил старик свое повествование, заявляя, что он просит Давыдова передать это всякому, с кем бы его слушатель в России ни встретился…»

Статуя
Дай руку.

Дон Гуан
Вот она… о тяжело
Пожатье каменной его десницы!

И это роковое пожатие, которое никому не дано разжать, не есть ли вечное проклятие убийце?

ТАЙНА СУПРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

Кто ей внушал и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умильный вздор…
А.С. Пушкин

«Между тем пишите мне… — ваши письма всегда дойдут до меня».
Пушкин — невесте

«В собственные руки»

«Я не люблю писать писем. Язык и голос едва ли достаточны для наших мыслей — а перо так глупо, так медленно — письмо не может заменить разговора», — признавался двадцатилетний поэт. Ему не раз пришлось изменить собственное суждение, а письма его к Натали, пожалуй, не менее увлекательны, чем любой из пушкинских романов.

Невесте, «мадемуазель Натали Гончаровой», адресовано четырнадцать писем; жене, «милостивой государыне Наталье Николаевне Пушкиной» — шестьдесят четыре! И это за семнадцать месяцев разлуки, выпавших на их недолгую супружескую жизнь. Разлуки физической, но не духовной — Пушкин пишет жене отовсюду, где оказывается волей прихотливой судьбы: из Москвы и Казани, Петербурга и Болдина, Михайловского и Торжка, Нижнего Новгорода и Оренбурга.

Так часто поэт никогда и никому не писал, разве что князю Петру Вяземскому: дотошные исследователи подсчитали, что своему приятелю Пушкин отправил 72 письма. Но с ним Пушкина связывала почти двадцатилетняя дружба. С Натали жизнь свела поэта всего на восемь неполных лет, начиная со дня встречи. Он писал ей, своей Наташе, иногда делая приписку: «В собственные руки. Самонужнейшее», писал все, что лежало на сердце, словно исповедовался. И был крайне зол, когда полиция вскрывала его письма.

> «Смотри, женка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений, проникнутая скверным и бесчестным образом…»
>
> «Пожалуйста не требуй от меня нежных, любовных писем. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются на почте, в полиции, и так далее — охлаждает меня, и я поневоле сух и скучен».
>
> «Я пишу тебе, не для печати…»
>
> Письма невесте — лишь на французском, жене Пушкин пишет только по-русски. Как тут не вспомнить собственных его признаний: «Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат»!
>
> «Целую кончики Ваших крыльев, как говаривал Вольтер людям, которые вас не стоили» — это невесте.
>
> «Поцелуй-ка меня, авось горе пройдет. Да лих, губки

твои на 400 верст не оттянешь» — это жене.

«Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, я у ваших ног» — это невесте.

«…Если ты поплакала, не получив от меня письма, стало быть, ты меня еще любишь, женка. За что целую тебе ручки и ножки» — это жене.

«Друг мой женка»

Бумажный лист, самый вечный на свете материал, донес в своей первозданности все оттенки чувств, отголоски былых страстей и житейских забот, сохранив легкость и «свободу разговора».

Письма — как естественное течение жизни. Та фантастическая река безвременья, куда можно войти не единожды. Как легко открыть томик пушкинских писем к жене, изданный в серии «Литературные памятники», читать и перечитывать знакомые строки, забывая, что предназначались они не для чужих глаз, а лишь одной Натали!

Но, может, коль она их сберегла — не выбросила, не растеряла, не сожгла — значит, разрешила прикоснуться и к своей жизни, давно принадлежащей истории. На то была ее воля!

В письмах — живой Пушкин.

Он объясняется в любви:

> «Тебя, мой ангел, люблю так, что выразить не могу…»

Дает наставления:

> «Душа моя, женка моя, ангел мой! сделай мне такую милость: ходи 2 часа в сутки по комнате, и побереги себя»;
>
> «Пожалуйста не стягивайся, не сиди поджавши ноги, и не дружись с графинями, с которыми нельзя кланяться в публике»;
>
> «Верхом не езди, а кокетничай как-нибудь иначе»;
>
> «…Смотри, не сделайся сама девочкой, не забудь, что уж у тебя двое детей… береги себя, будь осторожна; пляши умеренно, гуляй понемножку…»

Порою хандрит — и его раздражение тотчас выливается в сердитые строки:

> «И про тебя, душа моя, идут кой-какие толки…»;
>
> «Не сердись, что я сержусь»;
>
> «Ты, кажется, не путем искокетничалась. Смотри: недаром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона».

Спохватывается и в следующем письме просит прощения:

«Друг мой женка, на прошедшей почте я не очень помню, что я тебе писал. Помнится, я был немножко сердит — и кажется, письмо немного жестко».

Спрашивает о детях:

«Что-то моя беззубая Пускина? Уж эти мне зубы! — а каков Сашка рыжий? Да в кого-то он рыж? не ожидал я этого от него»;

«Ради Бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью».

Беспокоится о ней, своей Наташе:

«Милый мой друг, ты очень мила, ты пишешь мне часто, одна беда: письма твои меня не радуют. Что такое vertige? (головокружение. — фр-)у обмороки или тошнота?., пустили ли тебе кровь? Все это ужас меня беспокоит»;

«…Что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна?»

Учит хозяйствовать:

«Ты пляшешь по их дудке; платишь деньги, кто только попросит; эдак хозяйство не пойдет».

Поручает ей деловые встречи, издательские дела:

«При сем пакет к Плетневу, для Современника…»;

«Что наша экспедиция? виделась ли ты с графиней Канкриной, и что ответ?»;

«Что записки Дуровой? пропущены ли Цензурою?»

Жалеет:

«Живо воображаю первое число. Тебя теребят за долги, Параша, повар, извозчик, аптекарь… у тебя не хватает денег, Смирдин перед тобой извиняется, ты беспокоишься — сердишься на меня — и поделом»;

«И как тебе там быть? без денег… с твоими дурами няньками и неряхами девушками… У тебя, чай, голова кругом идет»;

«Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты и прошу прощения у тебя за себя и книгопродавцев»;

Спрашивает у жены совета:

> «Слушая толки здешних литераторов, дивлюсь, как они могут быть так порядочны в печати и так глупы в разговоре. Признайся: так ли и со мною? право, боюсь».

Хвалит:

> «…Ты здорова, дети здоровы, ты пай дитя; с бала уезжаешь прежде мазурки…»

Скучает:

> «Мне без тебя так скучно, так скучно, что не знаю, куда головы преклонить».

Шутит:

> «Что касается до тебя, то слава о твоей красоте достигла до нашей попадьи…»;
>
> «Как я хорошо веду себя! как ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю — и на днях отказался от башкирки, несмотря на любопытство, очень простительное путешественнику».

Выговаривает:

> «Спасибо и за то, что ложишься рано спать. Нехорошо только, что ты пускаешься в разные кокетства; принимать Пушкина[3] тебе не следовало… не должно свету подавать повод к сплетням. Вследствие сего деру тебя за ухо и целую нежно, как будто ни в чем не бывало».

Оправдывается:

> «Честь имею донести тебе, что с моей стороны я перед тобою чист, как новорожденный младенец»;
>
> «Я перед тобой кругом виноват, в отношении денежном. Были деньги… и проиграл их. Но что делать? я так был желчен, что надобно было развлечься чем-нибудь».

Делится замыслами:

«Теперь надеюсь многое привести в порядок, многое написать и потом к тебе с добычею»;

«Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу — и привезу тебе пропасть всякой всячины»;

«Я привезу тебе стишков много, но не разглашай этого: а то альманашники заедят меня»;

(Ей обещает стихи, словно пряники, что привозит купец своей «половине», возвращаясь с ярмарки!)

«Погода у нас портится, кажется, осень наступает не на шутку. Авось распишусь»;

«…А стихи пока еще спят»;

«…Не хочу к тебе с пустыми руками явиться, взялся за гуж, не скажу, что не дюж»;

«До тебя мне осталось 9 листов. То есть как ещё пересмотрю 9 печатных листов и подпишу: печатать, так и пущусь к тебе…»

Жалуется:

«Прощай, душа. Я что-то сегодня не очень здоров»;

«Все эти дни голова болела, хандра грызла меня; нынче легче. Начал многое, но ни к чему нет охоты; Бог знает, что со мною делается».

И даже гневается:

«…Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!»

Неправдоподобно, но… звучит голос поэта. Легко различимы малейшие его интонации, тембр. Слышится знаменитый пушкинский смех, о котором современники писали, что тот «так же увлекателен», как и его стихи.

И одна, обычная вроде бы фраза в письме к жене: «Машку, Сашку рыжего и тебя целую и крещу. Господь с Вами. Прощай, спать хочу» — мгновенно разрушает мощный временной барьер. Эта загадочная сиюминутность, словно некий пароль — ты узнаваем, входи, живи в пушкинском мире! Живые письма, не тронутые тленом времени.

«Чтоб не пропала ни строка…»

И как не покажется странным, но именно Наталия Николаевна, а не пушкинисты Павел Анненков и Петр Бартенев, что так и не смогли поделить меж собой почетное первенство, стала первым биографом поэта.

«Коли Бог пошлет мне биографа», — словно посмеиваясь, но и с надеждой, записал некогда Пушкин. И не дано было знать поэту горькую истину, что судьба готовила Натали к этой тяжелой и, казалось бы, несвойственной ей миссии — стать хранительницей его духовного наследства. И его памяти.

Из письма П. В. Анненкова (конец 1849 — начало 1850):

«…В это время Ланская, по первому мужу Пушкина… пришла к мысли издать вновь сочинения Пушкина, имевшие только одно издание 1837 года. Она обратилась ко мне за советом и прислала на дом к нам два сундука его бумаг. При первом взгляде на бумаги я увидал, какие сокровища еще в них таятся, но мысль о принятии на себя труда издания мне тогда и в голову не приходила. Я только сообщил Ланской план, по которому, казалось мне, должно быть предпринято издание».

Именно Павлу Васильевичу Анненкову, издателю пушкинского собрания сочинений в 1855–1857 годах, она отдала часть фамильного архива. Павел Анненков вернул ей далеко не все полученные им документы — некоторые из них оказались у его брата. Надо полагать, что подобная недобросовестность издателя доставила Наталии Николаевне в свое время немало горьких минут.

Много позже эти семейные документы будут приобретены И. А. Шляпкиным и опубликованы им в своей книге «Из неизданных бумаг Пушкина» в 1903 году.

Из письма И. В. Анненкова[4] — брату П. В. Анненкову (19 мая 1851):

«Генеральша (Н.Н. Ланская. — А. Ч.) по возвращении из-за границы дает мне переписку Пушкина с сестрою, когда ему было 13 лет».

Какое важное свидетельство! Она хранила письма Пушкина-лицеиста! (Ныне, к несчастью, утраченные).

Вела Наталия Николаевна и переговоры с издателями, и, видимо, со знанием дела. Сказывались полученные прежде, еще при жизни с поэтом, навыки.

«…Чтоб не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства», — наставлял прежде жену, то ли в шутку, то ли всерьез, Александр Сергеевич. Она сохранила все письма поэта,

его рукописи и дневники — все, вплоть до расписок и счетов. Сберегла и письма друзей к Пушкину.

И всё ей кажется бесценным,
Всё душу томную живит
Полу-мучительной отрадой…

И ведь Пушкин знал, что его Наташа, подобно всем Гончаровым (вот уж истинно «гончаровская кровь»!), трепетно относилась ко всем семейным бумагам. Письма друзей и родственников, адресованные ей, были разложены по отдельным конвертам, и на них Наталия Николаевна имела обыкновение проставлять годы, надписывать имена и фамилии своих корреспондентов. Переписка со вторым супругом была собрана и сшита ею в отдельные тетради.

А пушкинские письма она, эта «легкомысленная красавица» и «бессердечная кокетка», как злословили о ней в свете, хранила особенно бережно. Знала их ценность для новых поколений.

И даже перед кончиной, на пороге вечности, Наталия Николаевна заботилась о дальнейшей судьбе дорогих посланий: просила Марию, старшую дочь, уступить все письма отца, предназначенные первоначально ей младшей — Наталии, оставшейся после развода с мужем с тремя малыми детьми на руках и за чью будущность она так тревожилась.

Но еще прежде, с самых первых лет вдовства, она воспитала в детях, знавших отца по ее рассказам (лишь старшие — Мария и Александр — сохранили неясные отрывочные воспоминания о нем), любовь к нему и такое же трепетное отношение к его памяти. Наталия Николаевна научила детей беречь все, связанное с его именем, — священную память об отце только мать могла взрастить в детских, еще неокрепших умах.

И не благодаря ли этому внушенному Наталией Николаевной чувству все рукописи поэта, семейные реликвии и письма, составляющие бесценную часть его наследства, собраны ныне воедино в Пушкинском Доме, в его сердце — рукописном отделе, и в музее-квартире на Мойке? Большинство раритетов — дары ее детей, внуков и даже далеких, никогда не ведомых ей праправнуков.

Можно ли сомневаться, что письма покойного мужа и вовсе не имели для нее цены?

«Твое премилое письмо»

А письма самой Натали? Как радовался им Пушкин, как целовал несчетное количество раз, по свидетельству княгини Веры Вяземской, эти драгоценные листки, и как тревожился, когда не было подолгу вестей от жены.

Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.

«С нетерпением ожидаю твоего письма из Новагорода…»;

«Ангел мой женка! сей час получил я твое письмо из Бронниц — и сердечно тебя благодарю. С нетерпением буду ждать известия из Торжка».

Она писала мужу часто, и ее письма летели ему вослед. Иногда Пушкин получал сразу несколько ее посланий:

«Оба письма твои получил я вдруг…»;

«Вчера только успел отправить письмо на почту, получил от тебя целых три. Спасибо, жена».

Порой даже выговаривал ей:

«У тебя нарывы, а ты пишешь мне четыре страницы кругом. Как тебе не совестно! Не могла ты мне сказать в четырех строчках о себе и о детях».

А потом сам же просил: «Пиши мне как можно чаще; и пиши все, что ты делаешь, чтоб я знал, с кем ты кокетничаешь, где бываешь, хорошо ли себя ведешь…»;

«Пишу тебе из Тригорского. Что это, женка? вот уж 25-е, а я все от тебя не имею ни строчки. Это меня сердит и беспокоит. Куда адресуешь ты свои письма? Пиши Во Псков, Её высокородию Прасковье Александровне Осиповой для доставления А.С. П., известному сочинителю — вот и все. Так вернее дойдут до меня твои письма, без которых я совершенно одурею».

Да и сама Натали волновалась, если вдруг почему-то дня два или три не могла ответить мужу.

Успокаивал жену, но тревожился сам. И был счастлив, когда приходила очередная почта:

«Я получил от тебя твое премилое письмо…»;

«Сей час получил от тебя письмо, и так оно меня разнежило…»

«Души доверчивой признанье»

Сохранились письма жены поэта к брату Дмитрию, сестрам. И теперь они действительно бесценны, ведь в них слышен голос Натали, мягкий и любящий, безыскусная мелодика ее речи.

Поистине гражданский подвиг совершили писатели, ныне уже почившие, И. М. Ободовская и М. А. Дементьев, подготовившие к печати письма Наталии Николаевны. Подобно реставраторам удалось пожилой писательской чете снять многолетние аляповатые наслоения. И вот проглянул милый образ, робко заговорила сама Наташа, — ведь ее надолго лишили права голоса.

«Я тебе откровенно признаюсь, — пишет она брату Дмитрию в июле 1836-го, — что мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю как вести дом, голова у меня идет кругом. Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам, и, следственно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того, чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна… Мой муж дал мне столько доказательств своей деликатности и бескорыстия, что будет совершенно справедливо, если я со своей стороны постараюсь облегчить его положение…»

Это письмо, как и другие письма Натали (почти все они на французском), ныне — в Российском Государственном архиве древних актов.

Кажется, что эти торопливо исписанные листы фамильной гончаровской бумаги, с вензелями и водяными знаками, и по сей день хранят ее усталость и сердечную тоску. Две строки из послания к брату, написанные по-русски, могут сказать больше, чем тома биографических исследований о жене поэта: «Мочи нет, устала…» Вечный женский вздох! Так могла вымолвить и крестьянка, утирая рукой пот со лба, и блистательная красавица, обремененная иными заботами: вечными долгами, бесконечными переездами, родами и болезнями — своими и детей, перепиской рукописей мужа и хлопотами по его издательским делам.

Много-много позже, уже в другой своей жизни, будучи госпожой Ланской, Наталия Николаевна в шутку признавалась:

«…Я очень много болтаю в письмах и… марать бумагу одна из моих непризнанных страстей». Письма ее к поэту, надо полагать, были обстоятельны и подробны, нежны и трогательны, полны любопытных суждений и признаний — ведь порой

месяцами у нее не было иного способа разговаривать с мужем, откровенничать с ним.

Но писала Натали супругу не только о домашних делах, но и о вопросах, весьма далеких от чисто житейских. Об этом говорят ответные пушкинские письма:

«…Впрочем, твое замечание о просвещении русского народа очень справедливо и делает тебе честь, а мне удовольствие».

«Ты спрашиваешь меня о Петре? идет помаленьку; скопляю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник…»

Пушкину всегда, с первых дней семейной жизни, хотелось ввести Натали в круг своих интересов, приобщить ее к высоким духовным сферам — литературе, живописи, театру. И к политике.

Так, в одном из писем он делится с ней предположением:

«Мы без европейской войны не обойдемся…»

В другом просит:

> «Пиши мне также новости политические. Я здесь газет не читаю — в Английский Клоб не езжу и Хитрову не вижу. Не знаю, что делается на белом свете. Когда будут цари? и не слышно ли чего про войну?..»

Что отвечала Пушкину его Наташа? Верно, добросовестно стараясь исполнить наказ мужа, писала о своем разумении злободневных вопросов — тех, что занимали тогда общество. И как любопытно сопоставить необычную просьбу поэта и ответные строки Наталии Николаевны, обращенные уже… к Ланскому, второму супругу:

> «Ты совершенно прав, что смеешься над тем, как я говорю о политике, ты знаешь, что этот предмет мне совершенно чужд».

А ведь Пушкин не потешался над неискушенностью своей молоденькой супруги в вопросах, ей несвойственных — напротив, поощрял ее, не желая ограничить Натали привычным семейным кругом. И как опытный учитель наставлял, развивал любознательность, с радостью отмечая робкие движения ее души. С юной женой, которую сам же называл порой «совершенным ребенком», поэт разговаривал на равных.

И вот любопытная деталь: Пушкин жалеет, когда что-либо интересное видит без своей Наташи. Будто это чувство не дает ему сполна насладиться удивительным зрелищем.

Пушкин — жене из Петербурга (18 мая 1834):

> «Вчера я был в концерте, данном для бедных в великолепной зале Нарышкина, в самом деле, великолепной. Как жаль, что ты ее не видала».

И вновь, в следующем письме, сообщая жене о приезде известного чревовещателя, «который смешил меня до слез», тут же добавляет: «мне право жаль, что ты его не услышишь». Пушкин — жене из Михайловского (14 сентября 1835): «Писать не начинал, и не знаю, когда начну. Зато беспрестанно думаю о тебе, и ничего путного не надумаю. Жаль мне, что я тебя с собою не взял».

Без нее он чувствовал пустоту. Скучал. И столько раз признавался ей в том. Ему, великому и прославленному поэту, так не хватало его Наташи, ее голоса, ее милых писем…

> «Прощай, жена. У меня на душе просветлело. Я два дня сряду получил от тебя письма и помирился от души с почтою и полицией»;
>
> «Жду от тебя писем порядочных, где бы я слышал тебя и твой голос…»

(Лишь одно упоминание современников о голосе Натали — его назвали волшебным).

«…Перечел твое письмо и ложусь спать».

Ведь не просто прочитал, а перечитал! Как целительны были ее послания, словно бальзам для души…

«В его (Пушкина) переписке так мучительно трогательно и так чудесно раскрыта его семейная жизнь, его любовь к жене, что почти нельзя читать это без умиления, — восхищался Александр Куприн. — Сколько пленительной ласки в его словах и прозвищах, с какими он обращается к жене! Сколько заботы о том, чтобы она не оступилась, беременная, — была бы здорова, счастлива! Мне хотелось бы когда-нибудь написать об этом… Ведь надо только представить себе, какая бездна красоты была в его чувстве, которым он мог согревать любимую женщину, как он при своем мастерстве слова мог быть нежен, ласков, обаятелен в шутке, трогателен в признаниях!..»

«Письма моей жены»

Письма Наталии Николаевны в духовном наследстве поэта. По сути, это целый непознанный пласт в пушкиноведении. К слову, ведь и большинство писем Александра Сергеевича к Натали (драгоценная часть эпистолярного наследства поэта!) ответные, а значит — вызваны к жизни ее же посланиями.

«Мне пришел в голову роман, и я вероятно за него примусь», — сообщает он супруге в сентябре 1832-го. Вне сомнений, речь идет о будущем романе «Дубровский», к которому Пушкин приступил в октябре того же года и завершил в феврале следующего. И первой, кому поэт сообщил о новом замысле, стала жена!

Обратимся к тексту романа. Итак, глава VI. Последний вечер Владимира Дубровского в отчем доме:

«Владимир отпер комоды и ящики, занялся разбором бумаг покойного. […] Между ими попался ему пакет с надписью: письма моей жены. С сильным движением чувства, Владимир принялся за них: они писаны были во время Турецкого похода и были адресованы в армию из Кистеневки. Она описывала ему свою пустынную жизнь, хозяйственные занятия, с нежностию сетовала на разлуку и призывала его домой, в объятия доброй подруги, в одном из них она изъявляла ему свое беспокойство насчет здоровья маленького Владимира; в другом она радовалась его ранним способностям и предвидела для него счастливую и блестящую будущность. Владимир зачитался, и позабыл все на свете, погрузясь душою в мир семейственного счастия, и не заметил, как прошло время. Стенные часы пробили одиннадцать…»

Не было ли и у поэта такого пакета, возможно, с подобной надписью: «Письма моей жены»? Был, бесспорно был! Есть тому и свидетельство. И довольно-таки необычное. Петр Плетнев, приятель поэта, чуть ли не пасквиль пишет на Пушкина. И кому? Общему их другу — Василию Жуковскому!

«Вы теперь вправе презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма, а вечером возит жену по балам».

Не удивительно ли, что написаны эти строки 17 февраля 1833 года, в самый канун годовщины свадьбы поэта! И по времени совпадают с написанием Пушкиным романа!

И как созвучно настроение поэта с переживаниями Владимира Дубровского. Пушкин, как и его герой, перечитывая

старые письма, погружался душой в такое недавнее счастливое прошлое. И не есть ли в этом кратком отрывке романа отголоски писем самой Наталии Николаевны?

«Она описывала ему свою пустынную жизнь…»

Все это было, бесспорно, и в посланиях Наталии Николаевны, которые если и возможно восстановить, то только по ответным письмам Пушкина.

«Какая ты умнинькая, какая ты миленькая, какое длинное письмо! как оно дельно! благодарствуй, женка!»

И Наталия Николаевна подробно и обстоятельно писала мужу обо всех житейских делах, обо всем, что с нею происходило, где бывала и с кем встречалась. Как много позже признавалась она сама: «Я… рассказываю все, как было… только в силу привычки описывать все мельчайшие подробности…»

Сообщала мужу о здоровье детей, подмечая особенности характера каждого, радовалась их успехам и ранним способностям, смеялась над шалостями, беспокоилась об их будущности.

Об этом вновь говорят ответные письма поэта:

«Помнит ли меня Маша, и нет ли у ней новых затей?»

«…С нежностию сетовала на разлуку и призывала его домой…»

Да ведь и Наталия Николаевна торопила мужа с приездом, звала его. И просьбы эти были частыми, порой настойчивыми. Из шести лет супружеской жизни полтора года прошли в разлуке!

«Не жди меня в нынешний месяц, жди меня в конце ноября»;

«Ты хочешь непременно знать, скоро ли я буду у твоих ног? изволь, моя красавица»;

«Пожалуйста не сердись на меня за то, что я медлю к тебе явиться. Право, душа просит; да мошна не велит»;

…Изо всех семейных реликвий Дубровский взял из родного дома лишь материнские письма. Заветные листки не должны были попасть в чужие руки, а о том, чтобы сжечь их, он не мог и помыслить.

«Владимир положил письма в карман, взял свечу и вышел из кабинета…»

«Отданы г-же Пушкиной»

В кабинете, в доме на набережной Мойки, после кончины поэта был проведен «посмертный обыск», составлена опись бумаг покойного, и в ней под номером 41 значилось: «Письма госпожи Пушкиной».

Писем Наталии Николаевны к супругу насчитывалось не менее сорока.

А. Х. Бенкендорф — В. А. Жуковскому (6 февраля 1837):

«Бумаги, могущие повредить памяти Пушкина, должны быть доставлены ко мне для моего прочтения… По прочтении этих бумаг, ежели таковые найдутся, они будут преданы немедленно огню в вашем присутствии…

Письма вдовы покойного будут немедленно возвращены ей, без подробного оных прочтения, но только с наблюдением о точности ее почерка».

Н.Н. Пушкина — В. А. Жуковскому (8 февраля 1837):

«Надеясь вскоре уехать, я буду просить Вас возвратить мне письма, писанные мною моему мужу… мысль увидеть его бумаги в чужих руках прискорбна моему сердцу…»

Письма Наталии Николаевны действительно находились в запечатанном сундуке вместе с другими бумагами. Он был вскрыт в присутствии свидетелей — генерал-майора Леонтия Дубельта и поэта Василия Жуковского. Видимо, именно об этом потайном сундучке со старыми письмами упоминал некогда Плетнев.

Свои письма к мужу Наталия Николаевна получила — в описи сохранилась пометка: «Вручены г-ну действительному статскому советнику Жуковскому». А уже после его рукой приписано: «Отданы г-же Пушкиной».

Но вот письма поэта, адресованные жене, хранились, что, впрочем, и понятно, у самой Наталии Николаевны, а не в кабинете мужа.

И когда Жуковского обвинили, что он вынес тайком некие пакеты с бумагами покойного поэта, пришлось ему объяснять эту загадочную «историю с похищением» самому генералу Бенкендорфу:

«Эти пять пакетов были просто оригинальные письма Пушкина, писанные им к его жене, которые она сама вызвалась дать мне прочитать; я их привел в порядок, сшил в тетради и возвратил ей».

Наталия Николаевна сохранила письма мужа, но не сумела

сберечь собственные. Не захотела? Или причиной тому, по ее же собственным словам, «стыдливость сердца»?

По одной из версий, старший сын поэта Александр Александрович по просьбе матери сжег ее письма. Как тут не вспомнить, что и Екатерина Николаевна, в девичестве Ушакова, давняя соперница Натали, перед кончиной просила дочь сжечь все послания поэта к ней. Сама, по доброй воле. Не хотела, чтобы ее любовь стала предметом обсуждения досужих потомков. Неужели эта печальная история повторилась словно в зеркальном отражении?

Нет, это уж верно, не в «гончаровской» природе — уничтожать письма или документы: рядные записи, свидетельства, заводские книги. Казалось бы, старые и вовсе ненужные…

«Будь осторожен с моими письмами»

Искать письма Наталии Николаевны стали лишь в начале двадцатого века. Непростительно поздно? Нет. Ведь живы были еще все ее дети, все семеро. И вряд ли они согласились бы с публикацией писем покойной матери, зная наверное, что это не пришлось бы ей по душе.

Да и памятен был громкий скандал, вспыхнувший после того, как графиня Наталия Меренберг, младшая дочь поэта, передала для печати письма отца Ивану Сергеевичу Тургеневу, который и опубликовал их в «Вестнике Европы» в 1878 году. Сыновья Пушкина Александр и Григорий были настолько этим возмущены, что собирались ехать в Париж, чтобы поквитаться с писателем. И как жаловался сам Тургенев, «поколотить меня за издание писем их отца!»

Из воспоминаний Александры Араповой:

«Целую бурю негодования вызвало опубликование писем Пушкина к ней. Чутким сердцем она (Наталия Николаевна. — Л. Ч.) ее предугадала и поставила непременным условием, чтобы они появились только по смерти моего отца, боготворившего ее светлую память. Нам, ее детям, — как Пушкиным, так и Ланским, — эта газетная травля принесла много тяжелого горя».

И сама Наталия Николаевна, оберегая память мужа, противилась публикации частных писем Пушкина, не предназначенных для публики.

Оберегала от чужих любопытных глаз и свою переписку со вторым супругом, генералом Ланским, что так счастливо сохранилась.

Наталия Николаевна — П. П. Ланскому:

«Я пишу тебе доверительно, имея привычку делиться с тобой самыми сокровенными мыслями…»;

«…Я, как и всегда, пишу тебе под первым впечатлением, с тем чтобы позднее раскаяться».

Надо думать, что привычке своей она следовала и прежде, будучи женой поэта. И предупреждала своего второго супруга:

«…Будь осторожен с моими письмами…»

Точно так же наставлял ее некогда и сам Пушкин!

«…Запирай их, как только прочтешь», — пишет она далее. Как это важно, и как обнадеживающе ныне звучит ее просьба! Ведь не приходит же ей в голову просить супруга сжечь адресованные ему письма, а всего лишь спрятать от чужих

недобрых глаз.

Все семейные бумаги и пушкинские рукописи Наталия Николаевна завещала сыну Александру, и долгие годы он хранил отцовское наследие.

В 1880 году Александр Александрович передал Румянцевскому музею «на вечные времена» бесценный дар — фамильный пушкинский архив. А еще через два года и письма поэта к жене.

А.А. Пушкин — В. А. Дашкову, директору Московского Публичного и Румянцевского музеев (3 мая 1882):

«Милостивый государь Василий Андреевич!

Прилагая при сем 64 письма покойного моего отца Александра Сергеевича к моей покойной матери, Наталии Николаевне, пожертвованные… сестрой моей графиней Натальей Александровной Меренберг, обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою… чтобы эти письма в течение пятидесяти лет в чтение никому выдаваемы не были».

Александр Александрович, как и полагалось доброму сыну, делал все, чтобы охранить память матери от возможных насмешек и обвинений.

Из беседы А.А. Пушкина с корреспондентом газеты «Русская молва» (от 31 марта 1913):

> «Вскоре после открытия памятника отцу в Москве сестра передала мне всю хранившуюся у нее переписку. Я их принес в дар Румянцевскому музею и поставил условием, чтобы эта переписка не стала общественным достоянием и не была опубликована ранее смерти последнего члена нашей семьи, считая и младшую сестру Елизавету от второго брака моей матери».

Возможно, тогда же были переданы и ответные письма Наталии Николаевны. Ведь сын поэта говорит о переписке! Исследователи уже обращали внимание на некоторую странность: он ставит жесткое условие — переписка родителей не должна быть ныне опубликована, хотя к тому времени письма поэта к жене уже тридцать пять лет как были напечатаны. Значит, речь может идти лишь о письмах матери!

Неслучайно Александра Александровича заботит, чтобы и дочери Наталии Николаевны от второго брака, сестры Ланские, не могли пострадать от недобросовестности издателя или новых нападок в адрес их матери, коих и так было предостаточно. Иначе к чему было тогда упоминать имя Елизаветы Ланской — ведь она

дочерью Пушкина не была!

«Мне сдается, по простой женской логике, — полагала Александра Арапова, — что именно эта супружеская переписка должна была восстановить в полном блеске добрую память матери, а не вызвать той жестокой оценки, тех комьев грязи, которые безжалостно осыпали ее священную для нас могилу».

В июле 1914-го, через год с небольшим после публикации в «Русской молве», завершил свой земной путь боевой генерал Александр Пушкин — всю жизнь, до седых волос, слывший любимцем поэта. Да и Наталия Николаевна отличала старшего сына своей особой душевной привязанностью.

Борис Львович Модзалевский, хранитель рукописного наследства поэта в Пушкинском Доме, писал в том печальном году:

> «Александр Александрович Пушкин приобрел право на вечную благодарность русских людей за сохранение и за передачу в общее пользование черновых тетрадей поэта, пожертвованных им в… Московский Румянцевский музей, куда передал он по соглашению с братом и сестрами и под известным строгим запретом и переписку своих родителей, могущую без сомнения пролить свет на взаимные их отношения и на до сих пор смутную историю последних лет многострадальной жизни поэта…»

Заветное слово «переписка» было произнесено дважды: и сыном поэта, и замечательным ученым-пушкинистом!

«Жду… с нетерпением»

Писем Наталии Николаевны нет. И все-таки их можно прочесть. Прочесть «духовными глазами», меж строк пушкинских писем. Там даже есть особо повторенные поэтом ее фразы:

«Что ты путаешь, говоря: о себе не пишу, потому что не интересно. Лучше бы ты о себе писала, чем о S. (графиня Надежда Соллогуб, к ней Наталия Николаевна ревновала мужа. — Л. Ч.), о которой забираешь в голову всякий вздор — на смех всем честным людям и полиции, которая читает наши письма. Ты спрашиваешь, что я делаю».

А вот и сам поэт задает тот же вопрос в одном из первых писем к невесте:

«Что вы поделываете? Кого видите? Где гуляете? Поедете ли в Ростов? Напишете ли мне? Впрочем, не пугайтесь всех этих вопросов, вы отлично можете не отвечать на них, — потому что вы всегда смотрите на меня как на сочинителя».

Конечно же, молоденькая девушка, к слову сказать, начитанная благодаря богатой дедушкиной библиотеке в Полотняном Заводе, не могла устоять от соблазна особого рода — ей было лестно внимание знаменитого Пушкина. Его появление всегда становилось сенсацией, и приезд поэта в Москву, после михайловской ссылки, обратился в настоящий триумф.

«Завидую Москве, она короновала Императора, теперь коронует Пушкина», — писал свидетель тех дней.

Как тут было устоять юной барышне, почти девочке, только что увидевшей свет! Даже и не свет, а сразу «солнце русской поэзии», буквально ослепившее ее. Уже тогда Пушкина величали «любимейшим поэтом России».

Разумеется, она не могла не смотреть на Пушкина иначе, как на знаменитого сочинителя. И тут уже были не важны ни внешняя некрасивость поэта, ни его малый рост — все меркло в лучах торжествующей славы, в ее неземном сиянии. Потом придет и любовь, и Натали Гончарова станет невестой первого поэта России. «Она меня любит», — как дорого стоит признание Пушкина-жениха!

«Передал ли вам брат мое письмо, и почему вы не присылаете мне расписку в получении, как обещали? — летит письмо невесте из Петербурга. — Я жду ее с нетерпением, и минута, когда я ее получу, вознаградит меня за скуку моего пребывания здесь».

И вновь вопрос: «Пришлете ли вы мне расписку?»

И письма тайные, награды долгой муки…

Несомненно, какой-то тайный уговор существовал между Пушкиным и Натали. Поэт настойчиво требовал ее расписок в получении писем. Для чего? Прежде всего — удостовериться, что его письмо попало ей в руки, а не к маменьке или кому-то из домочадцев. И, конечно же, — иметь счастье получить несколько строк от невесты, пусть даже и формальных. Или, быть может, Пушкин придумал некий тайный шифр, ведомый только им обоим? И с его помощью Натали могла сообщать жениху важные новости или открывать свои чувства без боязни, что строгая матушка — семейный цензор — сможет узнать ее сокровенные мысли?

Самая близкая подруга Натали Катенька Долгорукова, посвященная в ее девичьи тайны, много позже вспоминала:

«Когда он (Пушкин) жил в деревне, Наталия Ивановна не позволяла дочери самой писать к нему письма, а приказывала ей писать всякую глупость и, между прочим, делать ему наставления, чтобы он соблюдал посты, молился Богу и пр. Наталия Николаевна плакала от этого».

Не подтверждением ли тому и пушкинские строки, адресованные князю Петру Вяземскому в ноябре 1830-го из Болдина:

«Отправляюсь, мой милый, в зачумленную Москву — получив известие, что невеста ее не покидала… Она мне пишет очень милое, хотя бестемпераментное письмо».

Но одно письмо Натали-невесты, отправленное ею, видимо, втайне от маменьки, не осталось безвестным. Болдинской осенью 1830-го Пушкин делает пометку в дневнике:

«9 сентября. Письмо от Natalie». И в тот же день сообщает Плетневу: «Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выйти за меня и без приданого. Приданое не уйдет. Зовет меня в Москву…»

И в необдуманном письме
Любовь невинной девы дышит…

Но ведь и это девичье письмо Натали, пересказанное поэтом приятелю, стало известно опять-таки благодаря ей, сохранившей всё эпистолярное наследие мужа.

«Ваше письмо прелестно, оно вполне меня успокоило», — отвечает Натали Пушкин.

…Роман в письмах, длившийся шесть лет — от первого письма поэта к невесте и ее к жениху, и до последних, как оказалось, прощальных их посланий.

И вот почти мистические совпадения — свое письмо к жене из Москвы, перед самым отъездом в Петербург в мае 1836-го Пушкин начинает так:

«Жена, мой Ангел, хоть и спасибо за твое милое письмо, а все-таки я с тобою побранюсь: зачем тебе было писать: Это мое последнее письмо, более не получишь».

Но ведь так оно и случилось: действительно, оба письма — и неизвестное ныне послание Наталии Николаевны к мужу, и его ответное — оказались последними!

«Готовы к печати»

История поисков писем Наталии Николаевны — настоящий детектив. Вернее, неоконченная научно-приключенческая повесть длиною почти полтора столетия.

Надо отдать должное одному из самых активных участников поиска писем жены поэта Владимиру Ивановичу Сайтову, члену-корреспонденту Академии наук. Еще в 1902 году он спрашивал у П. И. Бартенева, издателя «Русского архива», о судьбе исчезнувших писем и получил неутешительный ответ:

«Писем Наталии Николаевны к мужу не сохранилось, как говорил мне недавно старший сын их».

Сайтов вновь запрашивает — уже главного хранителя рукописного отдела Румянцевского музея Г. П. Георгиевского. И тот весьма осторожно отвечает: «Мне кажется, что я не имею права выдавать секреты Пушкина и поэтому ссылаться на меня как на источник сведений нельзя». «Будьте покойны, — заверяет Сайтов, — на Вас я не сошлюсь, хотя никакого секрета тут и не может быть…»

Почти в то же самое время, в 1903 году, именно Владимир Сайтов по поручению великого князя Константина Константиновича, президента Академии наук, снял копию с неопубликованного дневника Пушкина, владельцем которого был старший сын поэта.

«Мемуары эти, — как сообщал Александр Александрович Пушкин, — незадолго до смерти передала мне моя мать».

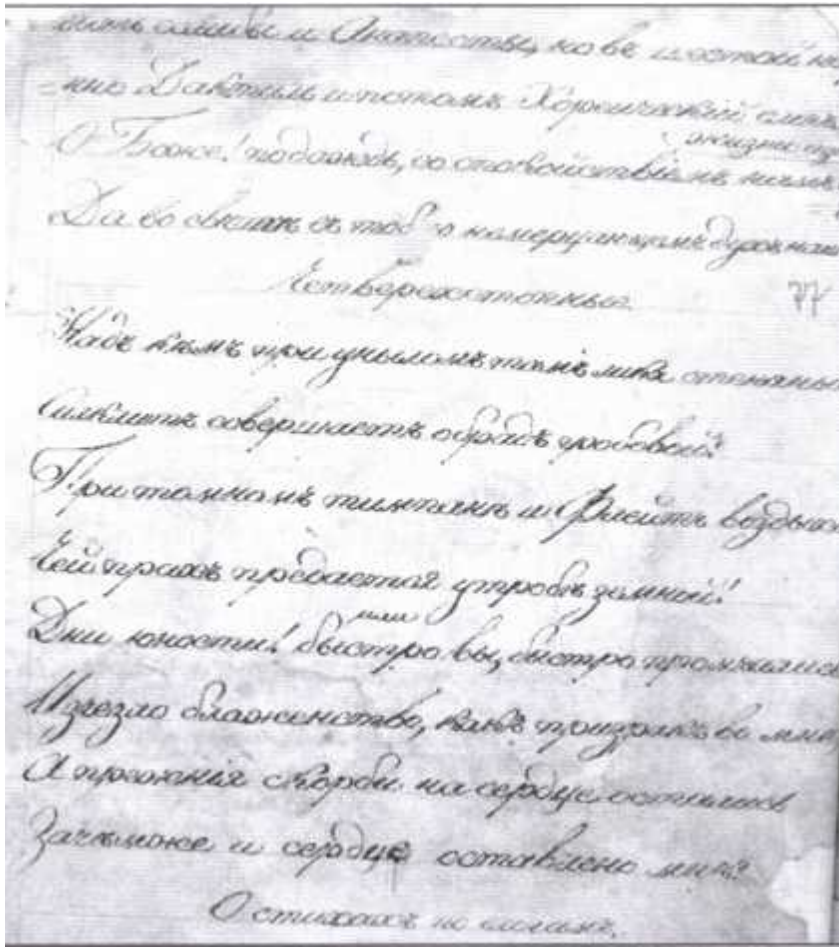
Усадебный дом Загряжских, где родилась Наталия Гончарова. Знаменка. Фотография. 1997 г.

Герб рода Гончаровых. Конец XVIII века

Наташа Гончарова. 1810-е гг. Неизвестный художник

Страница из ученической тетради Наташи Гончаровой (сочинение о просодии). Начало 1820-х гг.

Надежда Платоновна Мусина-Пушкина. 1780-е гг. Из частного собрания. Неизвестный художник

Афанасий Николаевич Гончаров. 1780-е гг. Из частного собрания. Неизвестный художник

Николай Афанасьевич Гончаров. 1800-е гг. Из частного собрания. Неизвестный художник

Наталия Ивановна Гончарова.1800-е гг. Из частного собрания. Неизвестный художник

А.С. Пушкин. 1831 г. Портрет написан в Царском Селе. Неизвестный художник

Н.Н. Пушкина. Конец 1831 г. — начало 1832 г. Художник А. П. Брюллов

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою...
Тобой, одной тобой — унылая пора!
Очей очарованье!
Приди, как дальняя лампада,
Во мраке ночи нас манящая звезда,
Как легкий призрак наслажденья,
Как сон любви перед зарей —
Пленительна и тиха, как ночь моей души,
Как молодость моя, как жизнь моя!

«На холмах Грузии». Черновой автограф. 1829 г.

Церковь Живоначальной Троицы на Арбате, приходской храм Пушкиных. Фотография из альбома Н.А. Найдёнова. 1880-е гг.

Мадонна с младенцем («Бриджуотерская мадонна», с ней сравнивал свою невесту Пушкин). Художник Рафаэль Санти

Дача Китаевой в Царском Селе. Современный вид

Дворец Загряжских-Гончаровых в Яропольце. Современный вид

Наталия Пушкина. Рисунок поэта. 1833 г. Из записной книжки А.С. Пушкина. Портрет атрибутирован автором

Н.Н. Пушкина. 1841 г. Художник В. И. Гау

Н.Н. Пушкина. 1842–1843 гг. Художник В. И. Гау

Александр Александрович Пушкин, сын поэта. Фотография. Конец 1850-х — начало 1860-х гг.

Н.Н. Пушкина. 1844 г. Художник В. И. Гау

Мария Александровна Гартунг, дочь поэта. Фотография. 1863 г.

Графиня Наталия Александровна Меренберг, дочь поэта. Фотография. Конец 1860-х — начало 1870-х гг.

Григорий Александрович Пушкин, сын поэта. Фотография. Середина 1860-х гг.

Петр Петрович Ланской. 1849 г. Художник В. И. Гау

Н.Н. Пушкина-Ланская. Из альбома Лейб-гвардии конного полка. 1849 г. Художник В. И. Гау

Дом на Екатерининском канале (ныне — канал Грибоедова), где умерла вдова поэта. Современный вид

Могила Н.Н. Пушкиной-Ланской в Александро-Невской лавре. Современный вид

Н.Н. Пушкина-Ланская. Ницца. Фотография. 1863 г.

Графиня Софи де Торби (внучка поэта) с мужем великим князем Михаилом Михайловичем. Фотография. 1891 г.

Ольга и Георг фон Меренберг; внуки Александра II и правнуки А.С. Пушкина. Фотография, 1903 г. Из собрания Клотильды фон Ринтелен

«На фоне Пушкина снимается семейство…» Первый Всемирный съезд потомков Александра Сергеевича и Наталии Николаевны Пушкиных в Москве. 2009 г.

Отец Николай (Солдатенков) в мемориальной квартире поэта на Старом Арбате. 2009 г.

Мемориальная доска работы скульптора Григория Потоцкого в память 200-летия со дня рождения Наталии Гончаровой

Георгиевский вспоминал, что когда великий князь обратился

к сыну поэта с просьбой прочесть пушкинский дневник, «Александр Александрович просто не знал, что делать, был в отчаянии, за голову хватался…». Ведь в нем упоминались персоны, которых поэт не жаловал и потомки коих благополучно здравствовали в начале двадцатого века.

«Будьте покойны, все, что вас смущает, останется в тайне» — последовал великокняжеский ответ.

И несмотря на подобные заверения, сына поэта пригласили на Пушкинское заседание в Исторический музей, где прилюдно, вслух был зачитан дневник его отца. С той самой копии, что он разрешил снять Сайтову.

«Когда Александр Александрович услышал те слова, которые его так мучили, он сорвался с места и демонстративно вышел, хлопнув дверью».

Может быть, эта злополучная история и настроила Александра Александровича на более решительный лад — читать письма матери, а тем более их переписывать, он никому не позволит. Хотя имелся у него и более ранний «горький опыт».

А.А. Пушкин — великому князю Константину Константиновичу (6 марта 1905):

«Когда же сестра моя, в 1882 году, поручила мне передать в Румянцевский музей эти письма, я, наученный горьким опытом, по соглашению с братом и сестрами, признал необходимым обусловить этот дар запрещением пользоваться им в течение 50 лет».

Именно в Румянцевском музее не только хранились, но и готовились к печати письма Наталии Николаевны Пушкиной.

Документ необычайной важности обнаружил пушкинист М. А. Дементьев, целенаправленно занимаясь поисками исчезнувших писем. То было письмо Российской книжной палаты от 30 октября 1920 года в Госиздат, где среди перечня изданий, готовых к печати «в первую очередь», шла строка: «Письма Н.Н. Пушкиной — 3 печ. листа».

С. В. Житомирская, одно время возглавлявшая Рукописный отдел «Ленинки», давала свое объяснение: инициалы Н.Н. нужно раскрывать иначе, и читать следует как «Письма Наталье Николаевне». И весьма убедительно доказывала, что письма жены поэта никогда — ни прежде в музей, ни позднее — в библиотеку не поступали, и что речь шла о письмах, не написанных Наталией Николаевной, а ей адресованных — пушкинских.

Кажется, никто из исследователей не взял на себя труд подсчитать, — соответствуют ли трем печатным листам по нормативам того времени пушкинские письма к жене (послания к

невесте не в счет — они находились тогда за границей)? Если нет, то речь определенно шла о письмах самой Наталии Николаевны.

Сусанна Энгель, посвятившая не одно десятилетие поискам пропавших писем, приводит и вовсе удивительное свидетельство:

«А. Л. Гришунин, доктор филологических наук, сообщил мне недавно, что в 1977 году Николай Федорович Бельчиков — крупнейший знаток архивного дела, много лет занимавший пост директора ИРЛИ в Ленинграде, — уверял его, Гришунина, что в начале 20-х годов он, Бельчиков, не только сам видел набранный для печати текст писем Н.Н. Пушкиной, но и сделал из них для себя выписки. Однако разыскать их в своем огромном архиве пока не может».

Другая исследовательница ссылается и на вдову ученого, Зинаиду Федоровну Бельчикову, подтверждавшую правоту слов мужа.

Нельзя не вспомнить и важнейшее свидетельство замечательного поэта Валерия Брюсова, относящееся к 1919 году (в тот год он возглавлял библиотечный отдел Наркомпроса):

«Заявление.

Об отмене частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях.

В рукописном отделении Московского Румянцевского музея хранятся письма жены Пушкина Н.Н. Пушкиной к ее мужу, переданные в музей наследниками великого поэта под разными условиями… До сих пор они продолжают рассматриваться как некоторая частная собственность… и остаются недоступными исследователям.

Нет надобности говорить о значении каждой строки, проливающей новый свет на Пушкина. В этом смысле письма к нему жены заключают в себе интерес исключительный.

Согласно с волей завещателей, смотревших на письма Н.Н. Пушкиной как на свою частную собственность, русское общество должно дожидаться обнародования их еще десятки лет».

Валерием Брюсовым написаны десятки работ по

пушкиноведению, и еще задолго до революционных событий он получил разрешение работать с рукописями поэта в Румянцевском музее. Так что такой серьезный исследователь не мог бы с подобной убежденностью утверждать о существовании писем жены поэта, если бы он самолично (!) их не видел.

Заявлению Брюсова был дан ход, и вскоре за ним последовал соответствующий декрет Совета Народных Комиссаров, подписанный Лениным. А в августе того же 1919 года на стол директора Румянцевского музея легло письмо:

«Государственное издательство доводит до Вашего сведения… что оно намеревается приступить в срочном порядке к изданию следующих материалов, хранящихся в Румянцевском музее и относящихся к А.С. Пушкину: 1. Писем Н.Н. Пушкиной. 2. Другого материала, хранящегося в архиве Н.Н. Пушкиной и представляющего общенародное значение. 3. Дневника А.С. Пушкина…»

Все-таки слишком много показаний и документов сводятся к одному: письма Наталии Николаевны не были уничтожены и до поры до времени хранились в Москве, в Румянцевском музее, бывшей «Ленинке», а ныне — Российской государственной библиотеке. А дальше? Что стоит за их загадочным исчезновением? Где и когда теряется их след? И вновь — версии, гипотезы, предположения…

Единственное письмо

Хранитель рукописей Георгиевский утверждал: письма Наталии Николаевны были взяты из Румянцевского музея ее потомками. Такую вполне реальную возможность нельзя исключить, тем более что был принят к исполнению тот самый декрет, за который ратовал Брюсов. Но его благим желаниям не дано было исполниться. Грядущая национализация семейных архивов послужила катализатором процессов совсем иного рода: начался обратный отток из хранилищ фамильных документов. Нарушалась воля дарителей, и их наследники вправе были вернуть себе семейные раритеты.

Потомки поэта также могли воспользоваться своим правом — забрать из Румянцевского музея письма Наталии Николаевны.

Из детей Пушкина к тому времени никого уже не было в живых: последней в марте 1919-го скончалась его старшая дочь Мария Александровна Гартунг, бывшая в преклонных летах.

Не мог забрать письма Наталии Николаевны и ее внук Григорий Александрович Пушкин. Именно им в 1930-х годах среди семейных бумаг были найдены около ста (!) посланий к поэту его друзей и родных и переданы в Государственный литературный музей. Благодаря внуку поэта была спасена и увидела свет пушкинская рукопись «История Петра»!

А еще раньше Григорий Александрович передал пушкинисту П. Е. Щеголеву и единственное уцелевшее письмо Наталии Николаевны к Пушкину, отправленное в мае 1834-го из Яропольца. Вернее, то была лишь ее приписка к письму матери Наталии Ивановны:

> «С трудом я решилась написать тебе, так как мне нечего сказать тебе и все свои новости я сообщила тебе с оказией, бывшей на этих днях. Даже мама едва не отложила свое письмо до следующей почты, но побоялась, что ты будешь несколько беспокоиться, оставаясь некоторое время без известий от нас; это заставило ее побороть сон и усталость, которые одолевают и ее и меня, так как мы целый день были на воздухе. Из письма мамы ты увидишь, что мы все чувствуем себя очень хорошо, оттого я ничего не пишу тебе на этот счет; кончаю письмо, нежно тебя целуя, я намереваюсь написать тебе побольше при первой возможности. Итак, прощай, будь здоров и не забывай нас.

Знать бы ей тогда, что эта приписка единственной сохранится из всех ее посланий к мужу, и именно она позволит долгие годы пушкинистам всех рангов превратно судить об ее образовании, а заодно обличать в отсутствии духовности и всяческих интересов.

Щеголев опубликовал ее в 1928 году. Прокомментировал:

> «Нельзя не пожалеть о том, что в нашем распоряжении нет писем Натальи Николаевны, каких бы то ни было, а в особенности к Пушкину».

И сделал сноску: *«…Мы воспроизводим единственное известное нам письмо Н.Н. к мужу, впервые нами публикуемое. Оно говорит за себя своею бессодержательностью».*

Предвзятость исследователя очевидна. А ведь, по сути, это милое домашнее письмо. Трогательное в своей безыскусности.

Из Яропольца в тот приезд Наталией Николаевной было отправлено несколько посланий, и Пушкин в ответных письмах свидетельствовал об их получении. И потом, можно ли судить о содержании письма, зная, что это всего-навсего приписка? Наталия Николаевна была скована в своих чувствах, предполагая, что мать вновь станет ее негласным цензором. Повторялась история почти пятилетней давности — будучи невестой поэта, она вынуждена была писать жениху под диктовку матери и давать ему наставления якобы от своего имени.

И неслучайно Пушкин адресует свою просьбу уже на Полотняный Завод, куда из Яропольца переехала с детьми его Наташа:

> «Жду от тебя письма об Ярополице. Но будь осторожна… вероятно, и твои письма распечатывают: этого требует Государственная безопасность».

И в следующем своем письме повторяет просьбу:

> «Напиши мне, женка, как поживала ты в Яропольце, как ладила с матушкой и с прочими. Надеюсь, что Вы расстались дружески, не успев поссориться и приревновать друг к другу».

«Бельгийский след»

Публикация письма Наталии Николаевны, сохраненного ее внуком, и некорректный его разбор, возможно, еще раз утвердили наследников поэта во мнении — обнародовать другие письма мужу преступно перед ее памятью.

В последние годы жизни, вплоть до своей кончины в 1940 году, Григорий Александрович Пушкин работал научным сотрудником в Рукописном отделе «Аенинки». Прекрасно зная почерк своего великого деда, он легко разбирал пушкинские черновые рукописи, рабочие тетради.

Судя по всему, Григорию Александровичу известно было о судьбе пропавших писем его бабушки, хранившихся именно в том Рукописном отделе. Ведь рядом с ним работали старые музейщики, библиотекари — те, кто не понаслышке знал о письмах жены поэта, а, быть может, держал эти драгоценные листки в руках, делал выписки из них. Но воспоминаний внук поэта не оставил — по натуре был он человеком склонным к уединению, скромным, неразговорчивым, да и время то не располагало к особым откровениям. Рассказывал ли Григорий Александрович о своих догадках сыну Григорию, делился ли ими с женой Юлией Николаевной? Неизвестно.

А вот Светлане Александровне, приемной дочери правнука поэта, выросшей в семье Григория Григорьевича Пушкина и хорошо знавшей его матушку, Юлию Николаевну, а для нее — бабу Юлю, хорошо запомнились ее рассказы.

Именно Юлия Пушкина летом 1919 года, совершив опасное по тем временам для дворянки путешествие из Лопасни, где в то время у тетушек Гончаровых она жила с детьми, в Москву, сумела в целости и сохранности доставить дневник поэта в Румянцевский музей. Чем и спасла пушкинский дневник от неминуемой гибели. Так вот Юлия Николаевна не единожды с горечью сетовала на Николая Александровича Пушкина, младшего брата ее мужа: он, покидая революционную Россию, захватил с собой в эмиграцию многие пушкинские реликвии, письма и документы. А их хранителем, по распоряжению отца, Александра Александровича Пушкина, должен был стать старший сын Григорий, ее муж.

Справедливости ради замечу: заслуги Н.А. Пушкина в зарубежном пушкиноведении неоценимы. Внук поэта перевел повести Пушкина и его биографию на французский язык, написал немало статей по истории пушкинского рода. Был избран почетным членом общества русской истории и генеалогии в Бельгии, действительным членом русского историко-

родословного общества в Нью-Йорке. Но как знать, может быть, и он, свято соблюдая отцовский завет, не желал делать достоянием общественности письма Наталии Николаевны?

Возможно (хочется верить!), письма Натали находились долгие годы в Брюсселе, где после нескольких лет скитаний обосновался Николай Александрович Пушкин. Он мог подарить их, как фамильное достояние, на свадьбу дочери Наталии Николаевне Пушкиной — полной тезке жены поэта (в 1933 году 27 августа — в день рождения своей прабабушки! — она венчалась с бароном Александром Гревеницем); или оставить сыну Александру. И не хранятся ли письма Наталии Николаевны и по сию пору в семьях ее бельгийских потомков? Надежда почти призрачная, но она есть.

Полагала, что письма жены поэта могли быть вывезены в Бельгию, и ныне покойная старейшина гончаровского рода Александра Николаевна Шведова, урожденная Гончарова, правнучатая племянница Наталии Николаевны.

И прежде выдвигались гипотезы: пропавшие послания нужно искать у зарубежных потомков поэта, и самой перспективной страной для поисков называли Англию. В то свято веровали пушкинисты П. Е. Щеголев и Н. О. Лернер.

Нет, Наталия Александровна, графиня Меренберг, прародительница английской ветви пушкинского древа, вернула брату Александру большинство принадлежавших ей писем отца. Не все, а лишь автографы шестидесяти четырех писем. Годы спустя волею прихотливой судьбы остальные письма поэта оказались у знаменитого парижского коллекционера Сержа Аифаря и лишь после его кончины за миллион долларов выкуплены советским правительством.

А не столь давно побывавшие в России прямые наследницы графини Меренберг — представительницы английской аристократии: герцогини Александра Аберкорнская и Наталия Вестминстерская, равно как и другие члены фамильного клана, и вовсе развеяли робкие надежды: никаких пушкинских рукописей в их семьях нет.

Что ж, остается уповать на слова Петра Бартенева, который столетие назад писал:

«Трудно оторваться от писем его (Пушкина) к супруге… Ответные письма если и появятся в свет, то в очень далеком будущем…»

Так и осталась загадкой судьба писем прекрасной Натали. Не разгадана она ни в девятнадцатом веке, ни в двадцатом. Все надежды — на новый, двадцать первый! И время, как ни удивительно, не отдаляет, а приближает тот незнаемый заветный

день, — ведь письма, как и рукописи, не горят.

Пушкин — невесте:

> «…А ваше письмо (если только есть письмо) гуляет теперь, не знаю где и придет ко мне, когда Богу будет угодно».

«ИСКРЕННЕ ПРЕДАННАЯ ВАМ»

Ах, душа моя, какую женку я себе завел!

Пушкин — П. А. Плетневу

Писем Наталии Гончаровой-Пушкиной-Ланской — много. И круг ее адресатов обширен: писать она любила подробно и обстоятельно, в чем сама же и признавалась. По сути, письма к брату Дмитрию Гончарову, супругу Петру Ланскому, дочерям, друзьям — это и есть ее неизвестный дневник. Хотя дневников, как утверждал старший сын Александр, она никогда не вела. Но неслучайно на толстой пачке ее писем, адресованных приятельнице Наталии Ивановне Фризенгоф в Бродзяны, рукою дочери Александры Араповой сделана пометка «Дневник Наталии Николаевны Пушкиной за 1841–1844 гг.».

Эпистолярное искусство ныне почти утрачено — а в девятнадцатом веке умели и писать, и беречь переписку как фамильное достояние. К каждому архивному документу, что хранится ныне в рукописном отделе Пушкинского Дома, — письму ли, черновому наброску, записке ли — обязательно прилагается особый лист, где оставляются записи: кто, когда и с какой целью работал над ним. Чаще всего встречаются отметки: «просмотрено», «сделаны выписки». Иногда лист почти девственен: всего одна-единственная запись полувековой давности!

Архивы схожи с античными Помпеями: свои раскопки, свои археологи-архивисты и огромный нетронутый исторический пласт! Ведь и древний город, погребенный под пеплом на целые тысячелетия, откопан всего лишь на треть! И как тут не вспомнить Пушкина, и архивные разыскания поэта, и его шутливое признание жене: «Жизнь моя пребеспутная. Дома не сижу — в Архиве не роюсь».

Профессор русской словесности

В Пушкинском Доме среди великого множества именных собраний есть так называемый «Архив Плетнева».

Петр Александрович Плетнев, один из ближайших друзей Пушкина. Поэт, литературный критик, издатель пушкинских стихотворений, повестей, поэм и романов. Вместе с Александром Сергеевичем участвовал в издании альманаха «Северные цветы», «Литературной газеты», «Современника». Именно ему, Петру Александровичу Плетневу, посвятил Пушкин любимое свое детище роман «Евгений Онегин»:

Но так и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав…

Только с «милым Петром Александровичем» и мог беседовать Пушкин самым доверительным образом. О потаенном: тревогах, надеждах, разочарованиях. О красавице невесте. Словно исповедовался приятелю.

Пушкин — П. А. Плетневу (29 сентября 1830):

«Она меня любит, но посмотри, Алеко Плетнев, как гуляет вольная луна etc. Баратынский говорит, что в женихах счастлив только дурак; а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим».

Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.
[…]
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись.
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись.

Письма из нижегородского сельца Болдина исправно доставлялись по адресу, что указывал на конвертах Александр Сергеевич: «Его Высокоблагородию Петру Александровичу Плетневу в С.-Петербург в Екатерининском Институте».

После свадьбы, делясь с другом своими «меркантильными обстоятельствами», сетуя на расстроенные хозяйственные дела

Гончаровых и невозможность получить приданое, замечает: «Не хвалюсь и не жалуюсь — ибо женка моя прелесть не по одной наружности, и не считаю пожертвованием того, что должен был я сделать».

Верно, и Петр Александрович не без удовольствия читал эти строки: ведь только и разговоров в свете, что об очаровательной внешности жены друга!

И сколько раз Пушкин поручал своей молодой жене вести его издательские дела с Плетневым. Как трогательно звучат просьбы поэта к своей Наташе:

> «Мой Ангел, одно слово: съезди к Плетневу и попроси его, чтоб он к моему приезду велел переписать из Собрания законов… все указы, относящиеся к Пугачеву»;
>
> «Твое намерение съездить к Плетневу похвально, но соберешься ли ты? съезди, женка, спасибо скажу»;
>
> «Скажи Плетневу, чтоб он написал мне об наших общих делах»;
>
> «Что Плетнев? Думает ли он о нашем общем деле?»[5]

…За несколько дней до дуэли Пушкин и Плетнев прогуливались неподалеку от Обухова моста. О той давней беседе Петр Александрович вспоминал: «У него тогда было какое-то высокорелигиозное настроение. Он говорил со мною о судьбах Промысла, выше всего ставил в человеке качество благоволения ко всем, видел это качество во мне…»

20 января 1837 года в числе гостей Плетнева в доме на Обуховском проспекте был и Пушкин, пообещав непременно посетить собрание в будущую среду. Ровно через неделю, как условились, Петр Александрович, после лекции в Университете, заехал за Пушкиным, чтобы вместе с приятелем отправиться на собрание. С домом на набережной Мойки он поравнялся в ту самую минуту, когда старый дядька Никита Козлов выносил на руках из кареты смертельно раненного поэта…

«Прощай, душа моя…» Не припомнились ли тогда Плетневу эти слова, обращенные к нему? Так прежде Пушкин всегда прощался с ним…

«Я имел счастие, в течение двадцати лет, пользоваться дружбою нашего знаменитого поэта. Не выезжавши в это время ни разу из Петербурга, я был для него всем: и родственником, и другом, и издателем, и кассиром» — так обозначил свою роль в жизни Пушкина сам Петр Александрович.

И после гибели Пушкина Плетнев по-прежнему остался

«всем», но уже для его осиротевшей семьи. Он — частый гость у вдовы поэта: один из немногих, кого принимала в те годы Наталия Николаевна и кому могла излить всю горечь своего сердца.

Профессор русской словесности, Петр Плетнев обучал сему предмету наследника престола великого князя Александра Николаевича, в будущем императора Александра И, и его сестер, великих княжон. Более двадцати лет (с 1840 по 1861-й) возглавлял Петербургский университет. К сороковым годам XIX века относятся частые упоминания Плетнева о вдове поэта в письмах к Якову Карловичу Гроту, историку литературы и одному из первых биографов Пушкина, и переписка с самой Наталией Николаевной.

П. А. Плетнев — Я. К. Гроту:

«Вечер с 7 почти до 12 я просидел у Пушкиной жены и ее сестры. Они живут на Аптекарском, но совершенно монашески. Никуда не ходят и не выезжают. Скажите баронессе Котен, что Пушкина очень интересна… В ее образе мыслей и особенно в ее жизни есть что-то трогательно возвышенное. Она не интересничает, но покоряется судьбе. Она ведет себя прекрасно, нисколько не стараясь этого выказывать». (24 августа 1840);

«Не обвиняйте Пушкину. Право, она святее и долее питает меланхолическое чувство, нежели бы сделали это многие другие». (4 февраля 1841);

«В 11 часов тряхнул я стариной — и поехал к Карамзиным, где не бывал более месяца… Там нашлось все, что есть прелестнейшего у нас: Пушкина — поэт, Смирнова, Растопчина и проч. Лермонтов был тоже. Он приехал в отпуск с Кавказа». (28 февраля 1841);

«Гораздо интереснее после был визит Натальи Николаевны Пушкиной (жены поэта) с ее сестрой. Пушкина всегда трогает меня до глубины души своею ко мне привязанностью. Конечно, она это делает по одной учтивости. Но уже и то много, что она старается меня (не имея большой нужды) уверить, как ценит дружбу мужа ко мне…» (21 марта 1841);

«В понедельник я обедал у Natalie Пушкиной с отцом и братом (Львом Сергеевичем) поэта. Все сравнительно с Александром ужасно ничтожны. Но сама Пушкина и ее дети — прелесть». (1 апреля 1842);

«…Чай пил у Пушкиной (жены поэта). Она очень мило передала мне свои идеи насчет воспитания детей. Ей хочется даже мальчиков, до университета, не отдавать в казенные заведения. Но они записаны в пажи — и у нее мало денег для

исполнения этого плана». (25 ноября 1842);

«Александра Осиповна[6] очень полюбила Пушкину, нашед в ней интересную, скромную и умную даму». (15 сентября 1843).

«Ради Христа не осудите»

И если эти строки не единожды публиковались в работах известных пушкинистов и давно уже разобраны на цитаты, то письма самой Наталии Пушкиной-Ланской к Плетневу, не привлекшие ранее внимания серьезных исследователей, кажутся сегодня счастливой находкой.

Сколь много неожиданных в них откровений! Будто вскрыли черный ящик с давным-давно потерпевшего катастрофу самолета, воссоздали по фрагментам магнитную ленту — и… зазвучали голоса из небытия.

Надпись на листке, сложенном вдвое, с намертво впечатанным в бумагу красным сургучом: «Его Превосходительству Петру Александровичу Плетневу».

Н. Н Пушкина — ПЛ. Плетневу (1844):

> «Совестно, не знаю право как и договорить просьбу свою. Но в крайнем стесненном обстоятельстве не нахожу другого способа, как обратиться к Вам. — Я Вам возвратила долг свой в полной надежде, что брат по обещанию своему к нам в течение сего месяца, и что по обещанию же также не минует уплатить должные им мне деньги. — Надежда моя обманута, прежде конца августа или начала сентября не будет он сюда, а я совершенно через то стала на мель. Одна и есть надежда, что на Вас, выручите еще раз из беды, возвратите мне… (нрзб.), обязуюсь оплатить снова к 17 сентября, но с обещанием не возобновлять подобных просьб до истечении продолжительного времени.
>
> Ради Христа не осудите, и примите искренние мои извинения. Желаю Вам счастливого пути и прощаюсь не надолго, с надеждою увидеться скоро с Вами в Ревеле[7] или Ельзингфорсе.[8]
>
> *Истинно преданная Вам Нат.<алья> Пушкина».*

На листке надпись карандашом, сделанная, вероятно, Петром Александровичем: «Послано 1050 руб.».

Годы вдовства — самые страшные в жизни Наталии Николаевны. Семь горьких лет уединенных молитв, слез, раскаяния. И борьбы с вечным безденежьем, надвигавшейся нищетой…

Н. Н Пушкина — брату Дмитрию из Михайловского (октябрь 1841):

«Я нахожусь здесь в обветшалом доме, далеко от всякой помощи, с многочисленным семейством и буквально без гроша, чтобы существовать. Дошло до того, что сегодня у нас не было ни чаю, ни свечей, и нам не на что было их купить. Чтобы скрыть мою бедность перед князем Вяземским, который приехал погостить к нам на несколько дней, я была вынуждена идти просить милостыню у дверей моей соседки, г-жи Осиповой. Ей спасибо, она по крайней мере не отказала чайку и несколько свечей».

В 1844-м Наталия Николаевна собиралась на воды в Ревель: врачи советовали морские купания для здоровья детей, особенно нуждался в них старший сын Александр — мальчик часто и подолгу болел. Но задуманная поездка не состоялась.

Нечаянно подвернув ногу, Наталия Николаевна вынуждена была остаться в Петербурге. Больную исправно навещал Петр Петрович Ланской, окружив ее заботой и вниманием. Знакомство их состоялось ранее, в начале года, когда Ланской по просьбе приятеля Ивана Николаевича Гончарова, с которым вместе лечился в Баден-Бадене, доставил письмо и посылку его сестре Наталии Пушкиной.

Тот год стал последним в ее вдовьей жизни — в июле она венчалась с генералом Ланским. Пышных торжеств не было: свадьба, о которой в Петербурге много судачили (сам Государь изъявил желание быть на ней посаженым отцом, но, как вспоминала Александра Арапова, ее мать уклонилась от царской милости, дабы не вызывать больших пересудов), прошла в Стрельне, где в то время стоял конногвардейский полк Ланского.

И после второго своего замужества Наталия Николаевна не прервала дружеских связей с Плетневым. Вот приглашение, датированное октябрем 1846-го:

«Мне весьма бы хотелось Вас видеть, любезный Петр Александрович, чтоб поговорить с вами насчет одного дела; если можете побывать у меня сегодня в час, то весьма много обяжете преданную Вам Наталью Ланскую».

Можно предположить, что дело, о котором Наталия Николаевна хотела посоветоваться с Плетневым, касалось Н. И. Тарасенко-Отрешкова. Именно весной того года Наталии Николаевне удалось отстранить от дел, касавшихся опеки над ее детьми, этого нечистого на руку человека.

Н.Н. Ааанская — П. А. Плетневу (декабрь 1847):

«Я давно к Вам собираюсь, любезный Петр Александрович, но

по случаю мостов не смею решиться переехать на вашу сторону. Могу ли надеяться, что Вы не откажетесь ко мне заехать, если вы иногда бываете в наших краях. До часу я всегда бываю дома, но если Вам это время несвободно, назначьте сами, пожалуйста, день и час. — Мы с Вами давно очень не виделись, но я думать не могу и не хочу, чтоб столь искренние связи старинной нашей дружбы могли когда-нибудь прекратиться.

С сею уверенностью обращаюсь к Вам, и прошу принять изъявление истинной моей к Вам преданности. Нат. Ланская».

И последняя ее записка, сохраненная Петром Александровичем, исполнена особого, высшего смысла.

Н.Н. Ланская — П. А. Плетневу (9 февраля 1848):

> «Наконец завтра в три часа назначено у нас свидание насчет нового издания «Сочинения Пушкина»; пожалуйста, любезный Петр Александрович, не откажите приехать; я дорожу вашими советами.
>
> Не ошибитесь завтра в Понедельник в три часа.
>
> *Искренне преданная Вам Н. Л.».*

ЛУННАЯ НОЧЬ ДЛЯ НАТАЛИ

Взошла луна над дремлющим заливом…

А.С. Пушкин

«Знаменитый наш живописец»

В будущую, еще не написанную летопись жизни Наталии Николаевны обязательно войдет и первое января 1847 года. Именно в тот новогодний день ей был преподнесен необычный подарок — Иван Айвазовский, к тому времени прославленный и маститый художник, подарил свою новую картину «Лунная ночь у взморья».

Знакомство на этом не закончится, и Наталия Николаевна еще не раз упомянет имя живописца в письмах к мужу. Летом 1849-го встречи их стали особенно частыми: Иван Константинович навещал семейство Ланских на их петербургской даче, на островах, а Наталия Николаевна, приезжая в Петербург, бывала в гостях у художника.

Однажды случился казус: слуга Айвазовского, видимо, из благих побуждений, объявил приехавшей генеральше Ланской, что его хозяин изволит обедать и принять госпожу не сможет. Наталия Николаевна просила передать свои сожаления, что не смогла повидаться с ним, и тотчас уехала. Вечером того же дня художник поспешил к ней на дачу.

«Айвазовский прибежал вечером на Острова, — пишет мужу Наталия Николаевна в июле 1849-го, — и, не застав меня дома, передал через Сашу, что он пришел извиниться за глупость своего слуги, который не захотел обо мне доложить».

На самом деле этот пустячный и даже забавный случай весьма показателен: Айвазовский в тот же день «прибежал… на Острова» — следовательно, чрезвычайно дорожил дружбой с Наталией Николаевной. Надо полагать, что и она сама по достоинству ценила внимание Айвазовского и относилась к дружбе с ним столь же трепетно. И одна из тайных побудительных причин тому, возможно и неосознанная, — чисто внешне, чертами лица, художник напоминал ей погибшего мужа.

Подтверждением тому — строки из письма князя Петра Вяземского историку Михаилу Погодину (март 1851): «Знаменитый наш живописец Айвазовский желает с Вами познакомиться. Кроме отличного таланта, имеет еще одно особенное достоинство: напоминает наружностью своею нашего А.С. Пушкина. Угостите его в Москве и за талант, и за сходство…»

Кто-кто, а уж близкий друг Пушкина Петр Вяземский ошибаться не мог.

«Пред созданьями искусств и вдохновенья»

А истоки этой необычной дружбы Наталии Николаевны с Айвазовским восходят к году 1836-му. В Петербурге событие — осенняя выставка в Академии художеств. Подобные художественные выставки открывались ежегодно в сентябре, и своим вниманием удостаивали их даже императорские особы. Приходили в академические залы высокие сановники и чиновники всех рангов, студенты и молодые художники. Толпился на выставке и любопытный разночинный люд.

Когда-то на такой же осенней выставке в Петербурге только и разговоров было что о чудесном портрете Пушкина кисти Ореста Кипренского. С тех пор минуло уже девять лет, а казалось — целая жизнь. Все изменилось в жизни поэта: он — муж и отец большого семейства, и рядом — красавица жена, его Наташа.

Наталия Николаевна в тот день, как, впрочем, и всегда, была необычайно элегантна. Ее божественный образ запечатлелся в памяти Айвазовского, тогда еще ученика Академии. Многие годы спустя, уже на склоне жизни, он отчетливо помнил и все детали ее изысканного наряда — так, будто видел жену поэта только вчера: на красавице — супруге поэта «было изящное белое платье, бархатный черный корсаж с переплетенными черными тесемками, а на голове большая палевая соломенная шляпа». На руках же — длинные белые перчатки.

Вместе с мужем она, переходя от одной картине к другой, остановилась у «Панорамы Невского проспекта», представленного во всей своей строгой красе художником Садовниковым. Именно Наталия Николаевна первой заметила в числе изображенных на картине петербуржцев и поэта! Художник представил его идущим по Невскому возле книжного магазина Беллизара, куда Пушкин действительно частенько заглядывал.

Появление поэта с женой на выставке стало тогда настоящей сенсацией. Узнав, что Пушкин в Античной галерее, ученики Академии, в их числе и девятнадцатилетний Айвазовский, бросились туда. Поэт, как вспоминал художник, «под руку с женой стоял перед картиной художника Лебедева, даровитого пейзажиста, и долго рассматривал и восхищался ею». Инспектор Академии, сопровождавший поэта, хотел было тотчас найти Лебедева, но его в зале не оказалось. И тогда взгляд инспектора упал на Ивана Айвазовского, награжденного за отличие золотой медалью, — его то он, как лучшего ученика, и представил поэту.

«Пушкин очень меня ласково встретил, — вспоминал потом Иван Константинович, — и спросил меня, где мои картины. Я

указал их. Как теперь помнится, то были «Облака с Ораниенбаумского берега моря» и другая — «Группа чухонцев»». «Марины» молодого художника из Феодосии поэту понравились.

Ничего из той давней беседы не забыл живописец: «Узнав, что я крымский уроженец, Пушкин спросил: «А из какого же вы города?» Затем он заинтересовался, давно ли я здесь, не тоскую ли я по родине и не болею ли на севере. Тогда, во время нашего разговора, я его хорошо рассмотрел… Теперь я могу пересчитать на пальцах тех лиц, которые помнят поэта: их осталось немного, а я вдобавок был им любезно принят и приглашен к нему ласковой и любезной красавицей Наталией Николаевной, которая нашла почему-то во мне тогда сходство с портретами ее славного мужа в молодости».

И еще, на всю жизнь запомнилось Айвазовскому пушкинское напутствие: «Работайте, работайте, молодой человек, — это главное». Он и работал всю свою жизнь до глубокой старости. Из написанных им шести тысяч картин лишь одна осталась незавершенной. Та, которую он писал в свой последний день…

«На память Наталии Ланской»

Встреча с Пушкиным стала поистине судьбоносной для живописца: около двадцати картин и рисунков Айвазовского запечатлели облик поэта. И самое известное полотно — «Прощание Пушкина с Черным морем» («Прощай, свободная стихия!»), написанное совместно с Ильей Репиным.

И вновь признание самого Ивана Константиновича: «Я должен сказать, что чувствовал особый прилив вдохновения, когда брался за кисть, чтобы изобразить один из моментов жизни великого поэта на морском берегу… Этот старый сюжет, казалось, овладел всем существом моим».

Сколько же работ Айвазовского, посвященных памяти поэта, ныне почти неизвестны, а некоторые и вообще утрачены: «Пушкин у скал Аю-Дага», «Пушкин в Крыму», «Пушкин на вершине Ай-Петри при восходе солнца», «Пушкин на берегу с семьей Раевских близ Гурзуфа», «Пушкин у Гурзуфских скал»… Настоящая крымская пушкиниана!

И можно предположить, что какие-то наброски к будущим полотнам (все они были написаны значительно позднее, не при жизни Наталии Николаевны; первая из них — «Пушкин на берегу Черного моря» датирована лишь 1868-м годом) могла видеть и она сама. Ведь Наталия Николаевна бывала в петербургской студии прославленного мариниста, к тому времени уже профессора Академии художеств.

И разговор меж ними мог идти о будущем издании собрания сочинений Пушкина, предпринятом П. В. Анненковым и самой Наталией Николаевной. Художник готов был принять деятельное в нем участие. Свидетельство более чем важное — письмо издателя брату, датированное маем 1852 года: «Айвазовский обещал нарисовать для сего издания несколько картин; мне предоставлен выбор сюжета, где бы находилось море».

Вероятно, живописец делился с вдовой поэта своими замыслами, советовался с ней — ведь ему было так важно знать ее суждение. И, конечно, он не мог не расспрашивать Наталию Николаевну о жизни ее великого мужа, его увлечениях, привычках, пристрастиях. Косвенным подтверждением тому — воспоминания самого Айвазовского, свято хранившего в памяти ту давнюю встречу с Пушкиным: «С тех пор и без того любимый мною поэт сделался предметом моих дум, вдохновения и длинных бесед и расспросов о нем».

И мог ли он не говорить о Пушкине с той, которую боготворил сам поэт? Да и подаренная Наталии Николаевне

картина «Лунная ночь у взморья» не есть ли свидетельство его искренней дружбы?

«На память Наталии Ланской от Айвазовского. 1-го Генваря 1847-го года. С.-Петербург» — на обороте полотна счастливо сохранилась дарственная надпись.

Это был прекрасный подарок — вид Константинополя: с темной громадой величественной «Голубой мечети» и острыми башнями минаретов, пронзавших ночную тьму, с разлившейся на морской глади лунной дорожкой и двумя смутными силуэтами — турчанки и ее спутника — на древнем акведуке. Романтический город в таинственном золотистом свечении ночного моря и неба…

Блестит луна, недвижно море спит,
Молчат сады роскошные Гассана…

Почему именно эту картину выбрал для Наталии Николаевны Айвазовский? А такие подарки, надо полагать, делались лишь самым близким и дорогим друзьям, и она входила в их круг. И не было ли здесь скрытого подтекста? Ведь некогда именно из Константинополя, из дворца турецкого султана Ахмеда III, и был доставлен в Москву по велению русского царя маленький заложник — арапчонок Ибрагим, которому в будущем суждено было стать российским генералом и прадедом великого поэта.

А может быть, художнику была ведома извечная пушкинская мечта о «чужих краях»? И он знал, что Пушкин в Одессе, во время южной ссылки бредил о далеких берегах и уже готовился тайком на корабле уплыть в Константинополь? Княгиня Вера Вяземская была вовлечена в тот план побега. И, возможно, от нее знала о тех давних романтических грезах поэта и его юная жена… Константинополь, древний Царьград, овеянный легендарной славой Олегова похода, — такой близкий и такой недосягаемый для Пушкина город.

И южная поэтическая ночь, и мерцающие в лунном свете очертания восточной сказочной столицы могли о многом напомнить душе Наталии Николаевны.

Быть может, в мысли нам приходит
Средь поэтического сна
Иная, старая весна
И в трепет сердце нам приводит
Мечтой о дальней стороне,
О чудной ночи, о луне…

Странствия лунной Марины

Судьба картины загадочна. Каким-то образом в семидесятых годах прошлого века она оказалась в Риге. О редкой находке тут же было сообщено в Феодосию, в Картинную галерею имени И. К. Айвазовского. «Лунная ночь у взморья» была приобретена крымской галереей и заняла достойное место среди других шедевров мастера. Во всяком случае, так впервые об этой картине, принадлежавшей вдове поэта, сообщили писатели И. Ободовская и М. Дементьев в своей книге «После смерти Пушкина».

Позднее мне довелось узнать более точные сведения о странствиях лунной марины. Людмила Николаевна Девятко, научная сотрудница Феодосийской картинной галереи, архивист, имела счастливую возможность изучить всю деловую переписку, связанную с историей поступления этой картины. И выяснить весьма любопытные обстоятельства. Оказалось, по воспоминаниям Н. С. Барсамова, автора известной монографии «И. К. Айвазовский», впервые о «Лунной ночи…» стало известно еще в середине прошлого века, но следы картины тогда, казалось, были навсегда потеряны. И вдруг неожиданно в июле 1967-го (в тот год отмечался стопятидесятилетний юбилей со дня рождения мариниста) в Феодосию, в картинную галерею пришло письмо из Москвы: коллекционер Егор Иванович Тобольский предлагал приобрести у него некоторые работы великого живописца, в том числе и «Лунную ночь…»

В фондах крымской галереи среди заключений искусствоведов о художественной ценности полотна и протоколов экспертной комиссии хранится и такой уникальный документ:

«Особенно важно нам приобрести картину Айвазовского, так как она является той картиной, которую Айвазовский написал для жены А.С. Пушкина и подарил ей. Дарственная надпись на оборотной стороне имеется».

Но почему же столь ценный подарок художника не был сохранен внуками и правнуками Наталии Николаевны? Логично предположить, что картина перешла по наследству к одной из ее дочерей от брака с Петром Ланским. Старшим своим детям Наталия Николаевна передала самое дорогое, связанное с именем их великого отца, — рукописи поэта, его библиотеку, пушкинские мемории. «Лунная ночь…» была подарена ей, когда она уже носила фамилию Ланская, и, вероятно, оставалась в доме и после ее кончины. Вряд ли и генерал Ланской, свято хранивший память своей незабвенной Таши, мог расстаться с этой картиной ранее

1877-го — года своей смерти…

И вновь небольшое отступление. Открылось еще одно любопытное обстоятельство: дружбе Наталии Николаевне с прославленным маринистом способствовал и ее второй супруг. Подтверждением тому — строки из письма самого Айвазовского, отправленного из Парижа в мае 1843 года и адресованного своему приятелю:

«Это письмо взялся доставить добрый Петр Петрович Ланской, который едет сегодня в Петербург. Мы часто говорили с ним про Вас, про Ваше доброе попечение обо мне и прочее. Он может рассказать подробнее про меня и картины мои…»

Еще один любопытный исторический факт: в «Сборнике биографий кавалергардов» за 1801–1826 годы приводятся сведения об Александре Петровиче Ланском:[9] детство провел он в родовом имении «под самой Феодосией», где подолгу проживал вместе со своими братьями, и даже научился татарскому языку.

Так вот откуда берет начало давняя дружба семейства Ланских с Айвазовским! Петр Петрович был добрым соседом художника, и несмотря на разницу лет, они вполне могли встречаться в Феодосии…

И доле в праздной тишине,
При отуманенной луне,
Восток ленивый почивает…

И все же, кому из сестер Ланских — Александре, Софии или Елизавете — после смерти отца досталась картина великого мастера? Рискну предположить, что не Александре, старшей из них, столь много сделавшей для восстановления светлого имени матери.

Александра Петровна уже в преклонные годы, в мае 1918-го, передала весь богатейший фамильный архив в Пушкинский Дом, в том числе и альбомы Наталии Николаевны, ее портреты, письма, фотографии, заслужив добрые слова благодарности «за этот драгоценный дар Музею имени великого Пушкина».

А живший в Гатчине старший сын Александры Петровны — Петр Арапов, в прошлом генерал-майор, командир лейб-гвардии Кирасирского полка, в 1927 году подарил Пушкинскому Дому фамильную святыню — портрет своей бабушки кисти Александра Брюллова. Самое известное изображение юной жены поэта! Прежде, по завещанию матери, им были переданы знаменитому хранилищу и пушкинские реликвии. Так что и сама Александра Арапова, и ее наследники умели и хранить, и дарить.

Конечно, трудно сейчас что-либо утверждать — ведь судьбы

детей и внуков Наталии Николаевны пришлись на годы Первой мировой, нескольких революций и последующих за ними потрясений. Горели родовые имения, рушилась вся жизнь — и до картины, пусть даже памятной и дорогой, было ли тогда? Многим из потомков Наталии Николаевны не удалось избежать обычных по тем временам репрессий, ссылок, лишений. И только чудом можно назвать то, что живописный шедевр Айвазовского, навеки запечатлевший иной, ушедший поэтический мир, уцелел в водовороте тех страшных разрушительных дней (в революционном ли Петрограде, в блокадном ли Ленинграде, в послевоенной ли Москве?) — не разнесен шальным снарядом, не пошел на растопку в «буржуйку», не выброшен за ненадобностью нерадивыми потомками.

Лунный свет, оживленный чудотворной кистью Айвазовского, словно свет давно погасшей звезды пробился сквозь все времена и преграды.

Что же, у картин, как и книг, своя судьба. Для «Лунной ночи…», соединившей имена избранницы поэта и одного из самых страстных его почитателей, она оказалась счастливой.

Некогда известный пушкинист Павел Щеголев безапелляционно заявлял: «Ни из писем Пушкина, ни из каких-либо других источников мы ничего не узнаем об интересах Натальи Николаевны к живописи, к музыке». И выносил свой неправый приговор: «Всем этим интересам неоткуда было возникнуть». И не удивительно ли, что уже в новом, двадцать первом веке, в спор с ним вступил великий Айвазовский?

ПРОГУЛКИ ПО РОДОСЛОВНЫМ АЛЛЕЯМ

Счастлив, кто избран своенравно
Твоей тоскливою мечтой…

А.С. Пушкин

Венчание в Лопасне

Давным-давно среди множества фотографий из отцовского архива, что достался мне по наследству, одна из них неизменно занимала меня. На добротной старинной карточке была запечатлена некая седовласая дама, словно на троне восседавшая в высоком резном кресле, в задумчивости раскладывая пасьянс на ломберном столике.

На обороте — размашистая подпись: «Екатерина Ланская». Так и хранилась у меня фотография в папке с пометкой «Ланские». И всякий раз, случайно наталкиваясь на нее, пыталась разгадать — кто она, эта дама, и что за судьбу предсказали ей карты? Единственное, что не вызывало сомнений — родственные связи с Петром Петровичем Ланским.

И вот (в который раз!), словно нарочно выпав из папки, старая карточка вновь попалась мне на глаза. Повертела ее в руках, пригляделась… По краю шла сделанная рукой отца едва заметная карандашная надпись: «Екатерина Гончарова, дочь Марии Ланской».

И как я не разглядела этой подписи прежде? Ведь это же жена Ивана Гончарова, брата Натали, Екатерина Васильчикова! А Мария Петровна Ланская, ее мать — родная сестра Петра Петровича, в замужестве Васильчикова. Неужели это и есть та самая Катрин, к которой обращено послание Наталии Николаевны? Свадебное поздравление племяннице, впервые приведенное в книге Ободовской и Дементьева «Наталья Николаевна Пушкина». А уж сколько раз строки из него цитировались всеми, кого волновала судьба вдовы поэта!

«Дорогая Катрин… Нужны ли вам были заверения моего деверя Павла, чтобы поверить в мою любовь к вам. Она давно уже вам принадлежала, мне достаточно было узнать вас, чтобы вас оценить, и я могу только поздравить брата с таким выбором».

Письмо это — без подписи и обратного адреса — авторы книги нашли совершенно случайно в начале 1980-х, в обширном гончаровском архиве, где оно затерялось среди переписки Васильчиковых. И можно представить себе радость первооткрывателей, когда, вчитавшись, они услышали голос… самой Наталии Николаевны. Ведь она так долго молчала!

И непонятные прежде строки наполнились былой жизнью, отзвуками угасших страстей и надежд: «Кажется, у брата и сестры общая судьба: укрыться в одном пристанище после беспокойной жизни и найти в одной и той же семье спокойствие и счастье».

«Беспокойная жизнь» Натали вместила в долгие семь лет

вдовства, отмеченные двумя временными вехами: скорбным днем кончины Александра Пушкина, известным всей России, и днем свадьбы с генералом Петром Ланским, скромным семейным торжеством.

У брата судьба сложилась иначе. Первый брак Ивана Гончарова на княжне Марии Мещерской счастливым назвать трудно. При внешнем благополучии семейная жизнь приносила ему одни горечи и разочарования.

Не заладившаяся жизнь брата доставила Наталии Николаевне в свое время немало волнений.

«Бедный мальчик, — пишет она Ланскому летом 1856-го, — у него столько забот и страданий. Он и его жена — оба превосходные люди… но, увы, Ване надо было бы другую жену, а ей другого мужа. Это две половинки яблока, которые не подходят друг другу».

И рождение четверых детей в семье не стали препятствием для постоянных супружеских ссор и размолвок. Болезнь и ранняя смерть урожденной княжны Мещерской разом разрешила все давние споры…

Всего через год после кончины жены пятидесятилетний Иван Гончаров вновь готов стать супругом!

«Да благословит вас Бог за счастье, что вы ему даруете», — напутствует Наталия Николаевна невесту брата. Надо полагать, что и Катенька Васильчикова была вполне счастлива — кончались печальные дни ее затянувшегося девичества. Как-никак, а ей минуло тридцать два! Возраст для невесты более чем критический. Она выходила замуж за вдовца: став женой Ивана Гончарова, ей предстояло тотчас стать матерью и его осиротевшим детям. Наталия Николаевна уверена: дети «примут вас с радостью» — Катрин прекрасно исполнит свой долг:

«Выходя за него замуж, вы берете на себя миссию достойную вас — вернуть спокойствие и исцелить сердце, которое так много страдало; с вашей добротой, открытым характером, вашим умом и тактом вы легко преуспеете в этом, — продолжает свое послание Наталия Николаевна. — …А теперь скажите мне, когда и где будет свадьба. Муж и я рассчитываем быть непременно».

В июне 1860 года в церкви Зачатия Святой Анны, что в селе Лопасня Серпуховского уезда Московской губернии, шла торжественная венчальная служба: гремел хор, и священник, соединив руки новобрачных, трижды обводил их вокруг аналоя. Невестой была Екатерина Васильчикова, и церковь, где она венчалась, считалась фамильной. По преданию, в этом старинном храме царские венцы держали некогда над головами самого Ивана Грозного и его избранницы красавицы боярышни Анны

Васильчиковой. Невеста происходила из того же древнего рода, что и русская царица.

Жених, Иван Николаевич Гончаров, по отцовской линии принадлежал не к столь родовитому русскому дворянству: его прапрадед Афанасий Абрамович Гончаров получил потомственное дворянство лишь в середине XVIII века.

Свадьбу отпраздновали в семейном кругу в старинном родовом особняке, возведенном в стиле барокко во второй половине XVIII столетия. Его былому владельцу генерал-майору Николаю Ивановичу Васильчикову, прославившемуся в жарких баталиях 1812 года, не суждено было дожить до счастливого дня — свадьбы дочери. Но на семейное торжество в Лопасню-Зачатьевское собрались представители всех семейств, породнившихся меж собой: Гончаровых, Васильчиковых, Пушкиных, Ланских. Приехала на свадьбу брата и Наталия Николаевна с супругом.

…Пушкин никогда не бывал в Лопасне-Зачатьевском, но именно эта старинная усадьба, а не Михайловское или Тригорское, не Берново либо Малинники могла быть бы самой любимой поэтом. При одном, заведомо невыполнимом, условии: доведись Александру Сергеевичу знать, что эта подмосковная вотчина станет родовым гнездом для его внуков и правнуков.

Двойное название имения мистическим образом отразилось и в двойственной природе усадебного парка. Один — привычный, некогда регулярный, старый заросший парк, второй — невидимый глазу… Но вопреки своей метафизической сущности столь же реальный, и аллеи в нем именные, родословные: Васильчиковых, Ланских, Пушкиных, Гончаровых. Кроны фамильных древ сомкнулись, раскидистые ветви причудливо переплелись…

Первое родственное сближение: июль 1844-го. Именно тогда для Наталии Пушкиной закончился счет долгим и печальным годам ее вдовства — она венчалась с генерал-майором Петром Петровичем Ланским. А родная сестра супруга, Мария Петровна Ланская, была замужем за Николаем Ивановичем Васильчиковым, владельцем лопасненской усадьбы.

Вторая семейная связь: январь 1858-го. Старший сын поэта, поручик лейб-гвардии Конного полка Александр Пушкин женился на Софье Ланской, племяннице отчима.

И вот еще одно, третье, соединение славных фамилий: свадьба Ивана Гончарова и Катеньки Васильчиковой.

Прощальный привет

Через год, в мае 1861-го, в семействе Гончаровых родится первенец Николай (его крестным станет Александр Пушкин, старший сын поэта), а Наталия Николаевна по настоятельной рекомендации врачей уедет лечиться за границу.

Она вернется в Россию лишь в мае 1863-го. Пролетит лето, и осенью, в начале октября, появится на свет ее внук Александр — Наталия Николаевна, несмотря на протесты родных, опасавшихся за ее здоровье, отправится в Москву на его крестины. И по приезде домой в Петербург сляжет в постель с сильнейшим воспалением легких.

Незадолго до кончины она отправит письмо брату Ивану:

> *«Дорогой и добрейший Ваня. Если я не написала тебе до сих пор, то это не значит, что я не хлопотала по твоему поручению… Но прими во внимание вот еще что: соболь в Москве дешевле… я могла бы прислать выкройку, и вы заказали бы там…*
>
> *Пишу тебе лежа в постели. Со времени моего возвращения из Москвы я очень плохо себя чувствовала и только два дня как мне немного лучше.*
>
> *Прощай, дорогой добрейший брат, тысячу поцелуев самых нежных моим двум дорогим невесткам и детям. Н.А.».*

Мне довелось держать в руках этот небольшой листок в клеточку — последнее ее послание, ныне хранящееся в Российском Государственном архиве древних актов. Видно, что писать Наталии Николаевне было трудно: перо не слушается ее, строки неровны.

Она так и не смогла исполнить просьбу брата: заказать в Петербурге соболью шубку для молодой его супруги. Но взяла на себя все хлопоты с радостью — так хотелось ей доставить удовольствие милой Катрин. Ей передан и последний прощальный привет…

Не прошло и месяца, как в конце ноября до Яропольца, где жил со своим семейством Иван Гончаров, донеслась горькая весть: на пятьдесят втором году в Петербурге скончалась Наталия Николаевна Ланская. И Екатерина Гончарова тотчас извещает о том мужа, находившегося в Москве по делам службы:

> «Жан, друг мой, сейчас получила печальную

телеграмму из Петербурга. Для тебя это большое горе. Мне страшно подумать о бедном дяде, и Александр тоже горячо любил свою мать…»

Екатерина Николаевна ждала тогда третьего ребенка, и когда родилась девочка, то ее нарекли Наталией. Словно взамен ушедшей — на свет явилась еще одна Наталия Гончарова!

Катрин печалит душевное состояние дядюшки Петра Петровича — долгие годы она будет вести с ним родственную переписку, душевно поддерживать его. До конца дней он так и не смог смириться со своей великой потерей и каждый прошедший провожал словами: «Одним днем еще ближе к моей драгоценной Наташе!»

В мае 1877-го счет дням старого генерала Ланского прервался… По духовному завещанию его похоронили вместе с супругой на старом Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге. Еще при жизни Петр Ланской отказался от дарованной ему императором привилегии — быть погребенным в полковом Благовещенском соборе, взорванном при советской власти…

Для семейства Пушкиных-Ланских-Гончаровых тот год выдался особо тяжелым. В октябре случилась еще одна горестная утрата: прямо в зале суда, так и не сумев доказать свою невиновность, застрелился муж Марии Александровны, дочери поэта, генерал-майор Леонид Гартунг. Спустя время обвинения его в казнокрадстве признали ложными…

Родные — дядюшка Иван и тетушка Катрин — приглашали Марию к себе, в имение Ярополец, но она предпочла «угол в Лопасне» и уехала жить к Васильчиковым. Там Мария Александровна чувствовала себя нужной: на попечение ее и тетушки Анны, сестры Катрин, брат Александр оставил своих девятерых (!) осиротевших детей. (Его супруга Софья Александровна безвременно скончалась двумя годами ранее.) А сам — началась русско-турецкая война — во главе Нарвского гусарского полка выступил в поход на Балканы защищать от турок братьев-славян.

Старинная лопасненская усадьба стала настоящим пушкинским гнездом. Свидетелем жизни многих поколений суждено будет стать Анно-Зачатьевской церкви — в ней будут венчать, крестить, причащать, отпевать детей, внуков и правнуков Александра Сергеевича.

Три сестры

В тот военный год, когда Россия встала на защиту Болгарии, три сестры Гончаровы, племянницы Натали, жили еще вместе с родителями в Яропольце: ведь старшей из них, Екатерине, исполнилось пятнадцать, средней, Наташе, тринадцать, младшей, Надежде, минуло десять.

Пройдет время — и к сестрам перейдет наследственное дедовское владение в Лопасне, и вскоре старинную васильчиковскую усадьбу будут уже называть гончаровской.

Поблизости от Лопасни, всего в десяти верстах от нее, в селе Мелихове обосновался Антон Павлович Чехов. Удивительное соседство! Не мог, конечно же, писатель не слышать об известном во всей округе семействе Гончаровых-Пушкиных. И, как знать, не послужили ли сестры Гончаровы прототипами славных чеховских героинь? Хотя бы отчасти…

Такая и вовсе не гипотетическая возможность есть. Ведь в калужском имении Гончаровых Полотняном Заводе жила некогда будущая избранница писателя, где ее отец служил управляющим. И где стараниями владельца усадьбы Дмитрия Дмитриевича-младшего был создан любительский театр. Вот на его подмостках и дебютировала очаровательная барышня Оленька, влюбленная в своего партнера по сцене — талантливого и весьма состоятельного Дмитрия Гончарова. И в глубине сердца начинающая актриса лелеяла надежду стать его супругой.

Но судьба уготовила Ольге Книппер иного мужа, и куда более знаменитого. Рассказывала ли она Антону Павловичу о своем близком знакомстве с Гончаровыми, поддерживала ли в дальнейшем дружеские отношения с ними, в том числе и с тремя сестрами, мирно обитавшими в лопасненском доме? Да и сама усадьба в пьесе «Три сестры», окруженная старым парком, на берегу тихой живописной речки, чем-то напоминает лопасненскую. Хотя, бесспорно, таких дворянских гнезд было по России немало…

Так уж случилось, что судьбы реальных сестер Гончаровых и литературных героинь совпали во времени. Жизнь сама допишет последний акт гениальной чеховской пьесы…

«Пушкинский дом»

Мирная жизнь для Лопасни, как и для всей России, закончится в июле 1914-го, с началом Первой мировой. Разбросает судьба по белу свету внуков поэта, для которых старый лопасненский дом так и остался отчим.

Уйдет со своим Двинским пехотным полком на германо-австрийский фронт полковник Григорий Пушкин. История почти повторится: сердобольные тетушки Гончаровы, дочери «славной Катрин», примут близко к сердцу судьбу пушкинского семейства. И пригласят к себе в Лопасню жену Григория Юлию с пятью сыновьями. И вновь, в который уже раз, старый господский дом станет спасительным пристанищем для потомков поэта. Сестры Гончаровы будут учить грамоте, иностранным языкам младшее поколение Пушкиных: Сергея и Григория, правнуков поэта.

Старый дом, как и подобает историческому особняку, — хранитель многих фамильных тайн. И уже раскрытых, и оставленных про запас, для новых поколений. Каких только загадочных историй не случалось в его стенах! В сводчатом подвале нашлась пушкинская рукопись «История Петра», а на чердаке — шкатулка с собственноручными записями поэта. Здесь, в доме, хранились книги из личной библиотеки Александра Сергеевича.

Почти забыто: задолго до появления академического «собрата» в Петербурге лопасненский особняк стал настоящим «Пушкинским Домом». А значит — и первым в России! Ведь в нем хранились все рукописи и библиотека поэта. В свое время вдова поэта Наталия Николаевна завещала их старшему сыну Александру. Спустя годы Александр Александрович перевез весь фамильный архив и библиотеку отца в Лопасню-Зачатьевское. Именно оттуда рукописи были доставлены в Москву и, благодаря воле его наследника, в 1880 году поступили в Румянцевский музей, «на вечное хранение». Позднее пушкинскую библиотеку Александр Александрович-младший, внук поэта, перевез в свое подмосковное имение Малое Ивановское. А вот один сундук затерялся… Вместе с историческими заметками о Петре I, составившими позже целый том в пушкинском собрании сочинений.

И еще одна история обретения бесценной рукописи — дневника Александра Сергеевича — связана с лопасненской усадьбой! Летом 1919-го дневник поэта был доставлен в Рукописный отдел Румянцевского музея и «совершил» весьма рискованное по тем временам путешествие — из Лопасни в

Москву.

Революция не обошла стороной и тихую Лопасню. Господский дом стал неким яблоком раздора для местных властей. С одной стороны, Московский губернский совет принял решение о выселении сестер Гончаровых из собственного имения; с другой — президиум коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения в октябре 1918-го постановил: «сделать исключение для помещиков, живущих в означенном музее как для внуков Пушкина». Так в государственном документе были именованы племянницы поэта.

В особняке выделили три комнаты «с мебелью и художественными предметами» под музей, а Наталия Ивановна стала его хранительницей. Но век нового музея был недолог: охранная грамота не спасла его от печальной участи.

Вскоре в гончаровский дом по-хозяйски войдет секретарь волостного исполкома — вместе с понятыми описывать помещичье добро. Наталия Ивановна лишь тихо попросит его выделить для себя и сестер одну комнату, но и в такой малости ей будет отказано.

Сестры, мечтавшие, как и чеховские героини, о добре и справедливости, достойно и мужественно примут неправедное решение новой власти. Возьмут с собой лишь памятные вещицы и уедут в Москву…

«В Москву! В Москву!» — стремились некогда чеховские героини. В Москву, не в мечтах, а наяву занесет революционный вихрь и трех сестер Гончаровых. И следы их надолго затеряются…

«Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было…»

Но жизнь в разоренном лопасненском гнезде продолжится: в стенах старого дома разместится школа, найдется место и для семьи внука Пушкина Григория Александровича.

О прошлом будут напоминать только старый парк, Анно-Зачатьевская церковь да родовой погост при ней. Пушкинский некрополь — застывшее в мраморных надгробиях родословие поэта: его сын боевой генерал Александр Пушкин, внуки, правнуки…

…Летом 1993-го мне посчастливилось вместе с Григорием Григорьевичем Пушкиным, правнуком поэта, побывать в лопасненской усадьбе, слушать его удивительные рассказы о сестрах Гончаровых, ее добрых владелицах, о своем детстве, судьбе отца, об удивительных историях, приключившихся в стенах отчего дома. И о том, что здесь, в Лопасне, бывала красавица Наталия Николаевна, его прабабушка, и прогуливалась

по тем же старым аллеям, памятным ему еще с детских пор. Уже намечались благие перемены: особняк освободили ото всех временных жильцов, и началась его реставрация.

Судьба будет милостива к последнему правнуку поэта — так и не доведется ему узнать о пожаре, оставившем страшное пепелище на месте родного дома. Григорий Пушкин умер осенью 1997-го, а вскоре, по какому-то роковому стечению обстоятельств, сгорела родовая усадьба. Словно вознеслась к небесам, к душам тех, кто был в ней прежде так счастлив и так страдал…

Традиции и реликвии

Вопреки всем несчастьям старинный особняк вновь восстановлен! И наконец-то обрел почетный музейный статус. Что ж, родовая усадьба Васильчиковых-Гончаровых-Пушкиных выстрадала это право.

Музей (он стал филиалом Государственного литературномемориального музея-заповедника А. П. Чехова в Мелихово) открылся в день рождения поэта — 6 июня 2006 года — и ныне живет своей особой жизнью. Сложились традиции: в усадьбе радушно принимают гостей — далеких праправнуков Александра Сергеевича, приезжающих сюда из Бельгии, Германии, Франции, России; отмечают памятные пушкинские даты; дни рождения детей поэта. Но с особым торжеством празднуют здесь в сентябре именины Наталии Николаевны.

…В парадной зале, будто наперекор всему, что случилось в мире за последние столетия, кружатся в старинном вальсе пары. Причудливые фигуры контрданса и изысканную графику котильона сменяют элегантные па полонеза. А бравурная, полная жизни мазурка довершает яркими мазками картину усадебного бала в ее сиюминутной и неувядаемой красе.

Со стен, с портретов внимают гостям, одетым по последней моде… позапрошлого века, былые владельцы.

Бал в русской усадьбе — точное попадание в хронологическую мишень. Он так же целителен для старых стен, как нашатырь для впавшего в беспамятство больного.

Бал в усадьбе — символ возрождения и залог ее будущей полнокровной жизни. Историческая реконструкция былых торжеств столь же необходима, как и реставрация в ее привычном значении. Удивительное это содружество, точнее сотворчество, музея и исторического общества «Бал в русской усадьбе»…

Одна из комнат музейного особняка — та, где Наталия Николаевна обычно останавливалась, приезжая погостить к милым Васильчиковым, — посвящена ее памяти. С портретом красавицы Натали кисти И. К. Макарова соседствует картина Айвазовского, подаренная вдове поэта великим маринистом. (Сразу оговорюсь: оба полотна всего лишь прекрасные копии, а «Лунная ночь…» заказана в феодосийской картинной галерее специально для усадьбы Лопасня-Зачатьевское).

…Стены возрожденного дома словно магнитом притягивают семейные реликвии: старинные иконы (одну из них — редкий образ Божьей Матери Всепетой подарила праправнучка поэта Ю. Г. Пушкина, другую — образ Николая Чудотворца чудесным

образом обнаружили во время строительных работ на колокольне Анно-Зачатьевского храма); серебряный крест, принадлежавший внучке поэта Анне Александровне Пушкиной, столик красного дерева «на лирах», сохраненный правнучкой поэта Н. С. Мезенцовой и переданный в дар музею ее внуком Ю. В. Герингом; подлинные вещи Марии Александровны Гартунг: бисерный воротничок, шкатулки для украшений, лорнет, веер, по преданию подаренный ей матерью.

Недавно директор музея-усадьбы Галина Николаевна Тимошкова получила в подарок из Франции книгу монахини Таисии «Светлые тени», ещё до революционных потрясений жившей на правах воспитанницы в лопасненском доме, а вместе с ней — бесценные сведения о сестрах Гончаровых!

По некоему стечению обстоятельств во Франции оказались и неизвестные прежде фотографии трех сестер. Их подарил мне потомок поэта Николай Васильевич Солдатенков, протоиерей Русской Зарубежной церкви, живущий ныне в маленьком бургундском городке Семюр-ан-Оксуа, близ Дижона.

История, как старые снимки оказались в его семейном архиве, напоминает приключенческий роман. А начинался он опять-таки со свадьбы в усадьбе Лопасня-Зачатьевское! В августе 1881-го в фамильном храме Мария Пушкина, внучка поэта, венчалась с Николаем Быковым, родным племянником Гоголя. Позже молодые супруги обосновались в Полтаве.

Их дочь Елизавета, бабушка Николая Васильевича, покинув революционную Россию, захватила с собой в изгнание дорогие ее сердцу семейные фотографии.

…Три сестры вернулись из «эмиграции». Вернулись из долгих-долгих странствий: Лопасня — Полтава — Париж — Семюр-ан-Оксуа — Москва. Таким необычным стал путь сестер в Москву, о которой они так мечтали.

«КАК ДВЕ КАПЛИ ВОДЫ»

Подобно девам Рафаэля…

А.С. Пушкин

«На образ нежный»

Так уж случилось, что в Шотландии, где никогда не доводилось бывать Натали Гончаровой, хранится память о ней. И не только потому, что в этой древней и самобытной стране живут ее далекие наследницы.

Девочкой будущая жена поэта учила английский язык, и позже, в зрелые годы, удивлялась, что не забыла язык и смогла без ошибок написать письмо бывшей своей гувернантке-англичанке… Ныне имя самой Наталии Николаевны с благоговением произносится в семьях ее английских и шотландских потомков.

Есть в стране Байрона и Вальтера Скотта реликвия, принадлежащая к числу национальных и самым тесным образом связанная с прекрасной Натали. Это одна из жемчужин Национальной картинной галереи в Эдинбурге — «Бриджуотерская мадонна», творение великого Рафаэля.

Старинной копией этой картины в июле далекого 1830 года любовался Пушкин. Копия (но об этом он не знал — ведь картина приписывалась кисти самого Рафаэля!) была выставлена для продажи в Петербурге на Невском проспекте, в витрине книжного магазина, принадлежавшего И. В. Сленину, знакомцу поэта. Поэт не мог оторвать глаз от чудесного образа мадонны: в ее лике виделись ему небесные черты невесты.

«Я мало бываю в свете. Вас ждут там с нетерпением, — пишет он Натали Гончаровой в Москву. — Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40 000 рублей».

И далее в том же письме — неожиданное предложение поэта-жениха: коль на покупку так полюбившейся картины недостает средств, «Афанасию Николаевичу следовало бы выменять на нее негодную Бабушку». Бронзовая императрица, статуя Екатерины II, назначенная Натали в приданое, в обмен на «Рафаэлеву мадонну» — чем не гениальное решение?

Как же хотелось поэту «украсить… свою обитель» именно этой картиной!

«Сия славная картина»

Пушкинский «прожект» так и не был исполнен. Прекрасная копия обрела иного владельца и была увезена в Германию (на родину «медной бабушки») во Франкфурт-на-Майне, где и хранилась в Штеделевском институте искусств с 1833 года. В конце девятнадцатого века она таинственным образом исчезла, и следы ее затерялись. Полагают, что меценат Штедель, «немецкий Третьяков», завещавший свою богатейшую коллекцию городу, дал разрешение Совету директоров на продажу копий известных полотен. Именно на той копии «Мадонны», в отличие от оригинала, был пейзажный фон — «под пальмою Сиона».

Но вернемся к самому подлиннику. Пушкину не суждено было воочию видеть шедевр «Рафаэля Санцио из Урбино». История этой картины удивительна…

«Мадонна с младенцем» (так первоначально именовалась она) написана была великим итальянцем в пору расцвета его гения в 1504–1507 годах, в так называемый «флорентийский период». Затем меняя в веках своих владельцев, оказываясь то во Франции, то в Англии, картина попадает, наконец, в собрание к герцогу Бриджуотеру (Bridgewater) — отсюда и ее странное, непривычное русскому уху название.

Вот любопытное сообщение, напечатанное в газете «Русский инвалид» за 1830 год, где сообщалось о продаже картины в Петербурге: «Сия славная картина из кабинета г. де Синьелей перешла в кабинет г. Монтарзиса; от него досталась г. Ронде, у которого купил ее герцог Орлеанский, регент Французского королевства во времена малолетства Людовика XV. Она была похищена во время революции из галереи герцога Орлеанского. Она имеет 2 фута 4 дюйма длины и 1 фут 6 дюймов ширины; с нее есть два эстампа. На одном надпись: «Святая дева и младенец Иисус из галереи герцога Орлеанского. Римская школа, VI картина Рафаэля Санцио из Урбино»».

Картина в числе шести изображений святого семейства хранилась в Пале-Рояле — парижском дворце герцога Орлеанского. Именно во Франции у неизвестного владельца (вспомним, что картина была украдена из дворцовой галереи) ее купил другой герцог — Бриджуотер. Он мог приобрести ее не позднее 1829 года, потому что именно в этом году семидесятилетний английский аристократ скончался. По той же причине сама картина никоим образом не могла оказаться летом 1830-го в Петербурге, в книжном магазине на Невском проспекте.

После кончины английского герцога все богатейшее собрание

живописи, в том числе и «Бриджуотерская мадонна», перешло к его наследнику Стаффорду, затем — к Эдертону. Долгие годы картина хранилась в лондонской галерее — фамильном «Доме Бриджуотеров», но во время Второй мировой, когда немцы нещадно бомбили Лондон, картину вместе с другими шедеврами (полотнами Тициана, Рембрандта, Пуссена) вывезли в более безопасное место, в Эдинбург. Для Англии существовала и еще одна реальная угроза лишиться замечательных творений старых мастеров. Тогда созданные по приказу Адольфа Гитлера специальные отряды экспертов Рейха буквально охотились за живописными шедеврами. По всей Европе рыскали они в поисках объявленных «важными для империи» экспонатов, которые должны были бы постоянно пополнять личное собрание фюрера, огромный музей на его родине, в австрийском городке Линце. Так что предосторожность англичан была не лишней. Да и шотландский характер был знаком им не понаслышке — кто-кто, а шотландцы со своими сокровищами просто так не расстались бы.

Даже в военные годы Национальная галерея в Эдинбурге не закрывалась. Напротив, она словно переживала свое возрождение: сотни посетителей в благоговейной тишине созерцали ее сокровища. И многие из них чуть ли не каждодневно подходили к «Бриджуотерской мадонне», притягивавшей к себе неведомой силой…

Знаменитому полотну Рафаэля Санти исполнилось уже пятьсот лет. Сколько раз за минувшие века великое творение Рафаэля было буквально на волоске от гибели! Сколько раз картина становилась невольной заложницей политических страстей, бушевавших в Европе, и последующих за ними губительных революций, переворотов, войн, мятежей! И все же после стольких опасных приключений, выпавших на ее долю, она обрела надежное пристанище — в Национальной галерее Шотландии.

«Желал быть вечно зритель»

Кто из пушкинистов не мечтал бы увидеть «Бриджуотерскую мадонну»! Ведь в ней, помимо зримого образа, запечатленного гениальной кистью, будто заключен еще и некий мистический «треугольник»: Рафаэль Санти, Александр Пушкин, Натали Гончарова.

Пушкин часами простаивал у копии. (Сам-то он, как и другие петербуржцы, был уверен, что это подлинник — ведь картина продавалась по баснословной цене — сорок тысяч рублей!) Но какой восторг должен был бы испытать поэт, доведись ему увидеть сам оригинал! Гении — родня друг другу. И встреча их, пусть и виртуальная, через столетия, не проходит бесследно для человечества.

Уже давно и самым убедительным образом доказано, что именно «Бриджуотерская мадонна» Рафаэля вдохновила Пушкина на создание его поэтического шедевра — сонета «Мадонна», гимна великой и светлой любви. Один шедевр, живописный, пробудил к жизни другой, поэтический.

И как точно он соотнесся с будущей судьбой пушкинской Мадонны. Мы не знаем и никогда не узнаем, как казнила себя Наталия Николаевна, как возвращалась памятью к мужу, как хотелось ей изменить такое недавнее прошлое. Сделать бы другой шаг, иной жест, сказать одно лишь слово — и все могло бы быть по-другому. Не случилось… «Что делает жена? — спросил умирающий Пушкин. — Она, бедная, безвинно терпит! В свете ее заедят». Его слова, к несчастью, оказались пророческими…

Екатерина Карамзина:

«Бедный, бедный Пушкин, жертва легкомыслия, неосторожности, опрометчивого поведения своей молодой красавицы жены, которая, сама того не подозревая, поставила на карту его жизнь против нескольких часов кокетства».

Софья Карамзина:

«Бедный, бедный Пушкин! Она его никогда не понимала. Потеряв его по своей вине, она ужасно страдала несколько дней, но сейчас горячка прошла, остается только слабость и угнетенное состояние, и то пройдет очень скоро».

Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля…

Того, кто единственный мог ее защитить, уже не было на белом свете…

Судьба Мадонны

В свете шутили, поговаривали, что Пушкин женится, чтобы завести дома собственную мадонну. И сам он в порыве восторга писал о своей красавице жене и добавлял: «Женка моя прелесть не по одной наружности». Пушкин смеялся, ласково называл свою Ташу «косой Мадонной» за легкую, чуть заметную косинку ее прекрасных светло-карих глаз. А своей приятельнице, влюбленной в него экзальтированной и добрейшей Елизавете Хитрово, накануне своей свадьбы написал и вовсе удивительные строки: «Я женюсь на рыжей и косой Мадонне». Надо же было хоть чем-то сгладить душевную боль стареющей обожательницы.

Да и друзья Пушкина в шутку называли его юную очаровательную жену «мадонистою». Василий Жуковский, приглашая поэта на свои именины, пишет: «Прошу и тебя с твоею грациозною, стройносозданною, богинеобразною мадонистою супругою пожаловать ко мне…»

Николай Смирнов делает памятную запись:

«Прекрасный профиль, стройный стан, величавая поступь Пушкиной, жены поэта, ставит ее, конечно, наряду первых красавиц, ее муж справедливо называл ее своей Мадонной, у нее лицо Рафаэлевских мадонн, и что еще лучше, она любезна и этим выигрывает против всех соперниц красоты».

Вот и сестра поэта Ольга Павлищева, впервые увидев Натали, сообщает мужу: «Она из таких красавиц, каких встретить редко не только в России, но и в Европе, и Александр совершенно прав, называя ее Мадонной». И добавляет: «А главное, она предоброе дитя…»

Софья Карамзина, иронизируя по поводу внезапно вспыхнувшей страсти Дантеса к старшей сестре Натали Екатерине Гончаровой, язвительно замечает:

«Ибо кто смотрит на посредственную живопись, если рядом — Мадонна Рафаэля? А вот нашелся охотник до этой живописи…»

Не только Пушкин нашел столь точный образ для своей любимой. Графиня Долли Фикельмон, прозванная в свете Сивиллой за редкий дар прорицания, имела обыкновение все чувства и впечатления поверять своему дневнику. Жена поэта поразила воображение светской красавицы графини:

«Невозможно быть прекраснее, ни иметь более поэтическую внешность… Это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая — лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, — глаза

зеленовато-карие, светлые и прозрачные…»;

«Это — образ, перед которым можно оставаться часами, как пред совершеннейшим созданием Творца»;

«Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике — эта женщина не будет счастлива, я в этом уверена! Она носит на челе печать страдания. Сейчас ей все улыбается, она совершенно счастлива, и жизнь открывается перед ней блестящая и радостная, а между тем голова ее склоняется, и весь ее облик как будто говорит: «Я страдаю». Но и какую же трудную предстоит ей нести судьбу — быть женою поэта, и такого поэта, как Пушкин!»

Да, ей предстояла горькая, но и великая судьба, судьба Мадонны. И это заветное слово было произнесено, став названием чудесного пушкинского сонета.

«Суровый Дант не презирал сонета»

Сонет — в пушкинском творчестве явление редкое. Из-под пера поэта вышли всего лишь три, и все в 1830 году. Но только одному суждена будет громкая слава: сонет, первоначально именованный Пушкиным «Картина», а лишь затем — «Мадонна», под стать величайшим творениям ушедших эпох.

Есть непостижимые совпадения, некие временные параллели в судьбах гениев. Известно, что Рафаэль не чужд был поэтического вдохновения и сам писал сонеты. Пушкин поистине боготворил Рафаэля, подтверждением чего — его стихи, где столько раз упоминается имя гениального живописца. Александр Пушкин мог позволить себе обратиться к нему, как к равному и живому:

> И ты, Харитою венчанный,
> Ты, вдохновенный Рафаэль?

По странной прихоти судьбы русскому гению было отпущено столько же земного бытия, сколь и великому флорентийцу — ровно тридцать семь лет…

«Любовь удваивает гений» — веровал Рафаэль Санти. Как подсчитать тогда, сколько стихов рождены любовью Пушкина к Натали? И даже, если бы лишь один сонет, истинно поэтический шедевр был вдохновлен ею, одним тем заслуживает она благодарность будущих поколений.

«Мадонна» впервые увидела свет на страницах литературного альманаха «Сиротка» за 1831 год, что издавался «в пользу заведения призрения бедных сирот». Загадочные знаки судьбы. Ныне, зная о грядущей участи детей поэта, невольно видится в том некий потаенный смысл.

«Рафаэлево» трио

В Эдинбург я стремилась давно. Конечно же, была наслышана о древней столице шотландского королевства, не похожей ни на один из городов мира, о величественном замке, возвышающемся на неприступной скале — символе свободы и независимости, великолепных памятниках и садах.

Нет, неслучайно из всех достопримечательностей и музеев славного Эдинбурга, где собрано великое множество исторических красот, более всего я мечтала побывать в Национальной галерее и среди ее бесценных сокровищ увидеть лишь одну картину. Моя настойчивость была вознаграждена: меня ожидало… открытие.

Но для этого нужно было преодолеть искушение особого рода — почти пробежать все залы первого этажа галереи, в которых представлены картины великих мастеров, и каждая обладает особой магнетической силой. И только поднявшись по мраморной лестнице на второй этаж, начать свои «поиски». А мое «музейное» время, исчислявшееся всего двумя часами, неумолимо таяло…

И вот наконец она! «Бриджуотерская мадонна»! Сколько раз я вглядывалась в ее черно-белое изображение, напечатанное в одном из старых журналов, и казалось, знала все до мельчайших штрихов. Но цвет, вернее, чудотворная кисть Рафаэля, вершит чудеса! Перед этим совершенным творением можно поистине простаивать часами.

…Женский лик словно излучает мягкий свет материнства, покойного и счастливого. Тихая, кроткая мадонна. Грацией и нежностью исполнены движения. Необычен и младенец на ее руках. Белокурый, как и мадонна, он, обратив серьезное личико к ее лику, изогнувшись, одной рукой, словно играя, тянет материнскую накидку — так младенца-Христа живописцы изображают крайне редко.

«Пречистая и с ней играющий Спаситель» — в рукописи, в одном из вариантов сонета, сохранилась эта пушкинская строка…

По обе стороны от божественного образа, на стене музейного зала, драпированной светло-зеленым шелком, мерцали драгоценными красками еще два лика Мадонны Рафаэля. Одна из картин — «Святое семейство с пальмовым древом»; на ней младенец, сидящий на коленях мадонны, тянет свои ручонки к Иосифу. Другая — «Мадонна Пасседжио» («Madonna del Passeggio»): святая дева с двумя мальчиками — Иисусом и Иоанном, прильнувшим к ее ногам.

Одна и та же земная женщина позировала великому мастеру!

И три ее изображения запечатлены на полотнах Рафаэля! Три лика мадонны, три образа, три ее явления. Та же умиротворенность и чистота линий, те же белокурые волосы, разделенные прямым пробором и уложенные вкруг головы чудесными косами. И даже ее одеяние — платье цвета спелой вишни и бархатная темно-синяя накидка — повторяется на каждом из полотен. Пушкинская мадонна…

Есть, наверное, скрытая символика в том, что «Бриджуотерская мадонна», навеки соединенная с именами поэта и его избранницы, хранится в Шотландии — стране, ставшей родиной их далеким потомкам.

Но, наверное, не менее символично, что старинная гравюра «Бриджуотерской мадонны», найденная в фондах Эрмитажа, украшает ныне музейный кабинет поэта на Царскосельской даче, стены которой помнят счастливые месяцы жизни молодой четы Александра и Наталии Пушкиных.

«Созданье гения»

«Как две капли воды» — не случайное сравнение поэта в письме к невесте, оно — ключевое. Так удивительно похожи его Натали и флорентийская дева, мадонна кисти Рафаэля. Своей идеальной чистотой. Чистотой во всем — в помыслах, поступках. В чертах лица, схожими с божественным ликом, и будущими, скрытыми за тайной завесой времен великими страданиями.

Можно сравнивать портреты Наталии Гончаровой с ликом мадонны, сомневаться, но не верить Пушкину нельзя. Это духовное сходство — сокровенная суть его избранницы.

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
На ней бессмысленно чертит.

Судьба ещё одного шедевра Рафаэля вызвала к жизни эти пушкинские строки.

Картина «Святое семейство» (другое ее название — «Мадонна с безбородым Иосифом») хранится в эрмитажном собрании. На ней — Мария — все та же белокурая мадонна, что и на рафаэлевских полотнах из Эдинбурга! Так же убраны волосы святой девы, те же цвета — вишневый и темно-синий — ее одеяния, и даже младенец, прильнувший к матери, ручонкой тянет ее накидку!

…Некогда сам Рафаэль писал графу Кастильоне — одному из блистательных представителей эпохи Возрождения — о своем понимании идеальной женской красоты: «Для того чтобы написать красавицу, мне надо видеть много красавиц… Но ввиду недостатка как в хороших судьях, так и в красивых женщинах я пользуюсь некоторой идеей, которая приходит мне на мысль».

И все-таки странно было бы думать, что образ белокурой флорентийской мадонны навеян лишь воображением гениального итальянца.

«Святое семейство» кисти Рафаэля попало в Россию, в императорскую сокровищницу, из парижского собрания Кроза в конце восемнадцатого века. Видимо, за эти годы некий «художник-варвар» (а может, и не один!) прошелся по полотну своей бездарной кистью: в Санкт-Петербурге картина подверглась тщательной реставрации и затем уже была представлена избранной публике. Тогда обновленное творение Рафаэля в

одном из залов Эрмитажа и увидел впервые двадцатилетний Александр Пушкин.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Божественный лик, образ белокурой мадонны, поразивший некогда воображение поэта, все эти годы, до встречи с Натали, жил в его душе. Столько же лет хранился и листок с написанными им стихами, и лишь в 1828 году (!) впервые пушкинское «Возрождение» появилось на страницах «Невского альманаха».

Словно и стихи ждали заветного года встречи с НЕЙ!

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

Пушкинские видения. Или предвидения. И, быть может, благодаря именно той флорентийской мадонне юная красавица Натали Гончарова, встреченная поэтом на рождественском балу в заснеженной Москве, будет узнана!

Как загадочно и тесно переплетено все в нашем мире — эпохи, государства, города: средневековая Флоренция, Москва и Петербург девятнадцатого столетия, Эдинбург двадцать первого века, уже нового третьего тысячелетия. Сколь много людских судеб, как в таинственном зеркале, отразилось в бессмертном шедевре Рафаэля! В том-то и смысл, суть гениальных творений, что, однажды волею Создателя явившись в мир, они начинают жить особой жизнью, вовлекая в свою орбиту тысячи иных жизней и наполняя их чудесной силой.

…Жизнь одарит Натали и величайшими радостями, доступными земной женщине, и величайшими страданиями.

Наконец-то спали «краски чуждые», и образ жены поэта, его Мадонны, вновь засиял своей первозданной чистотой.

«ДУШИ МОЕЙ ЦАРИЦ» Наталия Николаевна и русские императрицы

…Царствуй, потому что ты прекрасна.

Александр Пушкин — жене

«Двор от нее в восторге»

«Моя царица» — так полушутя, но всё же восторженно, называл поэт в письмах, а быть может, и в жизни свою красавицу жену.

Самой же Наталии Николаевне не раз приходилось встречаться, разговаривать и даже дружить (если допустимо это понятие к венценосным особам) и с настоящими российскими царицами.

Натали Гончаровой, не отмеченной ни богатством и знатностью рода, суждено было войти в высший аристократический свет Петербурга и быть представленной ко Двору. Могла ли о том мечтать скромная московская барышня, годы детства и юности которой прошли в сельской глуши фамильных усадеб? Да и мечтала ли?

Нет, Наталия Гончарова не стремилась к дружбе с сильными мира сего, не искала их покровительства, не плела замысловатых интриг. Так уж распорядилась ее судьба.

«Весь Двор от нее в восторге, — пишет Надежда Осиповна, — императрица хочет, чтобы она к ней явилась, и назначит день, когда надо будет прийти. Это Наташе очень неприятно, но она должна будет подчиниться».

Пройдет не так много времени, и робкая девочка станет первой красавицей северной столицы.

И вот уже в ноябре сестра поэта Ольга Павлищева сообщает мужу: «…Что касается моей belle soeur (невестки), то она здесь в большой моде; она вращается в самом высшем свете, ее находят прекраснейшей из всех и прозвали ее Психеей».

Придворный Петербург властно диктовал свои правила. Натали Пушкину вскоре стали приглашать на званые вечера, проходившие в небольшом интимном кругу в присутствии августейшей четы. Ей, отмеченной печатью божественной красоты, предназначалось стать «украшением» бальных торжеств.

Надежда Осиповна в подробностях рассказывает дочери Ольге о светских успехах невестки: «…Появилась она (Натали) и на костюмированном бале, данном в залах Министерства уделов, она явилась в наряде жрицы Феба, так решил Александр, и одержала успех блистательный: император и императрица подошли к ней, похвалили ее костюм, а Государь провозгласил ее царицей бала».

«Царица бала» — вольно или невольно ей приходилось исполнять и эту неведомую ей прежде роль. И как важно замечание Надежды Осиповны по поводу наряда ее невестки —

«так решил Александр»!

Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и блеск, и радость,
И дам обдуманный наряд…

Пушкин не мог бывать на подобных званых вечерах по дворцовому этикету, досадовал на жену, выговаривал ей, что и она не должна посещать балы, на которые не приглашен он.

Все это завершилось, как известно, тем, что Пушкину было пожаловано звание камер-юнкера, самый младший придворный чин, страшно его раздосадовавший. «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам), — запишет в дневнике в первый день нового, 1834 года поэт. — Но Двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове».

Монаршая воля — закон.

«Представлялась красавица Пушкина» — делает краткую запись на немецком императрица Александра Федоровна. И ставит в своем дневнике дату — 14 января 1834 года.

Об этом же неординарном событии сообщает и мать поэта: «Александр, к большому удовольствию жены, сделан камер-юнкером. Представление ее ко Двору, в воскресенье 14-го числа увенчалось большим успехом. Она участвует на всех балах, только о ней и говорят… Натали всегда прекрасна, элегантна, везде празднуют ее появление…»

Маскарады, балы, рауты — все это было частью тогдашней петербургской жизни Наталии Николаевны, и светской обязанностью, и развлечением. Да, наконец, и просто радостью юной красавицы: весело кружиться в танце в великолепном, полном огней зале, слышать восторженный шепот и изысканные комплименты, ловить на себе восхищенные взгляды…

Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума… —

так признавался некогда сам поэт. Настал и ее черед…

И все же в душе своей она была все той же девочкой — чистой, искренней, доверчивой, ни разу не преступившей правил, внушенных ей с детства.

«Кокетничать я тебе не мешаю, но требую от тебя холодности, благопристойности, важности…» — так наставлял поэт свою Наташу, давая ей уроки светской жизни, обучая ее незыблемым

правилам игры в высшем свете, правилам маскарада. Такую маску должна была отныне примерить его супруга. И под ней легко и удобно было скрываться той тихой робкой девочке Таше Гончаровой, которой всегда хотелось укрыться от завистливых чужих взглядов.

Сам Пушкин радовался светским успехам жены, гордился ими. Правда, друзья расценивали его чувства по-иному. «В его любви будет много тщеславия», — еще перед женитьбой поэта словно предрекал князь Вяземский.

О встречах с Натали Пушкиной, даже мимолетных, остались восторженные воспоминания.

Василий Федорович Ленц, пианист и музыкальный критик: «Однажды вечером, в ноябре 1833 года вдруг — никогда этого не забуду — входит дама, стройная как пальма, в платье из черного атласа, доходящем до горла (в то время был придворный траур). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видывал… казалось, что видишь богиню. Благородные, античные черты ее лица напоминали мне Евтерпу Луврского музея, с которой я хорошо был знаком. Князь Григорий (Волконский), подошед ко мне, шепнул на ухо: «Не годится слишком на нее засматриваться…»».

Да, Натали Пушкина была замечена: ее небесной красотой восторгались не только в аристократических петербургских салонах, но и в дворцовых залах. Жена поэта, танцевавшая на балу в Аничковом дворце, сообщает императрица Александра Федоровна своей приятельнице графине Софье Бобринской, казалась ей «прекрасной волшебницей в своем белом с черным платье».

Надо отдать должное русской царице — нет в строках ее письма ни тени женской ревности, ни зависти к чужой красоте. Видно, чиста была сердцем.

Из дневника императрицы:

«Я ужасно люблю Царицу, — записал однажды Пушкин, — несмотря на то, что ей уже 35 лет и даже 36».

Александра Федоровна, урожденная прусская принцесса Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, была почти ровесницей поэта — старше его лишь на год. Одаренная личность, она прекрасно рисовала — ее пейзажи написаны рукой тонкого мастера, была начитана — любила поэзию и литературу, разбиралась в русской истории — сохранились конспекты и начертанное ей родословное древо династии Рюриковичей. И наставником ее стал один из умнейших и образованнейших людей того времени — поэт-мудрец, поэт-романтик Василий

Жуковский, относившийся к своей августейшей ученице с безмерным уважением.

И в жизни государыня следовала правилам, достойным удивления и подражания.

Из дневника императрицы Александры Федоровны:

«Мне немного требовалось, чтобы быть довольной: раз я могла быть с моим мужем, мне не нужно было ни празднеств, ни развлечения; я любила жизнь тихую и однообразную, даже уединенную; по моим вкусам я любила простоту».

Не мог бы и Пушкин написать тех слов признания в любви к царице (в дневнике — для себя, не для публики, и тут уж никто не смог бы обвинить поэта в придворной лести или проявлении верноподданнических чувств), если бы не испытал вдруг такого восторженного состояния!

В той же дневниковой записи поэт передает и любопытный разговор, что произошел между ним и императрицей:

«Царица подошла ко мне смеясь: Нет, это беспримерно!.. Я ломала себе голову, стараясь узнать, что за Пушкин будет мне представлен. Оказывается, это вы! Как поживает ваша жена? Ее тетушка[10] горит нетерпением увидеть ее в добром здравии — дочь ее сердца, ее приемную дочь… (фр.)»».

Странно, что Ее Величеству пришлось «ломать себе голову» (хотя у Александра Сергеевича были однофамильцы, в их числе и Мусины-Пушкины) — ведь Пушкин был хорошо знаком ей, знала она и многие его произведения, наизусть выучила отрывки из «Цыган» — и все это благодаря Василию Жуковскому и Петру Плетневу, учителям ее детей и близким приятелям поэта.

Но не менее удивительно то, с каким живым интересом и как подробно в тот вечер расспрашивала императрица Пушкина о его жене — о Натали.

Александр Сергеевич с супругой был в числе гостей, приглашенных на праздник в Петергоф первого июля 1835 года — императрица отмечала свой день рождения.

Была ли Александра Федоровна поклонницей пушкинского гения?

Русская императрица, не ведая того, оставила свой след в пушкиноведении. Каждая строка из ее скупых дневниковых записей, вобравшая в себя отзвуки тех споров, кривотолков и сплетен, чем был напоен воздух в великосветских салонах и дворцовых залах в январе 1837-го, необычайно емка и эмоциональна.

Вот дневниковые записи императрицы, сделанные ею в трагические январские дни:

«27 января. Мне Н.[11] сказал о дуэли между Пушкиным и Дантесом, бросило в дрожь».

«28 января… Разговор с Бенкендорфом, целиком за Дантеса, который вел себя как благородный рыцарь, Пушкин как грубый мужик».

«29 января… Выехали на прогулку. Загряжская, Пушкин еще жив…»

А вот строки ее письма графине Бобринской, написанные в те же тревожные дни: «О Софи, какой конец этой печальной истории между Пушкиным и Дантесом. Один ранен, другой умирает… Мне сказали в полночь, я не могла заснуть до 3 часов, мне все равно представлялась эта дуэль, две рыдающие сестры, одна — жена убийцы другого. Это ужасно, это самый страшный из современных романов. Пушкин вел себя непростительно…»

Кажется, симпатии императрицы были тогда всецело на стороне «благородного рыцаря» Дантеса.

Но Пушкин умер, и русская императрица — бывшая немецкая принцесса горько плачет, узнав о кончине поэта.

Из воспоминаний дочери Николая I Ольги, королевы Вюртембергской:

«Пушкин умер настоящим христианином на руках своей жены. Мама плакала…»

Верно, совсем непросто под изящной, но такой тяжелой короной Российской империи сохранить чувства, дарованные простым смертным.

Чуткой своей душой Александра Федоровна понимает страдания другой женщины, ей хорошо знакомой, сочувствует ей.

И вновь императрица пишет графине Софье Бобринской в ответ на ее записку:

«Этот только что угасший гений, трагический конец гения истинно русского… Эта молодая женщина возле гроба, как ангел смерти, бледная, как мрамор, обвиняющая себя в этой кровавой кончине…»

Вероятно, это последнее известное нам письмо, где императрица упоминает о Наталии Пушкиной. Но встречи их еще состоятся…

А в те скорбные дни вдова поэта отправит императору Николаю I полное сердечной благодарности послание: «Целуя отеческую Вашу руку, вся жизнь моя будет молитвою за Вас, за Государыню, другого моего Ангела, и за Ваших детей, в которых

Всевышний посылает Вам все радости, Вас достойные».

Вот еще важное свидетельство, прежде почти незамеченное, имеющее прямое отношение к вдове поэта.

А. Я. Булгаков — А.С. Пушкину, брату поэта (5 февраля 1837):

«Скажи ему (отцу), что все порядочные люди, начиная от царской фамилии, приемлют в ней живейшее участие, убеждены в ее невинности…»

И первой защитницей чести Наталии Николаевны стала сама русская государыня.

«Смотрите и восхищайтесь!»

В конце 1838-го Наталия Николаевна вернулась в столицу после своего двухлетнего затворничества в родовом калужском имении Полотняном Заводе. Жизнь, хоть и печальная для нее, продолжалась, и надо было всерьез думать об образовании детей, особенно мальчиков.

Из письма Нины Доля, гувернантки в семье Гончаровых, — Екатерине Дантес. (Из Петербурга в Сульц. Апрель 1839):

> «Натали выходит мало или почти не выходит, при Дворе не была, но представлялась императрице у тетки, однажды, когда Ее Величество зашла к ней, идя навестить фрейлину Кутузову, которая живет в том же доме. Императрица была очень ласкова с Натали, пожелала посмотреть всех ее детей, с которыми говорила. Это был канун Нового года».

А вот и сама Наталия Николаевна чуть позже сообщает брату Дмитрию:

> «Недавно я представлялась императрице. Она была так добра, что изъявила желание меня увидеть, и я была там утром, на частной аудиенции. Я нашла императрицу среди своей семьи, окруженную детьми, все они удивительно красивы».

Вскоре уединенная жизнь вдовы поэта была нарушена: о знаменитой красавице Пушкиной вспомнили при Дворе: Натали стала вновь появляться на балах и маскарадах. Видимо, в начале 1843 года в Аничковом дворце состоялся костюмированный бал, в котором участвовала и Наталия Николаевна. Тетка Екатерина Загряжская, та самая, о которой упоминала императрица, подарила своей любимице маскарадное облачение библейской Ревекки. Натали была необыкновенно хороша в фиолетовом бархатном кафтане, палевых шароварах и легкой белой накидке, обрамлявшей лицо и ниспадавшей на плечи. По своему обыкновению скромная красавица выбрала самый дальний уголок бального зала. Но была замечена.

«Смотрите и восхищайтесь!» — с этими словами Николай I подвел Натали к супруге, императрице Александре Федоровне.

«Да, прекрасна, в самом деле, прекрасна! — приветливо кивнула ей государыня. — Ваше изображение таким должно бы

было перейти потомству».

И не припомнился ли Александре Федоровне давний бал, где она, тогда еще великая княгиня, представляя индийскую принцессу Лалла-Рук (роль жениха — принца Алириса исполнял ее супруг великий князь Николай Павлович), блистала в схожем маскарадном костюме «с чалмой из шали, в длинном ниспадающем верхнем платье и широких шароварах», и где ей, когда она сняла маску, расточали самые витиеватые комплименты?

…Подобно лилии крылатой
Колеблясь входит Лалла-Рук
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою
И тихо вьется и скользит
Звезда-Харита меж Харит…

Эти поэтические пушкинские строки, обращенные к царице, так и остались в черновых рукописях «Евгения Онегина». Но как точно они согласуются со свидетельствами современников!

«Императрица Александра Федоровна танцевала как-то совсем особенно, — вспоминала Мария Каменская, урожденная графиня Толстая, — ни одного прыжка или неровного движения у нее нельзя было заметить. Все говорили, что она скользит по паркету, как плавает в небе облачко, гонимое легким ветерком».

По отзывам приближенных к императрице, она являла собой «идеал русской Царицы, соединяя в себе царственность осанки с бесконечной приветливостью и добротой». И по замечанию наблюдательной Анны Тютчевой, «Александра Федоровна любила, чтобы вокруг нее все были веселы и счастливы… она хотела, чтобы все женщины были красивы и нарядны… Она останавливала свой взгляд с удивлением и с наивным восхищением на красивом новом туалете».

Виновницу тогдашнего торжества Наталию Николаевну, представшую в образе библейской красавицы, переполняли иные чувства. «Мне кажется, легче было провалиться сквозь землю, чем выстоять под всеми, точно впившимися в меня взглядами», — позже признавалась она дочери Александре.

Императрица (надо отдать должное ее такту!), испросив разрешение у госпожи Пушкиной, тотчас же повелела придворному живописцу Владимиру Гау запечатлеть ее прекрасные черты.

Из письма Н.Н. Пушкиной брату Дмитрию Гончарову (март

1843):

«Этой зимой императорская фамилия оказала мне честь и часто вспоминала обо мне, поэтому я стала больше выезжать.

Внимание, которое они соблаговолили проявить ко мне, вызвало у меня чувство живой благодарности. Императрица даже оказала мне честь и попросила у меня портрет для своего альбома. Сейчас художник Гау, присланный для этой цели Ее Величеством, пишет мой портрет».

Старинная акварель, которую и сама Наталия Николаевна считала лучшим из всех своих изображений, видимо, давно и безвозвратно утрачена. Никто и никогда ее более не видел. Судьба личного альбома государыни Александры Федоровны, хранившегося после ее кончины в архивах Аничкова дворца, неизвестна. И прекрасный портрет Натали остался лишь в воспоминаниях…

Александра Романова и Наталия Пушкина. Этим двум женщинам при жизни дарована будет еще одна знаменательная встреча.

Наталия Николаевна преподнесет императрице в Петергофе, в ее коттедже «Александрия», посмертное собрание сочинений поэта. (В феврале 1855-го вышли в свет «Сочинения Пушкина» в шести томах, последний, седьмой том, будет напечатан спустя два года.) Издание это увидело свет благодаря страстному желанию и неустанным хлопотам Наталии Николаевны.

О чем беседовали они — вдова поэта и вдовствующая императрица? Высочайшая аудиенция длилась долго. «Похождение мое с изданием Пушкина было весьма оригинально», — вспоминала сама Наталия Николаевна. Государыня приняла подарок «весьма благосклонно — сделав замечание, что давно уже ожидала его. — При мне перелистывала книги, повторяя наизусть известные Ей стихотворения».

Императрица живо расспрашивала свою собеседницу «во всех подробностях» известные ей «события о жизни Пушкина». Можно безошибочно предположить, что и Наталия Николаевна весьма сочувственно отзывалась о недавней кончине императора — она благоговела перед памятью Николая I, не оставившего своим попечением ее осиротевшую после гибели мужа семью, в самое горькое время.

Таким неожиданным и почти мистическим завершением стала та давняя первая встреча в Царскосельском парке юной Натали Пушкиной с Ее Величеством государыней Александрой Федоровной. Августейшей поклонницей русского гения. И как тут не вспомнить замечание Анны Тютчевой, что моральным кодексом и катехизисом императрицы «была лира поэта».

…Пути Наталии Николаевны и русской царицы странным образом скрестились еще раз — на южном берегу Франции.

Александра Федоровна впервые посетила Ниццу в 1857 году, открыв этот благодатный уголок для паломничества ее подданных. Осенью 1860-го придворные врачи настойчиво рекомендовали ей отправиться в Ниццу — здоровье вдовствующей императрицы требовало лечения в мягком климате. Но та решительно отказалась, заявив, что хочет «ожидать решения своей участи в кругу своих близких» и не намерена покидать Россию. Судьбой определено было для Александры Федоровны покинуть мир в октябре 1860 года, в светлый для поэта «день Лицея», в Царском Селе.

Через год в Ницце были изданы мемуары почившей государыни, написанные ею втайне не только от придворных, но и от всех членов августейшего семейства. А средства от продажи книги предназначались по завещанию императрицы на содержание русского храма во имя Св. Николая и Св. Александры, возведенного некогда при самом живом ее участии.

Приехав в Ниццу осенью 1862 года, Наталия Николаевна стала ревностной прихожанкой русского храма, а также читательницей открытой при нем библиотеки. И, конечно же, не могла не прочесть этих столь значимых и дорогих для нее воспоминаний государыни Александры Федоровны.

Царственная подруга

Санкт-Петербург. Год 1841-й.

Царствование Николая Первого еще далеко до своего печального конца. В апреле Северная Пальмира широко празднует бракосочетание наследника цесаревича Александра с великой княгиней Марией Александровной, в недавнем прошлом, до принятия православия, немецкой принцессой Максимилианой-Вильгельминой-Августой-Софией-Марией.

Вероятно, тогда на одном из придворных маскарадов вдова поэта впервые встретилась с будущей государыней. Косвенное подтверждение тому — недавняя атрибуция портрета Наталии Пушкиной кисти Владимира Гау, написанного в 1841 году. (Ранее считалось, что на акварели, хранящейся в Русском музее, изображена великосветская красавица графиня А. К. Воронцова-Дашкова.) Портрет необычен: Наталия Николаевна, в наряде с восточными, «ориентальными», мотивами, явно предназначенном для костюмированного бала, представлена вместе с неким отрешенно-задумчивым арапчонком, неуловимо напоминающим собой отрока-поэта, и облаченным в расшитую золотом ливрею, так похожую на камер-юнкерский мундир. Скорей всего, подобный заказ придворному живописцу мог сделать лишь император. Либо императрица.

Многое изменится в России через пятнадцать лет. Закончится царствование Николая I, а его вдове, Александре Федоровне, предстоит до конца дней носить титул вдовствующей императрицы. На русский престол после кончины Николая I взойдет его наследник, великий князь Александр Николаевич — и корона Российской империи отныне будет принадлежать государю Александру II, а его супругу провозгласят императрицей.

Да и в жизни самой Наталии Николаевны произойдут большие перемены: она вторично выйдет замуж, и в новом союзе появятся на свет еще три дочери.

Нет свидетельств о встречах Наталии Николаевны с императрицей Марией Александровной в конце 1850-х. Но, вероятно, они были. Ведь второй супруг Наталии Николаевны — генерал, командир лейб-гвардии Конногвардейского полка Петр Петрович Ланской — был близок ко Двору и пользовался доверием Александра II, как прежде — его августейшего отца. И Наталия Николаевна, конечно же, могла видеться с государыней и на дворцовых приемах, и на церковных службах.

Пройдет несколько лет, и по настоянию врачей Наталия

Ланская отправится лечиться за границу, в теплые края. На Французской Ривьере она не раз будет встречаться с императрицей.

Из воспоминаний Е. Н. Бибиковой:

> «Наталья Николаевна в Ницце часто бывала у больной императрицы Марии Александровны, которая ее очень любила».

Вне сомнений, лишь по зову сердца Наталия Николаевна навещала больную государыню, будучи и сама подвержена болезненному недугу.

Каждое слово из мемуаров Елизаветы Бибиковой, внучки Наталии Николаевны, поистине драгоценно. Сама она не могла быть свидетельницей тех встреч, так как родилась много позже и бабушку в живых уже не застала, но, вероятно, слышала о том либо от матери Елизаветы Петровны, урожденной Ланской, либо от тетушки Александры. В той поездке Наталию Николаевну сопровождала ее семнадцатилетняя дочь Азя. И, возможно, вместе с матерью юная барышня бывала на вилле «Пейон» в Ницце, резиденции больной государыни.

Должно было произойти чудо, чтобы заслужить любовь императрицы: ведь сколько людей искали в ее дружбе выгод и привилегий. Ничего этого не желала Наталия Николаевна — у нее была большая семья, требовали заботы младшие дочери, да и со старшими проблем хватало — чего стоила хотя бы незадачливая семейная жизнь ее Таши. И к дворцовой жизни она вовсе не стремилась.

Из письма Наталии Николаевны — мужу П. П. Ланскому (1849):

> «Втираться в интимные придворные круги — ты знаешь мое к этому отвращение; я боюсь оказаться не на своем месте и подвергнуться какому-нибудь унижению. Я нахожу, что мы должны появляться при Дворе, только когда получаем на то приказание, в противном случае лучше спокойно сидеть дома…»

Из письма Наталии Николаевны — Екатерине Васильчиковой (май 1860):

> «Жизнь при Дворе, при всем ее блеске, в конце концов надоедает, а скромный семейный очаг

воспринимается… с благодарностью, потому что в нем есть очарование своего домашнего очага и независимости, чего они совершенно лишены при дворе».

Независимость — не как понятие, а как состояние души — было для Наталии Николаевны не менее важно, чем в свое время для поэта. Следовательно, она не жертвовала ею, поддерживая дружеские отношения с императрицей.

Но что же их связывало? Что питало их дружбу? Схожесть характеров, отношение к жизни, общие интересы?

Из воспоминаний князя П. А. Кропоткина:

> «Из всей императорской фамилии, без сомнения, наиболее симпатичной была императрица Мария Александровна. Она отличалась искренностью, и когда говорила что-либо приятное кому, то чувствовала так».

Искренность — черта характера, присущая и Наталии Николаевне.

При содействии Марии Александровны открывались женские гимназии и епархиальные училища, общества Красного Креста и множество благотворительных организаций. Способствовала она и скорейшему освобождению крестьян. Благодаря дружбе с императрицей счастливо избежал ссылки знаменитый педагог Ушинский. Так что демократические настроения были государыне вовсе не чужды. Да, видимо, и многое, что она делала, шло от ее природной чуткости и доброты.

Доброта, отзывчивость к чужим страданиям были свойственны и жене поэта. Да и сам Пушкин свидетельствовал, что у его Наташи «пречуткое сердце» и она «предобрая».

Обе — и вдова поэта, и Мария Александровна, имели большие равные семьи: у Наталии Николаевны — семеро детей, у императрицы — восемь. (Но еще в 1849 году будущая императрица потеряла шестилетнюю дочь — великую княжну Александру.)

Не случайно и то, что Наталию Пушкину сравнивали с мадоннами кисти великого Рафаэля, а в чертах императрицы Марии Александровны находили сходство с божественными девами, коих живописал Альбрехт Дюрер.

Из воспоминаний А. Ф. Тютчевой, фрейлины императрицы Марии Александровны:

> «Она (императрица) была необычайно изящна, тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера… Ни в ком никогда не наблюдала я в большей мере, чем в цесаревне, это одухотворенное и целомудренное изящество идеальной отвлеченности…»

Обе они отличались глубокой религиозностью. И духовник был у государыни и вдовы поэта один — протопресвитер Василий Бажанов. Обе его духовные дочери сумели познать и радости, и великие несчастья, и разочарования. Русский художник Иван Макаров, автор портретов императрицы Марии Александровны и Наталии Николаевны Пушкиной-Ланской, сумел передать тихую духовную красоту этих двух необыкновенных женщин.

Даже недуги, связанные с болезнью легких, у них были схожи…

Последнего своего ребенка — сына Павла Мария Александровна родила в 1860 году. И силы ее начали таять — чахотка незаметно, но верно вершила свое роковое дело. Придворными врачами Ее Величеству предписано было жить в теплом климате — в Крыму и на юге Франции. Познакомившись в Ницце с императрицей, Федор Тютчев посвятил ей проникновенные строки:

> Земное ль в ней очарованье,
> Иль неземная благодать?
> Душа хотела б ей молиться,
> А сердце рвется обожать…

Стихи написаны незадолго до того, как в Ниццу привезли больного цесаревича Николая — наследника российского престола. Его смерть станет сильнейшим ударом для Марии Александровны.

Семейная жизнь не принесла счастья императрице, хотя в самом ее начале она была любима и любила. Ей предстояло пережить и душевные потрясения, и мучительные нравственные страдания. Марии Александровне выпадет трудная судьба: оставаться русской царицей, не выказывая ропота и обид, достойно нести свой крест, зная, что у обожаемого супруга есть другая, любимая женщина, к которой тот стремится всем сердцем — княжна Екатерина Долгорукова. Более того, счастливая соперница жила рядом с ней, под одной крышей: княжне Долгоруковой были отведены апартаменты в Зимнем дворце. И рожденные ею дети носили отчество венценосного отца —

императора Александра.

Царственная страдалица, императрица Мария Александровна…

Из воспоминаний князя П. А. Кропоткина:

> «Она умирала в Зимнем дворце в полном забвении: Александр II, живший в другом дворце, делал своей жене ежедневно лишь короткий официальный визит. Придворные дамы, кроме двух статс-дам, глубоко преданных императрице, покинули ее, и весь придворный мир, зная, что того требует император, заискивал перед его любовницей княжной Е. М. Долгоруковой».

…Когда в Ницце Наталия Николаевна навещала больную государыню, в России уже подрастала Катенька Долгорукова — юной княжне шел шестнадцатый год. И совсем немного оставалось до того часа, когда обворожительная княжна «с глазами газели» станет невенчанной женой российского самодержца.

Грядущий год станет последним в жизни Наталии Пушкиной-Ланской. Ей так и не доведется узнать, какое неожиданное продолжение будет иметь страстный роман императора Александра И. И не только для царской династии. Но и для внуков — её и Пушкина.

ИНТРИГИ ДОМА НАССАУСКИХ

Давно ли тайными судьбами
Нам чаша жизни подана!

А.С. Пушкин

Хозяйка бала

В жизни Наталии Николаевны, уже без Пушкина, знаменательных дней не так и много. И вот один из них, забытый как засохший цветок меж альбомных страниц, вдруг наполнился былой жизнью. Как ни странно, но память о нем сохранилась благодаря Леонтию Васильевичу Дубельту, недоброжелателю поэта (печальную известность принесло ему, тогда начальнику штаба корпуса жандармов, участие в «посмертном обыске» — разборе бумаг после смерти Пушкина), в будущем — вошедшему в пушкинское семейство.

Из дневника А.В. Дубельта (18 января 1852):

> «18-го генваря был бал у генерал-адъютанта Ланского. Великие князья Николай и Михаил Николаевичи оставались там до 4-х часов утра. — На другой день Государь Император сделал за это замечание генерал-адъютанту Философову и приказал, чтобы Их Высочества не оставались на балах долее полуночи».

Хозяйка бала — сорокалетняя Наталия Ланская, еще очень хороша собой, а ее дочери — Мария, и юная очаровательная Наташа, по-домашнему Таша, уже невесты. Младший сын императора великий князь Михаил Николаевич — ровесник Марии Пушкиной, ему также девятнадцать. Брат — великий князь Николай Николаевич на год старше. (Кстати, о появлении на свет обоих августейших братьев Пушкин оставил памятные записи). Видно бал у Ланских удался на славу, раз молодые князья танцевали до утра, что и повлекло неудовольствие отца-императора.

В детской памяти Александры, дочери Наталии Николаевны, сохранилось воспоминание о визите самого Государя:

«В то время, когда старшая сестра уже выезжала в свет, великие князья Николай и Михаил Николаевичи были прикомандированы для изучения службы к Конному полку. Желая повеселиться, они намекнули, что не худо бы было воспользоваться обширным залом, чтобы потанцевать.

Это навело мать на мысль устроить вечеринку в полковом интимном кругу. Каково же было ее удивление, когда отец, возвратившись от доклада у царя, взволнованно передал ей, что

по окончании аудиенции Николай Павлович сказал ему:

— Я слышал, что у тебя собираются танцевать? Надеюсь, что ты своего шефа не обойдешь приглашением.

Трудно себе представить хлопоты, закипевшие в доме. Надо было принять Государя с подобающей торжественностью… Мне было тогда семь лет, и я с лихорадочным любопытством носилась по комнатам, следя за приготовлениями».

Но Александра Петровна вспоминает явно о другом семейном торжестве, на котором ей довелось видеть Государя: он ласково говорил с ней и даже расцеловал свою крестницу в обе щеки.

…Никому не дано знать будущее, но тот далёкий январский день не исчезнет в водовороте времен благодаря нескольким дневниковым строчкам. Более того, станет поистине судьбоносным не только в семейной хронике потомков поэта, но и — августейшей семьи! Ведь Наталия Николаевна принимала в своем доме будущего родственника, великого князя Михаила — свекра внучки Софии, к тому времени ещё не появившейся на свет.

Да и супруг графини Софии, великий князь Михаил Михайлович, Миш-Миш, как ласково будут звать его в семье, родится лишь спустя десятилетие после того памятного бала у Ланских. Придет время, он женится на внучке поэта, и этот союз навечно соединит Пушкиных и венценосных Романовых…

Бесспорно, в числе гостей, веселившихся на январском балу у Ланских, был и сын Леонтия Васильевича Михаил Дубельт-младший. Жених Таши Пушкиной, с которым она будет помолвлена в декабре того же года.

«Покорилась… нетерпению Дубельта»

Незаметно девочка-подросток Таша превратится в красавицу Наталию Пушкину, чья необычная красота и стать, пылкость и прямота натуры вызывают восхищенные отзывы современников: «Элегантная и величественная… она напоминала свою мать Наталию Гончарову, красота которой была гордостью и бедой поэта». Поистине, красота не более чем «обещание счастья».

Наталия Николаевна — С. А. Соболевскому (23 декабря 1852):

> «Спешу воспользоваться случаем, чтобы известить Вас о свадьбе моей второй дочери Пушкиной с Мишелем Дубельтом. Партия подходящая во всех отношениях, она дает мне уверенность в счастье моей дочери, так как я знаю в течение многих лет этого молодого человека, принятого в моей семье, как родной сын, любимого и уважаемого всеми нами.
>
> Дружба, связывавшая Вас с Пушкиным, дает мне право думать, что Вы с участием отнесетесь к известию о свадьбе его дочери».

В действительности же Наталия Николаевна противилась столь раннему браку, но шестнадцатилетняя дочь все же сумела настоять на своем. Почти, как некогда и сама Натали, сумевшая преодолеть сопротивление матери, не желавшей ее замужества с Пушкиным.

Наталия Николаевна — князю Петру Вяземскому (6 января 1853):

> «Быстро перешла бесенок Таша из детства в зрелый возраст, но делать нечего — судьбу не обойдешь. Вот уже год борюсь с ней, наконец, покорилась Воле Божьей и нетерпению Дубельта. Один мой страх — ее молодость, иначе сказать — ребячество…»

Удивительно, но в российских архивах сохранились и письма матери жениха, адресованные супругу Леонтию Васильевичу Дубельту, обожаемому «ангелу Лёвочке». Анна Николаевна делится с мужем раздумьями о предстоящей женитьбе сына: «В твоих письмах, Лёвочка, ты говоришь, что Ланские тебя не

пригласили бывать у них… Я сама думаю, что тут вряд ли будет толк. Девушка любит Орлова, а идет за Мишу, Орлов страстно любит ее, а уступает другому. Дай Бог, чтобы все кончилось благополучно, а что-то мудрено».

(Видимо, уже тогда не считалось секретом, что в ранней молодости Наташа Пушкина была влюблена в графа Николая Орлова, в будущем блестящего дипломата: посланника в Париже, Вене, Брюсселе и Берлине; и избранник отвечал ей взаимностью. Но их союзу воспротивился отец жениха, всесильный граф, а позднее — князь Алексей Федорович Орлов, управляющий III отделением, считая брак сына с дочерью поэта мезальянсом. И тогда юная Наталия из отчаяния и упрямства вышла замуж за Михаила Дубельта).

Материнское сердце не ошиблось: в мирных предсвадебных хлопотах Анне Дубельт чудились предвестники грядущих семейных бурь. Ее письма исполнены тревоги и надежды, она и радуется счастью сына, и волнуется за его будущность.

Беспокоится, чтобы ее Михаил, а он уже воевал на Кавказе, вновь не попал бы под пули горцев, и уповает на помощь умной и «бесподобной Натальи Николаевны»: «Дай Бог, чтобы он остался в Петербурге… Не решится ли Наталья Николаевна Ланская сама попросить Государя для дочери, чтобы ей, такой молоденькой….не расставаться с мужем сейчас после свадьбы, чтобы он оставил Мишу в Петербурге… Он так милостив к ней, а она так умно и мило может рассказать ему положение дел, что, вероятно, Он поймет горе молодых людей и поможет им».

Заботит ее, чтобы будущая невестка Наташа Пушкина успела получить до свадьбы шифр фрейлины Высочайшего Двора, так как потом это будет невозможно. «Не мешай, Лёва, — просит она мужа, — Государю раздавать свои милости».

И так уж случилось, что Анне Николаевне не суждено было при жизни именоваться свекровью Наташи Пушкиной. Последние годы она тяжело болела и безвыездно жила в своем тверском имении. Она мечтала приехать в Петербург, чтобы участвовать в семейном торжестве, но умерла чуть ли не в день самой свадьбы, в феврале 1853-го…

Странно, что Леонтий Васильевич, так подробно заносивший в дневник самые разные события — от государственно значимых до светских сплетен, слухов и происшествий: о якобы родившейся в Варшаве девочке с рыбьим хвостом, или о том, что князь Чернышов, «идя пешком по Большой Конюшенной, упал и очень расшибся», — не упоминает о свадьбе сына.

В день венчания Михаила Дубельта с Наталией Пушкиной — 18 февраля 1853 года — в его дневнике всего лишь краткая

запись: «Московский комендант Сталь скончался. Комендантом назначен генерал-лейтенант Дебан-Скоротецкий».

Свадьба Наташи совпала с днем венчания ее родителей. Видимо, то было желанием самой Наталии Николаевны, свято хранившей память о том давнем торжестве.

Первое замужество принесло Наташе немало огорчений, но, пожалуй, еще больше — ее матери, Наталии Николаевне, немало пролившей слез над незадавшейся судьбой младшей дочери.

Из воспоминаний Александры Араповой:

«Нравственное затишье продолжалось для матери вплоть до несчастного брака сестры с Михаилом Леонтьевичем Дубельт. […] Надо еще прибавить, что мать поддавалась влиянию Дубельта, человека выдающегося ума, соединенного с замечательным красноречием. Он клялся ей в безумной любви к невесте и в твердом намерении составить ей счастье, и она верила в его искренность, а зрелость возраста (он на тринадцать лет был старше сестры) внушала ей убеждение, что он сумеет стать ей опытным руководителем.

В постоянной борьбе надежд и сомнений, разнородных влияний и наплывавших чувств, прошло время этой оригинальной помолвки. Наконец свадьба состоялась, и почти с первых дней обнаружившийся разлад загубил навек душевный покой матери».

В семье Михаил Леонтьевич оказался вовсе не тем человеком — остроумным, галантным, — каким виделся своей юной невесте. Вскоре после свадьбы обнаружились все его дурные склонности, которые, впрочем, он и не пытался сдерживать. Сильнейшая страсть к картам, почти разорившая семью, необузданный, грубый нрав, сцены ревности, сопровождаемые угрозами и побоями, сделали совместную жизнь невыносимой.

«У нее на теле остались следы его шпор, когда он спьяну в ярости топтал ее ногами. Он хватал ее за волосы и, толкая об стену лицом, говорил: «Вот для меня цена твоей красоты!» — свидетельствовала госпожа Регекампф, близкая подруга Наталии Дубельт.

Из воспоминаний Александры, Араповой:

> «Она (мать) горько стала себя упрекать, что не сумела сберечь счастье дочери, что, ослепленная внешним блеском, она бессознательно натолкнула ее связать судьбу с человеком, которого она не любила, и в каждой бурной сцене, постоянно между ними возникавшей, она являлась куда более, чем сама жена,

страдающим лицом».

Первый бракоразводный процесс, шедший с сентября 1862-го по февраль 1864-го, завершился для Наталии Александровны неудачно: брак не был расторгнут. Противодействовал тому Михаил Дубельт: он хоть и признал своё «худое обращение» с женой, но клятвенно обещал «впредь исправиться». Страшил супруг и неминуемой в случае развода оглаской, что по тем временам было немалым испытанием для разведенной женщины. Но дочь поэта, характером схожая с великим отцом, осталась непреклонной: «Огласка эта свершится, — отвечала она отвергнутому мужу, — ибо это единственный путь, коим я могу достигнуть свободы, коей дорожу я более, чем жизнию. Ничто не воспрепятствует идти твердо и прямо к этой цели».

«Наталия Нассауская»

В жизни дочери поэта вскоре наступят разительные перемены: она встретит своего принца — Николая Вильгельма Нассауского.

Со своим избранником Наталия Александровна познакомилась в России на коронационных торжествах, посвященных восшествию на престол императора Александра II. Примечательно, что Александр II короновался 26 августа 1856 года, в Натальин день! В августе того же года императорские регалии для будущей коронации доставил из Зимнего дворца в Москву генерал-адъютант Ланской, отчим Наташи. Велика вероятность, что вместе с мужем приехала из Петербурга для участия в торжествах и Наталия Николаевна.

Да и ее старший сын Александр Пушкин находился в то время в Москве «в составе отряда войск Гвардейского и Гренадерского Корпусов, собранных там по случаю священного коронования Их Императорских Величеств».

Вот уж поистине знаки судьбы!

Коронация, на которой присутствовали вся императорская фамилия, принцы иностранных государств и придворная знать, проходила в Кремле, в Успенском соборе; праздничный обед был дан в Грановитой палате. И кто бы мог помыслить тогда, что этот судьбоносный день станет залогом знаменательного события — свадьбы дочери императора Александра II и сына Наталии Александровны, внука поэта?

От встречи дочери Пушкина с немецким принцем Нассауским до их венчания пройдет долгих двенадцать лет!

…Ко времени второго замужества дочери Наталии Николаевны не было уже на свете. Вряд ли для нее важен был высокий титул будущего зятя, и тому есть подтверждение.

Весною 1851 года Наталия Николаевна, взяв с собою старших дочерей Марию и Ташу, отправилась в далекое заграничное путешествие. Из Годесберга, славившегося целебными водами, она посылает несколько писем мужу. И делится с ним своими наблюдениями: «Мы, оказывается, были в обществе ни много ни мало как принцев. Два принца de la Tour de Taxis[12] учатся в Боннском университете, старший из них — наследный принц. С ними еще был принц Липп-Детмольдский.[13]

Что касается этого последнего, то уверяю тебя, что Тетушка, рассмотрев его хорошенько в лорнетку, не решилась бы взять его и в лакеи. У двух первых физиономии тоже совершенно незначительные…»

Впервые оказавшись за границей, Наталия Николаевна вовсе не испытывает чувства преклонения перед иностранцами, столь знакомого ее соотечественникам, напротив, — гордится, что русская! И это довольно резкое и ироничное письмо как нельзя более соответствует ее убеждениям: «Эти дураки были бы очень удивлены, найдя в Петербурге такую роскошь, о какой не имеют и представления, и общество несравненно более образованное, чем они сами».

Думается, знай Наталия Николаевна о будущем родстве, порадовалась бы она не тому, что ее Таша соединила судьбу с немецким принцем, носившим одну из самых аристократических фамилий Европы, но — что дочь обрела наконец долгожданное семейное счастье… Ей отрадна была бы мысль, что крестным отцом избранника дочери стал сам русский император Николай I, пред чьей памятью она благоговела.

Но вот что совсем необъяснимо — в ученической тетрадке по всемирной истории юная Наташа Гончарова упоминает знаменитую фамилию Нассау, к коей будет принадлежать и ее будущий зять!

…Осенью 1867 года дочь поэта (она все еще именуется госпожой Дубельт) оказалась в весьма непростой ситуации.

Словно раскручивается некая спираль: события — невероятно дерзкие, вызывающие — производят небывалые волнения в Доме Нассауских. Мало того, что принц Николай объявляет о своей женитьбе (причем делает ложное заявление из благих побуждений, — ведь не венчанная супруга носит под сердцем его дитя), но и сама Наталия спешит оповестить петербургский свет о важной перемене в своей жизни, — ее женская месть за несчастливое замужество, за нелюбимого Дубельта, за слезы и унижения, за все сплетни, интриги, косые взгляды (!) — гордо подписав послание: «Natalie de Nassau» (Наталия Нассауская).

Скандал разразился знатный, в него оказались втянутыми представители двух владетельных Домов: Нассауских и Романовых. Пришлось прибегнуть к влиянию великой княгини Елены Павловны, приходившейся принцу Николаю тетушкой!

Герцог Адольф Нассауский, как глава семьи, всеми силами пытается предотвратить нежеланный для династии брак младшего брата или хотя бы свести к минимуму последствия скандала.

Принц Николай не может жениться на своей избраннице по одной простой причине — она так и не получила еще официального развода от первого супруга. Долгожданное свидетельство о расторжении брака приходит лишь в мае 1868-го, а несколькими днями спустя Наталия Александровна разрешается

от бремени дочерью Софией. (Чуть ранее, в том же месяце, — в Доме Романовых празднуют рождение цесаревича, будущего императора Николая И. Именно Софии, первой из внуков поэта, предстоит породниться с царской династией!)

И только в июле 1868 года гражданские супруги предстанут перед алтарем одного из лондонских храмов. И будут обвенчаны по лютеранскому обряду неким священником, известным своим либерализмом и веротерпимостью.

Сей факт в отечественных трудах о судьбах потомков поэта (то ли намеренно, то ли по незнанию) искажался — биография дочери Пушкина «причесывалась» на «благочестивый манер». Год венчания ее с принцем указывается как 1867-й! И тогда появление на свет маленькой Софии не противоречит законам нравственности!

Достойно удивления, как смело и дерзко брошен вызов свету Наталией Пушкиной! Сколь много было в ней воли, жизненной энергии и силы любви, чтобы суметь преодолеть все немыслимые препятствия и обрести такое выстраданное семейное счастье!

Но какой дорогой для нее ценой! Ведь дети от первого брака — сын и две дочери — остались в России…

Насаусской Наталия Александровна не стала по ряду причин. Да и само герцогство, в 1866-м аннексированное и присоединенное к Пруссии, превратилось в «Нассаускую провинцию». Титул графини Меренберг, по названию старинной крепости в окрестностях Висбадена, пожаловал ей принц Георг Валдек-Пирмонт, зять мужа.

После всех потрясений жизнь Наталии Александровны входит в обычное русло, она тихо живет в своем доме в Висбадене, где на свет появляются еще двое ее детей: дочь Александра и сын Георг. С тех пор в этом курортном немецком городке имя Пушкина стало звучать особенно часто.

Одно из тех давних свидетельств — строки газетной хроники за 1899 год: «Висбаден. 26 мая. Сегодня здесь отслужена была заупокойная литургия по А.С. Пушкину. Русская церковь… была полна молящихся, среди которых находилась дочь Пушкина, графиня Н.А. Меренберг, и две внучки поэта».

У дочери поэта хранились письма ее отца. По воле Наталии Николаевны бесценные семейные реликвии переданы были ее бедной Таше — пушкинские письма могли бы стать ей подспорьем в трудные минуты жизни… Первая публикация писем Пушкина к невесте и жене (в Висбаден на переговоры к графине Меренберг об условиях выхода их в свет приезжал Иван Сергеевич Тургенев) сразу же стала событием мирового масштаба.

…Второй брак Наталии Александровны признан был

морганатическим, поскольку супруга не принадлежала к особам королевской фамилии либо знатного, титулованного рода. Так же, как и брак ее дочери Софии, ставшей женой великого князя Михаила Михайловича, внука Николая I.

Если бы не династические «зазоры», правнуки Александра Сергеевича и Наталии Николаевны: Анастасия, Надежда и Михаил должны бы носить свою законную августейшую фамилию — Романовы.

Любовный роман дочери поэта имел долгое-долгое продолжение: от «немецкой ветви» пушкинского древа пошли в рост — «английская» и «швейцарская». Русский поэт оказался в родстве с лордами, баронами, маркизами, графами. И даже — королевскими особами Виндзорского Дома. Родство с Пушкиным и его женой — прекрасной Натали — стало для них предметом особой фамильной гордости.

…А в январе далекого 1852-го, на домашнем балу до утра кружилась в вальсе со своим женихом Таша Пушкина. И хозяйка бала Наталия Николаевна не могла налюбоваться юной красотой дочери.

«ЦВЕТОК ЗАСОХШИЙ, БЕЗУХАННЫЙ»

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?

Александр Пушкин

В предгорьях Словацких Карпат

Бродзяны могли бы стать местом паломничества пушкинистов. Однако в стране, еще недавно называвшейся Чехословакией, в знаменитом курортном городке Карловы Вары, где мне довелось побывать, о Бродзянском замке никаких сведений не было. Не знали о нем ни в туристском агентстве «Чедок», ни в городском бюро информации, ни даже в российском консульстве.

Это название преследовало меня давно — еще с тех пор, когда отец работал над составлением генеалогического древа рода Пушкиных. Пушкинистом он стал после того, как свой первый бой в Отечественную войну принял под Полотняным Заводом, родовым гнездом Наталии Гончаровой… Тогда он дал себе зарок: «Если уцелею, буду изучать пушкинский род». Так оно и случилось.

Я искала название Бродзяны на самых подробных картах, зная лишь, что замок находится в западной Словакии, где-то на границе с Моравией. Тщетно! Бродзяны нигде не значились.

А время моего пребывания в Чехии, отмеренное тремя неделями, буквально таяло — до отправления поезда на Москву оставалось чуть более двух суток. И вот, на исходе предпоследнего дня российский консул Генрих Духовский дозвонился-таки до своего коллеги в Братиславе. И счастье — маршрут в Бродзяны известен! Ехать нужно через всю Чехию и Словакию, минуя Прагу, Брно и Братиславу, в словацкий город Партизанок. В его окрестностях, в долине реки Нитры, и значится замок Бродзяны.

В Бродзяны добралась лишь к ночи. И каково же было мое волнение, когда на мраморной доске, укрепленной у входа в замок, ярко освещенной уличными фонарями, прочла: «Литературный музей имени А.С. Пушкина». Вот, оказалось, как именуется ныне замок и почему так долго я не могла его найти. Музей, конечно же, был закрыт. Городок спал. Выраставший из темноты парка замок походил на мрачную средневековую крепость с узкими оконцами-бойницами. Старинный ров, полукругом опоясывавший дом, как и некогда прекрасный каскад прудов в парке, густо поросли болотной ряской.

Полночь. Духота августовского дня сменилась ночной сыростью, крупные звезды выложили загадочный узор в небе над замком. Где-то глухо пробили часы; стихли чьи-то шаги и смех, музыка, доносившаяся из далекого ночного кабачка. Тени бывших владельцев Бродзян проступили в сумраке аллей… В лунном

свете таинственно мерцал пушкинский бюст. Удивительно все же — где только, в каких странах не встретишь памятники поэту! Вот и в Словакии тоже есть свой Пушкин…

И еще думалось о том, как далеко развела судьба сестер Гончаровых от их родного Полотняного Завода: старшая, Екатерина, нашла свой последний приют на фамильном кладбище Дантесов во французском городке Сульце, средняя, Александра, — здесь, в предгорьях Словацких Карпат, а младшая, красавица Натали, — на старом Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

…В пять утра рассвело, и замок не казался уже столь мрачным и угрюмым, да и сам парк — не таким заброшенным. До открытия музея времени оставалось предостаточно, и можно было обследовать окрестности имения. На одном из холмов, примыкавших к поселку, из-за верхушек елей едва пробивался островерхий купол. Узкая тропка, изрядно пропетляв по крутому склону, вывела к каменной часовне. По обе стороны от входа в нее — ряды мраморных досок с выбитыми латинским шрифтом знакомыми именами.

Вот и она, баронесса Александра фон Фризенгоф, урожденная Гончарова, владелица Бродзян, умершая 9 августа 1891 года, на двенадцать лет пережив своего супруга барона Густава фон Фризенгофа. Здесь же покоится их дочь Наталия, в замужестве — герцогиня Ольденбургская, зять Антон Гюнтер Фридрих Элимар, герцог Ольденбургский, внучка Александрина Густава Фредерика, принцесса Ольденбургская, скончавшаяся в двадцать четыре года от туберкулеза. Вся семья нашла вечный приют в этой печальной усыпальнице.

Жаркий и сухой август уже вызолотил верхушки деревьев, и резная листва платанов выстлала и крышу часовенки, и поляну перед ней…

Таким же августовским днем 1968-го одна из бродзянских жительниц, поднявшись к часовне по обыкновению помянуть умерших, застыла в ужасе. Сбежавшимся на ее крик людям открылась жуткая картина: на поляне, покрытой золоченой листвой, валялись человеческие кости, истлевшие фраки и обрывки кружев. Искали ли в склепе драгоценности грабители, или этот варварский акт был неким знаком протеста против ввода советских войск в Чехословакию, так и осталось тайной. Но вандализм есть вандализм, и оправдать его нельзя ничем.

Останки особ некогда владетельного семейства бережно собрали и замуровали в стены часовенки-склепа. Так надежней в этом неспокойном мире.

Замок барона фон Фризенгофа

Бродзяны неслучайно называют русским островком в Словакии. Александра Николаевна, приехав после замужества в это имение, расположенное в живописном краю Белых Карпат, постаралась захватить с собой как можно больше вещей, напоминавших ей о далекой России: книг, альбомов, нот, картин. Да и жизнь в Бродзянах во многом текла по давно заведенному в России порядку. Даже кушанья в доме готовились русские.

…За восемнадцать лет до замужества Александры, летом 1834-го, Наталия пригласила ее с Екатериной к себе в Петербург.

Александра сумела стать добрым другом поэта. Слыла большой любительницей чтения и, по свидетельству князя А.В. Трубецкого, еще до замужества младшей сестры знала наизусть все пушкинские стихи. Позже она просила Наташу передать Пушкину ее просьбу: «…Не будет ли он так добр прислать мне третий том его собрания стихотворений. Я буду ему за это чрезвычайно благодарна».

Сестры Гончаровы снискали славу лихих наездниц, а следовательно, имели характер волевой и решительный. Особенно Александра: «Но самый горячий конь покорится, если всадник так искусен, как я», — не без гордости писала она некогда брату Дмитрию.

Александра вышла замуж поздно, в пору своего сорокалетия. К тому времени Наталия, после долгого вдовства, была замужем за генералом Ланским и матерью семерых детей. И в том счастливом замужестве более всего ее тревожила незадавшаяся судьба бедной Ази. Хотя характер у сестры был далеко не ангельский и мрачное настроение редко покидало ее.

Непростые отношения сложились у Александры с Петром Петровичем Ланским. Этот семейный разлад приносил Наталии Николаевне немало огорчений: «Вы оба хорошие люди, с добрейшими сердцами, как же так получается, что вы не ладите». Всеми силами старалась она примирить двух близких ей людей.

Из писем Наталии Николаевны мужу (1849):

«Я прочитала Саше часть письма, которая ее касается… Увы, что ты хочешь, невольно я являюсь немножко причиной ее отчуждения в отношении тебя, что тут поделаешь: раньше я принадлежала только ей, а теперь тебе и ей. Не может быть, чтобы в глубине сердца она не отдавала тебе должное, не ценила благородство твоего характера»;

«В конце концов, можно быть счастливой, оставшись в девушках, хотя я в это не верю. Нет ничего более печального, чем жизнь старой девы, которая должна безропотно покориться тому, чтобы любить чужих, не своих детей, и придумывать себе иные обязанности, нежели те, которые предписывает сама природа. Ты мне называешь многих старых дев, но проникал ли ты в их сердца, знаешь ли ты, через сколько горьких разочарований они прошли и так ли они счастливы, как кажется…»;

«Ты, может быть, опять скажешь, что я не права, что женщина может быть счастлива не будучи замужем. И все-таки нет, я убеждена в обратном… Ничто не может заполнить пустоту, которую оставляет любовь. Потеря всякой надежды на чувство ожесточает характер женщины. Печально пройти по жизни совсем одной»;

«Я передала твою благодарность Саше. Вот уже неделя, как она в плохом настроении, я редко слышу звук ее голоса. Так что, как видишь, твое присутствие в этом случае не имеет значения. Она всегда была такая, даже в те времена, когда ей было семнадцать лет и все будущее было перед нею»;

«…Ей нужна горячая привязанность, и если провидению будет угодно, как я о том молюсь, даровать ей счастливое замужество, счастье сгладит неровности ее нрава и даст возможность проявиться ее многим хорошим качествам».

С будущим мужем, чиновником австрийского посольства в Петербурге бароном Густавом Фогелем фон Фризенгофом, Александра познакомилась, когда помогала ухаживать за его больной женой. Первой женой барона была Наталия Ивановна Иванова, приемная дочь Софьи Ивановны Загряжской, тетушки сестер Гончаровых, и ее мужа, известного писателя и художника, француза по происхождению, Ксавье де Местра. (Граф Ксавье де Местр был дружен с родителями Пушкина, он автор двух известных миниатюр — Надежды Осиповны, матери поэта, и Пушкина в младенчестве). Есть и другая версия, основанная на документальных фактах, — Наталия Иванова была незаконной дочерью Александра Ивановича Загряжского, владельца тамбовской усадьбы Знаменское-Кариан.

Наталия Ивановна умерла в октябре 1850 года, оставив сиротой десятилетнего сына Грегора фон Фризенгофа, в будущем известного словацкого ученого-метеоролога. Спустя полтора года

овдовевший барон предложил руку и сердце Александре Гончаровой. Предложение было принято, свадьба состоялась 18 апреля 1852 года, и вскоре Александра Николаевна с мужем уехала в Австрийскую империю, в имение барона Бродзяны.

С собой увезла она и подаренную ей на смертном одре поэтом (через княгиню Веру Федоровну Вяземскую) золотую цепочку. Позже Александра Николаевна передала эту цепочку и кольцо с бирюзой своей единственной дочери Наталии. Бирюзовый перстень поэт однажды попросил у Александрины, носил его, а потом вновь вернул ей.

Весной 1938 года тогдашний владелец Бродзян граф Георг Вельсбург, правнук Александры Николаевны, показывал фамильные реликвии писателю Раевскому: «В ящичке с драгоценностями герцогини, именно в ящичке из простой фанеры (Наталия Густавовна считала, что воры не обратят на него внимания), я увидел потемневшую золотую цепочку от креста, по словам хозяйки замка, тоже принадлежавшую Александре Николаевне. Доказать, конечно, невозможно, но быть может, это самая волнующая из бродзянских реликвий…»

Большую часть своей жизни после замужества — а прожила Александра Николаевна с мужем тридцать шесть лет, и супружество это, хоть и позднее, было, видимо, счастливым для нее — баронесса Фризенгоф провела в Бродзянах. Дочь Наталия посвятила стихи в честь серебряной свадьбы своих родителей, что торжественно отмечалась в бродзянском замке 18 апреля 1872 года.

Замок на берегах Нитры и его хозяйка, «тетушка Фризенгоф», славились своим радушием и гостеприимством. Не порывались связи и с отчим домом баронессы на берегах далекой калужской реки Суходрев. К сестре приезжали погостить братья Дмитрий, Сергей, Иван.

Часто бывала здесь и любимая младшая сестра со своими чадами: старшими — детьми Пушкина и младшими — девочками Ланскими. Сестры поддерживали теплые дружеские отношения. Племянница Наталии Николаевны маленькая Наташа Фризенгоф любила сидеть на скамеечке у ног своей красавицы тетки.

Сохранилось письмо Александры Николаевны, отправленное ею в первые годы пребывания в Бродзянах брату Ивану и его жене:

> «Я так глубоко сожалею, что не знаю никого из твоих детей. Мне очень тяжело, что я им совсем чужая, принимая во внимание мою любовь к вам обоим, мои

дражайшие добрые друзья… Мы живем по-прежнему, очень довольные своей судьбой… Живя вдали от военных бедствий, мы страдаем только душою, когда какая-нибудь прискорбная неудача случается с русскими. Да ниспошлет им Господь помощь в их неудачных сражениях и дарует им славную победу в обороне Крыма».

Даже по этому отрывку легко представить, какой была в жизни Александра Гончарова, сколь изначально много было заложено в ее характере доброты и сострадания, воли и страсти. Ведь не зря так доверительно дружески относился к ней сам поэт. И своей младшей любимой сестре Натали она долгие годы была самым близким другом и помощницей, делила с ней все тяготы ее грустной вдовьей жизни.

Покидая Россию, Александрина увезла с собой альбом с видами Полотняного Завода — дорогих ее сердцу мест. «Я была бы так счастлива приехать отдохнуть на несколько месяцев в наш тихий дом в Заводе», — писала она некогда. Ныне в экспозиции музея всего лишь одна фотография калужского имения Гончаровых с запечатленными на ней въездными Спасскими воротами.

При жизни Александры Николаевны в замке была собрана богатейшая библиотека. И теперь в мемориальных залах теснится на полках книжных шкафов множество книг в старинных дорогих переплетах. В их числе — и книги из знаменитой русской библиотеки Смирдина.

Не менее страстно, чем чтение, Александрина любила музыку. Еще в 1835 году она признавалась в письме брату Дмитрию: «Ты, наверное, знаешь, что я беру уроки пиано… Это единственная вещь, которая меня занимает и развлекает. Только занимаясь моими заданиями, я забываю немножко мои горести».

В гостиной бродзянского замка будто и по сей день ждут хозяйку раскрытые старинные клавикорды, помнившие теплоту ее рук. Как и прежде, на них — любимые ноты: Чайковский, Бетховен, Штраус, чьи мелодии часто звучали в стенах старого замка.

Наталия, герцогиня Ольденбургская

Племянница Наталии Николаевны, нареченная в ее честь, родилась 8 апреля 1854 года. Единственная дочь баронессы Александры фон Фризенгоф в юности получила прекрасное образование: владела пятью иностранными языками, читала в подлинниках работы немецких философов. Блистала недюжинными талантами: замечательно рисовала, музицировала, писала стихи. Вся жизнь этой необыкновенной женщины связана с любимыми ею Бродзянами. Современники, упоминая об эксцентричности Наталии Густавовны, отдавали должное ее уму, доброте и талантам.

В 1876 году она вышла замуж за герцога Элимара фон Ольденбургского, ведущего свой род от королевской шведской династии. Правда, власти великого герцогства Ольденбургского сочли этот брак морганатическим и не признали за Наталией фон Фризенгоф прав на герцогский титул. Герцог Элимар, немало претерпевший из-за своей неравной женитьбы, был даже лишен доходов Ольденбургского Дома. Впрочем, у него осталось весьма солидное состояние. Много позже, уже овдовев, Наталия Густавовна вынуждена была принять для своих детей — сына Александра и дочери Фредерики титулы графа и графини фон Вельсбург, по названию одного из замков Ольденбургского Дома. Однако свой высокий титул гордая и независимая Наталия все же сумела сохранить и именовала себя не иначе, как герцогиней Ольденбургской.

После смерти мужа, а потом и дочери Наталия Густавовна окончательно переселилась в выстроенный на вершине холма замок, поблизости от часовенки, где покоился прах дорогих ей людей, и вела там почти отшельническую жизнь.

От некогда романтического замка, прозванного за причудливость архитектурных форм «Вавилоном», ныне остались лишь живописные руины. Битая, чудом уцелевшая лестница ведет… в никуда. Лишь кое-где уцелели обломки каменных стен со стрельчатыми проемами окон и крохотные островки мозаичного пола. Где-то здесь была спальня герцогини Ольденбургской с созданным по ее проекту необычным стеклянным потолком. Засыпая, она любила смотреть на яркие бродзянские звезды…

Об этой удивительной комнате я впервые услышала от Игоря Леонидовича Новосильцова, приехавшего в 1991-м из Флориды к своему московскому родственнику Игорю Гончарову. В то время ему уже было под девяносто. Но памятью, да и жизненной силой

Игоря Леонидовича Бог не обидел. И рассказчиком он был замечательным.

В начале тридцатых, когда семья Новосильцовых бедствовала в эмиграции, матери Игоря Леонидовича Наталии Дмитриевне, урожденной Гончаровой (юные годы она провела в Полотняном Заводе, и даже комната, что была отведена ей в фамильном гончаровском дворце, прежде принадлежала ее тезке красавице Натали), в Прагу из Бродзян пришло письмо, в коем немолодая уже герцогиня приглашала внучатую племянницу с сыном к себе в гости. Описывая свои любимые занятия, та вскользь упомянула и о своей романтической спальне в замке. Возможно, именно эти строки и заставили тогда Новосильцовых отказаться от приглашения — не пристало гордым российским дворянам являться бедными родственниками ко двору титулованных и столь владетельных иноземных особ.

В январе 1937 года, в канун столетней годовщины со дня смерти Пушкина, старая герцогиня умерла. И вместе с ней ушла в небытие тайна последних, преддуэльных, месяцев жизни поэта.

Ее знала Александра Гончарова, свидетельница тех томительных и скорбных дней. «То, что происходит в этом подлом мире, мучает меня и наводит ужасную тоску», — писала она накануне рокового поединка. Бесспорно, знала ту тайну и единственная дочь Александры Наталия.

…А Игорь Леонидович однажды с грустью признался мне, что всю жизнь чувствует за собой некую вину перед пушкинистами за тот давний так и не состоявшийся визит к герцогине Наталии Ольденбургской.

Кореонсис из Михайловского

Давно предполагалось, что в Бродзянах хранились ранее альбом Александры Гончаровой с пушкинскими стихами и рисунками, ее дневники и, возможно, письма поэта к ней. В самом конце войны, в апреле 1945-го, Пушкинская комиссия Союза писателей СССР направила генерал-лейтенанту Тевченкову, члену военного совета второго Украинского фронта (в районе боевых действий фронта находились Бродзяны), письмо с просьбой: «Принять заблаговременные меры к сохранению находящихся в этом замке рукописей, книг и других культурных ценностей для того, чтобы обеспечить в дальнейшем возможность розысков среди них пушкинских материалов». Однако еще в начале 1945 года владелец Бродзян граф Георг Вельсбург отправил из имения в Вену все, что представляло собой фамильные ценности. Три товарных вагона с багажом до станции назначения так и не дошли…

Кто знает, где и когда отыщутся бесценные пушкинские автографы? Помимо Бродзян, исследователи называют имение герцога Ольденбургского Эрлаа, чешский город Теплице, Вену, имения Граупен и Винздорф в Богемии, Будапешт. Но и Бродзянский архив хранит еще немало загадок и тайн.

В замке непостижимым образом (в годы войны его занимали румынские солдаты) сохранились фамильные реликвии. Одна из самых диковинных — гербарий трав из Михайловских рощ и лугов, собранный в августе 1841 года.

Тем летом в Михайловском вместе с детьми и с сестрой Александрой жила вдова поэта Наталия Пушкина. Там же, в пушкинской усадьбе, гостила и чета Фризенгофов. «Мы связаны нежной дружбой с Натой, и Фризенгоф во всех отношениях заслуживает уважения и дружеских чувств, которые мы к нему питаем», — сообщала об их приезде Наталия Николаевна брату Дмитрию.

Неистощимая на выдумки Наталия Ивановна и предложила собрать гербарий, что считалось тогда модным увлечением. Собирали травы и цветы все: дети Пушкина, сестры Наталия и Александра, сама Наталия Фризенгоф. Под каждым гербарным листом, исполненным соразмерности и гармонии, сделана памятная надпись — когда и кто нашел цветок.

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной

Душа наполнилась моя:
Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем…

Гербарий тот Наталия Фризенгоф увезла с собой в Бродзяны…

И спустя столетие именно по этому образцу, хранящему память о цветах, ныне почти позабытых — кореонсисе, гайлярдии, петунии, — восстановлены цветники в мемориальных пушкинских усадьбах: Тригорском, Петровском и Михайловском. Сберегли гербарные листы, своим изящным «рисунком» схожие со старинными гравюрами, лесные и полевые травы: вереск, тысячелистник, пижма, хвощ.

Исторический гербарий помещен ныне в особое хранилище — слишком хрупки и недолговечны цветы и травы, да и возраст у «михайловской реликвии» весьма почтенный — более полутора столетий!

Немало в бродзянском замке портретов друзей, родственников поэта, его детей. Любительские карандашные зарисовки — Александра, Марии, Григория и Наташи Пушкиных, сделанные Николаем Ланским, племянником Наталии Николаевны, донесли до нас облик детей поэта в годы их молодости.

В одной из мемориальных комнат замка, закрытой от губительных солнечных лучей особыми полотняными шторками, висит акварельный портрет Наталии Пушкиной работы Владимира Гау. Акварель запечатлела тридцатилетнюю Натали в горькую для нее пору вдовства — в строгом коричневом платье, с переброшенной через руку мантильей, отороченной соболем. И с неизбывной печалью в прекрасных зеленовато-карих глазах…

И еще одна, быть может, самая трогательная реликвия, уцелевшая в Бродзянах: в дверном проеме гостиной, на косяке, каким-то чудом сохранились отметки роста Наталии Николаевны, ее детей. Карандашная отметка удостоверяет: избранница поэта имела рост 173 сантиметра, удалась в мать и дочь Наташа — у нее был точно такой же рост.

Наверное, это одно из немногих мест в мире, где старый паркет хранит легкие следы божественно прекрасной Натали. В мире, где ей пришлось претерпеть самую тонкую лесть и самую низкую хулу. Последний раз она, страдавшая уже неизлечимым недугом, навестила Бродзяны за год до кончины.

Из воспоминаний Александры Араповой:

«Успешное лечение в Вилдбаде, осень в Женеве и первая зима в Ницце оказали на здоровье матери самое благоприятное влияние. Силы восстановились, кашель почти исчез… Отец со спокойным сердцем мог вернуться на службу в Россию, оставив нас на лето в Венгрии, у тетушки Фризенгоф…

Но за период этой разлуки случилось обстоятельство, сведшее на нет с таким трудом достигнутый результат. Дурные отношения между моей сестрой (Наталией Дубельт) и ее мужем достигли кульминационного пункта; они окончательно разошлись, и, заручившись его согласием на развод, она с двумя старшими детьми приехала приютиться к матери.

Религиозные понятия последней страдали от этого решения, но, считая себя виноватой перед дочерью, она не пыталась даже отговорить ее.

Летние месяцы прошли в постоянных передрягах и нескончаемых волнениях. Дубельт, подавший первый эту мысль жене, вскоре передумал, отказался от данного слова, сам приехал в Венгрию, сперва с повинной, а когда она оказалась безуспешной, то он дал полную волю своему необузданному, бешеному характеру…

Целыми днями бродила она (Наталия Николаевна) по комнате, словно пытаясь заглушить гнетущее горе физической усталостью, и часто, когда взор ее останавливался на Таше, влажная пелена отуманивала его. Под напором неотвязчивых мыслей, она снова стала таять как свеча, и отец, вернувшийся к нам осенью, с понятной тревогой должен был признать происшедшую перемену».

Путь Наталии Николаевны вновь лежал в Ниццу, на прежнюю виллу, оставленную за ней и ее семейством с минувшей весны.

…Я уезжала из Словакии в Москву, чтобы успеть на «Натальин день» — праздник, посвященный дню рождения Наталии Гончаровой, самой очаровательной и загадочной женщины девятнадцатого столетия. Этот день — 8 сентября 1992 года — отмечался в России впервые после долгих-долгих лет забвения.

И вновь белоснежная «Шкода» мчалась по автострадам, оставляя позади словацкие, а потом чешские города и селения. И Бродзяны, как прежде, казались мне чем-то далеким и недоступным…

ПРОЩАЛЬНЫЙ БАЛ В НИЦЦЕ

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица
Подняться хочет — и не может…

Федор Тютчев

«Лазурь чужих небес»

Так уж случилось, что именно в Ницце, небольшом средиземноморском городке, словно в едином нервном узле сошлись пути и судьбы российских самодержцев и потомков великого поэта.

Кто только не прогуливался по знаменитой Английской набережной — ее камни помнят и величественную походку императрицы Александры Федоровны, и тяжелую поступь самодержца Александра II, и легкие шаги Наталии Николаевны, вдовы поэта.

Жемчужина Средиземноморья, столица Французской Ривьеры, имела в девятнадцатом веке и другое название — Русская Ницца. Русские стали обживать ее еще в царствование Николая Первого. Вернее, его супруга государыня Александра Федоровна сделала первый почин в открытии благодатного уголка южной Франции, настоящего земного рая.

Судьба династии Романовых неотделима от этого городка на Лазурном берегу. Можно с полным правом утверждать, что история России последних двух столетий вершилась именно здесь.

В Ницце, в апреле 1865 года скончался в молодых летах наследник российского престола Николай Александрович. Ему шел всего лишь двадцать второй год… В Ницце, у одра умирающего наследника решится судьба августейшего брачного союза: цесаревич Николай словно соединит руки своего брата, будущего императора Александра III, и своей невесты — датской принцессы Дагмар, ставшей российской императрицей Марией Федоровной.

Исторические параллели порой выравнивают, сглаживают горестные и счастливые события. Спустя ровно тридцать лет после кончины цесаревича Николая его единокровная сестра Ольга, дочь императора Александра II и Светлейшей княгини Екатерины Юрьевской, обвенчалась с графом Георгом фон Меренбергом, внуком поэта.

Бытует легенда о мистическом предсказании Александра Пушкина судьбы будущего царя. Увидев бюст наследника у Жуковского в Царском Селе, поэт, пристально вглядевшись в мраморного двойника цесаревича, вдруг произнес показавшиеся всем странные слова:

> «Вижу славное царствование, великие дела и — Боже — какой ужасный конец! По колени в крови!»

Последние слова Пушкин, словно в забытьи, повторил несколько раз…

В апреле 1834 года Пушкин не явился во дворец, где пышно отмечалось совершеннолетие наследника Александра Николаевича, чтобы засвидетельствовать свои верноподданнические чувства. Хотя и подробно описал в дневнике все торжество, назвав его государственным и семейственным.

И в письме к жене сообщил главную петербургскую новость: «Нынче великий князь присягал; я не был на церемонии, потому что рапортуюсь больным, да и в самом деле не очень здоров». Но и пожалел, «что не видел сцены исторической и под старость нельзя… будет говорить об ней как свидетелю». И все же со всей твердостью заявил: «К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди, и мне, вероятно, его не видать».

К несчастью, слова эти оказались пророческими. Не дано было знать Пушкину, что в будущем ему уготовано необычное родство — стать прадедом для внуков Александра II…

Как причудливо вела судьба к встрече Светлейшую княжну Ольгу Юрьевскую и графа Георга Меренберга! Сколько должно было произойти событий — и великих, мирового масштаба, и обыденных, семейных, чтобы настал для них этот счастливый день!

Двенадцатого мая 1895 года под сводами православного храма в Ницце свершится великое таинство — молодых нарекут супругами. Так неожиданно южный французский город станет перекрестком судеб наследников великого поэта и российского самодержца.

Из Ниццы княгиня Юрьевская пишет письмо к Николаю II с просьбой быть посаженым отцом на свадьбе дочери Ольги. Молодой государь в Ниццу тогда так и не приехал, и свадебные торжества, что прошли на вилле Светлейшей княгини Юрьевской, состоялись без его высочайшего участия. Жаль. Ведь там могла произойти встреча Николая II с дочерью поэта, пред коим государь благоговел, — Наталией Александровной, урожденной Пушкиной. Графиня Наталия фон Меренберг присутствовала и на пышном венчании сына в русском храме, и на свадебном обеде у Екатерины Юрьевской, своей сватьи.

…В Ницце в конце 1920-х годов обосновалась внучка поэта Елена фон дер Розенмейер, младшая дочь генерала Александра Пушкина.

Иван Бунин познакомился с ней 6 июня 1940 года в Ницце и оставил памятную запись: «…крепкая, невысокая женщина, на вид не больше 45, лицо, его костяк, овал — что-то напоминающее пушкинскую посмертную маску». В своем дневнике писатель не раз упоминал о встречах с Еленой Александровной, в которой «текла кровь человека для нас уже мифического, полубожественного!»

«…Елена Александровна фон Розен-Мейер, на которую мне было даже немножко странно смотреть, — признавался Бунин в одном из писем, — ибо она только по своему покойному мужу, русскому офицеру, стала фон Розен-Мейер, а в девичестве была Пушкина…»

Но жизнь Елены Александровны и ее дочери Светланы в эмиграции была сопряжена со многими трудностями и лишениями. В августе 1943 года она скончалась в городской больнице в полной нищете…

«Еще одна бедная человеческая жизнь исчезла из Ниццы — и чья же! Родной внучки Александра Сергеевича! — записал в своем дневнике Бунин. — И может быть, только потому, что по нищете своей таскала тяжести, которые продавала и перепродавала ради того, чтобы не умереть с голоду! А Ницца с ее солнцем и морем все будет жить и жить! Весь день грусть…»

В бунинском архиве были обнаружены любопытные записи о Елене Александровне: «Она была такая же бездомная, бедная эмигрантка, как все мы, бежавшие из России…. добывала в Ницце пропитание тяжким трудом, которым и надорвала себя так, что перенесла две операции. Оплатить вторую операцию, которая свела ее в могилу, у нее уже не хватало средств, — их нужно было добывать как милостыню у добрых людей. И я сделал тут все, что мог, но это уже ее не спасло. Так на моих глазах погибла родная внучка Пушкина». И родная внучка Наталии Николаевны…

С именем Елены Александровны, обладательницы пушкинских реликвий (в их числе и портрета Наталии Николаевны), связана и загадочная, полная тайн и мистификаций история, касающаяся судьбы неизвестного дневника поэта. В числе фамильных раритетов она привезла с собой на Лазурный берег и портрет своей бабушки Наталии Николаевны, прекрасную акварель кисти Владимира Гау.

…Когда-то вдова поэта Наталия Николаевна провела в Ницце последние годы и месяцы своей жизни. Одно из немногих свидетельств тех дней — записки князя Владимира Голицына:

«Зиму 1861–1862 годов я с родителями проводил в Ницце, и там жила вдова Пушкина, Наталия Николаевна, урожденная

Гончарова, бывшая вторым браком за генералом Ланским. Несмотря на преклонные уже года, она была еще красавицей в полном смысле слова: роста выше среднего, стройная, с правильными чертами лица и прямым профилем, какой виден у греческих статуй, с глубоким, всегда словно задумчивым взором».

Русская Ницца — так многие десятилетия называли этот красивейший уголок Средиземноморья. История этого французского города на далеком Лазурном берегу вобрала в себя судьбы знаменитых русских семейств: венценосных Романовых, Оболенских, Голицыных, Трубецких, Гончаровых, Пушкиных.

И как необычно, через века, соединились в нем жизненные пути наследников русских царей и потомков великого поэта.

Печальный вижу я
Лазурь чужих небес, полдневные края…

Незнаемые Наталией Николаевной ее внуки и правнуки. Словно на мгновение, как на старом дагерротипе, отразились их лики в лазурной глади Средиземного моря…

«Под небом полуденной Франции»

Все-таки удивительно, как прочно связывают нас с прошлым незримые тончайшие нити! И как события, свершившиеся в иных веках, врываются в размеренный ход сегодняшних дней и словно магнитом притягивают к себе.

Мы, а это съемочная группа телеканала «Культура», едем в Ниццу снимать фильм о последних месяцах жизни Наталии Николаевны Пушкиной-Ланской, проведенных здесь, на Лазурном берегу. Где они, ее легкие следы в беззаботном курортном городке? И как могли сохраниться они в бурном водовороте жизни столицы Французской Ривьеры? Сменились века, целые эпохи. Время здесь ощущается почти зримо — оно подобно морским волнам, что без устали накатывают на средиземноморский берег… И не безрассудно ли искать память о вдове поэта на Лазурном берегу в двадцать первом веке?

Еще до нашего отъезда мне позвонил из Лихтенштейна барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн. «Народному барону», как его называют в России и за любовь к стране, ставшей для него родиной, и за все щедрые дары, подаренные ей, сравнялось девяносто.

Эдуард Александрович детство свое провел в Ницце, куда все семейство Фальц-Фейнов вынуждено было перебраться из революционной России. Его отец Александр Фальц-Фейн, весьма состоятельный и удачливый предприниматель, потрясенный первой русской революцией 1905 года, тогда же приобрел в Ницце великолепную виллу. Так, на всякий случай. И случай, как известно, не заставил себя долго ждать. В России грянула Великая Октябрьская. Фальц-Фейны и Епанчины (родители Веры Николаевны, матери барона) из Германии, куда их забросила эмигрантская судьба, перебрались на юг Франции. Вилла в Ницце с поэтическим названием «Пальмы» была вскоре продана, и на вырученные деньги семья могла безбедно существовать на чужбине. И маленький Эдик, как его любовно называли в семье, провел в Ницце счастливые годы детства и юности. Кто только из русских эмигрантов не побывал в их гостеприимном доме — Федор Шаляпин и Сергей Дягилев, Игорь Стравинский и Серж Лифарь…

Барон, еще в марте, при встрече в Москве заверил меня, что обязательно приедет в Ниццу, чтобы участвовать в съемках. Но затем его жизненные планы изменились, и от поездки Эдуард Александрович отказался. Поэтому и позвонил в Москву сообщить о своем решении.

Правда, тут же выразил уверенность, что будущий фильм «Натали. Три жизни Наталии Гончаровой» очень важен — о жизни вдовы поэта известно мало, и тем более в Ницце.

К сожалению, название виллы, которую в течение двух сезонов, в 1862 и в 1863 годах, снимала в Ницце Наталия Николаевна, барон в своих бумагах не нашел. Но заверил, что в муниципальном архиве Ниццы, который расположен в той самой вилле «Пальмы», купленной некогда его отцом, нам помогут. Забегая вперед, скажу, что наша недельная поездка пришлась на национальные праздники, и все городские учреждения, в том числе и архив, были закрыты.

И все же барон Фальц-Фейн оказал нам добрую услугу.

— Кланяйтесь от меня княжне Оболенской, старосте русского собора в Ницце, самого красивого в Европе. И еще передайте привет сторожу русского кладбища Евгению Веревкину. Там похоронена княгиня Екатерина Юрьевская, вдова Александра II. Моя матушка еще до революции бывала у нее в гостях.

…Майская Ницца встретила нас неласково: окрестные горы заволокло тяжелыми тучами, серо-свинцовые волны лениво накатывали на берег. Моросил дождь. Растрепанные ветром пальмы на Английской набережной тревожно шелестели.

Через час после посадки мы были уже в подворье русской церкви. В зелени пальм, акаций и магнолий вздымались в небо резные купола и главки, увенчанные сверкающими золотом крестами и двуглавыми российскими орлами. Врата храма были распахнуты — из них медленно выходила траурная процессия. Только что отпели одну из почтенных прихожанок, и человек двадцать, родных и друзей, пришли проводить ее в последний путь. Среди них была и княжна Варвара Сергеевна Оболенская.

Мы познакомились. Восьмидесятилетняя седовласая дама со следами былой красоты, прожив во Франции почти всю свою жизнь, сохранила и чистую, безо всякого акцента, старорусскую речь. Говор, который можно сберечь лишь на чужбине. Несмотря на сдержанность, граничащую с аристократическим холодком, встретила нас довольно благосклонно. Но сниматься в фильме категорически отказалась. А вот историю Свято-Николаевского храма, где она служила старостой многие годы, Варвара Сергеевна рассказала во всех подробностях.

Долгие годы его прихожанкой была Светлейшая княгиня Екатерина Юрьевская, избравшая своим пристанищем Ниццу.

Конечно же, в этом великолепном храме, возведенном в начале двадцатого века, не довелось бывать вдове поэта. Но где же молилась Наталия Николаевна? Живя долгие месяцы в Ницце, не могла же она, как и многие русские, лечившие свои недуги на

Лазурном берегу, не посещать церковь. Незадолго до отъезда мне попалось опубликованное в «Русском архиве» письмо великого князя Константина Николаевича Александру II, датированное декабрем 1858 года, где он оповещал своего венценосного брата о закладке в Ницце православного храма. Значит, русская церковь все же была, и мне не терпелось узнать у Оболенской название улицы, где прежде она находилась.

— Почему же находилась? — невозмутимо переспросила княжна. — Я завтра буду там на литургии. Приезжайте в русскую церковь, что на улице Аоншан. Службу будет вести отец Михаил.

Ну не удача ли найти в Ницце церковь, названную в честь Святой Александры и Святителя Николая — небесных покровителей августейшего семейства, прихожанкой которой была глубоко верующая Наталия Николаевна? Ведь то был единственный тогда православный храм! И здесь, перед величественным иконостасом из темного мореного дуба, заказанным еще императрицей Александрой Федоровной и привезенным из России, перед ликами святых возжигала она свечи и горячо молилась об упокоении души страдальца Александра, ее покойного супруга. И, конечно же, заказала панихиду в горький для нее день — 29 января 1862 года, — минуло ровно четверть века, как умер муж…

Незримым и чудесным образом — через тихие молитвы вдовы поэта, через ее память и покаяние — храм этот связан с именем Александра Сергеевича Пушкина.

Еще одно невероятное, почти мистическое обстоятельство: первый этаж храма (службы идут в верхней его части) занимает библиотека. Так было задумано еще с самого начала, когда началось строительство русской церкви. А сама идея библиотеки при церкви принадлежала другу поэта князю Петру Вяземскому! Первые русские путешественники во Франции, а затем эмигранты щедро дарили библиотеке свои книги: за стеклами массивных шкафов тускло мерцают золотом выбитые на кожаных корешках названия старинных фолиантов. И среди них — пушкинские томики стихов! Может быть, один из них Наталия Николаевна оставила в дар книжному хранилищу? Как знать…

Как прихотлива порой бывает судьба — в церкви на улице Аоншан отпевали наследника российского престола цесаревича Николая Александровича, и под этими же сводами венчалась его единокровная сестра — Светлейшая княжна Ольга Юрьевская с родным внуком поэта!

Но об этом счастливом событии уже не дано будет знать Наталии Николаевне…

На Лазурном берегу Наталия Николаевна проведет свою последнюю в жизни зиму, встретит последнюю весну. С кем из русских виделась она в те далекие годы, кто из них был душевно близок ей? Вот круг ее друзей и знакомых: Лобановы, Урусовы, Абамелек, герцог Хамильтон… Их фотографии остались в старинных альбомах, сохраненных дочерью Наталии Николаевны Александрой.

Навещала вдова поэта и жившую на царской вилле больную императрицу Марию Александровну, которая искренне ее полюбила.

Тогда Наталия Николаевна жила в предвкушении встречи с оставшимися в России близкими. Но именно в Ницце судьба словно расщедрится и преподнесет ей свой прощальный подарок…

Город заполонили праздничные карнавальные торжества. Префект Ниццы устроил большой костюмированный бал, на который пригласил представителей многих европейских аристократических семейств, отдыхавших в то время на курорте. И появление на балу Наталии Николаевны вызвало всеобщий восторг.

Ее дочь Александра сохранила память об этом незабываемом дне:

«В течение ницского карнавала легендарная красота матери вспыхнула последним бывалым блеском… В тот вечер серосеребристое атласное платье не скрывало чудный контур ее изваянных плеч, подчеркивая редкую стройность и гибкость стана. На гладко причесанных, с кое-где пробивающейся проседью, волосах лежала плоская гирлянда из разноцветно-темноватых листьев, придававшая ей поразительное сходство с античной камеей, на алой бархотке вокруг шеи сверкал бриллиантами царский подарок, и словно окутанная прозрачной дымкой, вся фигура выступала из-под белого кружевного домино, небрежно накинутого на голову. Ей тогда было ровно пятьдесят лет, но ни один опытный глаз не рискнул бы дать и сорока.

…Я шла за нею по ярко освещенной анфиладе комнат, и до моего тонкого слуха долетали обрывками восторженные оценки: «Поглядите!.. Таких прекрасных женщин уже не бывает! Вот она, славянская красота! Это не женщина, а мечта!» А те, которые ее хоть по виду знали, ежедневно встречая медленно гуляющей «на променаде»… недоуменно шептали: «Это просто откровение! За флагом молодые красавицы! Воскресла прежняя слава! Второй не скоро отыщешь!»

Я видела, как мать словно ежилась под перекрестным огнем

восторженных взглядов, я знала, как в эту минуту ее тянуло в обыденную, скромную скорлупу, и была уверена, что она с искренней радостью предоставила бы мне эту обильную дань похвал…»

Александра не называет адрес, где состоялся исторический прием. Но разгадка проста — упомянуто имя префекта Savigni, и, следовательно, бал столь высокого международного уровня, мог пройти лишь во Дворце префектуры. Величественный особняк, служивший прежде дворцом савойских герцогов, и по сей день стоит в центре Ниццы неподалеку от старой рыночной площади.

Две мраморные женские головки, похожие на античных богинь, украшают его вход. За ажурной решеткой, в зарослях магнолий, проступает колоннада изящного дворцового портика, различимы и стеклянные потолки-витражи верхней галереи.

Сюда, в феврале 1863-го, к этой великолепной ограде подъехала карета, и Наталия Ланская в сопровождении супруга и взрослой дочери проследовала во дворец. И эти каменные головки с загадочными полуулыбками на устах стали безмолвными свидетельницами звездного часа русской красавицы. Здесь, в стенах дворца средневековых властителей, ждал ее настоящий триумф!

Последнее торжество в земной жизни Наталии Николаевны. От первого бала в зимней Москве в особняке на Тверском бульваре, где юная Натали впервые встретилась с Пушкиным, до последнего, в Ницце, пролегли долгие тридцать пять лет. Целая жизнь…

Камни знаменитой Английской набережной, что гигантской подковой легла вдоль бухты Ангелов, кажется, еще помнят ее легкую поступь… Здесь, «на променаде», Наталия Николаевна каждодневно прогуливалась в неизменном черном одеянии, в шляпе с вуалью, закрывавшей лицо от солнечных лучей. Редко кто видел ее улыбающейся, смеющейся — грусть уже давно стала ее вечной спутницей.

Минуло ровно два года, как Наталия Николаевна покинула Россию. Так настоятельно советовали доктора — суровые русские зимы были губительны для ее слабых легких. Мелькали страны и города: Германия, Швейцария, Австрийская империя, Франция — Бонн, Женева, Вена, Ницца… Именно на целебный климат Лазурного берега возлагались особые надежды. Только здесь переставал Наталию Николаевну мучить изнуряющий кашель, что месяцами не прекращался в сыром промозглом Петербурге.

«Ничто не может меня развлечь — ни путешествие, ни новые места. Я ношу в себе постоянное беспокойство, и это заставляет меня желать постоянной перемены мест. Я снова стану здоровой

и веселой, только когда придет день моего отъезда в Россию», — уверяла она родных.

Два года скитаний. Можно только представить, каким испытанием стала для Наталии Николаевны разлука с детьми, оставшимися на родине. Всем сердцем она рвалась домой и, несмотря на запреты врачей, приняла для себя роковое решение — вернуться в Россию: «День ото дня все тоскливее. Встану — считаю дни, благодарю Бога, что одним меньше…»

Знать бы ей, что судьба уже начала скорбный отсчет оставшихся дней! В мае 1863 года Наталия Николаевна покинула Лазурный берег. Как оказалось, навсегда. То была ее последняя весна. Последний май в ее жизни. Она уезжала в Россию, чтобы никогда более с ней не разлучаться…

Весна, весна, пора любви,
Как тяжко мне твое явленье,
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови…
Как чуждо сердцу наслажденье…
Все, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье.
……
Отдайте мне метель и вьюгу
И зимний долгий мрак ночей.

Каждый год подобно волне накатывает на Ниццу пестрый туристский поток, потихоньку смывая память о прошлом. Ницца живет своей беззаботной жизнью веселой курортной столицы, где цветочные карнавалы сменяются праздничными маскарадами и где по приморскому бульвару, как и прежде, прогуливается праздная публика. Все так же покачиваются на волнах в бухте Ангелов белоснежные яхты и рыбацкие лодки, так же тянутся к солнцу высокие пальмы.

Мы покидали майскую Ниццу, увозя в отснятых кассетах бесценную память о Натали, сохраненную этим удивительным городом на далеком Лазурном берегу.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

«Прощай, жизнь моя, люблю тебя».

Пушкин — жене

Что известно о последних днях и месяцах жизни Наталии Николаевны? Где жила, с кем встречалась, о чем тревожилась? Летопись жизни вдовы поэта, существующая лишь в отрывочных воспоминаниях, письмах, свидетельствах, ждет еще своего вдумчивого исследователя.

Да и возможно ли, минуя даль, восстановить тихое течение ее дней, канувших в Лету?

К счастью, дочь Александра, единственная из всех детей Наталии Николаевны, оставила самые полные воспоминания о матери, сохранила для потомства ее светлый образ. Но и сама, подобно матери, претерпела во мнении людском за свои откровения…

В мае 1863-го, к великой радости для Наталии Николаевны, закончилось наконец-то ее двухлетнее заграничное путешествие: из Ниццы она вернулась в Петербург. Видимо, именно тогда, по ее возвращении, генерал Ланской снял квартиру в красивом доме на Екатерининском канале. Жить там предполагалось долго, и Наталия Николаевна решила обустроить новое жилище, затеяв его ремонт.

Из воспоминаний Александры Араповой:

> «По возвращении из-за границы мы провели лето в подмосковной деревне брата Александра, но мать часто нас оставляла, наведывая отца, который по обязанности проживал в Елагинском дворце…»

Подмосковная деревня, куда на лето Наталия Николаевна отправила своих младших дочерей: Александру, Софью и Елизавету, находилась в Бронницком уезде Московской губернии и именовалась Мало-Ивановским. Именно отсюда и совершала она свои поездки в Петербург. Сюда же приходили и ее весточки дочерям:

«В Петербурге жара, дышать нечем… В квартире ремонт… Мы прозябаем в облаках пыли… Есть ли у Вас новости о Мари? О Натали? Нет писем ни от них, ни от моей сестры…»;

«Я не получила приглашения в Царское Село на обед, который Государь (Александр II. — Л. Ч.) дает в честь греческого короля… Моя старость не может служить украшением… Вернулся с обеда Ланской и принес великолепную грушу!»

Обычные, ничем не примечательные дни. В сентябре закончено наконец устройство новой квартиры, приехали в Петербург и младшие дочери.

Из воспоминаний Александры Араповой:

> «Осень выдалась чудная; помня докторские предписания, мать относилась бережно к своему здоровью, и все шло благополучно до ноября».

В первых числах октября до Петербурга долетела радостная весть: в семье ее любимца Александра родился сын. Младенца нарекли родовым именем в честь отца и деда.

Из воспоминаний Александры Араповой:

> «Переселившись в Москву, он (А.А. Пушкин), сильно желал, чтобы она приехала крестить внука, и этого сознания было достаточно, чтобы все остальные соображения разлетелись в прах.
>
> Тщетно упрашивал ее отец, под гнетом смутного предчувствия, чтобы она ограничилась заочной ролью, — она настояла на своем намерении».

При всей мягкости характера Наталия Николаевна обладала и даром убеждения, и твердостью воли. Когда-то, давным-давно, она так же, наперекор всем доводам своей строгой маменьки, настояла на свадьбе с Александром Пушкиным…

Итак, в октябре Наталия Николаевна засобиралась в Москву. И, как оказалось, то было ее последнее путешествие. Но что известно о нем? Где она останавливалась, с кем из родных встречалась? И совершенно неясно, куда приезжала на крестины Наталия Николаевна — в Москву, что следует из воспоминаний ее дочери, или, что логично, в подмосковное Ивановское, где в то время жил с семейством ее сын, вышедший в отставку полковник Пушкин?

И, наконец, главное: в каком храме свершилось великое таинство — крещение младенца Александра?

Сколько тайн, и государственных, и семейных, хранят еще отечественные архивы! Не иначе как чудом можно назвать и сохранившийся в фондах Центрального исторического архива

Москвы один весьма любопытный документ. Точнее, прошение Александра Александровича Пушкина в Московское дворянское депутатское собрание. В ноябре 1864 года сын поэта, обращаясь по всей форме закона к «Всепресветлейшему и державнейшему» государю Александру II, просит перенести род Пушкиных из 4-й части Дворянской родословной книги в 6-ю часть, и «сопричислить меня с женою и сыном к роду отца моего Александра и деда Сергея Львовича Пушкиных».

Перестановка из одного раздела книги в другой сулила в грядущем многие привилегии. Так, право поступить в престижные Пажеский корпус и Александровский лицей могли лишь дети, предки которых были внесены в пятую (титулованное дворянство) и шестую части (где записывались древние роды) родословной книги. Думал о будущем своего годовалого наследника и полковник Александр Пушкин.

«А сын наш Александр родился 1863 года Октября 3-го дня в Москве и крещен в приходе Церкви Благовещения, что за Тверскими воротами».

Не верю своим глазам! Читаю и вновь перечитываю написанные старым канцелярским слогом строчки… Ну вот и разгадка! Такая долгожданная и такая простая! Вот он, случай, — могущественное орудие провидения, — как писал поэт. Итак, внук поэта родился в Москве! Так значит, все-таки сюда незадолго до родов жены Александр Александрович перевез свое семейство из бронницкой усадьбы.

Следовательно, и Наталия Николаевна по приезде в Первопрестольную могла остановиться у сына, поселившегося где-то недалеко от Тверской, в приходе Благовещенской церкви.

К слову сказать, младенец Александр был седьмым ее внуком. К тому времени у Наташи, младшей дочери поэта, вышедшей замуж за Михаила Дубельта, было трое детей: две дочери — Наталия, Анна и сын Леонтий.

В семье Александра Пушкина подрастали дочери — четырехлетняя Таша и двухгодовалая Маша. Но была и горькая потеря — маленькая Софья, нареченная в честь своей матери, не дожила и до года… Внучку Ташеньку, появившуюся на свет в Петербурге, где в то время служил старший сын, Наталия Николаевна видела, и к ее рождению связала гарусное одеяльце, счастливо сохранившееся до наших дней. А вот Машеньку довелось ей встретить впервые — девочка родилась летом 1862-го, когда Наталия Николаевна гостила в Бродзянах, австрийском имении своей старшей сестры.

И вот, поистине, благая весть — пополнение в пушкинском семействе! Верно, то был долгожданный младенец — ведь ему

суждено было носить имя и фамилию своего великого деда. В семье сына уже росла маленькая Наташа Пушкина, и вот следом — явился в мир и Александр. Как странно…

И как необычно распорядилась судьба, вложив некий потаенный смысл в эту причудливую игру слов: Натали — крестная Александра Пушкина!

Своей любимой невестке (ведь рано осиротевшая Софья Александровна Ланская воспитывалась в доме дядюшки Петра Петровича, и будущая свекровь заменила ей мать) Наталия Николаевна приготовила дорогой подарок — золотые серьги и брошь с крупными прозрачно-голубоватыми аметистами в изящном черепаховом футляре. Верно, фамильная драгоценность была преподнесена Софье Пушкиной в день крещения младенца. Мне посчастливилось видеть этот подарок Наталии Николаевны, вероятно, последний в ее жизни, хранимый вот уже несколькими поколениями ее потомков…

Ну а сама церковь Благовещения, где от купели принимала на руки своего новорожденного внука Наталия Николаевна и где перед святыми образами молилась она о долгих счастливых днях младенца Александра, сохранилась ли или пополнила скорбный перечень разрушенных московских храмов?

В «Прогулках по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям» — издании Сабашниковых за 1917 год читаю:

> «Выходим на Тверскую улицу. Направо она идет к Триумфальным воротам, налево к Страстному монастырю. Прямо против нас Благовещенский переулок. На левом углу его — Церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы, что за Тверскими воротами. Церковь эта существовала еще в XVII веке… Обозначение церкви «за Тверскими воротами в Стрелецкой слободе», указывает, что здесь была расположена одна из стрелецких слобод».

Нет, счастливого завершения исторических разысканий не случилось. Ровно два года не дожил старинный храм до своего трехсотлетия: 1929-й год стал последним в его долгой истории. Небольшая изящная церковь в духе русского барокко стояла чуть в глубине от шумной Тверской. На улицу выходила лишь колокольня, окруженная узорчатой чугунной оградой с редкостной красоты вратами.

Златоглавая Москва и ее «сорок сороков»! Как и большинство из них, церковь Благовещения ждала та же печальная участь: храм

снесен воинствующими безбожниками, а на его месте, в центре столицы, выросла безликая каменная «восьмиэтажка» в модном тогда конструктивистском стиле. (Ныне это дом № 25, правая его секция, по улице Тверской.) Сохранились лишь воспоминания старожилов, описание церковных приделов да фотография конца девятнадцатого столетия из альбома Н.А. Найденова, ныне библиографической редкости. И еще название переулка — Благовещенский.

…вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.

Удивительно, что и сам снесенный храм, мимо которого по Тверской не раз проезжал Пушкин, находился неподалеку от Воротниковского переулка, где в свой приезд весной 1836-го в доме приятеля Павла Нащокина гостил Александр Сергеевич. Два последних московских адреса: поэта и его вдовы.

…И стаи галок на крестах.

…После крестин внука Наталия Николаевна вернулась в Петербург. В дороге, в холодном вагоне поезда простудилась.

Из воспоминаний Александры Араповой:

> «Накануне ее возвращения, в праздничной суматохе, позабыли истопить ее комнату, и этого было достаточно, чтобы она схватила насморк. Путешествие довершило простуду.
>
> Сутки она боролась с недугом: выехала со мною и сестрою по двум-трем официальным визитам, но по возвращении домой, когда она переодевалась, ее внезапно схватил сильнейший озноб. Ее так трясло, что зуб на зуб не попадал. Обессиленная, она слегла в постель. Призванный домашний доктор сосредоточенно покачал головою…»

А затем у больной начался сильный жар, врачи поставили диагноз — воспаление легких. Болезнь прогрессировала столь быстро, что надежд на счастливое выздоровление не оставалось: срочно были вызваны телеграммами все дети, за исключением Таши, жившей в Германии.

Из воспоминаний Александры Араповой:

> «Физические муки не поддаются описанию. Она знала, что умирает и смерть не страшила ее… Но, превозмогая страдания, преисполненное любовью материнское сердце терзалось страхом перед тем, что готовит грядущее покидаемым ею детям».

Всех детей Наталия Николаевна благословила, всем близким сказала добрые слова, со всеми попрощалась…

Из воспоминаний Александры Араповой:

> «Христианкой прожив, такой она и скончалась. Самые мучительные страдания не вырвали слова ропота из ее уст. По временам она просила меня вслух читать ей Евангелие».

Ноябрьским утром она, по своей воле, приобщилась святому таинству.

День этот (26 ноября — черный день и в пушкинской летописи: письмо Геккерну отправлено, — первый вызов брошен!) мистически отразится в хронологическом зеркале, став последним в земной жизни Натали:

26 ноября 1836–26 ноября 1863.

> Придет ужасный час, твои небесны очи
> Покроются, мой друг, туманом вечной ночи,
> Молчанье вечное твои сомкнет уста…

Из воспоминаний Александры Араповой:

> «Когда часы пробили половину десятого вечера, освобожденная душа над молитвенно склоненными главами детей отлетела в вечность!.. Несколько часов спустя мощная рука смерти изгладила все следы тяжких страданий. Отпечаток величественного, неземного покоя сошел на застывшее, но все еще прекрасное чело…»

Как напоминает ее христианская кончина смерть поэта!

Бесценное свидетельство, оставленное ее дочерью. Жизнь Наталии Николаевны, благодаря первой записи деда Афанасия Николаевича Гончарова о рождении внучки и последнего свидетельства Александры Араповой, может быть просчитана до дней и даже часов! Самых счастливых и самых скорбных…

И рукою Александры на обороте последней фотографии ее матери сделана надпись, что скончалась Наталия Николаевна «в Петербурге на Екатерининском канале, у Казанского моста, в доме Белгарда».

Не удивительно ли, что уже в наше время (прежде адреса были иными) и дом, где скончался поэт, и особняк, где истекли земные часы его избранницы, имеют одинаковые номера? Последний адрес Натали: Петербург, набережная канала Грибоедова, 12. Неподалеку от величественного Казанского собора.

Странный каприз судьбы. Из окон изящного дома, словно любующегося собой в зеркале Екатерининского канала, Натали я Николаевна могла видеть известный в Петербурге книжный магазин. То была книжная лавка, принадлежавшая при жизни Пушкина книгопродавцу Сленину, и находилась она на углу Невского проспекта. Когда-то именно здесь, в ее витрине, была выставлена копия знаменитой «Мадонны» Рафаэля. И у славной картины часами простаивал влюбленный поэт, сравнивая ее со своей прекрасной невестой, похожей на белокурую флорентийскую мадонну «как две капли воды». И не здесь ли родились строки пушкинского сонета, даровавшие вечную жизнь Натали? Незримые тайные нити, связующие в одну цепь давно минувшие и забытые дни…

А на исходе того рокового 1863 года, в декабре, в газете «День» появится некролог, написанный Петром Бартеневым, первым из плеяды российских пушкинистов:

> «26 ноября сего года скончалась в Петербурге на 52-м году Наталья Николаевна Ланская, урожденная Гончарова, в первом браке супруга А.С. Пушкина. Ее имя долго будет произноситься в наших общественных воспоминаниях и в самой истории русской словесности. К ней обращено несколько прекрасных строф, которые и теперь, через 35 лет, когда все у нас так быстро меняется и стареет, еще приходят на память невольно и сами собой затверживаются. С ней соединена была судьба нашего доселе первого, дорогого и незабвенного поэта. О ней, об ее спокойствии заботился он в свои предсмертные минуты. Пушкин погиб, оберегая честь ее. Да будет мир ее праху».

И уже в другом столетии, двадцатом, в правоте тех слов не усомнится поэт-изгнанник Георгий Адамович и облечет их в некую формулу, незыблемую ипостась ее судьбы, ошибочно

даровав ей графский титул:

> «Она не графиня Ланская, а опять и навсегда — Пушкина, по имени первого мужа, давшего ей бессмертие».

«ХРИСТОС ВАС ХРАНИ»

Блаженны чистые сердцем: яко те Бога узрят.

Евангелие от Матфея

«Твоя чистая молитва»

Как-то Николай Николаевич Скатов, один из самых глубоких и тонких отечественных литературоведов, заметил, что именно Наталия Николаевна, жена поэта, привела Пушкина к Богу. При всей кажущейся крамольности и одиозности самой мысли: как, под силу ли робкой красавице, почти девочке, свершить невозможное — изменить мировоззрение, душевный строй одного из умнейших в России да и в Европе людей, русского гения?! — ее следует принять как данность.

И коль это так, а утверждение ученого не голословно (тому немало свидетельств и самого поэта), то сколькими тогда гениальными пушкинскими творениями обогатилась отечественная поэзия.

Нет, не нравоучениями (да и стал бы их выслушивать от молодой жены Пушкин!) обратила она душу поэта к Богу, но собственным примером: искренней любовью к Христу, исполнением Его заповедей.

«Суета сует, все только суета, кроме любви к Богу» — так она писала. Так говорила. Так чувствовала.

И если поначалу любящий супруг Александр Пушкин выговаривал своей Наташе, что та слишком ревностно молится (вспомнить хотя бы его строки из писем: «…Подумаешь, что ты здорова совершенно, целую ночь простоишь у всеночной, и теперь лежишь в растяжку в истерике и лихорадке»; «Не стой на коленях…»), то потом сам же и просил жену: «…Благодарю тебя за то, что ты Богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас».

Более всего Наталия Николаевна огорчалась, когда покойного мужа обвиняли в неверии — она-то лучше других знала душу поэта и не хотела, чтобы тень безбожия омрачала его светлую память.

Сегодня никто уже не заподозрит Пушкина в неприятии христианских ценностей, не усомнится в глубине и искренности его веры, — восхождению поэта к духовным вершинам посвящены многие ученые труды. Но письма к жене, в каждом из которых Пушкин благословлял свою Наташу и детей, поздравлял ее с православными праздниками, есть бесспорные свидетельства его повседневной духовной жизни:

«Прощай, жена, целую и благословляю Вас»; «Благословляю всех Вас, детушки»; «Христос Вас храни».

…Наталии Николаевне довелось стать хранительницей святой реликвии, перешедшей к ней после кончины мужа и позже переданной старшему сыну Александру. О ней впервые упоминает Александра Арапова:

«В роде бояр Пушкиных с незапамятных времен хранилась металлическая ладанка, с довольно грубо гравированным на ней Всевидящим Оком и наглухо заключенной в ней частицей Ризы Господней. Она — обязательное достояние старшего сына, и ему вменяется в обязанность 10 июля, в день праздника положения Ризы, служить перед этой святыней молебен. Пушкин всю свою жизнь это исполнял и завещал жене соблюдать то же самое, а когда наступит время, вручить ее старшему сыну, взяв с него обещание никогда не уклоняться от семейного обета».

Вот еще одно свидетельство Елены Пушкиной, в замужестве фон Розенмейер, внучки поэта:

> «Маленькой девочкой меня с братом Колей каждый день в начале июня возили в Чудов монастырь. Это было, кажется, в день Влахернской Божьей матери. В Чудовом монастыре мы всегда служили молебен, если не ошибаюсь, святителю Алексею. Это было так давно, как во сне… Я смутно слышала, что один из святителей русской земли был предком Пушкиных и что ладанка святителя из поколения в поколение переходит к старшему в роду.
>
> Я видела у отца эту древнюю серебряную ладанку, истертую и тонкую. По преданию, в ней были частицы Ризы Господней. Древнюю ладанку носил всегда и мой дед Александр Сергеевич».

Священная реликвия, история обретения которой восходит к царствованию Михаила Федоровича, счастливо сохранилась.

К сожалению, на исходе двадцатого века, со смертью ее последней владелицы Наталии Сергеевны Шепелевой, урожденной Мезенцовой, правнучки поэта (замечу, тоже последней!), святыня покинула пушкинский род. Такова была воля той, что берегла ее многие годы от чужих недобрых глаз, — не продала, не отдала в музей, не потеряла. Носила святую ладанку на груди, не расставаясь с ней до самого смертного часа. Не суждено было Наталии Сергеевне дожить до двухсотлетнего юбилея своего великого прадеда всего-то два месяца…

На ее долгую жизнь выпало великое множество испытаний. И не святая ли ладанка давала ей силы превозмочь все потери и обиды, оставаясь чистой и незлобивой душой?

Эта самая бесценная ныне и самая потаенная пушкинская реликвия! Мне посчастливилось видеть ее, и более того, приложиться к святыне в день поистине знаменательный — 23 июля (10 июля по ст. стилю) 2007 года — в празднование положения честной Ризы Господней. В обычной московской квартире, на юго-западе столицы, где до недавнего времени жил владелец реликвии, родственник Наталии Сергеевны по мужу, отец Дмитрий отслужил благодарственный молебен…

Духовный обет исполняется и ныне, в двадцать первом столетии!

Христианка

Истоки глубокой веры Наталии Николаевны — в ее детских годах.

Рядом с усадебным домом в Полотняном Заводе возвышалась фамильная церковь во имя Спаса Преображения, возведенная еще заботами старейшины гончаровского рода.

А в самом гончаровском дворце была устроена особая молельня, «образная», как ее называли.

В нескольких верстах от усадьбы находилась Тихонова пустынь, основанная старцем Тихоном. Святые, намоленные места… И еще стоял старый-престарый дуб, огромное дупло которого стало жилищем для святого отшельника. По роковому стечению обстоятельств дуб-великан сгорел в 1837-м (в год гибели поэта!) от удара молнии…

Матушка Наталия Ивановна воспитывала своих дочерей в строгости (подчас излишней, но не нам судить!), как монастырских послушниц, и в согласии с православной верой. Более всего пеклась о том, «чтобы сделать своих детей достойными Божьего милосердия».

Из записной книжки «Правила жизни» для молодых девушек (из архива Гончаровых):

«Никогда не иметь тайны от той, кого Господь дал тебе вместо матери и друга теперь, а со временем, если будет муж, то от него».

«Старайся до последней крайности не верить злу или что кто-нибудь желает тебе зла».

«Не осуждай никогда никого ни голословно, ни мысленно…»

«Никогда никому не отказывать в просьбе, если только она не противна твоему понятию о долге».

Из воспоминаний Александры Араповой:

> «Сильное негодование вызывало в Наталье Ивановне малейшая небрежность и рассеянность в церкви: пропуск установленного поклона или коленопреклонения не проходили даром. «На что это похоже?! — журила она провинившуюся; — одному святому моргнешь, другому мигнешь, а третий пускай и сам догадается! Разве так молятся православные?» — и, чувствуя себя под ее строгим оком, зачастую юношеская пламенная молитва застывала под покровом обрядности».

Лишь одна Наташа из трех ее дочерей (старшая, Екатерина, перед кончиной во Франции фактически приняла католичество, средняя, Александра, живя в Австро-Венгрии, отошла от православия: служба в греческой церкви на чуждом языке ее тяготила; порой она даже посещала лютеранский храм) не изменила вере, впитанной с младенчества, до своего смертного часа.

Наталия Николаевна и жила как христианка.

Любила детей, и не только своих: «Положительно, мое призвание — быть директрисой детского приюта: Бог посылает мне детей со всех сторон…»

Трепетно относилась к своим близким, заботилась об отце, братьях и сестрах, хоть и была младшей в семье.

Скрашивала заботами старость дальнего родственника, писателя и художника графа Ксавье де Местра, умершего на ее руках.

Навещала бывшую гувернантку детей и, когда та болела, привозила ей доктора.

Беспокоилась о старом слуге, прежде служившем в ее доме.

Хлопотала об освобождении из ссылки писателя Салтыкова-Щедрина (с ним она познакомилась в Вятке); ей жаль было его загубленной молодости и таланта, увядавшего в вятской глуши. (Да и помнилось по рассказам Пушкина о невольной его жизни в Михайловском.) Она буквально одолевала просьбами кузена мужа Сергея Степановича Ланского, министра внутренних дел, пока не добилась помилования писателя.

Помогала и своим новым вятским знакомым: хлопотала то о помещении чьей-то дочери в институт, то об определении молодого человека на службу, то о выслуженной пенсии, то о смягчении сурового наказания!

Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?

«Я была бы в отчаянии, если бы кто-нибудь мог считать себя несчастным из-за меня», — говорила она. Истинные христианские добродетели — не показные. Гениальная пушкинская строка: «В молчании должно добро твориться».

В свете молчаливость Наталии Николаевны принимали за холодность и высокомерие. Ей ведомо было о том: «Несмотря на то, что я окружена заботами и привязанностью всей моей семьи, иногда такая тоска охватывает меня, что я чувствую потребность

в молитве. Эти минуты сосредоточенности перед иконой, в самом уединенном уголке дома, приносят мне облегчение. Тогда я снова обретаю душевное спокойствие, которое часто раньше принимали за холодность и в ней меня упрекали. Что поделаешь? У сердца есть своя стыдливость. Позволить читать свои чувства мне кажется профанацией. Только Бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца».

И редкостной красотой своей не возгордилась, искренне считая ее не собственной заслугой, но даром Божьим. Значит, зачем-то дана была она ей. За красоту свою и претерпела.

Таков Вышний промысел: вся ее жизнь — испытание. Наталия-мученица.

Ею восхищались, ею любовались. Даже там, где суетные мысли о женских прелестях непозволительны. Долгое время из уст в уста в Яропольце, гончаровской вотчине, передавалось давнишнее воспоминание: «Когда Наталия Николаевна приходила в церковь к обедне, никто уже не мог молиться: все любовались ее необыкновенной красотой».

А вот и письмо Александра Тургенева от 7 декабря 1836 года, бывшего накануне в церкви Зимнего дворца, где служили молебен по случаю тезоименитства императора Николая I:

«Пение в церкви восхитительное! Я не знал, слушать или смотреть на Пушкину и ей подобных? — подобных! но много ли их? жена умного поэта и убранством затмевала других…»

Сколь много было красавиц в Москве и Петербурге! Сколь много блистательных имен, ныне безвестных и давно канувших в Лету! Но её имя осталось. В истории России, в антологии мировой поэзии, в памяти потомков… Промелькнул краткий век Наталии Гончаровой-Пушкиной, земной, робкой, грешной и святой.

«Кто без греха, бросьте в нее камень!» Библейская притча, памятная всякому, не уберегла вдову поэта от горьких и неправедных упреков!

Наталия Николаевна переносила их с кротостью и смирением, и лишь однажды, во время заграничного путешествия, когда дочь Александра нашла в гостинице якобы забытую на столе книгу и, не подозревая дурного, начала читать матери статью о Пушкине и его роковой встрече с Наталией Гончаровой, «той бессердечной женщиной», погубившей поэта, она, помертвев, воскликнула: «Никогда меня не пощадят, и вдобавок перед детьми!»

Из воспоминаний Александры Араповой:

«Веселой я ее никогда не видала. Мягкий ее голос никогда порывом смеха не прозвучал в моих ушах; тихая, затаённая грусть всегда витала над ней. В зловещие январские дни она сказалась нагляднее; она удалялась от всякого развлечения, и только в усугубленной молитве искала облегчения страдающей душе».

Одна из икон, перед которой молилась Наталия Николаевна — образ Спаса Нерукотворного, — некогда принадлежала пращуру гетману Петру Дорошенко и дана была ей в приданое.

Сохранилась еще одна фамильная икона — «Воскресение Христа» (ныне она — в музее-заповеднике «Михайловское»). На ее обратной стороне Наталия Николаевна сделала памятную надпись: «Благословила Надежда Пушкина при смерти своей внучку Марию Пушкину». Есть в том поистине божественные сближения: мать поэта, ее свекровь умерла 29 марта 1836 года, в день светлого праздника Пасхи — Воскресения Христова…

Наталия Николаевна дожила до грустного юбилея — минуло двадцать пять лет со дня смерти Пушкина. Всю свою жизнь по пятницам (день смерти мужа) она постилась и молилась… В молитвах черпала она силы, молитвы спасли от безумия, — в первые дни после кончины поэта близкие всерьез опасались за ее рассудок.

Там день и ночь горит лампада
Пред ликом девы пресвятой;
Души тоскующей отрада…

В том великом горе дано было Наталии Пушкиной и утешение: ее муж не стал убийцей! Но жертвой. Великой искупительной жертвой. Бог отвел его руку от тяжкого преступления. Пушкин умер как христианин, исповедавшись и причастившись святых тайн. И всех простив.

И еще одно утешение было ниспослано ей в те горькие февральские дни. Беседы со священником Василием Бажановым.

П. А. Вяземский — А. Я. Булгакову (10 февраля):

«Пушкина еще слаба, но тише и спокойнее. Она говела, исповедовалась и причастилась и каждый день беседует со священником Бажановым, которого рекомендовал ей Жуковский. Эти беседы очень умирили ее и, так сказать, смягчили ее скорбь. Священник очень тронут расположением души ея и также убежден в

непорочности ее».

Свидетельство поистине бесценное! Но, к несчастью, не расслышанное в хоре голосов родных, друзей, приятелей, недругов поэта, — судивших молодую вдову или пытавшихся ее оправдать.

О чем на исповеди рассказывала она духовнику? Что за тяжкий груз лежал на ее сердце? В чем корила себя? В чем раскаивалась? Не могла она утаить о роковом свидании с Дантесом в ноябре 1836-го. То был тайный сговор, обман, ловушка. И она попала в нее. Идалия Полетика, ее кузина, пригласила к себе. Но в комнате ждал Дантес. Он упал перед ней на колени, умолял о любви. И даже угрожал застрелиться, если она не станет его. Свидание длилось всего несколько минут: воспользовавшись тем, что в комнату вбежала дочь Идалии, она спешно покинула дом приятельницы.

Все начиналось легко и беззаботно: красавец балагур Дантес, его ухаживания, комплименты, которые так приятно было ей слышать, верховые прогулки вместе с Катрин — сестра так просила о них! Потом такая скорая свадьба Екатерины. И после на балу у Воронцовых-Дашковых Дантес как ни в чем не бывало продолжил свои преследования: эти страстные взгляды, горячечные признания… Тогда ей стало страшно. Так же, как в минувшем ноябре…

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре…

Много позже Наталия Николаевна признавалась: «Я слишком много страдала и вполне искупила ошибки, которые могла совершить в молодости…»

И сам Дантес, один из главных действующих лиц кровавой драмы, сделал необычное признание. И ему можно верить, так как писалось оно не для публики: «…Она была столь прекрасна, что казалась ангелом, сошедшим с небес. В мире не нашлось бы мужчины, который не уступил бы ей в это мгновение, такое огромное уважение она внушала; так что она осталась чиста и может высоко держать голову, не опуская ее ни перед кем в целом свете. Нет другой женщины, которая повела бы себя так же».

Но вот еще одно удивительное свидетельство. За честь Наталии Пушкиной вступилась и княгиня Вера Вяземская:

«В защиту жены я только напомню вам то, что сказал отец Бажанов, который видел ее каждый день после катастрофы… ее тете (Екатерине Загряжской. — Л. Ч.): «Для меня мучение оставить ее наедине с очищающим чувством собственной вины, потому что в моих глазах — она ангел чистоты».

Царский духовник

Ныне имя протопресвитера и доктора богословия, члена Святейшего синода Василия Борисовича Бажанова известно лишь историкам русской церкви. А когда-то слово его было весомым: ему внимали российские монархи, помазанники Божии!

Многие годы он был духовником царской фамилии, ему исповедовались императоры Николай I и Александр II, их наследники, императрицы Александра Федоровна и Мария Александровна. Сколько же дворцовых тайн унес с собой в могилу Василий Бажанов! И никогда не узнать, сколь много его отеческих советов и наставлений, воспринятых российскими самодержцами, претворились в строки царских указов, направленных на смягчение нравов и сердец, любовь и терпимость к ближним.

Протопресвитеру Василию Бажанову суждено было стать свидетелем царствования пяти российских императоров. Главный священник двора и гвардии, духовный руководитель царской фамилии, он прожил долгий век и скончался на 83-м году жизни. Как говорилось в прощальном слове, стал «и по времени, и по силе первым борцом и радетелем за благосостояние белого духовенства и ревниво заботился о чистоте семейной жизни в духовенстве».

Почти полвека Василий Борисович был близок к царскому семейству: с 1835 года преподавал Закон Божий великим князьям и княжнам, детям и внукам императора Николая I, причащал и исповедовал их, а в 1848-м стал духовником августейшей четы. Пользовался величайшим доверием Николая I и у престола государя имел право ходатайствовать о несчастных, неправедно осужденных и томившихся в острогах и казематах.

Судьба вознесла его, сына сельского дьячка, на головокружительную высоту. Кто бы мог представить: мальчику, явившемуся на свет в марте 1800 года в простой избе в одном из дальних сел Алексинского уезда Тульской губернии, будут внимать русские государи!

Десятилетний Василий поступил в тульскую семинарию. А через две недели он осиротел: мать умерла в родах. Отец же предался глубокой печали, и семья, имевшая прежде скромный достаток, совсем обеднела. Будущему духовнику Их Величеств летом приходилось ходить в семинарию босым, а зимою — в лаптях, а позже, по недостатку средств, и вовсе оставить на время учебу. Испытаний в юности было предостаточно: преодолев их, Василий Бажанов стал студентом Санкт-Петербургской духовной академии и по окончании ее получил степень магистра

богословия.

Все решил случай: в октябре 1834-го император Николай I изволил посетить гимназию, где магистр богословия Бажанов вел урок Закона Божия. По счастью, сохранились автобиографические записки самого Василия Борисовича:

> «Государь необыкновенно как полюбил меня, и все царское семейство, я входил во дворец, как в свое семейство…»

Ему предстояла тяжкая миссия — исповедовать умирающего Николая I, быть свидетелем последних земных часов русского царя.

Исторические минуты незримого скрещения двух судеб: умирающего властелина могущественной империи и его духовного отца из бедного тульского села.

Из воспоминаний фрейлины А. Ф. Тютчевой:

«В 8 часов пришел Бажанов и стал читать отходную. Император со вниманием слушал и все время крестился… Он сделал знак Бажанову тем же крестом благословить императрицу и цесаревича… После причастия он сказал: «Господи, прими меня с миром» — и, указывая на императрицу, сказал Бажанову: «Поручаю ее вам»…

Быть может, те же слова мог бы произнести и умиравший Пушкин, препоручив свою Наташу заботам протопресвитера Василия Бажанова, доведись ему знать этого удивительного человека.

Как неожиданно — царский духовник (а ведь он был первым, кто уверовал в непорочность Наталии Николаевны!) на долгие годы становится и её духовником. Свидетельств тому не так много, но всё же они есть.

Известно, что Наталия Николаевна венчалась со своим вторым супругом Петром Петровичем Ланским в Благовещенской церкви, числившейся при лейб-гвардии Конном полку в Стрельне.

Таинство венчания совершал священник Алексей Ляшкевич. Но когда спустя восемь лет Наталии Николаевне потребовалось свидетельство о бракосочетании для ведения некоторых дел, документ этот подписал протопресвитер Бажанов.

В декабре 1857-го Наталия Николаевна обратилась к Василию Борисовичу за советом в сложной житейской ситуации: священник Конного полка, в котором служил ее сын Александр, отказался венчать его с Софьей Ланской, племянницей отчима Петра Ланского, усмотрев в будущем союзе кровную связь.

Из воспоминаний Александры, Араповой:

> «Мать тотчас поехала к своему духовнику, протопресвитеру Бажанову, и вернулась страшно расстроенная. Он подтвердил ей, что это правило установлено Вселенским собором, и сам митрополит не властен дать разрешения. Жених и невеста были как громом поражены».

Тогда Наталии Николаевне пришлось просить заступничества Александра II, и, благодаря благосклонности молодого государя и его участию, разрешение на свадьбу Святейшим синодом было дано.

Протопресвитеру Василию Бажанову, наставнику цесаревича Александра Николаевича, суждено было стать свидетелем самых торжественных и самых горьких минут жизни своего духовного чада. Он учил наследника основам Закона Божьего и церковной истории: для августейшего ученика был написан им курс лекций, опубликованный затем под заглавием «О вере и жизни христианской» и принесший Василию Федоровичу степень доктора богословия.

Он же сыграл весьма важную роль и в судьбе невесты наследника, будущей российской императрицы. Потребовалось несколько месяцев доверительных бесед Василия Бажанова с немецкой принцессой, чтобы произошло чудесное превращение невесты-лютеранки в православную. В декабре 1840 года в Большой церкви Зимнего дворца принцесса Мария Гессен-Дармштадская, приняв таинство крещения, стала величаться великой княгиней Марией Александровной.

Протопресвитеру Бажанову выпала историческая честь провозгласить в Зимнем дворце присягу на верность новому российскому императору Александру II.

И так уж случилось, что последнюю исповедь Александра II, накануне взрыва на Екатерининской набережной, унесшего жизнь государя, принял его духовник Бажанов…

Неисповедимы пути людские: судьба определила Василию Федоровичу постичь некую сокровенную тайну, связанную с гибелью поэта, услышав исповедь его вдовы, найти слова, возвратившие к жизни её, мать семейства, и, быть может, спасти от полного сиротства детей Пушкина.

Необычный и требующий глубокого осмысления факт: духовное родство с царской семьей произошло у Наталии Николаевны намного ранее, чем родство кровное!

Именно протопресвитеру Василию Бажанову еще при жизни своей духовной дочери суждено было связать ее незримыми

узами с царской династией. И только после кончины Наталии Николаевны супружеские союзы ее внуков навсегда соединят фамилии Пушкиных и Романовых.

Небесная покровительница

«Вчера были твои именины, сегодня твое рождение. Поздравляю тебя и себя, мой Ангел», — Пушкин всегда помнил о двух августовских днях, ставших знаменательными и в его жизни.

Третью дочь, родившуюся в семействе Гончаровых, нарекут Наталией. Она появится на свет всего лишь три часа спустя, как истечет минувший день памяти святой мученицы Наталии. И как удивительно житие древней ревнительницы христианства, небесной покровительницы Наташи Гончаровой, предречет и ее будущую судьбу.

…Святые супруги Адриан и Наталия жили в начале четвертого века, в царствование императора Максимиана II Галерия, гонителя христиан. Молодой знатный муж Адриан, начальник судебный палаты, став свидетелем жестоких пыток христиан, переносимых теми с необычайным мужеством, уверовал во Христа. И добровольно решил разделить их мученическую судьбу. Император попытался образумить своего подданного, но Адриан был стоек в своей новой вере, и тогда разгневанный Максимиан приказал заковать упрямца в железные цепи и бросить в темницу.

Наталия, услышав от слуги, горестную весть, опечалилась. Но когда узнала, что муж решил страдать за Христа, возрадовалась духом. Ведь сама она давно уже была тайной христианкой.

В темнице Наталия припала к ногам своего супруга:

> «Господин мой! Ты теперь в таких юных летах своею верою во Христа собрал такое богатство, какого не приобрел бы даже и на старости лет, оставаясь в эллинском заблуждении. Теперь без печали ты перейдешь в будущую вечную жизнь…»

Перед казнью Адриан, заплатив тюремным стражам, отправился домой попрощаться с женой. Но та, решив, что муж отступил от веры, закрыла перед ним дверь:

> «Не удостоилась я звания супруги мученика, напротив, сделалась я женою богоотступника. Кратковременна была моя радость и перешла она в вечное поношение…»

И воскликнул взволнованный Адриан:

> «Блаженна ты, жена! Поистине ты — супруга,

любящая мужа! Венцом тебе будет блаженство!»

Вместе с мужем Наталия отправилась в темницу, где омывала и перевязывала раны всех страдальцев-христиан.

По велению Максимиана Адриана первым подвергли жесточайшим пыткам. Полуживого его вновь бросили в темницу, и, как прежде, Наталия ободряла и утешала его.

Царь задумал для христиан мучительную смерть. Наталия не отходила от Адриана и во время ужасной казни… Отсеченную руку мужа, смазав драгоценным миром и обвив ее порфирою, она тайком отнесла домой…

С согласия царя некий знатный военачальник решил взять красавицу вдову в жены. Но Наталия тайком бежала из дома и на корабле отплыла в Византию. Во сне ей явился Адриан с известием о скорой ее кончине, и вскоре во время сна она тихо почила. Святая Наталия окончила свой мученический подвиг без пролития крови — ее именуют бескровной мученицей…

Так же как и ее небесная покровительница, Наталия Николаевна укрепляла мужа своего в вере, так же довелось ей стать свидетельницей смертных страданий поэта. Святая Наталия тайно хранила отсеченную руку мужа, Наталия Николаевна — рукописи покойного супруга. И как святой Наталии вдове поэта предстояло свершить свой бескровный мученический подвиг, подвиг любви и памяти.

Живший в XIV веке Преподобный Феогност говорил: «Имя есть печать и покрывало Промысла».

Трудно представить, что Наталия Гончарова могла бы носить иное имя. «Натальиных дней» в ее жизни — ровно пятьдесят. Столько же именин было отпраздновано в семействах Гончаровых, затем — Пушкиных, позже — Ланских. И, бесспорно, в эти дни Наталия Николаевна особо ревностно молилась своей небесной защитнице и ее святому избраннику — ведь их имена навечно слиты воедино.

Молитва святым Адриану и Наталии, покровителям честного супружества:

> «О, священная двоица, святые мученики Христовы, Адриан и Наталия, блаженные супруги и добрые страдальцы. Услышьте нас, молящихся вам со слезами… и избавите молитвами вашими от глада, губительства… нашествия иноплеменников и междоусобной брани, от напрасной смерти и от всех бед, печалей и болезней… Во веки веков. Аминь».

«ПОТОМОК ПОЗДНИЙ МОЙ»

Благодарю Вас за воспоминанья…

А.С. Пушкин

Легкие следы Натали

«Что есть избранные судьбами…» Бесчисленные летописцы поэта расписали по дням и чуть ли не по часам его земное бытие, все тридцать семь лет драгоценной для России жизни ее гения. Словно кем-то свыше в нарушение всех незыблемых законов мироздания дарована была некая охранная грамота — и время, всепоглощающее и безвозвратное, возвращает похищенное — подобно океанской волне выбрасывает на берег свои тайные свидетельства.

Временные вехи, эти особые хронологические метки — сколько их уже найдено в восторженных посланиях друзей Пушкина и в тайных донесениях его недругов, в церковных метриках и исповедальных книгах, в воспоминаниях и живых преданиях! Земные следы минувшей жизни, где «каждый шаг запечатлен».

Сохранились и легкие следы Натали Гончаровой: ее прекрасные портреты и милые безделушки, детские тетрадки и письма, бальные туфельки и шитые бисером кошельки, собранный ею гербарий и личная печатка. Все эти раритеты рассеяны ныне по музеям, архивам, частным коллекциям; хранятся, как дорогое наследство, и в семьях далеких потомков. Они не исчезли, не затерялись, не пропали в катаклизмах войн и революций минувших столетий. И это тоже знамение, добрый знак.

Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.

Будто назначено мне было странствовать по следам былой жизни избранницы поэта: Знаменка, Полотняный Завод, Москва, Ярополец, Лопасня, Бродзяны, Калуга, Михайловское, Бонн, Петербург, Ницца… Время и люди сохранили почти все места, любимые Наталией Гончаровой и связанные с ее именем.

Стоит в тамбовской Знаменке, в окружении вековых лип, фамильный особняк Загряжских-Строгановых, где появилась на свет маленькая Таша.

Как и прежде, смотрится в воды калужской речки Суходрев возрожденный из руин дворец в Полотняном Заводе, хранящий память детских и юношеских лет Таши Гончаровой.

Все так же мощно вздымается в московское небо купол храма Большого Вознесения, где над Наталией Гончаровой и

Александром Пушкиным держали брачные венцы.

Своей, уже музейной жизнью живет на Старом Арбате ее первый семейный дом, порог которого она переступила в феврале 1831-го, вернувшись после венчания с поэтом.

Обрела музейный статус и дача Китаевой в Царском Селе, стены которой помнят счастливые летние месяцы Натали Пушкиной.

Восстановлен разрушенный в военное лихолетье дворец Загряжских-Гончаровых в Яропольце, где гостила у матери Натали с детьми и где бывал поэт.

Возрождена к новой жизни подмосковная усадьба Лопасня-Зачатьевское, ставшая родовым гнездом для детей, внуков и правнуков поэтической четы.

По старому адресу, известному всей России — набережная Мойки, 12, — стоит дом в Петербурге, где Наталия Пушкина жила вместе с мужем, детьми, сестрами и где все сулило долгую и счастливую жизнь, так внезапно оборвавшуюся с гибелью поэта.

Уцелел в годы разрушительной Второй мировой и старинный замок в Бродзянах — в Словакии, куда Наталия Николаевна с семьей приезжала к своей старшей сестре Александре и где каким-то чудом в дверном проеме гостиной, на косяке, сохранилась отметка ее роста.

И великолепная набережная в Ницце, по которой Наталия Николаевна, больная и постаревшая, но все еще сохранившая отсвет былой красоты, совершала вечерние прогулки, мало чем изменилась с тех давних пор. Нет разве что московского дома Гончаровых на Большой Никитской, куда приходил свататься поэт…

Наталии Гончаровой суждено было продолжить знаменитый пушкинский род, стать его хранительницей. Свою жизнь, всю без остатка, посвятила она детям, сумела воспитать их достойными имени их великого отца. И о себе оставила добрую память в семьях далеких потомков. Стоит лишь перечитать ее письма, воспоминания людей, ей близких, чтобы убедиться — «первая романтическая красавица» Натали Гончарова была и прекрасной матерью, нежной и самоотверженной. Она не предала самого главного — памяти мужа и всю свою невостребованную любовь к нему отдала его детям.

Более всего Наталия Николаевна заботилась об их воспитании. И даже в самые трудные годы вдовства большую часть своих скромных средств она тратила на образование детей, на подготовку сыновей к гимназии. А пока дети были малы и могли обходиться без учителей, уроки которых стоили дорого, Наталия Николаевна и сама каждодневно, подобно домашней

учительнице, вела с детьми занятия. Ее познания, полученные в детстве и в юности, позволяли это делать…

В судьбе Наталии Николаевны есть много непознанного, загадочного. И вся ее жизнь как нимбом осенена светозарным магическим именем. Она — великая женщина, удостоившаяся великой любви. И умевшая любить…

«Окно в Европу»

В далеком феврале 1837-го княгиня Ольга Долгорукова, московская приятельница Пушкиных, писала из Баден-Бадена:

«Трагическая кончина бедного Пушкина все еще продолжает быть предметом всех разговоров… Все говорят про эту дуэль, и «Le Temps», поместивший на своих столбцах биографию покойного, не преминул рассказать всякие глупые небылицы. Но как грустно для его бедной вдовы сделаться известной всей Европе вследствие смерти мужа…»

Да, Наталии Николаевне судьба определит «сделаться известной всей Европе», но по иной причине…

Некогда на рукописной странице «Медного всадника» рядом со строками о Петре Великом, коему было «суждено в Европу прорубить окно», поэт нарисовал один из самых проникновенных портретов Натали. Этой хрупкой красавице с кротким и печальным взором суждено было «прорубить» свое, особое «окно в Европу». Париж и Флоренция, Лондон и Брюссель, Базель и Висбаден отныне стали пушкинскими городами! В них давно живут многие пра…правнуки поэта. Фамильное древо широко распростерло свои ветви над миром.

Да здравием цветет его семья,
Да осенят ее драгие ветви
Весь мир земной…

Судьба свела меня со многими потомками Александра и Наталии Пушкиных: Григорием Григорьевичем Пушкиным, Ольгой Воронцовой-Вельяминовой, Георгием Александровичем Галиным, Анной Тури, Александром Александровичем Пушкиным, графиней Натали Лорис-Меликовой, Джорджиной Уэрнер, Чарльзом Харолдом Баттером, герцогиней Александрой Аберкорнской, бароном Николаем Гревеницем, Борисом Борисовичем Пушкиным, Клотильдой фон Ринтелен, урожденной графиней Меренберг. С некоторыми из них впервые я встретилась в октябре 1991 года в Санкт-Петербурге, где пышно праздновался юбилей Царскосельского лицея.

Из окон фешенебельной интуристовской гостиницы, где разместились гости праздника, виднелся край Лазаревского кладбища Александро-Невской лавры. Островком далекой минувшей жизни вклинился он в суетную жизнь большого города, отделенный от нее лишь старой каменной оградой. По шумному

и нарядному Невскому проспекту мчались бесконечные автомобили, сновали равнодушно прохожие, озабоченные своими житейскими делами. А всего в нескольких метрах от этого беспокойного, вечно спешащего мира под старинным тяжелым мраморным надгробием лежала она — Таша Гончарова, Натали Пушкина, Наталия Николаевна Ланская…

Впервые, быть может, за долгие-долгие годы собрались у ее могилы потомки, столь непохожие, говорящие на разных языках.

Тихо и пасмурно было в тот день на старом кладбище, мрачно и черно надгробие красавицы. Ей не довелось дожить до преклонных лет, будто природа не пожелала допустить увядания одного из самых своих прекрасных и совершенных творений.

И, словно пытаясь скрасить людскую печаль, докучливый петербургский дождик совершил чудо — на мокром черном мраморе проступило вдруг видение: прекрасные глаза с чуть приметной косинкой, этот взгляд русской Джоконды, устремленный в вечность; классически очерченная линия плеч в обрамлении легких, будто сотканных из воздуха кружев; слабое движение руки. Живая Натали, волшебная брюлловская акварель…

Древо жизни

Пушкинская лира подобно библейскому ковчегу сберегла память тех, кто хоть единожды соприкоснулся с поэтом — и августейших особ, и сановных вельмож, и простых дворовых. Все они — только окружение поэта, лишь она — Жена, плоть от плоти мужа своего. Пушкин оставил векам имя своей избранницы, словно заключив и ее душу в свою «заветную лиру».

Но и она даровала бессмертие поэту в его детях, внуках, правнуках…

В счастливом семейном союзе, что длился почти шесть лет, появились на свет четверо детей: Мария, Александр, Григорий и Наталия. Как радовался и торжествовал Пушкин! Земное бытие поэта не было бы столь ярким и наполненным, если бы миновали его тихие семейные радости: «Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться».

Но и тревожные раздумья о будущем одолевали поэта: «Как дворянин и отец семейства, я должен блюсти мою честь и имя, которое оставлю детям».

Пушкину не суждено было дождаться ни внуков, ни правнуков. Но о них — будущих «младых ветвях» — думал поэт; им, неведомым, посвятил поэтические строки.

Время быстротечно — новые поколения по неизбывным законам бытия сменяют прежние…

Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас…

Нет в живых более внуков поэта. Последним из них покинул мир Николай Пушкин в 1964 году. Далеко от России, в Брюсселе, куда забросила его эмигрантская судьба.

Последний правнук поэта Григорий Пушкин, фронтовик, умер в октябре 1997-го, в преддверии славной лицейской годовщины. Правнучки поэта, девяностопятилетней Натальи Шепелевой, нареченной в честь Наталии Николаевны, не стало в 1999-м, юбилейном пушкинском году.

Не весь я предан тленью;
С моей, быть может, тенью
Полунощной порой

Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет…

В минувшем двадцатом веке завершились земные пути детей, внуков и правнуков Александра Сергеевича. Но остались многочисленные потомки поэта, в мире их — около трехсот, и старейшие из них — праправнуки. Есть и наследники Александра Пушкина уже в восьмом поколении. Им жить в двадцать первом столетии!

Потомки поэта говорят на разных языках, живут в разных странах, у них непохожие судьбы, лица, характеры. Но все они помнят о родстве с великим поэтом, гордятся им. И благоговеют перед памятью своей далекой прабабушки, хотя представить прекрасную Натали в этом образе почти невозможно.

…Верно, Наталии Николаевне не единожды доводилось читать откровения евангелиста Иоанна: «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни». Она сполна удостоилась этого права: Бог наградил ее семью детьми и тридцатью внуками!

Родословное древо — древо жизни. По космогоническим мифам, зародившимся около семи тысячелетий назад, в древе, в самой его сердцевине, упрятана высшая цель жизни — бессмертие. Семена мифического древа с потоками вод разошлись по всей земле…

Пушкинские гены, словно посланцы далекой России, странствуют по свету, соединяя страны и континенты. Они даруются особам королевской крови и внукам перуанских индейцев, бельгийцам и китайцам, французам и полинезийцам, калмыкам и итальянцам, грузинам и немцам, украинцам и англичанам. Великая пушкинская семья…

«Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?» — вопрошал некогда Александр Сергеевич. Так магически притягательно имя поэта, так безмерно велико наследие, им оставленное, что «уважены за имя» даже его пра-праправнуки!

Многие из них никогда не виделись, но встреча все-таки состоялась — в июне 2009 года в Москве. Первый Всемирный съезд потомков поэта стал самым ярким, добрым и фантастическим праздником в новом столетии.

Но если обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной

Близ праха славного мой след уединенный —
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье…

В Москву приехали Александр и Мария Пушкины из Бельгии; Николай Солдатенков, Елена Бразоль, Петр Дурново, Михаил Воронцов-Вельяминов из Франции; Клотильда фон Ринтелен со старшим сыном Александром, Андрей Сванидзе с сыновьями из Германии; графиня Доминика Лорис-Меликова из Швейцарии; Александр Пушкин из США; Кологривовы, Галины, Клименко, Данилевские, Лукаш, Воронцовы, Усовы — из России и Украины.

Все вместе они собрались в семейном доме Александра и Наталии Пушкиных на Старом Арбате. Старинный особняк — «пушкинское гнездо» — с трудом мог вместить всех слетевших в него «птенцов»!

Спустя почти два столетия арбатский дом вновь ожил — в его стенах зазвучали голоса потомков поэта. Жизнь порой невероятнее самых замысловатых литературных сюжетов. Могли ли помыслить молодые супруги, что в доме, где прошли счастливейшие месяцы семейной жизни, в XXI столетии соберутся далекие потомки, и что имена их, прародителей пушкинской династии, с одинаковой любовью будут звучать на русском, немецком, французском?

И какой отрадой для глубоко верующей Наталии Николаевны стала бы весть, что ее прапраправнук Николай Солдатенков, родившийся во Франции, изберет путь священнослужителя — станет протоиереем Русской Зарубежной церкви.

Впервые оказавшись в музее-квартире на Старом Арбате и увидев портрет Наталии Николаевны, «чудотворной кисти» Макарова, отец Николай произнес идущие от сердца слова: «Мне радостно, что ее душа в ином, лучшем мире чувствует ту любовь, которую питают к ней не только мы, ее потомки, но и многие-многие люди! В своих вечерних молитвах я прошу Господа о даровании вечной памяти и Царствия Небесного Ей и Александру Сергеевичу».

Слово правнука

Так уж случилось, что я остался единственным правнуком Александра Сергеевича Пушкина и носителем родовой фамилии.

Моя фамилия — лёгкая, весёлая, звучная. Скажешь — Пушкин, и люди уже улыбаются, тянутся к тебе. Это огромная радость, но и тяжелейший жизненный крест. Теперь, когда перешагнул за 80-летнюю отметку, без ложной скромности могу сказать — я его достойно пронес. И, самое главное, не посрамил честь прадеда.

Я счастливый человек и очень богатый. Но богатство мое особенное: это не коттеджи, и не лимузины, и не солидный банковский счет, а — старинное родословное пушкинское древо. И ему, берущему свое начало от славного древнерусского князя Рюрика, могут позавидовать сильные мира сего.

В моей жизни, а она была такой же, как и у всего моего поколения, неожиданных событий было предостаточно. За большими должностями никогда не гнался: был зоотехником, оперативником угрозыска, партизаном, печатником, а оказался в родстве с коронованными особами. В том числе и с английской королевой.

Перед ее визитом в Россию я получил телеграмму из Букингемского дворца, где Её Величество Елизавета II и герцог Филипп Эдинбургский извещали меня о своем приезде и выражали желание встретиться. Не знаю, о чем бы я говорил с королевой, жизненные пути у нас очень уж разные. Думаю, что о прадеде. Ведь Елизавета II знает и любит пушкинскую поэзию и, кроме того, состоит в дружеских и кровных связях с моими дальними родственницами, прапраправнучками поэта герцогинями Александрой Аберкорнской и Наталией Вестминстерской. Кстати, герцогиня Вестминстерская является крестной матерью внука королевы наследного принца Уильяма и принадлежит к одной из самых аристократических и богатых английских фамилий. А свое имя она получила в честь Наталии Гончаровой, моей прабабушки.

Пушкин всегда гордился своими могучими предками и считал, что самое большое наследие, доставшееся ему от них, — это славные имена. И надеялся, что и его потомки будут «уважены за имя».

Теперь и сам Пушкин стал патриархом огромного рода. И заслуга в том прежде всего — моей прабабушки Наталии Николаевны. Хотя конечно же прекрасную Натали представить прабабушкой очень трудно.

За шесть лет замужества она подарила мужу четверых детей, в том числе и сына Александра, любимца Пушкина — «Сашку рыжего», в будущем — моего деда. Когда я родился, дед, старый генерал, был еще жив и, как говорил отец, радовался, что меня нарекли родовым именем Григорий.

Надо сказать, что сердце Наталии Николаевны, хотя она любила всех своих детей, более всего было расположено к старшему сыну Александру, и он к ней всегда проявлял редкую сыновнюю привязанность. Наталия Николаевна с гордостью говорила, что «таким добрым сыном можно похвалиться».

В нашей большой семье к памяти прабабушки относились всегда трепетно, благоговейно. Ей пришлось много страдать в своей жизни, и за свою божественную красоту она заплатила непомерно высокую цену. Люди к ней часто бывали несправедливы, а у нее была чуткая, тонкая, любящая душа. Она была нежной матерью, но и бабушкой была замечательной: всех своих внуков крестила, дарила им дорогие памятные вещи.

Наталии Николаевне не довелось долго пожить на белом свете, видно, природа не могла допустить увядания одного из самых своих прекрасных и совершенных творений. Мне странно сознавать, что я уже старше и ее, и Александра Сергеевича. Да и сам я стал прадедом, и понимаю, какое это близкое родство. И когда читаю пушкинские строки: «Мой правнук просвещенный…» — кажется, он и обо мне тогда думал…

Слава Богу, что появились наконец-то правдивые книги о прабабушке. Сняли с нее грязные наветы, и имя жены Поэта вновь засияло как «чистейшей прелести чистейший образец».

Мне думается, что доведись Александру Сергеевичу увидеть эту книгу, как бы он порадовался за свою Наташу!

Григорий Пушкин Февраль 1997 года

Григорий Григорьевич Пушкин (1913–1997). Участник Великой Отечественной войны. Работал печатником в типографии издательства «Правда». Один из учредителей Российского Пушкинского общества. Принимал деятельное участие в научных конференциях, литературных вечерах, праздниках поэзии, посвященных наследию его великого прадеда. Жил в Москве.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ПРОСОДИЯ»
(Ученическая тетрадь Н. Гончаровой)

«Просодия учит стопосложению и механическому составу стихов. Кто хочет писать Русские стихи, тот должен иметь предварительное понятие о стопе, о рифме, о строфе или куплете.

О стопе

Тот слог в слове, над которым при произношении делается ударение, называется долгим, а прочие короткими.

Долгий слог означается (-), а короткий… […] языке пять: ямб, хорей, пиррихий, дактиль и анапест.

Ямб состоит из двух слогов, из коих первый короткий, а последний — долгий. Напр.: Живу.

Хорей, состоя, подобно ямбу из двух же слогов, имеет первый слог долгий, а последний короткий. Напр.: Время.

Пиррихий имеет два слога коротких и собственно не составляет стопы, потому что нет у нас слова, в котором бы не было ударения: во […] […] сей, то […]

[…] (нрзб.) многочисленных […] являются цветы и страшные перу […].

Дактиль состоит из трех слогов, из коих первый долгий, а последние короткие. Напр.: Мужество.

Анапест противен дактилю: он имеет два первых слога коротких, а последние — долгие. Напр.: Человек.

Соединение нескольких стоп вместе делает стих.

Стихи разделяются: 1. по числу стоп и бывают двухстопные, трехстопные, четырехстопные, пяти- и шестистопные 2. по роду стоп разделяются на ямбические, хореические, дактилические […] ямбические и дактиле[…].

Рифмою называется однозвучное окончание слов. Напр.: Человек, век.

Рифмы разделяются на мужские и женские, на богатые и полубогатые. Мужскую рифму делает то слово, в котором последний слог долгий. Напр.: Идет, полет.

Женскую рифму производит то, в коем предпоследний слог долгий, а последний короткий. Напр.: Измену, перемену.

Богатыми рифмами называются те, в коих два или три последних слога совершенно однозвучны. Напр.: Доволен […] […] богатые рифмы, в коих меняется […] звучных. Напр.: Салон,

закон […] в рифму только идут те слова, в коих ударение стоит на последнем или предпоследнем слоге, сверх сего должно избегать рифмы на ати, аго, аешь, но больше всего идут в рифму имена существительные, прилагательные и наречия.

Сочетание мужских стихов с женскими производит красоту в стихотворстве.

Она делается различным образом: после мужского рядом ставится женский или два мужских, потом два женских и наоборот. Это зависит от воли стихотворца.

О строфе

[…]

Каждая строфа должна заключать в себе некоторый определенный смысл. Стихи в строфе располагаются произвольно, но уже всегда одинаково.

О стихе ямбическом

Никакой стих не должен иметь более шести стоп. Самый даже шестистопный разделяется на две половины цезурою или сечением, дабы в два приема легче было прочитать […] Цезура сия бывает после трех […] с первых стоп в стихе и […]

Как царства падали к стопам Екатерины
Росс Шелехов без войск, без громо […] сил
Притек в Америку через бурные пучины
И нову область ей и Богу покорил.

Шестистопными стихами ямбическими пишутся обыкновенно эпические поэмы, трагедии, стихотворные послания и сатиры. Такими стихами писаны на нашем языке поэмы Россияда, Владимир и другие, послание к Шувалову о пользе Стекла, […] Сумарокова и Княжнина трагедии, […] Сатира на нравы […] элегий и эклог и множество […] стихи не очень употребительны, их можно найти только в баснях, неровными стихами написанных. Цезура бывает в них после двух первых, а иногда и после трех стоп. Напр.:

Взаймы просил Олень себе сенца,
Ссуди меня, сударыня, Овца.
Я все отдам, в том

Волк тебе порукой.

Четырехстопные ямбические стихи более всех употребительны. Ими пишутся оды, песни и другие мелкие сочинения. В них цезура […] […] ямбический […] стопы, а женские четыре с половиной.

О ты пространством бесконечный
Живой в движеньи вещества,
Течением времени превечный
Без лиц, в трех лицах Божества.

О стихе хореическом

Хореические стихи шестистопные, пятистопные и те, в которых меньше четырех стоп, и употребительнее всех четырехстопные. Стих четырехстопный хореический женский имеет ровно четыре стопы […] […]

И с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой.

Такими стихами написаны многие оды, особливо анакреонтические, некоторые идиллии, песни и другие сочинения.

О стихе дактилическом

Шестистопных и пятистопных дактилических стихов нет, четырехстопные употребляются редко, а по большей части трехстопные и двухстопные. Женский дактилический стих […] […]

Будь нам начальником вечно
Наши зажег ты сердца
Мы в тебе видим отца

[…]

звезду златую
Смерть сорвала

Есть стихи, в коих только последняя строка дактиль, а все прочие хореические. Рифм они не терпят и в старину были очень употребительны.

Несчастный или счастливый друг, отец, сын или могучий богатырь, томящийся в полону у неверных, или жаждущий сразиться с врагами отечества, но удерживаемый горами и реками, […] […] почти в таких же стихах […] […] чувства своей радости […] негодования […] употребив сию меру стихов в богатырской сказке: Илья Муромец. Вот из нее отрывок:

Не хочу я на Парнасс идти,
Нет! Парнасс гора высокая,
И дорога к ней не гладкая,
Я видел, как наши Витязи,
Наши стихо-рифмодетели,
Упиваясь одопением,
Лезут на вершину Пиндову,
Обступаются и вниз летят
Не с венцами и не с лаврами,
Но с ушами (ах!) ослиными
Для позорища насмешки.

Стихи дактилические […] одинаковой меры и даже без рифм.

Воют осенние ветры
В мрачной дубраве
С шумом на землю валятся
Желтые листья.

О стихе дактило-хореическом

Шестистопными и пятистопными стихами дактило-хореическими писали старинные наши стихотворцы. Гекзаметры их в первых четырех стопах имели все дактили или все хореи или перемешивались по произволу стихотворца, но последняя стопа в стихе была всегда хорей, а предпоследняя дактиль. Рифм они не имели и в старину были употребительны. Напр.:

Сей престарелый […]
Долгая даже за перси брада седая

Четырехстопные дактило-хореические стихи столько же свойственны нашему языку и столько же приятны для слуха, сколько ямбические и хореические […] перемешиваются с хореем, который ставится в них на конце и в средине. Напр.:

Многие Барды Лиры настроя,
Смело играют, поют;
Звуки их лиры, гласы их песней
Мчатся по рощам, шумят.

О стихе анапесто-ямбическом

Анапесто-ямбические стихи хотя редко употребительны, но есть шестистопные, пятистопные и даже четырехстопные […] с рифмами и без […] быть если бы и анапесты, но в шестой непременно дактиль и потом хореический слог. Напр.:

О Боже! подаждь, со спокойствием нам
[…]
Да во свет с тобою немерцающем, дух наш
[…]

Четырехстопные

Над кем при унылом там лика стенаньи
Синклит совершает обряд гробовой?
При томном тимпане и флейт воздыханьи,
Чей прах предается утробе земной!

Или

Дни юности! быстро вы, быстро промчались!
Исчезло блаженство, как призрак во мне,
А прежние скорби на сердце остались,
Зачем же и сердце оставлено мне?

О стихах по слогам

Стихи по слогам определялись не числом стоп, но числом […] Цезуры в них нет, имели рифму, а тогда и без оной. Напр.:

Ездок, что в чужой земле ему неизвестной
Видит на пути своем лес вокруг себя тесный
Реки, болота, юры и страшны стремнины,
И, оставя битый путь, ищет пути ины.

О неровных стихах

Неровными стихами называются те, кои не одинаковое число стоп в себе заключают. Такими стихами по большей части пишутся басни и сказки.

Басня

СОЛОВЕЙ, ГАЛКИ И ВОРОНЫ

Прошедшею весною
Вечернею зарею
В лесочке сем певал любезный соловей.
Пришла опять весна; где друг души твоей?
Ах, нет его! Зачем он скрылся?
Зачем?., в лесочке поселился.
Хор галок и ворон. Они и день и ночь
Кричат, усталости не знают,
И слух людей (увы!) безжалостно терзают.
Что ж делать Соловью? лететь подале прочь. —
Жестокие врали и прозой и стихами!
Какому Соловью петь можно вместе с вами!»

«С ТОБОЙ ВДВОЁМ»

Вместе с поэтом: именины и дни рождения Натали Пушкиной

26–27 августа 1831 года.

Натали празднует свое девятнадцатилетние на даче в Царском Селе впервые вместе с мужем.

Пушкин завершает работу над «Сказкой о царе Салтане…» И не красавица жена ли предстает в образе волшебной царевны Лебедя?

Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.

26–27 августа 1832 года.

Натали — двадцать лет. Пушкины, вероятно, отмечают торжество в домашнем кругу в Петербурге, на Фурштатской. Поздравить любимую внучку приехал дедушка Афанасий Николаевич Гончаров.

26–27 августа 1833 года.

Ей — двадцать один год. Пушкин отправляет жене поздравления из Москвы:

> «Поздравляю тебя со днем твоего ангела, мой Ангел, целую тебя заочно в очи…»;
>
> «Вчера были твои именины, сегодня твое рождение. Поздравляю тебя и себя, мой ангел. Вчера пил я твое здоровье у Киреевского с Шевыревым и Соболевским; сегодня буду пить у Суденки».

Письма адресует: «Наталье Николаевне Пушкиной в Петербург, на Черной речке, на даче Миллера».

Но прежде, 21 августа, из Павловского, тверского имения Вульфов, поэт пишет супруге: «Письмо это застанет тебя после твоих именин. Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, — а душу твою люблю я еще более твоего лица. Прощай, мой Ангел, целую тебя крепко».

26–27 августа 1834 года.

В начале августа Пушкин в Петербурге. «Дай Бог приехать мне к твоим именинам, я и тем был бы счастлив», — делится со

своей Наташей надеждами и опасениями.

Поэт приехал в Полотняный Завод чуть раньше, 21 августа. Здесь вместе с братом Дмитрием Гончаровым и сестрами отпраздновали именины и день рождения Наталии Николаевны, — ей исполнилось двадцать два года.

Из гончаровского имения поэт посылает поздравление с Натальиным днем в Ярополец, своей тёще Наталии Ивановне: «Поздравляю Вас со днем 26 августа; и сердечно благодарю Вас за 27-ое. Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед Богом».

Дорогое признание…

26–27 августа 1835 года.

Наталии Пушкиной — двадцать три года. Возможно, Пушкины живут на даче, — лишь в конце августа они переезжают в прежнюю квартиру в доме Баташова «у Прачечного моста». В семейном торжестве участвуют сестры Екатерина и Александра Гончаровы, жившие в то время вместе с Пушкиными.

27 августа с Высочайшего соизволения Пушкин получил отпуск сроком на четыре месяца.

26–27 августа 1836 года.

Пушкины снимают дачу на Каменном острове. Вечером 26 августа поэт с женой и свояченицами получают приглашение в гости к Наталии Кирилловне Загряжской.

«Кстати, о Пушкине. Я с Владимиром Карамзиным и Аркадием Россетом… отправились вечером Натальина дня в увеселительную поездку к Пушкиным на дачу. Проезжая мимо иллюминированной дачи Загряжской, мы вспомнили… что Пушкины, верно, будут там».

(Из письма А. Н. Карамзина.)

27 августа отмечали день рождения Натали, ей — двадцать четыре года. Сохранились счета от Рауля: для праздника куплено три бутылки шампанского марки «Креман» и «Лафит».

Следующий день рождения — свое двадцатипятилетие — Наталия Николаевна встречала уже вдовой…

«Летят за днями дни»

Годы жизни Н.Н. Гончаровой-Пушкиной-Ланской (1812–1863)

1812–27 августа — родилась Наталия Гончарова в имении Загряжских Знаменском-Кариане Тамбовской губернии.

8 сентября — крестины в церкви Знамения Божьей Матери.

1813 — лето — возвращение семьи Гончаровых в калужское имение Полотняный Завод.

1814–1817 — живет с дедушкой Афанасием Абрамовичем, безмерно любящим и балующим ее. Дедушка заказывает портрет внучки.

1817 — переезжает из калужского имения в Москву, в родительский дом на Большой Никитской. «На шестом году пробудилась она, вступив в суровую школу». (Из воспоминаний Александры Араповой.)

1820 — начало ученических занятий Наташи Гончаровой.

1822–23 февраля — первое детское стихотворение Наташи Гончаровой, посвященное брату Ивану. Пишет сочинение о просодии — искусстве стихосложения;

— приезжает на летние месяцы погостить в имение Ильицыно Зарайского уезда и в Яропольц (с 1823 года).

1828 — конец декабря — встреча с поэтом на балу танцмейстера Йогеля в Москве (в доме Кологривовых на Тверском бульваре).

1829–30 апреля — Пушкин просит руки Натали и получает неопределенный ответ ее матери, ссылающейся на молодость дочери;

20 сентября — поэт, вернувшись с Кавказа, посещает дом Гончаровых на Большой Никитской, но Натали без позволения матушки не решается к нему выйти;

30 декабря — принимает участие в живых картинах в особняке московского генерал-губернатора Д. В. Голицына. Князь Петр Вяземский пишет Пушкину: «А что за картина была в картинах Гончарова!»

1830 — начало марта — Натали на балу в генерал-губернаторском доме на Тверской. Танцует с ротмистром Конногвардейского полка И. Д. Лужиным и доброжелательно отзывается о Пушкине. «Благосклонное слово» передано поэту в Петербурге;

12 марта — встречает на благотворительном концерте в зале Благородного собрания приехавшего в Москву, «прямо из

кибитки», Пушкина;

вторая половина марта — Пушкин признается князю Вяземскому: «Письмо мое доставит тебе Гончаров, брат красавицы: теперь ты угадаешь, что тревожит меня в Москве. […] распутица, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы…»;

6 апреля — в Светлое Пасхальное Воскресение поэт вновь делает предложение Натали, и оно принимается;

3 мая — с Пушкиным на благотворительном спектакле в Благородном собрании. «Уверяют, что они (Пушкин и Гончарова) уже помолвлены, но никто не знает, от кого это известно… Она кажется очень увлеченной своим женихом, а он с виду так же холоден, как и прежде, хотя разыгрывает из себя сентиментального», — полагает Н. П. Озерова;

5 мая — пишет письмо дедушке А. Н. Гончарову, уверяя, что свадьба с Пушкиным будет «согласно с моими чувствами и желаниями» и просит его не верить злым слухам о ее женихе: «Я с прискорбием узнала те худые мнения, которые Вам о нем внушают, и умоляю Вас по любви Вашей ко мне не верить оным, потому что они суть не что иное, как лишь низкая клевета»;

6 мая — помолвка с Александром Пушкиным — с этого дня Натали — невеста поэта. Получает благословение родителей. Первоначально свадьба намечена на май, затем отложена на сентябрь;

25 мая — встречает жениха в родовом имении Полотняный Завод и проводит вместе с ним три дня;

26 мая — впервые, на правах невесты, отмечает день рождения Пушкина-жениха в Полотняном Заводе;

начало июня — получает первое письмо жениха: «Я отсчитываю минуты, которые отделяют меня от вас»;

июнь — июль — вместе с Пушкиным посещает «воздушный театр» в Нескучном саду;

8 июля — написан сонет «Мадонна», посвященный невесте (с первоначальным названием «Картина»);

26 августа — в домашнем кругу вместе с Пушкиным и матерью отмечает именины — «Натальин день»: вечером на Большой Никитской у Гончаровых бал;

27 августа — Натали исполняется восемнадцать лет. Поэт-жених посещает семейство Гончаровых и ссорится с будущей тещей;

начало сентября — пишет Пушкину в Болдино. Поэт сообщает Плетневу: «Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выйти за меня и без приданого»;

осень — не покидает Москву во время эпидемии холеры, что чрезвычайно беспокоит Пушкина;

декабрь — с возвратившимся из Болдина женихом и матерью совершает поездки по московским храмам и монастырям.

1831–17 февраля — перед свадьбой устраивает «девичник» в доме на Большой Никитской. Вечером к ней приезжает жених;

18 февраля — венчание с Александром Пушкиным в храме Большого Вознесения, что у Никитских ворот;

февраль — май — молодые живут в доме Хитрово на Арбате. «Я женат — и счастлив… Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился», — признается поэт;

20 февраля — впервые на балу вместе с супругом в особняке на Никитском бульваре (бал у А. М. Щербининой, дочери княгини Екатерины Дашковой);

22 февраля — вместе с мужем в Большом театре на маскараде в пользу бедных, пострадавших от холеры;

27 февраля — Пушкины впервые дают бал на арбатской квартире. «Она прелестна, и они как два голубка. Дай Бог, чтобы всегда так продолжалось!» — пишет А. Я. Булгаков;

1 марта — с мужем принимает участие в санном катании, устроенном в последний день Масленицы. После катанья молодые приглашены на блины к Пашковым;

март — на улице цыганка Татьяна Демьянова встречает Пушкина с молодой женой: кто-то «из кареты кричит: «Радость моя, Таня, здорово!» Обернулась я, а это Пушкин… А подле него красавица писаная — жена сидит, голубая на ней шуба бархатная, глядит на меня, улыбается».

15 мая — переезд четы Пушкиных в Петербург;

18 мая — первый визит Натали к родителям мужа и знакомство с сестрой поэта Ольгой Павлищевой: «Они обожают друг друга; моя невестка совершенно очаровательна, красавица и умница, и при всем том еще ребенок»;

20 мая — представлена друзьям супруга на домашнем вечере у П. А. Плетнева. Знакомство с Николаем Гоголем;

25 мая — переезжает с мужем в Царское Село;

май — октябрь — Пушкины снимают дачу в Царском Селе. Натали помогает мужу в работе, переписывает набело его рукописи. Встречается в Царскосельском парке с императором Николаем I и его августейшей супругой Александрой Федоровной;

26 мая — день рождения Пушкина;

22 августа — вероятно, принимает участие в торжестве — крестинах великого князя Николая Николаевича в Дворцовой церкви. Н. О. Пушкина сообщает дочери, что все дамы в Царском Селе, в их числе и Натали, «готовятся к крестинам»;

середина октября — супруги переезжают в Петербург,

снимают квартиру на Галерной в доме Брискорн;

25 октября — впервые появляется в высшем петербургском свете на вечере у Фикельмонов. Графиня Долли Фикельмон записывает в дневнике: «Госпожа Пушкина, жена поэта, здесь впервые явилась в свете. […]…муж говорит, что она умна»»;

11 ноября — Пушкины на балу у председателя Государственного совета графа В. П. Кочубея. Графиня Долли Фикельмон оставляет в дневнике запись: «Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого моего сердца…»;

17 ноября — Ольга Павлищева — мужу: «Она (Натали) принята в аристократическом кругу, и общее мнение, что она красивее всех; ее прозвали Психеей»;

3 декабря — провожает мужа в Москву;

начало декабря — позирует Александру Брюллову для акварельного портрета. Пушкин спрашивает: «Брюллов пишет ли твой портрет?» Просит ее поберечь себя;

первая половина декабря — получает письмо супруга, отправленного ей 6 декабря: «Сейчас приехал к Нащокину на Пречистенском Валу… Целую тебя, женка, мой Ангел»;

первая половина декабря — посылает свои стихи на отзыв мужу и получает совет (письмо от 16 декабря) писать ему лучше «о своем здоровьи»;

12 декабря — графиня Долли Фикельмон — князю Петру Вяземскому: «Пушкин у вас в Москве, жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выражение ее лба заставляет меня трепетать за ее будущность»;

19 декабря — Наталия Николаевна — на придворном балу в Аничковом дворце, нарушая просьбу мужа: «Целую тебя и прошу… во дворец не ездить и на балах не плясать»;

21 декабря — генерал А. П. Ермолов замечает в письме: «Гончаровой-Пушкиной не может женщина быть прелестнее»;

27 декабря — встречает вернувшегося из Москвы мужа;

31 декабря — приглашена с мужем к Карамзиным на встречу Нового года.

1832–1 января — с супругом и его сестрой Ольгой в гостях у С. А. и Н. О. Пушкиных;

12 января — принимает в доме друзей Пушкина: Н.Н. Раевского-младшего, Василия Жуковского, Ивана Андреевича Крылова, князя Петра Вяземского;

18 февраля — первая годовщина свадьбы;

23 февраля — в гости приезжает дедушка Афанасий Николаевич Гончаров. Делает запись: «Февраля 23 — Наташе Пушкиной купил 32 фунтов разного варенья…»;

6 апреля — в памятный для нее день получает в подарок от мужа золотое кольцо с бирюзой и выгравированной надписью: «A. P. 6 avril 1832» — ровно два года назад решилась ее судьба;

первая половина мая — переезд на Фурштатскую улицу, в дом Алымова;

середина мая — из Полотняного Завода приезжает старший брат Дмитрий;

19 мая — рождение первенца — дочери Марии. После родов Наталия Николаевна долго болеет. Друзья поздравляют ее и мужа с рождением дочери, спрашивают, на кого похожа девочка.

22 мая — поздравить внучку приезжает Афанасий Николаевич Гончаров, записывает: «Мая 22 — Наташе на зубок положил 500»;

26 мая — день рождения Пушкина;

7 июня — крестины дочери Марии в Сергиевском «всей артиллерии» соборе;

18 июня — перед заграничным путешествием приходит проститься с ней Александр Иванович Тургенев, общественный деятель, археограф и литератор;

начало августа — посещает с мужем графа Д. И. Хвостова, пославшего ей в подарок собственного сочинения «песенку… на музыку положенную»;

27 августа — Натали исполняется двадцать лет.

8 сентября — в Петербурге умирает дедушка Афанасий Николаевич;

первая половина сентября — хлопоты, связанные с получением разрешения на перевоз умершего в калужское имение;

17 сентября — провожает мужа в Москву;

вторая половина сентября — пишет мужу в Москву. Поэт отправляет ей ответное письмо (от 25 сентября): «Какая ты умнинькая, какая ты миленькая! какое длинное письмо! как оно дельно! благодарствуй, женка! Продолжай, как начала, и я век за тебя буду Бога молить»;

26 сентября — принимает князя Петра Вяземского, о чем тот сообщает жене: «Скажи ему (Пушкину), что я был вчера у жены его, но не волочился за нею»;

12 октября — Пушкин возвращается в Петербург «поспешным дилижансом»;

8 ноября — запись поэта о крестинах великого князя Михаила Николаевича. Не исключено, что Пушкины были приглашены на то торжество;

20 ноября — с мужем на рауте у Фикельмонов. Графиня Долли Фикельмон записывает в дневнике: «Самой красивой вчера

была, однако ж, Пушкина, которую мы прозвали поэтической, как из-за ее мужа, так и из-за ее небесной и несравненной красоты. Это — образ, перед которым можно оставаться часами, как перед совершеннейшим созданием Творца»;

начало декабря — Пушкины переезжают в дом Жадимеровского на Большой Морской улице;

первая половина декабря — Пушкин сообщает родителям в Москву о беременности жены.

1833 — январь — гостит брат Дмитрий, прибывший в Петербург по делам, связанным с наследством;

25 января — с супругом на балу у министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде;

8 февраля — Пушкины на маскараде в доме Департамента Уделов на Дворцовой набережной. Натали в костюме жрицы солнца имеет необычайный успех: Николай I провозглашает ее «царицей бала»;

11 февраля — поздравляет младшего брата Сергея с девятнадцатилетием; дома у Пушкиных — торжественный обед;

вторая половина февраля — Наталия Николаевна тяжело болеет гриппом. Н. О. Пушкина — дочери: «Наташа лежала больная первую неделю поста. Ей тоже пускали кровь…»;

18 февраля — отправляет письмо министру Двора князю П. М. Волконскому по поводу продажи «бронзовой Бабушки»;

начало мая — болеет годовалая Маша. Пушкин пишет П. А. Осиповой: «Моя дочь… заставила нас поволноваться. Думаю, что у нее режутся зубы. […]…Эти создания так слабы и беспомощны, что невозможно без содрогания видеть, как они страдают»;

7 мая — принимает дома родителей супруга;

8 мая — ее навещает свекровь. Н. О. Пушкина восторгается маленькой внучкой: «…Маленькая хороша, как ангел, и очень мила. […] Натали должна родить в июле. Мы видаемся каждый день, они живут в двух шагах от Отель да Пари»;

19 мая — Пушкины празднуют день рождения Маши, ей исполнился год; в гостях — родители мужа и тетушка Екатерина Загряжская;

23 мая — в гостях у нее С. А. И Н. О. Пушкины;

26 мая — день рождения поэта. Натали дарит мужу 19-томное собрание сочинений Гофмана;

17 июня — Н. О. Пушкина перед отъездом в Михайловское пишет дочери: «Мы не станем дожидаться родов Натали, которые будут через три недели. Она здорова, много гуляет, ездит на Острова, на спектакли…»;

июнь, после 20-го — Пушкины переезжают на дачу Миллера на Черной речке.

23 июня — на даче ее навещают родители мужа;

30 июня — у Пушкиных гостит П. В. Нащокин;

6 июля — рождение сына Александра. «Мы только что получили от Александра известие о рождении сына, тоже Александра. Натали и ребенок здоровы», — сообщает дочери С. А. Пушкин;

20 июля — крестины сына Александра в церкви Рождества Святого Иоанна Предтечи на Каменном острове;

конец июля — получает от матери, обрадованной рождением внука, тысячу рублей в подарок;

начало августа — Наталия Николаевна болеет после родов, жалуется брату Дмитрию: «…У меня опять были нарывы, как и в прошлом году, они причинили мне ужасные страдания»;

17 августа — провожает мужа в дальнюю поездку на Волгу и Урал;

26–27 августа — из Москвы поэт поздравляет свою Наташу с именинами:

«Поздравляю тебя с днем твоего ангела, мой Ангел, целую тебя заочно в очи…»;

1 сентября — Наталия Николаевна снимает квартиру в доме Оливье близ Летнего сада;

начало сентября — получает из Нижнего Новгорода письмо мужа (от 2 сентября) со словами: «.. Л все еще люблю Гончарову Наташу…»;

27 сентября — благодарит брата Дмитрия за оказанную помощь: «…Еще немного, и я осталась бы без копейки. А оказаться в таком положении с маленькими детьми на руках было бы ужасно». Сообщает свой новый адрес: «у Цепного моста, против Пантелеймона в доме Оливье»;

начало октября — Пушкин пишет ей из Болдина: «Что с вами? здорова ли ты? здоровы ли дети? сердце замирает, как подумаешь»;

20 ноября — вечером поэт возвращается в Петербург: «Дома нашел я все в порядке. Жена была на бале, я за нею поехал — и увез к себе, как улан уездную барышню с именин городничихи»;

20 декабря — Натали приглашена на семейный обед к родителям мужа. Надежда Осиповна — дочери в Варшаву: «Мы провели его (день рождения Ольги Сергеевны. — Л. Ч.) посемейному: твои братья, Натали, даже маленькая Маша пришла нас поздравить…»;

25 ноября — вместе с супругом в гостях у В. Ф. Одоевского;

31 декабря — встречает Новый год с мужем у своей родственницы Наталии Кирилловны Загряжской.

1834–1 января — «…Я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам)… Но Двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове», — записывает в дневнике поэт;

14 января — Наталия Николаевна представлена во дворце императрице Александре Федоровне. «Представлялась красавица Пушкина» — запись в дневнике императрицы.

«Представление ее (Натали) ко Двору, в воскресенье 14-го числа увенчалось большим успехом», — пишет Н. О. Пушкина;

23 января — получает приглашение на бал в Аничков дворец. Пушкин вынужден уехать с бала, так как надел мундир вместо фрака: «Я уехал, оставя Наталью Николаевну, и, переодевшись, отправился на вечер к Салтыкову. Государь был недоволен и несколько раз принимался говорить обо мне: «Он мог бы дать себе труд съездить надеть фрак и возвратиться. Попеняйте ему»»;

25 января — на балу у Трубецких. Николай I довольно жестко спрашивает ее: «Из-за сапог или из-за пуговиц ваш муж не явился последний раз?»;

30 января — в гостях у В. А. Жуковского, на его именинах. Накануне Пушкин получает его приглашение явиться с супругою «грациозною, стройносозданною, богинеобразною, мадонистою…» В письме к приятелю Жуковский замечает: «Просил я также и господина Александра Сергеевича Пушкина, стихотворца, с его собственною музою, Натальей Николаевною»;

5 февраля — супруги на балу у министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде;

конец февраля — начало марта — Н. О. Пушкина пишет дочери Ольге: «Масленая очень шумная, всякий день утром и вечером бал, спектакль — с понедельника до воскресенья; Натали на всех балах, всегда хороша, элегантна, везде принята с лаской…»;

4 марта — Прощёное воскресенье. Пушкины на балу в Зимнем дворце, где Наталии Николаевне делается дурно. «Все это кончилось тем, что жена моя выкинула. Вот до чего доплясалась», — записывает в дневник Пушкин. А приятелю сообщает: «Вообрази, что жена моя на днях чуть не умерла…»;

начало апреля — Наталия Николаевна болеет. Н. О. Пушкина — дочери: «Александр остается, его жена уедет в Москву с детьми, как только сможет, ибо она простудилась на прогулке; сейчас она не выходит из комнаты… она несколько дней лежала в постели»;

15 апреля — Наталия Николаевна с детьми едет в Москву и в калужское имение, где проводит лето. Муж провожает ее до Ижоры;

май — гостит у матери в Яропольце. Пушкин беспокоится: «Но когда узнал я, что… ты доехала здорова, у меня гора с сердца свалилась…»;

14 мая — из Яропольца Натали посылает мужу письмо (единственное известное): «…нежно тебя целуя, я намереваюсь написать тебе побольше при первой возможности»;

26 мая — из гончаровского имения Пушкин получает письмо: Натали поздравляет супруга с 35-летием, сообщает о первом зубе у Маши, зовет его к себе;

21 августа — встреча с мужем в Полотняном Заводе; вместе проводят две недели;

26–27 августа — отмечает свои именины и день рождения;

6 сентября — Пушкины и сестры Гончаровы выезжают в Москву;

8 сентября — с мужем и сестрами посещает спектакль в Малом театре;

10 сентября — провожает Пушкина в Болдино. Проводит в Москве несколько дней;

сентябрь — переезжает в Петербург, живет с детьми и сестрами в доме Баташова на Дворцовой набережной;

конец сентября — получает из Болдина письмо Пушкина: «Погожу еще немножко, не распишусь ли: коли нет — так с Богом и в путь…»;

14 октября — утром встречает мужа, вернувшегося в Петербург;

октябрь — ноябрь — у Пушкиных в петербургской квартире живет брат Иван Гончаров;

13 ноября — с мужем и сестрами на спектакле в Михайловском театре;

24 ноября — с Пушкиным на вечере у Е. А. Карамзиной слушает концерт юных скрипачей-виртуозов;

27 ноября — на балу у Д. П. Бутурлина, где просит великого князя Михаила Павловича содействовать переводу младшего брата Сергея в гвардию;

1 декабря — с мужем и сестрами смотрит французский спектакль в Михайловском театре;

4 декабря — с Пушкиным на танцевальном вечере у С. В. Салтыкова в доме на Малой Морской;

6 декабря — Наталия Пушкина во дворце на балу в честь именин Николая I. Пушкин — «рапортовался больным». Екатерина Гончарова — брату Дмитрию: «Она (Натали) танцевала полонез с императором; он, как всегда, был очень любезен с ней, хотя и немножко вымыл ей голову из-за мужа, который сказался больным, чтобы не надевать мундира»;

14 декабря — с мужем на балу в Аничковом дворце;

16 декабря — принимает в доме свекра. Из письма С. Л. Пушкина: «Видел я одного Александра, Натали и двух ее сестер, которые очень любезны, однако далеко уступают Натали в красоте…»;

30 декабря — с мужем и сестрами на балу у И. О. Сухозанета, генерала от артиллерии, директора Пажеского и всех сухопутных корпусов;

31 декабря — Пушкины вместе с В. Жуковским, С. Соболевским, М. Глинкой встречают Новый год у князя Владимира Одоевского.

1835–3–4 января — вместе с супругом навещает его родителей. Н. О. Пушкина пишет: «Натали много выезжает со своими сестрами…»

6 января — на маскараде во дворце, где кавалеры наряжены в мундиры времени царствования Павла I;

7 или 8 января — с мужем и сестрами на балу у графа А.А. Бобринского;

31 января — с Пушкиным на дипломатическом приеме у графской четы Фикельмонов;

5 февраля — на спектакле в Михайловском театре;

март — светские развлечения. Алексей Вульф пишет сестре: «Натали выезжает в свет больше, чем когда-либо»;

11 марта — Н. О. Пушкина сообщает дочери: «Натали более не отваживается подыматься на лестницы, и я не видала ее с именин Леона (Льва), она родит в мае месяце»;

18 апреля — Александра Гончарова передает брату Дмитрию просьбу младшей сестры: «Таша просит напомнить о ее шали и просит сделать это поскорее…», а также напоминает брату о присылке денег: близится «день рождения Пушкина 26 числа, невозможно нам обойтись без подарка»;

конец апреля — начало мая — с мужем и сестрами слушает оперу «Фенелла». Накануне узнает о смерти бабушки Надежды Платоновны Гончаровой, урожденной Мусиной-Пушкиной;

конец апреля — начало мая — Екатерина Гончарова пишет брату Дмитрию: «Не забудь, что к родам Наты тебя ждут как крестного отца»;

5 мая — провожает мужа в Тригорское и, по замечанию свекрови, «очень этим опечалена». Н. О Пушкина сообщает: «Александр уехал в Тригорское, он должен вернуться не позднее 10 дней, ко времени разрешения Наташи».

14 мая — рождение сына Григория. С. Л. Пушкин — дочери: «14-го, т. е. во вторник, в 7 или 8 часов вечера Натали

разрешилась мальчиком, которого они назвали Григорий…»;

15 мая — утром приезжает Пушкин. «…Удовольствие его видеть так ее взволновало, что она (Натали) промучилась весь день», — замечает мать поэта;

Екатерина Гончарова — брату: «Спешу сообщить тебе, дорогой Дмитрий, о благополучном разрешении от бремени Таши; это произошло в 6 часов 37 минут вечера. Она очень страдала, но, слава Богу, все прошло благополучно…»;

16 мая — Пушкин сообщает радостную весть тёще Н. И. Гончаровой: «Наталья Николаевна родила его (сына) благополучно, но мучилась дольше обыкновенного — и теперь не совсем в хорошем положении — хотя, слава Богу, опасности нет никакой»;

26 мая — день рождения Пушкина. Накануне поэт приобретает в магазине братьев Гамбс вольтеровское механическое кресло, согласовав, видимо, дорогую покупку с женой;

31 мая — Александра Гончарова — брату Дмитрию в Полотняный Завод: «Таша чувствует себя, слава Богу, довольно хорошо, но все же она пока довольно слаба; она еще не покидает своей комнаты…»;

8 июня — Н. О. Пушкина — дочери: «Натали поручила мне тебя поцеловать, на этот раз она слаба; она лишь недавно оставила спальню и не решается ни читать, ни работать… она хочет взять дачу на Черной речке…»;

середина июня — переезд на дачу Миллера на Черной речке;

середина июня — на даче гостит свекровь;

22 июня — крестины сына Григория в церкви Рождества Святого Иоанна Предтечи на Каменном острове;

1 июля — с Пушкиным на празднике в Петергофе в честь дня рождения императрицы Александры Федоровны. Н. О. Пушкина — дочери: «Натали, говорят, была очень хороша…»;

начало июля — с поэтом и сестрами наносит визит Варваре Петровне Полье в Парголово, где вместе с вдовой-графиней живет и тетушка Екатерина Загряжская.

17 июля — с мужем и сестрами в Стрельне. Приглашена на праздник, данный П. Н. Демидовым в честь августейшей фамилии;

август — две недели на даче гостит младший брат Сергей;

18 августа — пишет брату Дмитрию в Полотняный Завод: «Мой муж поручает мне, дорогой Дмитрий, просить тебя сделать ему одолжение и изготовить для него 85 стоп бумаги… Она ему крайне нужна и как можно скорее…»;

27 августа — день рождения Натали: ей исполняется

двадцать три года.

30 августа — с Пушкиным навещает его родителей в Павловске и встречается с сестрой мужа Ольгой Павлищевой;

конец августа — начало сентября — Пушкины переезжают на прежнюю квартиру в доме Баташова;

7 сентября — провожает мужа в Михайловское;

14 сентября — Пушкин пишет ей из деревни: «… Беспрестанно думаю о тебе, и ничего путного не надумаю. Жаль мне, что я тебя с собою не взял»;

17 сентября — едет с детьми в Павловск поздравить свекровь с именинами;

1 октября — просит брата Дмитрия прислать ей денег: «Мой муж уехал и оставил мне только сумму, необходимую для содержания дома»;

2 октября — Пушкин адресует ей письмо из Михайловского: «Я смотрю в окошко и думаю: не худо бы, если вдруг въехала на двор карета — а в карете сидела бы Наталья Николаевна!»;

23 октября — встречает возвратившегося из деревни мужа;

1 ноября — Александра Гончарова извещает брата Дмитрия

о плохом самочувствии Натали (из-за беременности), и что она «находится в самом жалком состоянии»;

9 ноября — Ольга Павлищева — мужу: «Его (Александра) жена снова беременна. Вообрази, что на нее, бедняжку, напали, отчего и почему мать у ней не остановилась по приезде из Павловского? На самом же деле мать не предполагала, что заболеет и останется у Княжниной… Однако возмущаются, зачем у нее ложа в театре и зачем она так элегантна, когда родители мужа в таком тяжелом положении, — словом, находят очень пикантным ее бранить»;

6 декабря — с Пушкиным на придворном балу, данном по случаю тезоименитства Николая I;

20 декабря — навещает с мужем его родителей;

конец декабря — начало января — на одном из балов граф

В. А. Соллогуб говорит ей дерзости. Пушкин посылает обидчику вызов на дуэль;

31 декабря — Новый год Пушкины встречают у князя В. Ф. Одоевского.

1836–1 января — с мужем на праздничной литургии в Большой дворцовой церкви; вечером — на маскараде в Зимнем дворце, устроенном в честь десятилетия царствования Николая I. Барон П. А. Вревский — брату: «Мадам Пушкину я замечаю всегда среди достойных быть замеченной»;

18 января — П. А. Осипова в письме к Пушкину упоминает о

его жене, как о необычайной красавице: «Поздравляю ее с этим и желаю, чтобы можно было сказать о ней, что она самая счастливая среди счастливых…»;

январь — Жорж Дантес получает приглашение бывать в доме Пушкиных;

1 февраля — Натали отдает мужу свою дорогую турецкую шаль, чтобы он заложил ее у ростовщика, — в семье вновь ощутимая нехватка денег;

5 февраля — чета Пушкиных на балу в особняке князя ди Бутера, чрезвычайного посланника Королевства Неаполя и обеих Сицилий в Петербурге. Фрейлина Мария Мердер записывает в дневнике:

«В толпе я заметила д' Антеса… через минуту он появился вновь, но уже под руку с госпожой Пушкиной. До моего слуха долетело: «Уехать — думаете ли вы об этом — я не верю этому — это не ваше намерение». Выражение, с которым произнесены эти слова, не оставляло сомнений насчет правильности наблюдений, сделанных мною ранее, — они безумно влюблены друг в друга!..»

начало февраля — состоялось объяснение Наталии Николаевны с Дантесом, где она просит прекратить его преследования. Дантес пишет барону Геккерну: «В этой женщине обычно находят мало ума, не знаю, любовь ли дает его, но невозможно вести себя с большим тактом, изяществом и умом, чем она при этом разговоре…»;

29 марта — в Пасхальное воскресенье умирает ее свекровь Надежда Осиповна. У Пушкиных — траур;

31 марта — на отпевании свекрови вместе с мужем и его семьей в Спасо-Преображенском соборе.

11 апреля — дает А. Ф. Смирдину расписку в получении денег за 100 экземпляров «Современника»;

начало апреля — нанимает на лето дачу Доливо-Добровольского на Каменном острове. Александра Гончарова — брату: «Мы наняли дачу на Каменном острове, очень красивую, и надеемся там делать много прогулок верхом…»;

начало апреля — просит брата Дмитрия прислать денег, чтобы купить подарок ко дню рождения Пушкина;

28 апреля — предлагает брату, чтобы вместо предназначенного ей денежного содержания он поставлял бы бумагу для журнала мужа на 4,5 тысячи рублей в год;

29 апреля — провожает Пушкина в Москву;

4 мая — муж сообщает ей о встрече с Карлом Брюлловым: «… Думал о тебе, моя прелесть. Неужто не будет у меня твоего портрета, им писанного! невозможно, чтоб он, увидя тебя, не захотел срисовать тебя; пожалуйста не прогони его, как прогнала

ты прусака Криднера»;

начало мая — переезжает с детьми и сестрами на дачу на Каменном острове;

11 мая — муж благодарит ее за письмо: «…Воображаю твои хлопоты и прошу прощения у тебя за себя и книгопродавцев». (Наталия Николаевна хлопочет о продаже «Современника);

14–16 мая — Пушкин пишет ей: «…Сегодня день рождения Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нет ли у него нового братца или сестрицы? Погоди до моего приезда»;

23 мая — рождение дочери Наталии. Пушкин — Нащокину: «Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь и на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда. Она спала. На другой день я ее поздравил и отдал вместо червонца твое ожерелье, от которого она в восхищении»;

26 мая — день рождения мужа;

конец мая — встречается с братом Дмитрием, приехавшим в Петербург;

10 июня — на дачу пожаловала необычная гостья — кавалерист-девица Надежда Дурова, но Наталия Николаевна слаба после родов и не может спуститься к обеду;

25 июня — Екатерина Гончарова — брату: «27 числа этого месяца состоятся крестины. Тетушка и Мишель Виельгорский будут восприемниками. В этот же день Таша впервые сойдет вниз, потому что до сих пор Тетушка не позволяла ей спускаться… Вчера она в первый раз выехала в карете, а Саша и я сопровождали ее верхом»;

27 июня — крестины дочери в церкви Рождества Святого Иоанна Предтечи на Каменном острове и день рождения сестры Александры;

29 июня — подпоручик Яковлев, именуя себя «убогим стихоплетом», посылает поэту стихи в честь рождения дочери Наталии:

> О! Расти, красна дочь нашего поэта. —
> А как совершатся уже тебе лета,
> Да ниспошлет! мужа! Бог! к удивлению света…

(Пожеланиям подпоручика суждено будет исполниться!);

начало июля — муж передает ей привет из Тифлиса от брата Льва: «Кланяйся Наталии Николаевне и всему твоему племени»;

июль — обращается к брату Дмитрию за помощью: «Мой муж дал мне столько доказательств своей деликатности и бескорыстия, что будет совершенно справедливо, если я со своей

стороны постараюсь облегчить его положение»;

начало августа — поздравляет брата Дмитрия с женитьбой на княжне Елизавете Назаровой. (Свадьба состоялась 29 июля.) Просит прислать годовой запас бумаги для журнала мужа;

13 июля — с супругом и сестрами на даче у графини Александры Лаваль в окрестностях Петербурга. Екатерина Гончарова — брату: «Вчера у нас был такой (вечер) у графини Лаваль, где мы едва не отдали Богу душу от скуки»;

22 июля — в домашнем кругу отмечает именины дочери Маши;

31 июля — с сестрами совершает прогулку в Красное Село, где в честь окончания маневров офицерами Гвардейского и Кавалергардского полков устроен фейерверк;

6 августа — с мужем и сестрами на балу в здании минеральных вод на Каменном острове. Студент-юрист Николай Колмаков, впоследствии тайный советник, вспоминает: «… На одном из балов был и Александр Сергеевич Пушкин со своею красавицей-женою… Супруги невольно останавливали взоры всех. Бал кончился, Наталия Николаевна в ожидании экипажа стояла, прислонясь к колонне у входа, а военная молодежь, по преимуществу из кавалергардов, окружала ее, рассыпаясь в любезностях»;

26 августа — Пушкины в гостях у Н. К. Загряжской, где отмечают именины Натали и тетушки Наталии Кирилловны — Натальин день;

27 августа — день рождения Натали;

2 сентября — с мужем и сестрами в Александринском театре смотрит гоголевского «Ревизора»;

5 сентября — с Пушкиным приглашена в Елагинский дворец на бал в честь небесного покровителя Кавалергардского полка и его шефа — императрицы Александры Федоровны;

12 сентября — Пушкины и сестры Гончаровы переезжают с дачи на новую квартиру в доме княгини Волконской на набережной Мойки;

17 сентября — с мужем и сестрами на именинах Софьи Карамзиной на даче в Царском Селе. Из письма С. Н. Карамзиной: «…Среди гостей были Пушкин с женой и Гончаровыми (все три — ослепительные изяществом и невообразимыми талиями)… […] Его (Пушкина) блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останавливается лишь на его жене и Дантесе, который продолжает все те же штуки, что и прежде, — не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой, он издали бросает нежные взгляды на Натали, с которой, в конце концов, все же танцевал мазурку»;

27 или 28 сентября — вместе с Пушкиным на выставке работ молодых живописцев в Академии художеств. Знакомится с И. К. Айвазовским, оставившим воспоминания: «…Я… был им (Пушкиным) любезно принят и приглашен к нему ласковой и любезной красавицей Наталией Николаевной, которая нашла почему-то во мне тогда сходство с портретами ее славного мужа в молодости»»;

середина октября — с мужем и сестрами на вечере у Карамзиных;

17 октября — Жорж Дантес просит Геккерна помочь ему добиться любви Натали Пушкиной, пустив в ход интриги и угрозы: «Если бы ты сумел вдобавок припугнуть ее…»;

18 октября — с мужем и сестрами в гостях у П. А. Валуева, женатого на дочери князя Петра Вяземского Марии. С. Н. Карамзина пишет: «Вечером Мари устроила у себя чай, были неизбежные Пушкины и Гончаровы…»;

20 октября — Пушкин — отцу: «Вы спрашиваете у меня новостей о Натали и о детворе. Слава Богу, все здоровы. […]…Я сам в очень расстроенных обстоятельствах, обременен многочисленной семьей, содержу ее своим трудом и не смею заглядывать в будущее…»;

начало ноября (2-го?) — приезжает в гости к кузине Идалии Полетики, где ее ожидает Дантес, инсценирующий самоубийство из-за неразделенной любви; Наталия Николаевна спешно покидает дом кузины, едет к Вяземским, где обо всем рассказывает княгине Вере Федоровне;

4 ноября — происходит объяснение с мужем по поводу получения им по городской почте анонимного письма. Князь Вяземский пишет: «…Она раскрыла мужу все поведение молодого и старого Геккернов по отношению к ней; последний старался склонить ее изменить своему долгу и толкнуть ее в пропасть.

Пушкин был тронут ее доверием, раскаянием, и встревожен опасностью, которая ей угрожала»;

5 ноября — узнает о посланном мужем вызове Дантесу, просит брата Ивана срочно отправиться в Царское Село к Жуковскому;

5–6 ноября — князь Петр Вяземский пишет: «Геккерны, старый и молодой, возымели дерзкое и подлое намерение попросить г-жу Пушкину написать молодому человеку (Дантесу) письмо, в котором она умоляла бы его не драться с мужем. Разумеется, она отвергла с негодованием это низкое предложение»;

8 ноября — известие о намерении Дантеса жениться на Екатерине Гончаровой;

15 ноября — Натали приглашена на первый в зимнем сезоне придворный бал одна, без мужа (он носит траур по матери). Графиня Софья Бобринская — императрице: «Пушкина казалась прекрасной волшебницей в своем белом с черным платье. — Но не было той сладостной поэзии, что на Елагином»;

16 ноября — с мужем и сестрами на праздничном обеде у Карамзиных по случаю дня рождения Екатерины Андреевны;

17 ноября — узнает от Пушкина о прекращении дуэльного конфликта. Вечером с мужем и сестрами на балу у Салтыковых, где впервые объявлено о помолвке Дантеса с Екатериной Гончаровой;

29 ноября — с мужем на балу в Аничковом дворце;

1 декабря — вместе с супругом в Михайловском театре, затем на вечере у Карамзиных;

6 декабря — с мужем на службе в придворной церкви Зимнего дворца по случаю тезоименитства Государя;

10 декабря — с Пушкиным на спектакле в Михайловском театре;

15 декабря — в гостях у Пушкиных А. И. Тургенев. Поэтический вечер затягивается до полуночи;

16 декабря — с супругом на вечере у Вяземских. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «Эмилия (Э. К. Мусина-Пушкина) и ее соперница в красоте и в имени»;

19 декабря — на вечере у княгини Е. Н. Мещерской. После ухода Пушкиных Тургенев записывает: «Все нападают на него (Пушкина) за жену, я заступался»;

конец декабря — Натали помогает Екатерине в ее предсвадебных хлопотах. Пушкин — отцу в Москву: «Шитье приданого сильно занимает и забавляет мою жену и ее сестер, но приводит меня в бешенство. Ибо мой дом имеет вид модной и бельевой лавки».

Графиня Софья Бобринская о главной светской новости: «Геккерн-Дантес женится! Вот событие, которое поглощает всех и будоражит стоустую молву… Он женится на старшей Гончаровой, некрасивой, черной и бедной сестре белолицей, поэтичной красавицы жены Пушкина…»;

31 декабря — встреча Нового года у Вяземских. Среди гостей — и Жорж Дантес.

1837–4 января — получает записку от Бенкендорфа, в коей сообщается, что Государь дарит ее сестре Екатерине тысячу рублей на свадьбу;

6 января — с Пушкиным в придворной церкви Зимнего дворца — на Божественной литургии в честь праздника

Богоявления; участвует в крестном ходе;

10 января — присутствует на венчании старшей сестры Екатерины с Жоржем Дантесом. Обряд венчания из-за различных вероисповеданий жениха и невесты совершается дважды: в римско-католическом храме Святой Екатерины (на Невском проспекте) и в православном Исаакиевском соборе;

11–13 (?) — новобрачные Жорж и Екатерина Дантес приезжают к Пушкиным со свадебным визитом, но поэт их не принимает, объясняя, «что между его семьей и семейством свояченицы он не потерпит не только родственных отношений, но даже простого знакомства»;

12 января — разговор с А. И. Тургеневым, приехавшим утром к мужу. В его дневнике — запись: «…У Пушкиной…»;

14 января — с мужем на балу у французского посла барона Амабль-Гильома Баранта. А. И. Тургенев записывает в дневнике: «Бал у французского посла. Прелесть и роскошь туалетов. Пушкина и ее сестры»;

15 января — с супругом на балу у Вяземских в честь дня рождения их дочери;

17 января — Пушкины на домашнем вечере у Мещерских;

18 января — на рауте у саксонского посланника барона Карла-Августа Аюцероде доверительно разговаривает с А. И. Тургеневым. Он записывает: «…Долго говорил с Нат. Пушкиной и она от всего сердца»;

23 января — Пушкины на балу у обер-церемониймейстера Двора графа И. И. Воронцова-Дашкова, считавшемся главным событием сезона. Дантес ведет себя особенно вызывающе по отношению к Наталии Николаевне, словно желая показать свету, что его недавняя женитьба не более чем ширма. Литератор Н. И. Любимов замечает, что женатый Дантес «не устыдился опять возобновить при всех и как бы в явное поругание над Пушкиным свои ухаживания за его женой». Графиня Долли Фикельмон записывает: «Он (Дантес) так скомпрометировал госпожу Пушкину своими взглядами и намеками, что все ужаснулись, и решение Пушкина было с тех пор принято окончательно»;

24 января — на вечере у Мещерских. Ухаживания Дантеса не прекращаются: «Натали опускает глаза и краснеет под жарким и долгим взглядом своего зятя»;

25 января — вместе с мужем на вечере у княгини Веры Вяземской, где в числе гостей — и Дантес с молодой женой. Раздраженный Пушкин заявляет: «…Мое мщение заставит заговорить свет»;

27 января — (около 4-х часов дня) возвращается со старшими детьми от княгини Е. Н. Мещерской. На Дворцовой набережной ее

экипаж замечает Константин Данзас, секундант поэта, вместе с Пушкиным едущий на парных санях к месту дуэли на Черной речке. В нем вспыхивает надежда, что эта встреча может всё поправить. Но из-за близорукости Наталия Николаевна не замечает мужа, а он смотрит в другую сторону;

вечером раненого Пушкина на руках вносят в дом. Из записок Жуковского: «Жена встретилась в передней — дурнота…»;

Ей разрешают войти к нему в кабинет. Пушкин говорит ей: «Будь спокойна, ты невинна в этом»;

28 января — «Когда поутру кончились его сильные страдания, он сказал Спасскому: «Жену! Позовите жену!» Этой прощальной минуты я тебе не стану описывать…» (Из письма Жуковского);

А. И. Тургенев записывает: «Опять призывал жену, но ее не пустили; ибо после того, как он сказал ей: «Arendt ta condane je suis blesse mortellement» (Арендт сказал мне мой приговор, я ранен смертельно. — фр.), она в нервическом страдании лежит в молитве перед образами».

Пушкин прощается с ней: «Ступай в деревню, носи по мне траур два года и потом выходи замуж, но за человека порядочного».

29 января — «Поутру 29 января он (Пушкин) несколько раз призывал жену». (Из воспоминаний Данзаса);

исполняет просьбу мужа — кормит его моченой морошкой.

«Наталья Николаевна опустилась на колени у изголовья смертного одра, поднесла ему ложечку, другую — и приникла лицом к челу отходящего мужа. Пушкин погладил ее по голове и сказал: «Ну, ну, ничего, слава Богу, все хорошо!» (Из воспоминаний Владимира Даля);

«Спокойное выражение лица его и твердость голоса обманули бедную жену; она вышла как просиявшая от радости лицом. Вот увидите, — сказала она доктору Спасскому, — он будет жив, он не умрет». (Из воспоминаний князя Петра Вяземского);

«Жена подле него. Он беспрестанно берет (ее) за руку». (Из письма А. И. Тургенева);

Узнает о смерти мужа. «С ней сделались самые страшные конвульсии; она закрыла глаза, призывала своего мужа, говорила с ним громко; говорила, что он жив, потом кричала: «Бедный Пушкин! Бедный Пушкин! Это жестоко! Это ужасно! Нет, нет! Это не может быть правдой! Я пойду посмотреть на него!» Тогда ничто не могло ее удержать.

Она побежала к нему, бросилась на колени, то склоняясь лбом к оледеневшему лбу мужа, то к его груди, называла его самыми нежными именами, просила у него прощения, трясла его,

чтобы получить от него ответ». (Из воспоминаний княгиня Веры Вяземской).

Конец января — начало февраля — скорбные дни.

Тяжело переживает несчастье. Графиня Долли Фикельмон свидетельствует: «Несчастную жену с большим трудом спасли от безумия, в которое ее, казалось, неудержимо влекло мрачное и глубокое отчаяние». Исповедуется у царского духовника Василия Бажанова.

I февраля — Наталия Пушкина адресует письмо императору Николаю I: «Целуя отеческую Вашу руку, вся жизнь моя будет молитвою за Вас…»

8 февраля — просит Василия Андреевича Жуковского возвратить ей ее же письма, адресованные прежде мужу: «…мысль увидеть его бумаги в чужих руках прискорбна моему сердцу»;

15 февраля — перед отъездом прощается с друзьями и сестрой Екатериной;

16 февраля — следуя совету супруга, Наталия Николаевна с детьми и сестрой Александрой уезжает в Полотняный Завод. «Вчера выехала из Петербурга Н.Н. Пушкина. Я третьего дня ее видел и с ней прощался. Бледная, худая, с потухшим взором, в черном платье, она казалась тению чего-то прекрасного. Бедная!!!» (Из письма Александра Карамзина);

18 февраля — в день свадьбы с поэтом приезжает в Москву;

февраль 1837 — ноябрь 1838 — живет с сестрой в своем калужском имении и полностью посвящает себя заботам о детях;

11 июня — посылает крестьянина в Болдино с сопроводительным письмом к управляющему имением с просьбой выслать все рукописи и вещи, принадлежавшие поэту;

В Полотняном Заводе ее навещает Павел Воинович Нащокин, близкий друг семьи;

26 августа — вместе с сестрой и детьми, кроме годовалой Таши, приезжает в Ярополец поздравить маменьку с именинами — Натальиным днем;

16 сентября — посылает письмо брату Дмитрию с просьбой прислать за ними лошадей. Просит его добраться до Красного дома и там запечатлеть «нежный поцелуй на челе моей бедной сиротки».

1838–27 апреля — приезжает в Ярополец на свадьбу брата Ивана Гончарова с княжной Марией Мещерской. Н. И. Гончарова — дочери Екатерине в Сульц: «Свадьба состоялась 27 числа прошлого месяца… Все твои сестры и братья приезжали к свадьбе»;

середина мая — серьезно болеет трехлетний Гриша, и

Наталия Николаевна везет его в Москву для консультации с врачами;

22 мая — пишет графу М. Ю. Виельгорскому: «Всего более желала бы я поселиться в той деревне, в которой жил несколько лет покойный муж мой…»;

начало ноября — возвращается в Петербург, где ведет уединенный образ жизни;

декабрь — «Натали выходит мало или почти не выходит, при Дворе не была, но представлялась императрице у тетки (Екатерины Загряжской. —Л. Ч.)… Императрица была очень ласкова с Натали, пожелала посмотреть всех ее детей, с которыми говорила. Это был канун Нового года». (Из письма гувернантки Нины Доля Екатерине Дантес в Сульц);

— по приглашению Александры Федоровны «утром, на частной аудиенции», посещает дворец: «Я нашла императрицу среди своей семьи, окруженную детьми…»

1839 — заказывает петербургскому мастеру Пермагорову памятник-надгробие на могилу мужа в Святогорском монастыре;

лето — проводит с детьми на даче, снятой Е. И. Загряжской, на Каменном острове;

осень — переезжает в Петербург и селится в доме на Почтамтской улице вместе с семейством де Местров.

ноябрь — декабрь — часто навещает приехавшего в Петербург С. Л. Пушкина: «На этот раз мы не застали свекра дома. Его квартира непереносимо пуста и печальна».

1839–1840 — трудные годы жизни в Петербурге. Александра Гончарова просит брата Дмитрия помочь младшей сестре: «Я боюсь за нее. Со всеми ее горестями и неприятностями, она еще должна бороться с нищетой. Силы ей изменяют, она теряет остатки мужества, бывают дни, когда она совершенно падает духом».

1840–24 августа — «Вечер с 7 почти до 12 я просидел у Пушкиной жены и ее сестры. Они живут на Аптекарском, но совершенно монашески. Никуда не ходят и не выезжают», — пишет П. А. Плетнев;

8 ноября — впервые после траура посещает придворный бал вместе с сестрой Александрой, но не танцует.

1841–21 января — принимает дома П. А. Плетнева. «Она (Натали) очень интересна. Я шутя спросил ее: скоро ли она выйдет замуж? Она шутя же отвечала, что, во-первых, не пойдет

замуж, во-вторых, никто не возьмет ее». (Из письма Я. К. Гроту.)

28 февраля — в салоне Карамзиных знакомится с Михаилом Лермонтовым, приехавшим с Кавказа в отпуск. После доверительной беседы поэт просит Наталию Николаевну простить его за предвзятое прежнее мнение о ней: «Я чуждался вас, малодушно поддаваясь враждебным влияниям. Я видел в вас только холодную неприступную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть ее обаяние искренности… Но когда я вернусь, я сумею заслужить прощение и, если не слишком самонадеянная мечта, стать вам когда-нибудь другом». (Из воспоминаний Александры Араповой);

21 марта — Наталия Николаевна с сестрой наносит визит П. А. Плетневу. Он пишет Я. К. Гроту: «Пушкина всегда трогает меня до глубины души своею ко мне привязанностью. Конечно, она это делает по одной учтивости. Но уже и то много, что она старается меня (не имея большой нужды) уверить, как ценит дружбу мужа ко мне…»;

30 апреля — вероятно, приглашена на бал-маскарад в Зимний дворец, завершавший торжества по случаю свадьбы цесаревича

Александра Николаевича с гессенской принцессой Марией. Ее портрет в маскарадном костюме пишет придворный художник Владимир Гау;

май — октябрь — живет в Михайловском, мечтает здесь обосноваться;

июль — узнает о гибели на дуэли Лермонтова. «…Когда весть о его трагической смерти дошла до матери, сердце ее болезненно сжалось. Прощальный вечер так наглядно воскрес в ее памяти, что ей показалось, что она потеряла кого-то близкого! […] — Случалось в жизни, что люди поддавались мне, но я знала, что это было из-за красоты. Этот раз это была победа сердца, и вот чем была она мне дорога». (Из воспоминаний Александры Араповой);

август — устанавливает памятник на могиле Пушкина. Часто встречается с Наталией Ивановной Фризенгоф, оставившей портретные зарисовки ее и детей поэта; собирает гербарий михайловских трав;

октябрь — возвращается с детьми и сестрой в Петербург;

24 декабря — в Рождественский сочельник случайно встречает в английском магазине Николая I. «Его Величество очень милостиво изволил разговаривать с Пушкиной. Это было в первый раз после ужасной катастрофы ее мужа», — сообщает

П. А. Плетнев.

1842–1 апреля — принимает у себя Плетнева, отца и брата поэта. «Все сравнительно с Александром ужасно ничтожны. Но сама Пушкина и ее дети — прелесть», — пишет П. А. Плетнев;

— отвергает предложения нескольких знатных и богатых претендентов на ее руку, один из которых предложил ей отдать детей в казенные учебные заведения, говоря: «Кому мои дети в тягость, тот мне не муж!»

лето — вновь проводит с детьми в Михайловском;

август — весть о смерти любимой тетушки Екатерины Ивановны Загряжской, скончавшейся в Петербурге 18 августа. «Не буду распространяться о том, какое горе для меня кончина моей бедной Тетушки, вы легко поймете мою скорбь… В ней я теряю одну из самых твердых моих опор. Ее бдительная дружба постоянно следила за благосостоянием моей семьи…» (Из письма Наталии Пушкиной графу Г. А. Строганову от 25 августа);

27 августа — Наталии Николаевне исполняется тридцать лет;

конец августа — начало сентября — возвращается с детьми и сестрой в Петербург;

25 ноября — принимает у себя Плетнева. «…Чай пил у Пушкиной (жены поэта), — пишет он. — Она очень мило передала мне свои идеи насчет воспитания детей. Ей хочется даже мальчиков, до университета, не отдавать в казенные заведения. Но они записаны в пажи — и у нее мало денег для исполнения этого плана».

1843 — начало года — на костюмированном балу в Аничковом дворце: Наталия Николаевна предстает в образе библейской Ревекки. «Смотрите и восхищайтесь!» — произносит Николай I;

март — Наталия Пушкина — брату Дмитрию: «Этой зимой императорская фамилия оказала мне честь и часто вспоминала обо мне, поэтому я стала больше выезжать». Художник Владимир Гау пишет ее портрет для альбома императрицы;

18 марта — пишет брату Дмитрию: «…По совету директора гимназии, куда я хочу его (Александра) поместить, я беру ему учителей, которые подготовят его к сдаче экзамена. Это будет тяжелый год в отношении расходов, но, в конце концов, меня вознаградит убеждение, что это решение будет полезно моему ребенку»;

19 мая — «Дети продолжают усердно и регулярно заниматься. […]…К несчастью, я сейчас нахожусь в таком положении, что совершенно теряю голову и обращаюсь к тебе, ты

моя единственная надежда». (Из письма брату Дмитрию);

лето — серьезно болеет и по предписанию врачей уезжает в Ревель на лечение;

осень — приходит печальное известие из Сульца (Франция) о смерти старшей сестры Екатерины Дантес, умершей после родов 17 ноября.

1844 — в начале зимы знакомится с генералом Петром Петровичем Ланским;

май — генерал Ланской (в начале мая он высочайше утвержден в новой должности командира лейб-гвардии Конного полка) просит ее руки и получает согласие;

конец мая — начало июня — Александра Гончарова — брату Дмитрию: «…Таша выходит замуж за генерала Ланского… Он уже не очень молод, но и не стар, ему лет 40…У него благородное сердце и самые прекрасные достоинства. Его обожание Таши и интерес, который он выказывает к ее детям, являются большой гарантией их общего счастья»;

16 июля — венчание с П. П. Ланским, командиром лейб-гвардии Конного полка, в полковой церкви Благовещения в Стрельне. (Ровно девять лет назад она посещает Стрельну вместе с Пушкиным!)

«Николай Павлович (Николай I) отнесся очень сочувственно к этому браку и сам вызвался быть посажёным отцом, но невеста настояла, чтобы свадьба совершилась как можно скромнее; сопровождаемые самыми близкими родственниками, они пешком отправились в Стрельнинскую церковь и там обвенчались. Поэтому Ланскому не пришлось воспользоваться выпавшей ему почестью. Государь понял и оценил мотивы этого решения, прислал новобрачной бриллиантовый фермуар в подарок, велев при этом передать, что от будущего кумовства не дозволит так отделаться». (Из «Сборника кавалергардов»);

19 октября — в день Лицея встречается с П. А. Плетневым: «… Приехала ко мне с визитом бывшая Пушкина (ныне генеральша Ланская) с сестрою. Она непременно хочет, чтобы и нынешний ее дом был для меня тем же, чем был прежний. […]…Я намерен сохранить с ней мои старые отношения; она мать четырех детей моего друга».

1845 — весна — живет в Стрельне;

15 мая — рождение дочери Александры (Ази), в замужестве Араповой, будущим автором воспоминаний: «Наталья Николаевна Пушкина: к семейной хронике жены А.С. Пушкина».

16 июня — император Николай I приезжает на крестины Ази.

«16 июня 1845 года Государь лично приехал в Стрельну. Приняв меня от купели, он отнес матери здоровую, крепкую девочку и, передавая ей с рук на руки, шутливо заметил: — Жаль только одно — не кирасир!» (Из воспоминаний Александры Араповой);

30 (?) октября — принимает у себя дома П. А. Плетнева. «… Пошел… к Ланской-Пушкиной. И муж ее был дома. Он хороший человек». (Из письма П. А. Плетнева от 31 октября);

1 ноября — адресует письмо директору 2-й Петербургской гимназии г-ну Постельсу: «Направляю Вам моего сына (Александра)… Ваши советы, я надеюсь, укрепят его в тех принципах, которые я стремлюсь внушить ему с юных лет…»

1846–23 марта — пишет графу Г. А. Строганову, председателю Опекунского совета над детьми поэта: «.. Я, с чувством совершенной признательности принимая совет Вашего Сиятельства, имею честь уведомить Вас о желании моем, чтобы опекуном над малолетними детьми, оставшимися от первого брака, назначен был супруг мой генерал-майор Петр Петрович Ланской»;

16 апреля — отвечает на письмо Н. И. Тарасенко-Отрешкова, соглашаясь с его желанием прекратить «носить звание опекуна» над малолетними детьми поэта;

20 апреля — рождение дочери Софьи;

октябрь — приглашает к себе П. А. Плетнева, вероятно, чтобы посоветоваться с ним относительно дел, касавшихся опеки над детьми;

7 ноября — приходит весть о назначении П. П. Ланского генерал-майором Свиты Его Величества.

1847–1 января — художник Иван Айвазовский дарит картину «Лунная ночь у взморья» с надписью: «На память Наталии Ланской от Айвазовского»;

декабрь — пишет Плетневу: «Я давно к вам собираюсь, любезный Петр Александрович… […] Мы с вами давно очень не виделись, но я думать не могу и не хочу, чтоб столь искренние связи старинной нашей дружбы могли когда-нибудь прекратиться».

1848–10 февраля — встреча с Плетневым. Накануне посылает ему записку: «Наконец завтра в три часа назначено у нас свидание насчет нового издания «Сочинения Пушкина»; пожалуйста, любезный Петр Александрович, не откажите приехать; я дорожу вашими советами»;

17 марта — рождение дочери Елизаветы;

29 июля — умирает свекор Сергей Львович Пушкин;

2 августа — кончина матери Наталии Ивановны Гончаровой в Яропольце.

1849–13 марта — П. П. Ланскому исполняется пятьдесят лет;

25 марта — освящение в Петербурге церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, храма лейб-гвардии Конного полка. Безусловно, Наталия Николаевна, как супруга командира полка, принимала участие в том знаменательном событии;

3 апреля — в семье отмечают присвоение П. П. Ланскому звания генерал-адъютанта;

26 мая — день памяти поэта: Пушкину исполнилось бы пятьдесят лет;

лето — живет с семьей на даче на Островах и часто встречается с И. К. Айвазовским;

июнь — мечтает переиздать сочинения Пушкина и обращается к книгоиздателю Я. А. Исакову: «…Я заехала к Исакову, которому хотела предложить купить издание Пушкина». Собрание сочинений поэта Исаков издаст лишь в 1859–1860 гг.;

июнь — пишет Ланскому: «Ты знаешь, как я желаю доброго согласия между вами всеми, ласковое слово от тебя к ним (детям), от них к тебе — это целый мир счастья для меня»;

начало июля — позирует художнику Макарову, который пишет ее портрет, отказавшись взять за работу деньги. «Необходимость заставляет меня сказать, в чем состоит мой подарок. Это мой портрет, написанный Макаровым… Прими же, это дар от нас обоих». (Из письма к Ланскому от 4 июля);

7 августа — пишет Ланскому: «Какая женщина равнодушна к успеху, который она может иметь, но клянусь тебе, я никогда не понимала тех, кто создавал мне некую славу»;

17 августа — на вечере у Лавалей встречается с графиней Е. К. Воронцовой. «…Всякая натянутость исчезла, я ей напомнила о нашем очень давнем знакомстве, когда я ей была представлена под другой фамилией, тому уже 17 лет»;

9–10 (?) сентября — встречается с женой Нащокина Верой Александровной. Сообщает Ланскому (от 12 сентября) о просьбе Нащокиной забирать ее сына из училища на праздники: «Я рассчитываю взять его в воскресенье. Положительно, мое призвание — быть директрисой детского приюта: Бог посылает мне детей со всех сторон, и это мне нисколько не мешает, их веселость меня отвлекает и забавляет»;

10 сентября — пишет супругу: «Суета сует, все только суета, кроме любви к Богу и, добавлю, любви к своему мужу, когда он так любит, как это делает мой муж. Я тобою довольна, ты —

мною, что же нам искать на стороне, от добра добра не ищут».

Конец 1849 — начало 1850 — передает пушкинские рукописи издателю Павлу Васильевичу Анненкову. «В это время Ланская, по первому мужу Пушкина, — вспоминал он, — пришла к мысли издать вновь сочинения Пушкина… Она обратилась ко мне за советом и прислала на дом два сундука его бумаг. При первом взгляде на бумаги я увидал, какие сокровища еще в них таятся, но мысль о приятии на себя труда издания мне тогда и в голову не приходила. Я только сообщил Ланской план, по которому… должно быть предпринято издание…»

1851–21 мая — подписывает договор с Иваном Васильевичем Анненковым, братом издателя, и уступает ему право на издание пушкинских сочинений. Позже это право передано биографу поэта П. В. Анненкову;

конец мая — уезжает лечиться за границу, посещает Берлин, Франкфурт, Бонн, Дрезден, Вену;

13 июля — посылает мужу план путешествия: «…Из Остенде до Бонна я поеду по железной дороге. В Бонне я сяду на пароход и… доеду до Мейнца. […] Из Мейнца до Франкфурта — поездом. В Дрездене остановлюсь только, чтобы посмотреть Швейцарию и Саксонию…»

Из курортного городка Годесберг (Германия) пишет мужу: «В глубине души такая печаль, что я не могу ее приписать ничему другому, как настоящей тоске по родине…»;

осень — по возвращении из поездки передает П. В. Анненкову переписку Пушкина-лицеиста с сестрой.

1852–18 января — принимает на домашнем балу сыновей Николая I: молодых великих князей Николая и Михаила Николаевичей.

18 апреля — свадьба сестры Александры с бароном Густавом фон Фризенгофом;

июнь — в Стрельне, в доме Наталии Николаевны, умирает ее престарелый родственник генерал-майор граф Ксавье де Местр;

июль — из Одессы приходит скорбная весть о смерти деверя Льва Сергеевича Пушкина, умершего 19 июля;

10 октября — направляет прошение о внесении ее с детьми в книгу дворянства Московской губернии, так как имеет «недвижимое имение в Волоколамском уезде». Подписывает: «Жительство имею в городе С-Петербурге». После раздела между наследниками яропольцкого имения получает его часть;

23 декабря — сообщает С. А. Соболевскому о предстоящей

свадьбе дочери Наталии с Михаилом Дубельтом: «Партия подходящая во всех отношениях, она дает мне уверенность в счастье моей дочери, так как я знаю в течение многих лет этого молодого человека…»

1853–6 января — пишет князю Петру Вяземскому: «Быстро перешла бесенок Таша из детства в зрелый возраст, но делать нечего — судьбу не обойдешь».

18 февраля — на венчании дочери Наталии с подполковником Михаилом Леонтьевичем Дубельтом в церкви лейб-гвардии Конного полка;

апрель — приходит известие из Бродзян, австрийского имения Фризенгофов, где у сестры Александры 8 апреля родилась дочь Наталия.

1854 — живет в Петербурге «у Синего моста, в доме госпожи Якунчиковой». Поддерживает родственные связи с Елизаветой Пушкиной, вдовой Льва Сергеевича, и ее семейством;

23 августа — рождение первой внучки Наташи Дубельт, названной в ее честь.

1855–1857 — принимает непосредственное участие в издании П. В. Анненковым собрания сочинений Пушкина.

1855–18 февраля — узнает о кончине Николая I, столь много сделавшего добра ей и ее осиротевшим детям. «Смерть императора Николая Павловича… своей неожиданностью нанесла ей вдвойне тяжелый удар. Отец приехал из Зимнего дворца и при мне сообщил ей скорбную весть. Побледневшее лицо словно окаменело под наплывом горя. Неутешно оплакивала она Царя-Благодетеля, собирая, как драгоценные реликвии, все, что относилось к нему». (Из воспоминаний Александры Араповой);

лето (?) — в Петергофе, в коттедже «Александрия», преподносит вдовствующей императрице Александре Федоровне посмертное собрание сочинений поэта, о чем сообщает издателю: «При мне перелистывала книги, повторяя наизусть известные Ей стихотворения»;

август — самоотверженно ухаживает за мужем, заболевшим холерой;

сентябрь — декабрь — едет в Вятку, куда генерал-адъютант Ланской командирован для формирования ополчения. Слободской протоиерей Куртеев записывает: «Теперешняя супруга Ланского была прежде женою Пушкина. Дама довольно высокая, стройная, но пожилая, лицо бледное, но с приятною миною. По отзыву архиерея… дама умная, скромная и деликатная, в

разговоре весьма находчивая».

Хлопочет о судьбе ссыльного писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина, «в память о покойном своем муже, некогда бывшем в положении, подобном Салтыкову».

Посылает письмо директору Императорской Публичной библиотеки барону М. А. Корфу, возмущенная поступком бывшего опекуна Н. Тарасенко-Отрешкова, передавшего в дар книжному собранию «фамильную драгоценность» — похищенные им автографы Пушкина: «Я убеждена, что дети Пушкина за счастье почтут принести в дар Императорской Публичной библиотеке те же самые автографы, но только от своего имени…»;

Пишет П. В. Анненкову: «Если вы убеждены, что статья мнимого сего литератора (Тарасенко-Отрешкова)… послужит ему на стыд и срам, то не хотим его лишать такого справедливого осуждения публики. Что же касается до воровства — то по вашим литературным законам он принужден на затворничество в Смирительный Дом…»;

октябрь — в Вятку приходит весть о рождении внука Леонтия Дубельта (род. 5 октября);

1856 — январь — живет в Москве в родительском доме на Большой Никитской, возобновляет старые знакомства, делает визиты, встречается с поэтессой Евдокией Ростопчиной;

январь — февраль — позирует немецкому художнику Карлу Лашу, пишущему ее портрет;

17 февраля — накануне памятного для нее дня — 25-летия венчания с Пушкиным, несостоявшейся серебряной свадьбы — замечает: «Здесь помнят обо мне как участнице живых картин тому 26 лет назад и по этому поводу всюду мне расточаются комплименты»;

февраль — с дочерью Марией на московских балах по случаю предстоящей коронации Александра II; март — возвращается в Петербург;

7 августа — провожает в Москву мужа — ему поручено доставить из Зимнего дворца императорские регалии для будущей коронации Александра И.

сентябрь — радушно принимает у себя вернувшегося из ссылки Ивана Ивановича Пущина, лицейского друга поэта.

1850-е — вторая половина — здоровье Наталии Николаевны ухудшается, она часто болеет.

1858–8 января — свадьба старшего сына Александра с Софьей Ланской;

30 мая — освящение нового кафедрального Исаакиевского собора в присутствии императора Александра II и августейшего семейства. Наталия Николаевна не могла не быть приглашенной вместе с супругом на это торжество.

1859–26 мая — день памяти: Пушкину исполнилось бы шестьдесят лет;

5 августа — рождение внучки Наташи Пушкиной.

1860–21 марта — умирает старший брат Дмитрий Николаевич Гончаров;

апрель — свадьба дочери Марии с Леонидом Николаевичем Гартунгом, поручиком лейб-гвардии Конного полка;

29 июня — приезжает в Лопасню на венчание брата Ивана Гончарова с Екатериной Васильчиковой.

1861 — начало года — консилиум врачей признает необходимость ее длительного лечения за границей;

май — Наталия Николаевна с мужем и дочерьми (Ланскими) уезжает в Германию. Лечится в курортном городке Швальбахе;

сентябрь — переезжает в Женеву, получает известие о смерти в Москве отца Николая Афанасьевича, умершего 8 сентября. Весть о рождении внучки Анны Дубельт.

конец 1861 — начало 1862 — Наталия Николаевна проводит в Ницце (вместе с ней — дочь Наталия Дубельт с детьми);

навещает на вилле «Пейон» больную императрицу Марию Александровну.

1862–29 января — исполняется четверть века со дня смерти поэта. Заказывает панихиду по убитому мужу в русском православном храме во имя Св. Александры и Св. Николая в Ницце;

зима — весна — живет в Ницце, здоровье ее несколько улучшается;

лето — гостит в Бродзянах (Австрийская империя), имении сестры Александры фон Фризенгоф. В гости к тетушке приезжает и Наталия Дубельт с двумя старшими детьми;

июль — получает известие о рождении внучки Марии Пушкиной (род. 5 июля);

27 августа — отмечает свое пятидесятилетие;

октябрь — вместе с дочерьми Александрой и Наталией, внуками Ташей и Леонтием уезжает из Бродзян на юг Франции, в Ниццу.

1862–1863 — вновь проводит зимние месяцы в Ницце;

1863 — февраль — карнавал в Ницце и последний бал Наталии Николаевны во Дворце савойских герцогов, где ее легендарная красота, по словам дочери Александры, «вспыхнула последним бывалым блеском»;

май — несмотря на запрет врачей возвращается в Россию; лето — живет в Петербурге «на Екатерининском канале, у Казанского моста, в доме Белгарда»; навещает дочерей (Ланских), гостивших в подмосковном имении их старшего брата А.А. Пушкина;

октябрь — едет в Москву на крестины внука Александра Пушкина (род. 3 октября). По возвращении домой болезнь вновь возобновляется, развивается тяжелое воспаление лёгких;

30 октября — пишет брату Ивану: «Пишу тебе лежа в постели. Со времени моего возвращения из Москвы я очень плохо себя чувствовала и только два дня, как мне немного получше»;

ноябрь — (23–25?) — «Громовым ударом поразил нас приговор, что не только дни, но, вероятно, и часы ее сочтены. Телеграммами тотчас выписали Сашу из Москвы, Гришу из Михайловского, Машу из тульского имения». (Из воспоминаний Александры Араповой);

26 ноября — прощается с детьми, собравшимися у нее, благословляет всех, просит дочь Марию передать предназначенные ей письма отца младшей Наталии.

«Мы все шестеро, кроме Таши, пребывавшей тогда за границей, рыдая, толпились вокруг нее, когда по самой выраженному желанию она приобщилась Св. Тайне. Это было рано утром 26 ноября 1863 г. […] Отпечаток величественного неземного покоя сошел на застывшее, но все еще прекрасное чело.

Для верующей души так очевидно было, что там, у подножия Вседающего Христа, в вечном блаженстве, она обрела награду за суровый приговор людской несправедливости!»(Из воспоминаний Александры Араповой).

Наталия Николаевна скончалась в Петербурге, в доме Белгарда на Екатерининском канале.

Погребена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Церкви, храмы и монастыри, связанные с именем Наталии Николаевны

Святые места никогда не лишаются своей святости, какую они получили от сошедшей на них свыше Божественной благодати.

Преподобный Максим Грек

Церковь Знамения Божьей Матери. Имение Знаменское-Кариан Тамбовской губернии.

Построена на средства крестьянской общины при Загряжских. Позднее владелец усадьбы граф Павел Строганов пригласил для росписи храма лучших петербургских живописцев, прежде расписывавших Исаакиевский собор.

В Знаменской церкви, одной из самых красивых на тамбовской земле, крестили Наталию Гончарову.

«Родилась 5-я дочь Наталья в 3 часа утра. Крестили 8 сентября».

(Из дневника дедушки Афанасия Николаевича Гончарова. 1812 г.)

Разрушена.

Церковь Спаса Преображения. Имение Полотняный Завод Медынского уезда Калужской губернии.

Усадебная церковь и родовая усыпальница Гончаровых.

«Имеется церковь Преображения Господня, что на Взгомонях, деревянная, при которой имеется дом свой и фабрика и желает он (Гончаров) вместо оныя деревянной построить каменную».

(Из прошения Афанасия Абрамовича Гончарова. 1736 г.)

Постройка каменного храма завершена в 1741 году. Когда в конце XIX века владельцы усадьбы решили его перестроить, то не получили разрешения Московского Археологического общества, посчитавшего храм «древним и замечательным по своей архитектуре и летописи».

Разрушена.

Храм Христа Спасителя. Имение Ильицыно Зарайского уезда Рязанской губернии.

Усадебная церковь Гончаровых.

Каменный храм возведен в 1786 году на месте деревянной церкви Екатериной Андреевной Гончаровой, прабабушкой

Натали.

В детстве и юности Наталия Гончарова, бывая в родовом имении, посещала службы в Спасской церкви.

«Любезный Дединька! Я воспользуюсь сим случаем, дабы осведомиться о Вашем здоровии и поблагодарить Вас за милость, которую Вы нам оказали, позволив нам провести лето в Ильицыно».

(Из письма Натали дедушке Афанасию Николаевичу Гончарову. 28 июня 1828 г.)

Иверская часовня у Воскресенских ворот. Москва.

Начиная с декабря 1830 года «Наталия Ивановна Гончарова возила дочь свою и ее жениха по соборам и к Иверской».

(Запись П. И. Бартенева со слов П. В. Нащокина.)

«Сейчас еду Богу молиться…»

(Пушкин — Павлу Нащокину. Декабрь 1830 г.)

Перед венчанием вместе с матерью и Пушкиным Натали ездила к чудотворной иконе Иверской Божьей Матери, именованной также Вратарницей. Вероятней всего, в день празднования Иверской иконы — 12 февраля (!) Без молитвы пред чудотворным образом не принято было начинать важных дел, и уж тем более играть свадьбу.

Разрушена и восстановлена.

Храм Большого Вознесения у Никитских ворот. Москва.

Приходская церковь семьи Гончаровых.

Более старое название — церковь Вознесения Господня на Царицынской улице. Часть Большой Никитской от площади Никитских ворот до Земляного вала в конце XVII–XVIII вв. называлась Царицынской улицей по двору царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, находившемуся поблизости, в одном из арбатских переулков.

Храм заложен в 1798 году на месте старой церкви, возведенной еще царицей Натальей Нарышкиной, но строительство завершилось лишь в 1840-х годах. Его называли «лучшим памятником церковного зодчества той эпохи», сочетавшим в архитектуре классику и элементы утонченного ампира.

18 февраля 1831 года в храме Большого Вознесения Наталия Гончарова венчалась с Пушкиным. Венчали молодых в одном из действовавших его приделов, в трапезной, так как храм еще строился.

«Февраля восьмого на десять числа в доме Коллежского Асессора Николая Афанасьевича Гончарова женился 10 Класса

Александр Сергеич Пушкин 1-м браком. Понял за себя Коллежского Асессора Николая Афанасьевича Гончарова дочь девицу Наталию Николаевну Гончарову».

(Из церковной метрической книги.)

Конечно же, ранее, 6 апреля 1831 года, в Светлое Христово Воскресение и знаменательный для поэта и Натали день, — родители Гончаровы ответили согласием на предложение поэта, — Пушкин с невестой были на пасхальном богослужении в храме.

В советские времена храм закрыли, переоборудовав под завод, а затем — под лабораторию высокочастотных разрядов.

В начале 1990-х храм восстановлен. Стало традицией: ежегодно, в день венчания Пушкина и Наталии Гончаровой, проводить благодарственные молебны.

Церковь Живоначальной Троицы на Арбате. Москва.

Троицкая церковь стала первым приходским храмом молодой четы Пушкиных, после свадьбы поселившихся на Арбате.

«…Нанял я, Пушкин, собственный г-на Хитрово дом… в приходе Троицы что на Арбате, каменный, двухэтажный с антресолями…»

(Из маклерской книги за январь 1831 года о найме Пушкиным дома на Арбате.)

Велика вероятность, что 19 апреля 1831 года, в Светлое Воскресение, Александр и Наталия Пушкины слушали в своем храме праздничную службу. (После пасхальной недели Пушкин предполагал переехать в Петербург: «После святой отправляюсь в П. Б.»)

Церковь стояла на углу Арбата и Денежного переулка. Деревянная ее постройка известна с 1639 года; каменные стены возведены стрельцами в 1650-м. В царствование Анны Иоанновны церковь с приделами: Св. Николая, Прокопия и Иоанна Устюжских, Тихвинской Божьей Матери, заново перестроена и освящена. Церковный двор славился великолепной кованой оградой.

> «Тут и Троице-Арбатская церковь, с церковным двором, даже садиком, вытянутым дорожкою в Денежный; там — и ворота; в воротах — крылатый спаситель; колодезь и домики: домик дьячковский, поповский и дьяконский…»

(Андрей Белый. «Старый Арбат».)

В 1912 году обновленный храм (иконостас вызолочен, стены

украшены живописью и орнаментами) был вновь освящен.

Храм закрыт в 1930 году и вскоре разрушен; на его месте (Арбат, 57–59) построено новое здание.

Сергиевский «всей артиллерии» собор (Собор Преподобного Сергия Радонежского). Петербург.

Сооружен в 1796–1800 гг. для мастеровых Литейного двора и артиллерийской слободы. В 1803 году получил статус собора; в 1832-м передан в военное ведомство.

В июне 1832 года крещена дочь Мария.

Спустя ровно сто лет, в 1932-м, храм закрыт. Здание собора на улице Чайковского (бывшей Сергиевской) передано одному из ведомств.

Церковь Рождества Святого Иоанна Предтечи на Каменном острове. Петербург.

В ней крещены дети Пушкиных: Александр (в июле 1833-го), Григорий (в июне 1835-го) и Наталия (в июне 1836-го).

Храм во имя Святого Пантелеймона. Петербург.

Один из первых в Петербурге. Возведен по замыслу Петра I (уже после его кончины): свои главные победы в Северной войне — при Гангуте в 1714-м и при Гренгаме в 1720-м — русский флот одержал 27 июля, в день Святого Пантелеймона.

Располагался напротив дома гвардейского капитана Оливье, что на Пантелеймоновской улице, где в 1833–1834 гг. Пушкины снимали квартиру.

Приходской храм Пушкиных.

Спасо-Преображенский собор. (Собор Преображения Господня всей гвардии). Петербург.

Возведен в 1832–1833 гг. в память о победе в Русско-турецкой войне (1828–1829). Церковный двор обнесен необычной чугунной оградой, в основе которой — стволы трофейных пушек, взятых со стен сдавшихся турецких крепостей и увенчанных двуглавыми орлами.

Здесь, 31 марта 1836 года, Наталия Николаевна вместе с мужем и его семьей была на отпевании свекрови Надежды Осиповны Пушкиной.

Иосифо-Волоцкий монастырь. Волоколамский уезд Московской губернии.

Вместе с сестрами и матерью совершала паломничества в монастырь, когда в детстве и юности жила в ярополецкой усадьбе.

Бывала на богомольях вместе с дочерьми от второго брака.

На погосте Иосифо-Волоцкого монастыря похоронена ее мать Наталия Ивановна Гончарова.

Церковь Рождества Святого Иоанна Предтечи. Имение Яропольц Волоколамского уезда Московской губернии.

Усадебная церковь Загряжских-Гончаровых с приделами Св. мученицы Екатерины и благоверного князя Бориса.

> «…Когда Наталия Николаевна приходила в церковь к обедне, никто уже не мог молиться: все любовались ее необыкновенной красотой».
>
> *(Из книги И. Ободовской и М. Дементьева «Пушкин в Яропольце».)*

Большая церковь Зимнего дворца (Собор Спаса Нерукотворного образа) Петербург.

Один из великолепнейших соборов северной столицы, имевший статус придворного.

Храмовый образ Спасителя, украшенный золотой ризой с бриллиантами, написан в конце XVII века. В ризнице собора хранились древние святыни, поднесенные Павлу I мальтийскими рыцарями: икона Филермской Божьей Матери, по преданию кисти евангелиста Луки, десница Св. Иоанна Предтечи, ковчег с частью Ризы Господней. Здесь хранились иконы, кресты, множество бесценных реликвий, принадлежавших русским императорам и императрицам, а также метрическая книга Дома Романовых.

Наталия Николаевна неоднократно бывала на службах в церкви Зимнего дворца.

> «…Ваша очаровательная сестра получила шифр 6-го после обедни, которую она слушала на хорах придворной церкви, куда ходила, чтобы иметь возможность полюбоваться прекрасной мадам Пушкиной, которая в своем придворном платье была великолепна, ослепительной красоты. Невозможно встретить кого-либо прекраснее, чем эта любезная дама, которая, я полагаю, и вам не совсем чужая».
>
> *(Из письма Екатерины Гончаровой брату Дмитрию. Петербург. Декабрь 1834 г.)*

6 декабря 1836 года Наталия Николаевна вместе с мужем — на торжественной службе по случаю тезоименитства Государя.

«Я не знал, слушать ли или смотреть на Пушкину и

ей подобных… Жена умного поэта и убранством затмевала всех».

(Из письма А. И. Тургенева, бывшего в церкви на службе, А. Я. Булгакову. 7 декабря 1836 г.)

«Пушкина первая по красоте и туалету».

(Из дневника А. И. Тургенева. 6 декабря 1836 г.)

6 января 1837 года Пушкин с женой — на литургии в честь праздника Богоявления; с крестным ходом они прошли по залам Зимнего дворца, спустились к набережной Невы, с устроенной на реке Иорданью. Присутствовали при окроплении воинских знамен и штандартов.

Исаакиевский собор (Собор Преподобного Исаакия Далматского) Петербург.

Освящен во имя святого, почитаемого Петром I, поскольку император родился в день его памяти — 30 мая.

Наталия Пушкина присутствовала на венчании старшей сестры Екатерины с Жоржем Дантесом 10 января 1837 года. Поскольку жених и невеста принадлежали к разным вероисповеданиям, обряд венчания совершался дважды: в римско-католическом храме Св. Екатерины, что на Невском проспекте, и в православном Исаакиевском соборе.

«Наталия Николаевна присутствовала на обряде венчания, согласно воле своего мужа, но уехала сейчас же после службы, не оставшись на ужин».

(Из воспоминаний Александры Николаевны Гончаровой.)

Исаакиевский собор временно размещался в церкви Адмиралтейства, так как само здание собора было еще в лесах. Строительство завершилось лишь в 1858-м. Надо полагать, что в том же году, 30 мая, в день памяти преподобного Исаакия Далматского, Наталия Николаевна с супругом присутствовала на освящении нового кафедрального собора.

Перед собором на площади, с возведенными для гостей трибунами и при большом стечении народа, парадным маршем прошли элитные войска.

Почтил торжество и сам император Александр II с августейшим семейством.

Наталия Николаевна и позже бывала на службах в великолепном Исаакиевском соборе.

Храм Спаса Нерукотворного образа. Петербург. На Конюшенной площади (Храм придворного Конюшенного Ведомства).

Здесь 1 февраля 1837 года отпевали Пушкина.

Первоначально предполагалось отпевать поэта в церкви Адмиралтейства (Исаакиевском соборе). Сохранилось приглашение на отпевание, составленное от имени вдовы поэта:

> «Наталья Николаевна Пушкина, с душевным прискорбием извещая о кончине супруга ея, Двора Е. И. В. Камер-Юнкера Александра Сергеевича Пушкина, последовавшей в 29-й день сего Января, покорнейше просит пожаловать к отпеванию тела его в Исаакиевский Собор, состоящий в Адмиралтействе, 1-го числа Февраля в 11 часов до полудня».

После возвращения в столицу осенью 1838 года Наталия Николаевна жила неподалеку от храма Спаса Нерукотворного образа, у Конюшенного моста. Там еще служил протоиерей Петр Песоцкий, причащавший перед кончиной Пушкина. Он же и отпевал поэта. Возможно, и Наталия Николаевна слышала от отца Петра те же слова, что произнес он в день смерти Пушкина: «Я стар, мне уже недолго жить… Я для себя самого желаю такого конца, какой он имел».

Святогорский монастырь. Святые Горы Псковской губернии.

В соборной Успенской церкви, у древних стен которой похоронен Пушкин, вдова поэта заказывала панихиды по погибшему мужу. Через четыре года после кончины поэта Наталия Николаевна установила на его могиле мраморный памятник-надгробие.

> «Сейчас я еду в монастырь на могилу Пушкина».
>
> *(Из письма Н.Н. Пушкиной брату Дмитрию. 20 мая 1841 г.)*

> «Мое пребывание в Михайловском, которое вам уже известно, доставило мне утешение исполнить сердечный обет, давно мною предпринятый. Могила мужа моего находится на тихом уединенном месте…»
>
> *(Из письма Н.Н. Пушкиной П. В. Нащокину. Декабрь 1841 г.)*

Мечтала поселиться в Михайловском, чтобы иметь возможность приводить «сирот на могилу их отца и утверждать в

юных сердцах их священную его память».

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы лейб-гвардии Конного полка в Стрельне. Под Петербургом.

Венчалась со вторым супругом генералом П. П. Ланским 16 июля 1844 года.

> «…В Метрической книге Церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, что Лейб-Гвардии при Конном полку за 1844-й год… значится: командующий Л.-Гв. Конным полком генерал-майор Петр Петров Ланской, православного исповедания сорока трех лет от роду, повенчан первым браком со вдовою, по первому ее браку с умершим камер-юнкером Двора Его Императорского Величества Пушкиным, Наталией Николаевной Пушкиной, православного исповедания, тридцати одного года от роду».
>
> *(Свидетельство о бракосочетании Н.Н. Пушкиной и П. П. Ланского.)*

> «Николай Павлович (Николай I) отнесся очень сочувственно к этому браку и сам вызвался быть посажёным отцом, но невеста настояла, чтобы свадьба совершилась как можно скромнее; сопровождаемые самыми близкими родственниками, они пешком отправились в Стрельнинскую церковь и там обвенчались. Поэтому Ланскому не пришлось воспользоваться выпавшей ему почестью. Государь понял и оценил мотивы этого решения, прислал новобрачной бриллиантовый фермуар в подарок, велев при этом передать, что от будущего кумовства не дозволит так отделаться».
>
> *(Из «Сборника кавалергардов».)*

> «Когда отец явился к Государю с просьбой о дозволении ему жениться, Николай Павлович ответил ему:
>
> — Искренне поздравляю тебя и от души радуюсь твоему выбору! Лучшего ты не мог бы сделать. Что она красавица, это всякий знает, но ты сумел оценить в ней честную и прямую женщину. Вы оба достойны счастья, и Бог пошлет вам его. Передай своей невесте, что я непременно хочу быть у нее посажёным отцом и сам благословить ее на новую жизнь.
>
> 16 июля 1844 года, после полудня скромный кортеж

направлялся пешком в приходскую церковь Стрельны — летней стоянки Конного полка».

(Из воспоминаний Александры Араповой.)

Не сохранилась.

Храм иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость».

(Воскресенская церковь). Петербург. На Шпалерной улице.

Освящен в 1711 году в память счастливого завершения Прутского похода.

Известен чудотворной иконой Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость».

Царевна Наталья Алексеевна, сестра Петра I, переезжая со своим Двором в Санкт-Петербург, вывезла из московской церкви Преображения Господня, что на Ордынке, этот чудотворный образ.

Перед иконой в усыпанном драгоценными камнями золотом окладе молились все русские цари и царицы от Екатерины I до Александра I.

«…Я взяла извозчика, чтобы отвезти моего молодого человека (сына Григория. —А. Ч.) в церковь Все Скорбящие. Когда мы приехали туда, то не смогли отслужить молебна, так как священник был в отсутствии… И я решила отложить молебен до воскресенья, и велев ему приложиться к иконе, вернулась…»

(Из письма Наталии Николаевны П. П. Ланскому. 31 августа 1849 г.)

После 1917-го храм разграблен и закрыт, а чудотворная икона «Всех Скорбящих Радость» перенесена в Спасо-Преображенский собор.

Ныне храм восстановлен и возвращен верующим.

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы при лейб-гвардии Конном полку. Петербург.

Возведена по проекту архитектора Тона в русско-византийском стиле. По богатству и внутреннему убранству считалась одной из красивейших в Петербурге. На церковных стенах укреплены бронзовые доски с именами героев, офицеров полка, павших под Аустерлицем и Бородино. В витринах хранились мундиры Александра I Николая I, августейших шефов полка, как «знак царской любви к войскам».

Храм освящен 25 марта 1849 года в день полкового праздника Благовещения в присутствии императора Николая I. Наталия Николаевна, как супруга командира полка, генерала Петра Петровича Ланского, несомненно, участвовала в том знаменательном событии.

В этой церкви, 18 февраля 1853 года, она была на венчании дочери Наталии с подполковником Михаилом Дубельтом. П. П. Ланской, как командир лейб-гвардии Конного полка (9.05.1844–6.12.1853), имел дарованную императором привилегию — быть погребенным в полковом Благовещенском соборе. Но генерал отказался от этой почести ради того, чтобы «быть ближе» к его Наташе в ином мире… В мае 1877-го П. П. Ланской похоронен на старом Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Петербургская церковь Благовещения взорвана в 1929 году.

Петропавловский собор. Петербург.

Царская и великокняжеская усыпальница.

Наталия Николаевна не единожды бывала здесь на молебнах. Присутствовала на панихиде по великому князю Михаилу Павловичу, младшему брату императора Николая I, в сентябре 1849-го.

> «Рядом со мной все время стояла госпожа Охотникова, которая заливалась слезами, г-жа Дивен сумела выжать несколько слезинок. Другие дамы тоже плакали, а я не могла».
>
> *(Из письма Наталии Николаевны П. П. Ланскому от 19 сентября 1849 г.)*

Церковь Рождества Иоанна Предтечи при Пажеском корпусе. Петербург.

Была на венчании старшего сына Александра с Софьей Ланской.

Софья Ланская, племянница Петра Петровича Ланского, осиротев, с 1844 года воспитывалась вместе с братьями Павлом и Петром в семействе дядюшки. С Наталией Николаевной ее связывали самые добрые родственные отношения.

> «…Соня была круглая сирота; мать знала ее с самого детства, изучила ее тихий кроткий нрав, те сердечные задатки, из которых вырабатывается редкая жена и примерная мать […] Одним словом, этот брак являлся для матери исполнением заветной мечты…»

(Из воспоминаний Александры Араповой.)

«…В метрической 1858 года книге церкви Пажеского Корпуса под № 1 показано: Лейб-гвардии Конного полка поручик Александр Александров Пушкин, православный, первым браком, двадцати четырех лет, умершего отставного полковника Александра Петрова Ланского с дочерью девицею Софьею Александровной, православной, первым браком, двадцати лет повенчаны…»

(Свидетельство С.-Петербургской духовной консистории.)

«…Браком сочетался с женою моею 8-го января 1858 года в С.-Петербурге в Пажеском корпусе…»

(Из прошения А.А. Пушкина в Московское Дворянское депутатское собрание.)

Вне сомнений, Наталия Николаевна бывала в этой церкви и раньше, — во время учебы сыновей, Александра и Григория Пушкиных, в «Пажеском Его Императорского Величества Корпусе».

Храм Зачатия Святой Праведной Анны. Село Лопасня Серпуховского уезда Московской губернии.

Усадебная церковь Васильчиковых, Гончаровых, Ланских и Пушкиных.

Храм возведен на средства стольника Саввы Васильчикова в 1689 году и спустя пять лет освящен. В 1821 году его далекий потомок полковник Н. И. Васильчиков пристраивает к храму трапезную с приделами и величественную трехъярусную колокольню, увенчанную ротондой.

Наталия Николаевна была на венчании брата Ивана Гончарова с Екатериной Васильчиковой 29 июня 1860 года.

В Анно-Зачатьевской церкви причащались и венчались дети и внуки Наталии Николаевны и Пушкина. В ней крестили одних их потомков и отпевали — других.

Пушкинский некрополь — застывшее в мраморных надгробиях родословие: старший сын поэта генерал Александр Александрович Пушкин, его супруга Софья Александровна, урожденная Ланская, внук поэта полковник Григорий Пушкин и его младший брат, корнет драгунского Сумского полка, Сергей Пушкин, застрелившийся из-за неразделенной любви. Рядом — его тезка и племянник Сережа Пушкин, умерший в детстве. Похоронена на родовом погосте и правнучка поэта Софья

Павловна Воронцова-Вельяминова.

Храм во имя Святой Александры и Святителя Николая. Ницца. Заложен в декабре 1858 года на улице Лоншан.

Являлась прихожанкой русского православного храма, когда в 1861–1863 годах, исполняя предписание врачей, вынуждена была жить на Лазурном берегу, в теплом средиземноморском климате.

Казанский кафедральный собор. Петербург.

Молилась в соборе, когда в 1863 году жила «в Петербурге на Екатерининском канале, у Казанского моста, в доме Белгарда».

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Москва.

Благовещенская церковь, что «за Тверскими воротами в Стрелецкой слободе», известна с XVII века. Церковь, построенная в стиле русского барокко, стояла в глубине от Тверской, на улицу выходила лишь колокольня, окруженная узорчатой чугунной оградой с редкостной красоты воротами.

В Благовещенской церкви в октябре 1863 года Наталия Николаевна крестила внука Александра Пушкина.

Церковь разрушена в 1929 году.

Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. Петербург.

Основана в 1713 году. Упоминается впервые в июле 1710 года, когда Петр I осмотрел это место близ речки Монастырки. Первая по значимости усыпальница в императорской России.

По велению Петра I мощи святого князя Александра в 1724 году были перевезены из Рождественского собора во Владимире в Санкт-Петербург, в возведенный на берегах Невы новый Троицкий Александро-Невский монастырь. Государь сам вывел в устье Ижоры императорскую галеру, на борт которой с величайшими почестями был перенесен прах славного полководца.

«Невский монастырь окончен. Петр из Владимира перенес мощи князя — (30 августа)», — записал Пушкин в «Истории Петра».

При дочери Петра I императрице Елизавете гробница Александра Невского была сооружена «из первообретенного при Ее благословенной державе серебра». Величественный саркофаг полководца украсили барельефы с изображениями батальных сцен. На щитах — чеканные надписи: прах благоверного великого князя Александра Невского перевезен Петром I «на место древних и новых побед».

При Павле I, с 1797 года, монастырь стал именоваться

Лаврой.

Живя долгое время в Петербурге, Наталия Николаевна не могла не бывать в прославленной обители. Косвенно упоминание о посещениях есть в письме к Ланскому (1849 г.): «Когда началось чтение молитв, пришло много монахов, мне кажется — весь невский монастырь собрался здесь».

Сведений об отпевании Наталии Николаевны нет. Вероятно, обряд был совершен в монастырском кафедральном Свято-Троицком соборе. Похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

На черном гранитном саркофаге надпись:

«Наталья Николаевна Ланская Род. 27 августа 1812 г.

Сконч. 26 ноября 1863 г.».

Храмы и монастыри, в которых могла бывать Наталия Николаевна

Никитский женский монастырь. Москва.

Находился в начале Большой Никитской улицы, где стоял московский дом Гончаровых.

Монастырь основан в XVI веке боярином Никитою Романовым, дедом царя Михаила Федоровича. Особо пострадал он во время пожара 1812 года, осталась только церковь Дмитрия Солунского. Был восстановлен на частные пожертвования.

В монастыре бывал Пушкин (сохранились свидетельства современников пота).

Последний монастырский храм закрыт в декабре 1929 года.

Разрушен.

Церковь Александра Невского и Сергия Радонежского в доме генерал-губернатора на Тверской. Москва.

Церковь устроена в 1807 году и первоначально освящена во имя Св. Александра Невского. При обновлении в 1892-м стала именоваться в честь двух прославленных русских святых.

В юности Натали Гончарова играла в «живых картинах» в особняке московского генерал-губернатора князя Дмитрия Голицына. Не единожды бывая здесь на торжествах, могла молиться в домовой церкви.

Не сохранилась.

Церковь во имя Рождества Богородицы. Москва.

Домовая церковь князя Сергея Михайловича Голицына, тайного советника, члена Государственного совета, в его особняке на Волхонке.

Основана в 1766 году, находилась на втором этаже правого крыла дома.

Первоначально Пушкин хотел венчаться с невестой в этой церкви, но митрополит московский Филарет не дал своего согласия.

«Хотели венчать их в домовой церкви кн. Сергея Михайловича Голицына, но Филарет не позволяет. Собирались его упрашивать; видно, в домовых нельзя…»;

«Филарет таки поставил на своем: их обвенчали не у кн. Сергея Михайловича, а у Старого Вознесенья».

(Из писем А. Я. Булгакова брату. 18–19 февраля 1831 г.)

Не сохранилась. Иконостас домовой церкви при ее закрытии перенесен в храм села Алексеевского.

Церковь Николы Явленного на Арбате. Москва.

Построена в 1593 году по велению Бориса Годунова. Каменный храм (первый на Арбате!) назвали «Явленным» по явленному образу Святителя Николая. В 1761 году устроен Ахтырский придел с иконой Ахтырской Божьей Матери, пожертвованной императрицей Елизаветой Петровной.

«Роскошнейшие формы дал тип обширных надвратных шатровых колоколен, входивших в замкнутые когда-то ограды храмов. Самая выдающаяся из них принадлежит церкви Николы Явленного на Арбате».

(Из московского путеводителя.)

Шатровый верх колокольни за необычайную красоту называли «царской шапкой большого наряда».

«Недалеко от нашего дома, в улице, названной Арбат, есть довольно старинная церковь во имя Св. Николая. Туда каждое воскресенье и каждый праздник уже несколько лет сряду сходится большое число людей слушать славного проповедника и плакать, слушая его; там видела я даже А.С. Пушкина».

(Из письма Марии Мухановой писателю и драматургу Михаилу Лобанову в Петербург. Февраль 1830 г.)

Следовательно, поэт бывал в церкви Николы Явленного и до женитьбы: автор этих строк могла видеть Пушкина в московском храме осенью 1829-го. И, бесспорно, поселившись на Арбате, поэт приходил в старинный храм вместе с молодой супругой «слушать славного проповедника».

Разрушена.

Церковь Николая Чудотворца в Плотниках. Москва.

Возведена в 1625 году. Стояла на углу Никольского, ныне Плотникова переулка, и Арбата. По указу первого царя из Дома Романовых Михаила Федоровича, желавшего восстановить Москву после польского нашествия и украсить ее новыми храмами, со всей Руси собирались искусные плотники. Их селили на Арбате, в плотницкой слободе (отсюда и название переулка), ими же была построена и церковь во имя Николы.

В 1700-м, после неоднократных пожаров, возведен каменный храм, позднее — трехъярусная колокольня. В то время когда чета Пушкиных жила на Арбате, в храме находилась редкостная и почитаемая чудотворной икона Балыкинской Божьей Матери.

В этом храме прежде молились и исповедовались родители поэта и их сын — восьмилетний Александр Пушкин, о чем свидетельствует запись в церковной исповедной книге: в начале 1807 года Пушкины переехали в дом «девицы Пелагеи Александровны Вельяминовой», числившийся в приходе храма.

«Молодые Пушкины, до переезда весною в Царское Село, жили со дня свадьбы во втором ярусе большого дома на Арбате, между церквами Николы в Плотниках и Св. Троицы».

(Записано со слов П. В. Нащокина Петром Бартеневым.)

Храм разрушили в 1932-м, по другим данным — в 1933-м. И вскоре на его месте появился внушительных размеров жилой кирпичный дом.

Но мало кто из вечно спешащих прохожих тогда знал, что в том арбатском доме жила внучка самого Александра Пушкина! Перед печальным пушкинским юбилеем 1937 года московские власти выделили Анне Александровне Пушкиной квартиру в новом доме. Вместе с ней жили и ее внучатые племянники Борис и Сергей Пушкины.

И могла ли ведать Наталия Пушкина, поселившись с мужем на старинной московской улице, что через столетие храмы снесут, а на месте одного из них построят дом, где будут жить её внучка и далекие праправнуки? А на стене одной из комнат будет висеть ее портрет работы английского художника Томаса Райта…

Улица Арбат словно взята под длань Святителя Николая — три храма в честь Святого Угодника (еще одна церковь Николая Чудотворца на Песках) были воздвигнуты на ней. Потому и называлась она улицей Святого Николая. (В храме Живоначальной Троицы основан придел в честь Николая Чудотворца).

И хотя разрушенные церкви остались лишь в памяти москвичей-старожилов, святость этих мест, по слову преподобного Максима Грека, не исчезла.

Церковь Знамения Божьей Матери. Царское Село.

(Близ Царскосельского Лицея.)

5 июля 1831 года перед чудотворным образом «Знамения Божьей Матери», древней родовой иконой Дома Романовых, в церкви служили молебен об избавлении Царского Села от холеры. Затем с иконой «Знамения» был совершен крестный ход, завершившийся молебном перед Большим дворцом.

Вероятно, приняла в нем участие и чета Пушкиных, снимавшая в то время дачу в Царском Селе.

Дворцовая церковь (Церковь Воскресения Христова). Царское Село.

Пятиглавый дворцовый храм возведен по проекту архитектора Растрелли в 1749 году.

22 августа 1831 года молодая жена поэта, вероятно, принимает участие в крестинах великого князя Николая Николаевича;

5 сентября того же года в Дворцовой церкви отслужен благодарственный молебен по поводу окончания военных действий в Польше.

«…Обоего пола особы, проживающие в Царском Селе и Павловске… по учиненной накануне сего числа Высочайшего Двора словесной повестке, съехались в Большой дворец в 12 часов полудня. Дамы в круглом платье, а кавалеры в парадных мундирах».

На торжественном молебне могли присутствовать поэт с супругой.

Свято-Троицкий кафедральный собор. Калуга.

Наталия Николаевна нередко посещала Калугу и не могла не побывать в одном из красивейших городских соборов.

Успенский кафедральный собор в Свято-Тихоновой пустыни. Калужская губерния.

Свято-Тихонова пустынь, основанная святым отшельником Тихоном Медынским, находилась неподалеку от усадьбы Полотняный Завод. В XIX веке обитель переживала период расцвета: известны многие исцеления у источника преподобного Тихона. А сам святой был весьма почитаем в семействе Гончаровых.

Храм Казанской иконы Божьей Матери. Ярополец Волоколамского уезда Московской губернии.

Усадебная церковь и усыпальница графов Чернышевых.

Величественный собор возведен неподалеку от яропольцкого имения Гончаровых.

Храмы и церкви Вятки.

Православные церкви Ревеля.

Монастыри и храмы Калуги и ее окрестностей.

Соборы Московского Кремля.

Московские монастыри: Новодевичий, Страстной, Донской, Чудов, Сретенский, Заиконоспасский, Знаменский и другие славные обители.

Монастыри и храмы Петербурга и его окрестностей: Павловска, Петергофа, Стрельни.

notes

Примечания

1

Екатерина Андреевна Гончарова, во втором браке Новосильцова. Мать Афанасия Николаевича Гончарова.

2

Из воспоминаний Александры Петровны Араповой, урожденной Ланской, дочери Наталии Николаевны от второго брака.

3

Имеется в виду Ф. М. Мусин-Пушкин — двоюродный дядя Натали.

4

Иван Васильевич Анненков (1814–1887) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, служил в лейб-гвардии Конном полку. Автор «Истории лейб-гвардии Конного полка от 1731 до 1848 г. «Был «поручителем по невесте» во время бракосочетания Н.Н. Пушкиной с П. П. Ланским в июле 1844 г.

5

Речь идет о совместном издании альманаха.

6

А. О. Ишимова, детская писательница. Утром 27 января 1837 года накануне дуэли Пушкин написал ей свое последнее письмо с благодарностью за ее книгу.

7

Название Таллинна до 1917 г.

8

Гельсингфорс — шведское название Хельсинки.

9

Александр Петрович — родной брат Петра Петровича Ланского.

10

Фрейлина Загряжская Екатерина Ивановна.

11

Николай I.

12

Турн де Таксис — старинный княжеский немецкий род.

13

Княжеский род в Германии.